

Майк Хокни

Майк Хокни Заговор Армагеддона

Предисловие

В архивном отделе штаб-квартиры МИ-5 в лондонском Темз-хаусе хранится документ, известный под названием «Судьба Каинитов» — документ, которому по сей день нет объяснения. 22 мая 1945 года, вскоре после окончания Второй мировой войны, британские солдаты арестовали штурмбаннфюрера СС Фридриха Фельдта, адъютанта рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Солдаты обнаружили документ, спрятанный в тайнике в каблуке одного из сапог Фельдта. Как только офицеры МИ-5 начали его допрашивать о документе, Фельдт покончил с собой, раскусив капсулу с цианидом, спрятанную в искусственном зубе.

Документ представляет собой единственную страницу из личного дневника Фельдта. Остальные страницы так и не были найдены и предположительно утрачены или уничтожены. Запись описывает момент 12 марта 1938 года, когда Гитлер завладел Копьём Судьбы — копьём, пронзившим бок Иисуса Христа во время Распятия.

Рейнхардт Вайс, уроженец Германии, профессор истории Кембриджского университета, привлечённый МИ-5 для перевода и интерпретации страницы, заявил, что её содержание опровергает любую известную ему версию истории — как мировой, так и нацизма в частности. По его убеждению, это был важнейший документ на земле, а будущее всего мира зависело от того, что в нём написано. Когда МИ-5 отвергла его выводы и объявила «Судьбу Каинитов» бредовыми фантазиями нацистского безумца, Вайс бросил работу и уехал в Америку — готовиться к тому, в неизбежности чего был убеждён.

Глава 1

24 апреля 2012 года. Лондон

Люди почувствовали это ещё до того, как оно случилось. В три часа ночи по Гринвичу все жители планеты — в каждом часовом поясе — одновременно ощутили один и тот же внезапный ужас, словно земля перешагнула через собственную могилу. Никто не решился заговорить об этом. Разбуженные посреди ночи закрывали глаза и молились, чтобы это оказалось кошмаром; те, кто сидел в офисах, возвращались к своим компьютерам; те, кто вёл разговор, пытались продолжить прерванную мысль.

К семи утра Лондон готовился к тому, что все надеялись назвать обычным вторником. Лондонцы ехали на работу как обычно, вели обычные разговоры с обычными людьми, делали обычные пересадки в поездах, автобусах и метро, соблюдали все привычные ритуалы. Уже месяц над юго-востоком Англии висела жара, и сегодня всё шло по той же схеме. Большинство служащих надели лёгкую летнюю одежду, стараясь как-то справиться с духотой. Следующие несколько часов прошли в обычном режиме.

В час дня старший аналитик Джеймс Вернон вышел из штаб-квартиры МИ-5, выходящей окнами на Темзу, и отправился на обед со своим ассистентом Гэри Колдуэллом. Как обычно в жаркие дни, они направились в ближайшее итальянское кафе на открытом воздухе на набережной.

Вернон пытался отвлечься от задания, которое им с Колдуэллом выдали ранним утром. За годы службы он видел немало пугающих разведывательных докладов, но ни один из них не шёл ни в какое сравнение с тем, что пять часов назад лёг к ним на стол.

— Я не могу перестать думать об этом, — сказал Гэри Колдуэлл. — Этот доклад... он...

Вернон положил руку на плечо молодому коллеге — жест поддержки, хотя и вялый. Он и сам едва держался. Глядя вокруг, он видел, что всё выглядит нормально, но понимал: такого дня ещё не было никогда.

Следуя привычному распорядку, они с Колдуэллом заказали одинаковые обеды: пенне арабьята и минеральную воду. Через несколько минут Вернон извинился и пошёл в туалет. С трёх ночи ему было нехорошо. Не в каком-то конкретном смысле — просто ощущение, что в его жизни что-то неправильно.

Потерев руки, он с отвращением почувствовал, как они влажны. Рост — метр восемьдесят, вес — семьдесят семь килограммов, спортивное телосложение; в МИ-5 он слыл нынешним чемпионом по сквошу, и люди часто замечали, как редко он потеет. Но сейчас рубашка прилипала к телу. Хотя ему было всего тридцать, он привык создавать образ жёсткого, невозмутимого старшего офицера секретной службы. Коллеги называли его Капитан Скарлет — по имени телевизионного персонажа — из-за голубых глаз и аккуратных коротких чёрных волос. До трёх ночи он считал себя таким же бесстрашным и несокрушимым, как и добрый капитан. Но было уже давно за три, и всё изменилось.

Попытавшись помочиться, он не смог выдавить ни капли. Отвернувшись, подошёл к раковине, вымыл руки и уставился в зеркало. На долю секунды ему показалось, что он видит собственный призрак. В голове всплыла строчка Фицджеральда: «В настоящую тёмную ночь души всегда три часа утра». Он сам превратился в этого человека трёх часов.

Он стоял, и руки его дрожали. Неужели у него нервный срыв? Снова и снова в уме прокручивались подробности разведывательного доклада. Вулканологи со всего мира зафиксировали резкое усиление вулканической активности. В мире насчитывается около 1600 вулканов, и все они демонстрировали тревожные признаки вулканической активности. Все до одного.

Выйдя из туалета, Вернон двинулся к своему столику. Лавируя между столами, он вдруг заметил сразу несколько вещей — они происходили одновременно, перемешиваясь, так что впоследствии, пытаясь восстановить точную последовательность событий, он так и не смог этого сделать. Все обедающие, включая Колдуэлла, перестали есть и смотрели в небо. Одни застыли с открытыми ртами, другие потянулись за телефонами. Вдоль обоих берегов Темзы тысячи лондонцев и туристов стояли совершенно неподвижно, устремив взгляд вверх.

Вернону понадобилась секунда, чтобы осознать: солнца больше нет. И ещё — он услышал какой-то странный звук: режущий уши визг, доносившийся прямо сверху. Рефлекторно он зажал уши ладонями.

Колдуэлл отодвинул стул, встал и задрал голову. — Иисус, мать его Христос. — Молодой человек направил свой телефон вверх и начал снимать. — Их должны быть миллионы. Клянусь, пару секунд назад небо было пустым.

Вернон взглянул на небо — и почувствовал тошноту. Ведьмино проклятие ожило. Над головой хлопотала чёрная масса, похожая на бурлящий котёл. Птицы — воробьи, грачи, ласточки, галки, чайки, скворцы, голуби, сороки, канюки, дрозды — кружились и роились в несметных количествах. Они летели со всех сторон, огромными стаями, рассекая воздух клиньями, — квакающие, пищание, каркающие.

Небо, ещё минуту назад ярко-голубое, теперь розовело в редких просветах между птичьими стаями и стремительно краснело.

— Нам надо вернуться в штаб. — Вернон хлопнул на стол двадцатифунтовую купюру, и они с Колдуэллом протиснулись сквозь толпу.

Спеша по дороге обратно, Вернон остановился у одного из магазинов: его внимание привлёк телевизор в витрине, показывавший дневные новости.

— Ты не узнаёшь это место? — Он указал на здание на экране.

Колдуэлл покачал головой.

— Нам надо слышать, что они говорят, — сказал Вернон и завёл Колдуэлла внутрь.

— Аксум — священнейший город Эфиопии, — объявил взмыленный репортёр, — а здание позади меня — её главная святыня. Это небольшое, ничем не примечательное строение известно как Сокровищница и десятилетиями остаётся предметом навязчивого интереса. Патриарх Эфиопской православной церкви отказался делать заявления, но слухи ширятся. Несомненно одно: жители Аксума безутешны. Они утверждают, что странные явления, наблюдаемые во всём мире в последние несколько часов, — прямое следствие этого кощунственного деяния.

— Ты понимаешь, о чём они говорят? — спросил Колдуэлл.

— Тише, — сказал Вернон. В прошлом году в отпуске он фотографировался у того самого здания, что сейчас было на экране. Как и любой турист, он страстно хотел узнать, что там внутри, но это было дозволено лишь одному-единственному человеку, который жил там постоянно.

— Пока мы не получим официального подтверждения от властей, — продолжал репортёр, — я не могу сообщить вам ничего большего о предполагаемой краже самого могущественного религиозного символа западного мира. Претензии Эфиопии на обладание этой святыней всегда вызывали споры, но многие эксперты настаивали на том, что существуют убедительные доказательства: именно в этом небольшом здании в Аксуме хранилась священная реликвия.

— Не могу поверить. — Ощущение трёх часов утра вернулось к Вернону с новой силой.

— Однако на данный момент, — заключил репортёр, — мы не стали ближе к разгадке того, была ли она похищена на самом деле. Весь мир с тревогой ожидает вестей о судьбе... легендарного Ковчега Завета.

Глава 2

Три дня спустя. Ситуационный центр, штаб-квартира МИ-5, Темз-хаус, Лондон

Одни плакали, другие склоняли головы в молитве. Джеймс Вернон смотрел на матрицу телевизионных мониторов, транслировавших картины со всего земного шара. Ситуационный центр, набитый более чем сотней сотрудников, представлял собой безликое помещение, выкрашенное в бледно-жёлтый цвет. Большую его часть занимало что-то вроде колл-центра с десятками одинаковых кабин и чёрными пластиковыми стульями. На огромных экранах в передней части зала демонстрировались компьютерные симуляции в виртуальной реальности — всего, что было в центре текущего анализа. Несколько экранов уже зависли, и IT-специалисты пытались разобраться с неполадками. Телевизоры работали исправно, хотя многие в этой комнате предпочли бы обратное.

— Господи, помилуй, — простонал Колдуэлл, когда на ленте Sky News вспыхнула надпись «Экстренный выпуск». Бегущая строка внизу экрана гласила: «Ватикан подтверждает смерть Папы. Мировой кризис. Выборы нового Понтифика состоятся незамедлительно. Священная коллегия кардиналов уже собирается в Сикстинской капелле».

Вернон обхватил голову руками. Католиком он не был, но эта новость почему-то ударила тяжелее всех предыдущих. Несколько часов назад он смотрел, как Папа

произносит речь перед миллионами потрясённых людей, запрудивших площадь Святого Петра. В отличие от британского премьера и американского президента, Папе удалось уловить настроение всего мира. Пока политики говорили о фактах, цифрах и практических мерах, Папа говорил о собственной немощи, о личных страхах, о том, как ему невыносимо думать о страданиях столь многих людей.

— Это — ночь человечества в Гефсиманском саду, — сказал он. — Наша Голгофа, верно, уже близка. Только Бог может спасти нас теперь. — Затем один из помощников передал ему записку. Едва взглянув на неё, Папа рухнул, схватившись за сердце. Ватикан до сих пор отказывался раскрыть содержание записки.

Вернона передёрнуло. «Только Бог может спасти нас теперь». Ещё несколько дней назад он бы посмеялся над этим — теперь же ему хотелось встать на колени и молиться, как поступали тысячи людей, стекавшихся в церкви, храмы, синагоги и мечети по всему миру.

— Наши грехи навлекли на нас это наказание, — говорили религиозные лидеры. По мнению атеистов, причиной был невероятный набор природных катастроф, порождённых усугубляющимся глобальным потеплением — но и они не на шутку испугались. Они шёпотом говорили о пройденных точках невозврата, о возможных ИУУ — Инцидентах Уровня Уничтожения. Другими словами то же самое, что уже провозгласили священнослужители: возможно, конец света и правда наступал.

Теперь казалось странным, что люди так медленно реагировали на первый знак три дня назад. Все пережили «событие трёх часов утра», как его теперь называли, — и все проигнорировали его. Затем животные по всей планете начали вести себя странно: метаться во все стороны, скулить и щениться. Не какие-то отдельные виды — все до единого. Кошки, собаки, лошади, львы, слоны, крысы, рептилии, насекомые — весь список: в панике сбивались в стада, бежали, разбегались, метались, отчаянно ища хоть какое-то укрытие. Люди всё ещё пытались убеждать себя, что беспокоиться не о чем. Лишь когда над городами появились стаи птиц, отрицать происходящее стало невозможно.

Как один из старших аналитиков МИ-5, Джеймс Вернон был откомандирован в экстренную группу, куда вошли лучшие специалисты МИ-6 и эксперты с высоким уровнем допуска из ведущих университетов. Последние трое суток он и его коллеги прорабатывали секретные доклады британских агентов со всех концов света. Его задача состояла в том, чтобы свести все данные воедино, подготовить сводку и представить её руководству МИ-5 и МИ-6.

Ещё неделю назад он думал, что находится на пике своей карьеры, что быстрое продвижение к вершинам организации — лишь вопрос времени. Теперь он сомневался, доживёт ли до тридцати одного года. Усталость была физической и душевной. Режим безопасности не позволял покидать здание уже тридцать шесть часов. Ему удалось урвать несколько беспокойных часов сна в комнате отдыха, но этого было мало. Генеральный директор санкционировал приём амфетаминов для борьбы с усталостью.

Вернон оглядел коллег. Все выглядели так же потрёпанно, как и он сам. Повсюду стоял кислый запах пота. Даже женщины, обычно безупречно ухоженные, забросили все ритуалы по уходу за собой.

— Кофе? — спросил Колдуэлл.

Вернон кивнул. Он взял за правило разминать ноги каждые полчаса — лишь бы не смотреть на данные на экране и картины на мониторах.

Оба подошли к торговому автомату и взяли по крепкому чёрному кофе. В прежние времена они бы подошли к окну и любовались видом на Темзу, попивая напиток. Теперь жалюзи были опущены намертво. Ни один здравомыслящий человек не захотел бы

смотреть на то, что творилось снаружи. Не говоря ни слова, оба аналитика взяли кофе и двинулись в противоположную сторону — в маленькую гостиную рядом с Ситуационным центром.

— Мы не можем вечно прятаться, — сказал Вернон, резко остановившись.

Колдуэлл посмотрел на него. Двадцатидвухлетний, только что с кембриджской скамьи, этот молодой человек уже успел зарекомендовать себя как толковый аналитик. Росту в нём было метра два, фигура неуклюжая, и он был печально известен своими мешковатыми костюмами — но никто не сомневался в его способностях.

Когда они двинулись обратно к окну, несколько коллег проводили их взглядами. Вернон потянул шнур, чтобы поднять жалюзи.

— Что он себе позволяет? — проворчал один из аналитиков.

Несмотря на то что был весенний день, в комнату не проникло ни лучика света — только трепещущий мрак. Птицы были там, как и всё последние трое суток, кружили по кругу. Казалось, они ищут какое-то безопасное место — и никак не могут найти. Потому и летают. Многие падали с неба мёртвыми от изнеможения. Всё воздушное сообщение пришлось прекратить: ни один самолёт не мог пробиться сквозь стаи. Земля была покрыта птичьим помётом. В первый день власти пытались убирать его. На второй — сдались. Запах был невыносимый. На каждой улице в собственных экскрементах гнили тысячи мёртвых птиц.

Чёрные грифы, залетевшие с севера Испании, облюбовали готические здания вдоль Темзы и уселись на крышах — как средневековые горгульи. Но именно вороны пугали людей больше всего: казалось, они явились прямиком из преисподней. Пикируя к домам, они смотрели мёртвыми чёрными глазами на всякого, кто осмеливался встретиться с ними взглядом.

Вернон постучал костяшками пальцев по тройному стеклопакету — и с облегчением убедился, что окно прекрасно отсекает звуки внешнего мира. Некоторые говорили, что привыкнув к шуму — нескончаемому визгу птиц, — как привыкли когда-то к шуму самолётов. Вернон к ним не относился.

Иисусе!

Он отпрянул: прямо на стекло с огромной скоростью летел чёрный силуэт. В последний момент Вернон присел. Ворона шмякнулась в центр окна и разлетелась в клочья. По стеклу потекло месиво. Кровь вороны совпадала с жутким новым цветом лондонского неба. В те краткие мгновения, когда небо проглядывало сквозь щели в птичьих стаях, оно отбрасывало на город болезненный, ржаво-красный свет, из-за которого головные боли, тошнота и мигрени приобрели характер эпидемии. На рассвете и закате свет становился особенно зловещим, образуя на небе огромные импрессионистические цветные полосы — словно какой-то безумный художник выводил на небосводе свои мазки.

— Закройте жалюзи немедленно, — резко сказала одна из женщин.

Вернон потянул шнур и отвернулся — тошнота стала ещё сильнее.

— Небось рад, что жена с ребёнком далеко от всего этого, — сказал Колдуэлл. — Она в Швеции, верно?

— Верно. — Вернон не сомневался, что нет на земле места безопаснее острова Бьёркё в восемнадцати милях от Стокгольма, где Анна жила на ферме с маленькой Луизой. Впрочем, переезд не был недавним: Анна ушла от него шесть месяцев назад. — А ты? — спросил он. — Тебя нигде не ждёт подруга? — За всё время, которое они провели вместе, Вернон ни разу не спрашивал Колдуэлла о его личной жизни.

Ответ был, как всегда, кратким. — Никого особенного.

Разговаривать было тяжело всем. Над всем Темз-хаусом воцарилась странная тишина. Голоса, когда они всё же звучали, редко поднимались выше шёпота. Звук на телемониторах был убавлен до минимума — люди с трудом разбирали слова. Все предпочитали именно так.

Оба допили кофе и вернулись к своим рабочим местам. Вернону было невозможно сосредоточиться. Когда правительства поняли, что дальше скрывать происходящее невозможно, они — хочешь не хочешь — открыли медиашлюзы, и теперь одна жуткая картина сменяла другую.

Вернон смотрел на пустое место на столе, где раньше в рамке стояла фотография жены и ребёнка. Теперь снимок лежал в глубине верхнего ящика. Когда восемь месяцев назад родилась Луиза, он думал только о будущем. Теперь он задавался вопросом, есть ли оно у неё. У кого-либо. По крайней мере, Луиза ещё слишком мала, чтобы понимать.

Ещё одна фотография хранилась в нижнем ящике — как можно дальше от рук. Не жена и не ребёнок. Снимок призрака, пожалуй, — он преследовал его брак с самого начала.

Через силу он сосредоточился на картинках в телевизоре. Некоторые из этих образов он никогда уже не сотрёт из памяти. Два дня назад серия апокалиптических землетрясений накрыла Турцию, уничтожив сорок процентов страны. Стамбул лежал в руинах. Миллионы погибших — их изуродованные тела лежали на виду, пока перегруженные спасательные службы рыли траншеи для захоронений. Кое-где тела сваливали в огромные кучи и поджигали.

В Юго-Восточной Азии два цунами, вызванных мощными подводными землетрясениями, накатили одно за другим. Большинству людей удалось уйти от первой волны — но не от второй. Никто не решался называть число погибших. Затем из Таиланда пришли сообщения о людях, которые были здоровы за завтраком и мертвы к полудню. Жаловались лишь на внезапную тяжёлую простуду, но вскоре был поставлен диагноз — смертоносный птичий грипп: начало той летальной пандемии, которой эксперты опасались уже давно. Несмотря на попытки ввести карантинные зоны, болезнь стремительно распространялась по Азии. До Европы оставалось недолго.

Все понимали: это только начало. Самым очевидным признаком было небо. По всему миру оно меняло цвет, приобретая кроваво-красный оттенок, уже привычный лондонцам. В исторических источниках ничего подобного не случалось со времён извержения Кракатау в 1883 году. Тот вулкан произвёл самый громкий звук, когда-либо зафиксированный людьми. Пелена пыли, поднятая в небо, заблокировала столько солнечного света, что средняя температура планеты снизилась на 1,2 градуса Цельсия. Рассеяние света на взвешенных частицах пыли меняло цвет неба на протяжении месяцев. Нормальный климат был нарушен на годы. Сущий пустяк по сравнению с тем, что происходило сейчас.

К югу от экватора бушевали штормы площадью в сотни квадратных миль, расчерченные молниями такой мощи, что американские метеорологические самолёты, ведущие за ними наблюдение, сравнивали их вспышки с ядерными взрывами. Видеозаписи, переданные на телестанции, были поразительными. Казалось, адские погодные системы сошли на землю.

Вернон закрыл глаза и вцепился в край стола. В детстве, когда что-то по телевизору его пугало, родители говорили: закрой глаза — и «монстры» исчезнут. Во взрослом мире всё иначе: они только растут и надвигаются всё ближе.

Он услышал чей-то вскрик и нехотя открыл глаза. Все по-прежнему смотрели на экраны, но теперь все мониторы показывали одно и то же: жёлтый фон с тремя мигающими алыми буквами — НГУ. В истории это происходило впервые. Вернон

развернулся на стуле и посмотрел на аналитиков, сидевших позади. Они были потрясены не меньше его. НГУ называли «Словом Бога» — потому что никто не был уверен, что это существует на самом деле, и появлялось оно лишь тогда, когда наступало время читать молитвы.

— Теперь это официально, — пробормотал Гэри Колдуэлл.

Вернон с трудом сглотнул. Официально — это точно. Неустановленная глобальная угроза.

Глава 3

— Джеймс Вернон, немедленно пройдите в камеры задержания, — произнёс голос по громкой связи.

Вернон встал с места, снял пиджак с вешалки и направился к выходу. Вокруг него по-прежнему мигало НГУ. Протоколы НГУ могли быть введены лишь при единогласном согласии всех правительств мира — поскольку предполагали, что каждая служба обязана поделиться своими секретами с конкурентами ради борьбы с общей угрозой, которая обычно подразумевалась как некая внеземная.

Вернон покачал головой. Когда ты позволяешь другим видеть свои секреты — обратного пути нет. Прямо сейчас со всего мира поступают запросы на доступ к файлам высшей степени секретности — «чёрным» файлам, закрытым для всех, кроме старшего руководства МИ-5. И МИ-5 делает то же самое в обратном направлении.

Шагая по одному из бесконечных коридоров Темз-хауса в сторону центрального лифтового блока, Вернон пожалел, что здание такое огромное. Построенное в 1930 году, оно состояло из двух симметричных крыльев, соединённых центральной секцией, и посетители всегда боялись заблудиться. Километры коридоров держали персонал в форме — это уж точно. Расположенный на берегу реки и выполненный в неоклассическом стиле, Темз-хаус когда-то был назван «лучшим офисным зданием Британской империи». Его элегантный фасад из портлендского камня был украшен несколькими изысканными скульптурами. Здание совсем не вязалось со спецслужбами, но было, как думал Вернон, идеальной сценой для мрачных объявлений, которые непременно прозвучат в ближайшие день-два.

Пуленепробиваемые окна в коридорах жалюзи не предусматривали. Обычно Вернон проходил мимо быстро, но теперь остановился — его болезненно тянуло посмотреть на то, чем стал Лондон. Улицы были пусты. Пугало, как быстро город из процветающего мегаполиса превратился в город-призрак. Хотя Европа и Северная Америка в целом оставались нетронутыми природными катастрофами, нормальная жизнь замерла и здесь.

Большинство лондонцев покинули рабочие места, как только появились птицы, и больше не вернулись. Фондовый рынок пережил крупнейший обвал в истории, транспортная система захлебнулась. На этот раз правительство отреагировало оперативно, задействовав план на случай чрезвычайной ситуации, разработанный ещё несколько лет назад в расчёте на катастрофический теракт в Лондоне. В течение тридцати шести часов военные и полиция полностью установили контроль. Теперь работало лишь скелетное расписание метро, и оно прекращало движение в восемь вечера, когда начинался комендантский час. По пустым улицам двигались армейские колонны. Используя чрезвычайные полномочия, правительство взяло под централизованное управление все ключевые коммунальные службы — газ, электричество, воду, телефонию, топливо — впредь до особого распоряжения; ключевой персонал принудительно удерживался на рабочих местах. Танки и баррикады окружали

парламент; аналогичные меры были приняты у всех ключевых гражданских и административных зданий. Большинство телерадиопрограмм отменили, заменив непрерывными новостными выпусками. Газеты ещё выходили — но, вероятно, ненадолго.

Вполне естественно, думал Вернон, что в такое время люди хотят быть рядом с близкими — те, у кого они есть. Большинство из тех, кто ещё оставался на работе, просто некуда было идти.

Поначалу генеральный директор приказал всем сотрудникам оставаться на местах. Солдаты не давали никому выйти, но некоторые начали впадать в истерику, умоляя отпустить их к семьям. По практическим соображениям ГД уступил: не было никакого смысла пытаться выжать продуктивную работу из людей, уже не способных трудиться психологически. Большинство «семейных» были отпущены. Горстка тех, кто был полон решимости исполнить долг, осталась. Практически все незамужние и неженатые сотрудники вызвались остаться добровольно.

Вернон подумал, не следовало ли попытаться добраться до Швеции — но проводить последние часы с нелюбимой женой ему не хотелось. А видеть маленькую Луизу было бы невыносимо. Был лишь один человек, с которым ему хотелось быть в такое время, — но именно этой встречи не могло произойти.

На оконный карниз слетели шесть ворон и усталились на него. Он постучал по стеклу, чтобы отпугнуть их, — но они не шелохнулись.

Снова шагая по коридору, он выругался, споткнувшись о грудку мусора — в основном пакеты из-под чипсов, обёртки от шоколада и жестяные банки из-под колы. Условия в Темз-хаусе стремительно ухудшались. Мусорные корзины не вывозили уже несколько дней. Туалеты пришли в ужасное состояние — многие были забиты и протекали. По всему зданию стоял запах.

Коридоры были почти безлюдны. Пару дней назад здесь царила бешеная активность — все носились с одного экстренного совещания на другое. Теперь — нет. В каком-то смысле Вернон был рад этому. Несколько раз ему приходилось сталкиваться с людьми, которые плакали, и он не знал, что делать. Утешить? Пройти мимо? Велеть взять себя в руки? Отпустить неудачную шутку? Ничто не казалось уместным.

Его удивляло, сколько красивых женщин всё ещё оставалось здесь. В подростковые годы он всегда воображал: скажи ему кто-нибудь, что мир кончается, — он бы постарался найти как можно больше привлекательных женщин. Теперь он понял: когда мир заканчивается, никто не занимается сексом. Неминуемое уничтожение не возбуждает.

Уже собираясь войти в лифт, он получил звонок на мобильный. Колдуэлл сообщил, что в течение нескольких секунд после объявления НГУ от трёх совершенно разных источников поступили идентичные запросы. Все хотели получить некий малоизвестный документ под названием «Судьба Каинитов». Больше всего интриговала принадлежность трёх разведывательных организаций — «Моссад», немецкой внешней разведки; и Sodalitium Pianum — сверхсекретной разведывательной службы Ватикана.

— Ватикан, израильтяне и немцы? — вырвалось у Вернона. — Что это за документ, который нужен им всем?

— Я сейчас смотрю на нашу запись в базе данных, — ответил Колдуэлл. — Там написано, что «Судьба Каинитов» — это одна страница из дневника. Написана в 1938 году, попала к нам в конце Второй мировой войны. С тех пор к ней обращались только три человека. Двое из них — генеральные директора, это было несколько десятилетий назад. Третий — ваш начальник: двадцать четыре часа назад.

— Вы уверены?

— Так написано в базе данных.

— Что представляет собой документ в общих чертах?

— «Судьба Каинитов» написана от руки по-немецки одним из старших адъютантов Генриха Гиммлера. Британская армия арестовала его после капитуляции Германии в 1945 году. Согласно нашей базе данных, документ излагает некую необъяснимую версию нацистской идеологии, основанную на оккультизме. Профессор, изучивший документ, назвал его выводы ужасающими. Его интерпретация была с порога отвергнута. Тем не менее документу был присвоен максимально возможный гриф секретности: опасались, что он содержит зашифрованную отсылку к нацистскому заговору, который неонацисты могут воскресить в будущем.

Последовала долгая пауза. Вернон подумал, почему Колдуэлл замолчал. — Что случилось?

— Послушайте. Причина, по которой документ называется «Судьба Каинитов», в том, что он указывает на прямую связь между нацистами и библейским персонажем — Каином. — Снова пауза. — И есть ещё кое-что.

Нацисты и Каин? Вернон покачал головой. Ерунда. Почему три лучшие разведслужбы мира принимают всерьёз подобное? И почему его начальник обращался к документу совсем недавно? — Ну, — сказал он, — у меня нет времени тянуть. Что там последнее?

— Сэр, он предсказывает конец света.

Вернон с трудом сглотнул. Когда-то эти слова звучали столь абстрактно. Рано или поздно они непременно сбудутся. Он просто не ожидал, что это случится при его жизни.

Он нажал кнопку вызова лифта. Ожидая, рассматривал герб МИ-5 над дверями: золотой крылатый морской лев на голубом фоне, шесть красных роз, три пятиконечных зелёных геральдических цветка-лапчатки и три опущенных решётки. На гербе также красовался девиз МИ-5: «Regnum Defende» — «Защити Королевство». Сейчас Вернон понятия не имел, от чего его защищать. От Гитлера, восставшего из могилы?

Когда двери лифта открылись, Вернон вздрогнул от неожиданности: в кабине стоял старый Гарри — ветеран-лифтер. В безупречно отутюженной тёмно-зелёной форме, он не изменил ни одной из своих привычек.

— Добрый день, сэр. — Старый Гарри прищурился, разглядывая значок Вернона.

Вернону не верилось, что у него всё ещё проверяют удостоверение. Пожалуй, это было даже успокоительно: мир ещё не рассыпался окончательно, если старый Гарри по-прежнему соблюдает правила. Он даже успел освежить лифт дезодорантом — приятная передышка от кислого запаха, пропитавшего здание.

Вернон вошёл, двери с шипением закрылись.

— Какой этаж? — спросил старый Гарри.

— Подвал.

— Слушаюсь, сэр.

Вернон невольно увидел своё отражение в зеркале лифта. На него смотрел измотанный человек с чёрными кругами под глазами, осунувшимся лицом, мятым костюмом и скошенным галстуком. Он вытащил расчёску и попытался привести себя в порядок.

Лифт остановился, двери снова открылись. Вошла девушка, промакивая глаза. Вернон отвёл взгляд. Полгода назад у них был мимолётный роман на учебных курсах в Кардиффе. Ещё один призрак из прошлого.

— Ну что, даже не поздороваяешься? — резко бросила она.

Только этого мне не хватало, — подумал Вернон, неловко протискиваясь мимо неё в зону приёма блока задержания.

— Удачи, — сказал старый Гарри, когда двери лифта закрылись.

Вернон рассеянно кивнул и смотрел, как огоньки на табло над лифтом показывали подъём до верхнего этажа. Скоро лифты придётся отключить — слишком большая нагрузка на ограниченные энергоресурсы здания. МИ-5 и МИ-6 уже отключились от общей сети и перешли на собственные генераторы, чтобы не зависеть от перебоев электроснабжения. Вскоре все будут топать вверх и вниз по лестницам.

Он приложил карточку безопасности к считывателю и прошёл сквозь турникет. Бросив взгляд на охранника, он заметил, что тот сжимает в руке католические чётки. Вернон попытался найти что-нибудь сказать, но слова не шли. Обычно он сделал бы какое-нибудь замечание о футболе — но все матчи были отменены, и это казалось бессмысленным.

— Сэр, — сказал охранник, когда он прошёл мимо.

Вернон остановился и обернулся. — Да?

Охранник замялся. — Простите, ничего. Просто...

— Что?

— Вы разве не чувствуете? С тех пор как привезли того человека...

— Какого человека?

— Разве не за этим вы здесь? — Охранник опустил голову и снова принялся перебирать чётки.

Вернон пожал плечами и направился к кофейному автомату. В последнее время мир был полон загадок. Ему нужно было взбодриться перед следующим потрясением. Судя по словам охранника, оно было уже близко. Камеры задержания — не место для невинных встреч.

Лучше бы он остался в Ситуационном центре. Теперь, когда была объявлена НГУ, работы резко прибавилось. Необычные времена требуют необычных процедур. Компьютерные программы прочёсывали базы данных в поисках документов, содержащих слова «Армагеддон», «Апокалипсис», «Конец света», «Судный день», «Вымирание», «Последние времена», «День Страшного суда». Аналитики изучали пророчества всевозможных сумасшедших и мистиков. Даже такой старый знакомый, как Нострадамус — развенчанный или нет, — снова оказывался в деле. Именно сейчас спецслужбы начинали принимать сверхъестественное всерьёз. Не потому что верили в него — просто больше не за что было держаться. И эти программы, несомненно, скоро наткнутся на «Судьбу Каинитов». Он надеялся получить возможность изучить её.

В памяти всплыло что-то о законе Годвина, который имеет свойство проявляться повсюду. Точная формулировка, если он правильно помнил, звучала так: «По мере того как онлайн-дискуссия затягивается, вероятность сравнения с нацистами или Гитлером стремится к единице — к неизбежности». То же самое, очевидно, было верно и для апокалиптических предсказаний.

Пожалуй, не так уж странно, что сверхъестественное начали воспринимать серьёзно. С самого первого января газеты напоминали читателям, что майя давным-давно предсказали конец света на 21 декабря 2012 года. Поначалу это было чем-то вроде шутки, одним из «событий, которые стоит ожидать в этом году», — теперь уже никто не смеялся. Вдобавок единственным примечательным событием, произошедшим непосредственно перед началом хаоса, стала серия дерзких краж, привлёкших внимание всего мира, — по всей видимости, совпавших с тем самым «событием трёх часов утра», когда вся планета содрогнулась.

Сокровищница в Аксуме была лишь одним из семи резонансных мест, ограбленных опытными ворами. Вскоре стало очевидно: они искали вполне конкретные, высоко ценимые артефакты — все религиозного характера. Религиозные лидеры открыто заявляли, что именно эти кражи и стали причиной природных катастроф. По их словам,

воры нанесли Богу высшее оскорбление, вынудив его принять решение об очищении человечества — точно так же, как в Последние Дни Ноева потоп.

Истеричный вздор, думал Вернон, — но где-то в глубине всегда таился тот единственный огонёк сомнения. Ведь воры, судя по всему, похитили не только Ковчег Завета. Говорили, что им удалось отыскать, пожалуй, самое неуловимое из всех сокровищ. Святой Грааль.

Глава 4

Вернон не знал, чего ожидал, оказавшись в зоне задержания, — но уж точно не этого. Камеры здесь не использовались по назначению уже много лет: задержанных нынче доставляли в высокозащищённый полицейский изолятор на Паддингтон-Грин.

Повсюду стояли солдаты в камуфляжной форме. В воздухе висела странная напряжённость: солдаты молчали и явно нервничали. Обычно от военных можно было ожидать чёрного юмора — только не от этих. Кем бы ни был таинственный узник, его присутствие действовало на них угнетающе.

Вернон начинал чувствовать то же самое. Он решил, что схвачен какой-то террорист, которого необходимо срочно допросить. Начальник, по всей видимости, хотел, чтобы он собрал подробные сведения об арестованном — восстановил его передвижения за последние двадцать четыре часа, выяснил, кто ему помогал, и так далее. Возможно, террорист пытался воспользоваться царящим хаосом, чтобы устроить «шоу».

Когда он добрался до блока серо-стального цвета, где располагались камеры и комнаты для допросов, солдат проверил его удостоверение.

— Командор Харрингтон ждёт вас в первой комнате, — сказал солдат, беспокойно озираясь.

— Зачем такое усиленное оцепление? — спросил Вернон.

— Скоро узнаете. — Солдат постучал в железную дверь. Второй солдат посмотрел в смотровую щель и открыл.

Вернон вошёл в основной блок задержания с его суровыми стенами и затёртой чёрно-белой плиткой — тревога нарастала стремительно. Он ослабил галстук.

Встретивший его солдат был напряжён и взволнован. Он проводил Вернона к главной комнате для допросов, постучал и набрал код для открытия двери.

Первое, что Вернон заметил, войдя, — полированный чёрный стол в центре, за которым сидели двое. Один — его начальник Чарльз Харрингтон, пятидесятилетний, в полосатом костюме; второй — темнокожий мужчина в форме полковника Корпуса морской пехоты США с типичным строгим армейским ёжиком.

Американец встал и протянул руку. — Полковник Брэд Гресник, Разведывательное управление министерства обороны. Только что прилетел из Пентагона.

Вернон присмотрелся к нему. Ухоженный тип, по виду чуть за тридцать, выше метра восьмидесяти, килограммов девяносто, атлетическое сложение. Вернон не хотел этого признавать, но Гресник был вылитый Джек Истон — главный темнокожий красавчик Голливуда. Тут же возникло желание поставить Гресника на место. Солдат по шаблону, решил он, — подхалим, готовый на всё ради карьеры.

Вернон не питал симпатий к РУМО — доводилось работать с ними пару раз. Военный аналог ЦРУ: сбор иностранной военной разведки, анализ военных угроз для Америки, поддержание боеготовности вооружённых сил. Они снабжали секретаря обороны и Объединённый комитет начальников штабов всеми необходимыми данными. Вернон находил их педантичными, лишёнными изящества ЦРУ. Какого чёрта их человек делает здесь в такое время?

— Я думал, все полёты приостановлены из-за птиц, — сказал Вернон.

— На военных самолётах есть специальное оборудование для их рассеивания. — Гресник снова сел.

— Садитесь, мистер Вернон, — сказал командор Харрингтон. — Нам многое нужно обсудить.

Поставив кофе, Вернон занял место напротив. На столе лежали многочисленные документы с грифом «Совершенно секретно: только для ознакомления». Рядом с бумагами, на чёрной ткани, покоился полупрозрачный шар изумрудно-зелёного цвета — с теннисный мяч. Пресс-папье, наверное, подумал Вернон. Ещё был небольшой микрофон.

— Введите мистера Вернона в курс дела, полковник, — сказал Харрингтон.

Гресник кивнул. — Четыре дня назад тридцать бойцов нашего элитного подразделения «Дельта» самовольно покинули базу Форт-Брэгг. В течение суток один из наших аналитиков обнаружил между ними исключительную и прежде неизвестную связь. Без исключения, все они были внуками членов Секции 5 — подразделения военной разведки эпохи Второй мировой войны. В апреле-мае 1945 года Секция 5 допрашивала нацистских чиновников, отвечавших за часть огромных сокровищ, разграбленных нацистами по всей Европе. Реликвии, которые хранили эти конкретные нацисты, носили эзотерический, религиозный характер и были укрыты в глубоких бункерах под замком Нюрнберга.

— Занятная история. — Вернон понял, что сегодня от нацистов ему не уйти.

— Все эти ребята из «Дельты» были холостяками и бездетными, — продолжал Гресник. — До дезертирства они продали дома и сняли все деньги со счетов.

Вернон понятия не имел, какое это имеет отношение к МИ-5. Интригуяюще, конечно, — но выглядело как внутреннее дело армии США, ничтожное на фоне мировых событий.

— Вы, наверное, гадаете, к чему я клоню, — сказал Гресник. — Уверен, вам известно о недавних кражах религиозных артефактов в разных точках мира.

Вернон кивнул. Три из семи мест находились на Британских островах.

— РУМО пришло к выводу, что все кражи несут характерные признаки операций американского спецназа — несанкционированных, подчёркиваю. Мы уверены: ответственность лежит на этих дезертирах.

Вернон выпрямился. — Почему американский спецназ пойдёт на преступление и начнёт похищать религиозные реликвии?

Гресник подвинул к Вернону папку.

— Допейте кофе и потратьте несколько минут на этот файл. Полагаю, с полным основанием могу сказать: это самый странный документ, который вам когда-либо доводилось читать.

Глава 5

Разведывательное управление Министерства обороны США

Совершенно секретно: только для ознакомления

Для распространения исключительно внутри группы доступа «Сигма»

Сводка «Альфа» — предполагаемое похищение знаковых религиозных артефактов как гипотетическая причина текущей глобальной экологической нестабильности.

Сводка «Бета»:

24 апреля 2012 года в 3:00 по Гринвичу были совершены набеги на семь мест, связанных с тремя знаменитыми религиозными реликвиями. Все нападения были синхронизированы и проводились под покровом темноты. В течение нескольких часов со

всего мира стали поступать сообщения о катастрофических землетрясениях, тревожном росте вулканической активности, образовании множества ураганов пятой категории и экстремальных погодных условиях практически в каждой стране. Небо по всей Земле стало менять цвет на кроваво-красный.

Религиозные лидеры объявили кражи богохульством и непосредственной причиной природных катастроф. Они потребовали безопасного возвращения реликвий, заявив, что в противном случае мир подвергнется «Гневу Божьему».

Все правительства согласились, что масштаб природных катастроф представляет беспрецедентную угрозу для будущего жизни на Земле. Организация Объединённых Наций провела экстренное заседание для координации глобальных мер. Было решено придерживаться двойного подхода. Пока в срочном порядке разрабатывались научные решения, правительства соглашались по меньшей мере на словах допускать возможность сверхъестественного происхождения нынешнего кризиса. Во избежание возможной религиозной истерии среди миллиардов верующих правительства всех ведущих держав договорились использовать свои спецслужбы для поимки похитителей и возвращения украденных артефактов.

На сегодняшний день учёные не в состоянии объяснить характер экстремальных экологических событий. Расследования, анализ и сбор данных продолжаются. Организованы экстренные конференции с участием ведущих мировых специалистов, которым будет оказана полная поддержка всех правительств. Для выработки дальнейших мер будут также проконсультированы религиозные лидеры. В интересах общественного духа крайне важно, чтобы правительства демонстрировали принятие всех возможных мер в данное время.

(При составлении нижеследующего были проконсультированы его Высокопреосвященство кардинал Томас Лениган из Архиепархии Нью-Йорка и раввин д-р Менахем Гриен, профессор теологии Колумбийского университета.)

Три священные реликвии, связанные с семьёю объектами нападения, — самые знаменитые в истории западной религии:

- Ковчег Завета
- Святой Грааль
- Копьё Судьбы

Семь атакованных мест:

- Храмовая гора, Иерусалим
- Церковь Святой Марии Сионской, Аксум, Эфиопия
- Чалис-Уэлл, Гластонбери, Англия
- Имперская сокровищница, дворец Хофбург, Вена, Австрия
- Остров Оук, Новая Шотландия, Канада
- Часовня Росслин, Эдинбург, Шотландия
- Холм Тара, Ирландия

Краткое описание трёх артефактов:

1) Ковчег Завета

Переносной деревянный сосуд — размером с большой сундук, покрытый золотом снаружи и изнутри. Согласно Книге Исход, Бог повелел Моисею создать Ковчег и дал ему точные инструкции. Ковчег был хранилищем двух каменных скрижалей с Десятью заповедями. В Ветхом Завете Ковчег упоминается многократно, а затем бесследно исчезает. По поводу его судьбы и нынешнего местонахождения выдвинуто множество противоречивых теорий.

В нынешнем контексте важно подчеркнуть, что Ковчег считался обладателем многих опасных свойств, в том числе характеристиками раннего оружия массового поражения.

Приписываемые Ковчегу способности:

- Левитация: он мог поднимать себя и окружающие предметы в воздух.
- Испускал свет и искры.
- Обладал возможностями огнемёта, которыми якобы убил двух сыновей Аарона, первых Первосвященников Ковчега.
- С ним связывали огненное облако, материализовавшееся над ним и из которого голос обращался к Моисею и Аарону.
- Мог вызывать проказу и опухоли у людей.
- Те, кто без разрешения прикасался к нему — даже случайно — как правило, погибали. Обычные люди не могли безопасно приближаться к нему ближе чем на полмили.
- Во время сражений Ковчег поднимался в воздух, испускал ужасающий звук и устремлялся в самое сердце вражеской армии. В одной битве он якобы уничтожил 50 000 воинов противника.
- При осаде Иерихона еврейские священники семь дней обходили город по кругу. Одни трубили в трубы, огибая стены, другие несли Ковчег в процессии на специальных шестах, чтобы не соприкасаться с ним напрямую. Высказывалось предположение, что Ковчег мог усиливать и направлять звуковые волны наподобие звукового орудия, в конце концов обрушив стены Иерихона.
- Первосвященник был обязан надевать специальную защитную одежду при каждом приближении к Ковчегу.
- Когда Ковчег убивал евреев, Моисей настаивал на том, чтобы их тела уносили далеко от стана израильтян для погребения — вопреки обычным религиозным обрядам. Почему Моисей прибегал к столь исключительным мерам предосторожности, так никогда и не было объяснено.
- Говорили, что Ковчег источал ослепительное сверхъестественное сияние.

2) Святой Грааль

Обычно определяется как чаша, которую Христос использовал на Тайной вечере. Это событие предположительно происходило в доме Иосифа Аримафейского, который мог быть дядей Иисуса. По преданию, Иосиф использовал чашу, чтобы собрать несколько капель крови, пролитой Иисусом при Распятии, и кровь чудесным образом сохранилась в ней. Другая легенда гласит, что чаша была изначально изготовлена для Авраама, великого патриарха еврейского народа. Подобно Ковчегу Завета, Грааль, по преданию, испускал неземное сияние.

Другие теории утверждают, что Грааль — это блюдо, камень, человек (Мария Магдалина), голова Иисуса, его скелет или даже его кровная линия, продолженная в результате предполагаемого брака с Марией Магдалиной и рождения дочери. Как и в случае с Ковчегом, в отношении судьбы и нынешнего местонахождения Грааля существует множество противоречивых теорий.

3) Копьё Судьбы

Копьё, которым римский центурион пронзил бок Христа, висевшего на кресте. Реликвия высоко ценилась, и многие могущественные исторические персонажи всячески стремились овладеть ею: в их числе несколько императоров Священной Римской империи и Адольф Гитлер.

Впоследствии копьё стало музейным экспонатом и было выставлено в венском дворце как часть имперских регалий Священной Римской империи. Примечательно, что

Священную Римскую империю иногда называют Первым рейхом. Бисмарк создал Второй рейх, а Гитлер правил Третьим.

Краткое описание семи мест нападения:

1) Храмовая гора, Иерусалим

Храмовая гора содержит тайные подземные коридоры, принадлежавшие первоначальному Храму Соломона и уцелевшие после его разрушения вавилонянами в 586 году до н. э.

Налётчики 24 апреля вскрыли один из запечатанных туннелей с помощью пластической взрывчатки. Есть свидетельства того, что взрывчатка была приведена в действие с помощью таймеров. Однако никаких следов того, что кто-либо вошёл в туннель или что-либо оттуда извлёк, обнаружено не было. Армия обороны Израиля оцепила район, и в настоящее время доступ туда никому не предоставляется. Дальнейшие расследования в настоящее время невозможны.

В Иерусалиме в течение нескольких минут после взрывов начались беспорядки: мусульмане обвиняли евреев в попытке взорвать мечеть Купол Скалы — одну из святынь ислама. Мечеть с золотым куполом возведена над руинами Храма Соломона и более позднего Храма Ирода.

2) Сокровищница Церкви Святой Марии Сионской, Аксум, Эфиопия

Аксум — священнейший город Эфиопии, а Церковь Святой Марии Сионской — его главная святыня. Сокровищница, отдельное здание позади церкви, по преданию хранила Ковчег Завета, привезённый туда Менеликом I — сыном царя Соломона и царицы Савской. («Менелик» означает «сын мудреца», а древнее царство Савское предположительно включало территорию Эфиопии.) Монах, известный как Хранитель Ковчега, охранял реликвию круглосуточно. Во время налёта он был застрелен. Эфиопские власти не разрешили следователям войти в Сокровищницу. Они отказались подтвердить, что объект, который они называли Ковчегом Завета, был похищен.

3) Источник Чаши, Гластонбери, Англия

По преданию, Иосиф Аримафейский был заключён под стражу после смерти Иисуса. Выйдя на свободу, он бежал со Святой земли, увезя Святой Грааль в безопасное убежище — в английский Гластонбери. Он спрятал Грааль на дне Чалис-Уэлл у подножия Гластонбери-Тор — священного холма с видом на город. Вода источника якобы имеет красноватый оттенок и, по слухам, обладает целебными свойствами. Налётчики 24 апреля спустились в источник и вскрыли участок его стены, обнаружив небольшую железную камеру без следов ржавчины — прежде неизвестную. Что именно, если вообще что-либо, они там обнаружили — неизвестно.

4) Шатцкаммера (Имперская сокровищница), дворец Хофбург, Вена, Австрия

В Шатцкаммере хранятся имперские регалии Священной Римской империи — европейской державы, созданной Карлом Великим и ликвидированной спустя века Наполеоном Бонапартом. Единственным похищенным предметом из всей коллекции сокровищ стало так называемое Копьё Судьбы. В ходе налёта все охранные системы и камеры видеонаблюдения дворца Хофбург были отключены. Охранники были выведены из строя сверхсекретным усыпляющим газом. Только американский и британский спецназ имеют доступ к этому газу.

5) Остров Оук, Новая Шотландия, Канада

Небольшой отдалённый остров у восточного побережья Канады, практически необитаемый, — по преданию место, где на дне заминированной, сложно устроенной 60-метровой вертикальной шахты, известной как «Денежная яма», спрятаны огромные сокровища. Первоначально считалось, что клад зарыли пираты; наиболее вероятными

кандидатами называли капитана Кидда и Чёрную Бороду. Однако ряд экспертов указывал, что пираты не обладали инженерными навыками, необходимыми для возведения столь сложной конструкции. В числе возможных проектировщиков шахты называли Леонардо да Винчи. Другие теории связывают её создание с масонами или тамплиерами. После насильственного роспуска ордена тамплиеров в 1307 году те из его руководителей, кому удалось избежать ареста, дали указание спрятать сокровища ордена от врагов. Флот тамплиеров увёз их в неизвестном направлении, и с тех пор они исчезли из истории. По некоторым сведениям, среди них были Святой Грааль и Ковчег Завета. Ряд экспертов считает, что тамплиеры открыли Америку раньше Колумба и флот тамплиеров мог направиться в Северную Америку, чтобы укрыть сокровища.

Налётчики на острове Оук, по всей видимости, точно знали, как проникнуть в «Денежную яму». Был расчищен прежде неизвестный путь сквозь ловушки, ведущий в просторную подземную герметичную камеру, стены которой были покрыты свастиками, возрастом в несколько сотен лет. Близ входа в шахту были найдены несколько римских монет. Монеты были из древней Иудеи: на одной стороне — голова императора Тиберия, на другой — римский прокуратор Понтий Пилат.

На надгробии рядом с «Денежной ямой» высечена латинская надпись: «I tego argana Dei» — «Прочь! Я скрываю тайны Божии».

6) Часовня Росслин, Эдинбург, Шотландия

Часовня Росслин строилась с 1446 по 1486 год и часто описывается как самая загадочная христианская часовня в мире. Как и остров Оук, Росслин связана с утраченными сокровищами тамплиеров — включая Святой Грааль и Ковчег Завета. После 1307 года многие тамплиеры бежали в Шотландию, поскольку шотландский король Роберт Брюс, будучи отлучён от церкви за убийство соперника в храме, не был связан папским эдиктом о преследовании тамплиеров. По мнению ряда исследователей, тамплиеры перегруппировались в Шотландии и в итоге появились вновь под новым именем — масонов. Авторитетные версии утверждают, что именно в Росслине зародилось масонство.

Налётчики отключили все охранные системы и камеры часовни. Как и в Шатцкаммере, охранники были выведены из строя усыпляющим газом. Была вскрыта часть стены склепа, за которой обнаружилась просторная каменная камера. Что именно, если вообще что-либо, там нашли — неизвестно.

7) Холм Тара, Республика Ирландия

Священнейшее место древней Ирландии, где короновались Верховные короли Ирландии. По преданию, еврейский пророк Иеремия привёз Ковчег Завета в Ирландию на хранение после разрушения Храма царя Соломона и закопал его где-то на Холме Тара.

Налётчики воспользовались экскаватором, украденным с соседней стройки, чтобы вырыть траншею в нескольких метрах от объекта, известного как Курган Заложников. Была вскрыта большая бронзовая камера. Нашли ли налётчики что-либо — неизвестно.

Выводы

Во всех местах налётчики действовали схожими методами. Сверхсекретный усыпляющий газ, применённый в двух точках, свидетельствует об участии американского или британского спецназа. Тридцать военнослужащих американского спецназа самовольно оставили часть 23 апреля. По всей видимости, именно эти лица несут ответственность за налёты.

Налётчики явно располагали секретными сведениями о каждом объекте. Однако единственным предметом, исчезновение которого достоверно установлено, является Копьё Судьбы из венского дворца Хофбург.

Вопрос о том, извлекли ли налётчики также нечто, что можно было бы описать как Святой Грааль, Ковчег Завета или иные религиозные реликвии, остаётся открытым. Неизвестно, искали ли они конкретную реликвию в каждом из семи мест или одни и те же предметы — в разных. Однако, учитывая их детальную осведомлённость, весьма вероятно, что налётчики точно знали, что именно обнаружат в каждом месте. С другой стороны, возможно, часть налётов была инсценирована ради создания путаницы и сокрытия истинных намерений (налёт на Храмовую гору может быть одним из примеров). Преследовали ли они цель привлечь общественное внимание, нападая на резонансные объекты? Пытались ли они спровоцировать столкновение евреев и мусульман своими действиями на Храмовой горе? Никаких заявлений об ответственности сделано не было.

Кровь Иисуса Христа — очевидная связь между Святым Граалем и Копьём Судьбы; исторически эти два предмета рассматриваются как два из четырёх так называемых Сокровищ Грааля. Эти четыре объекта фигурируют в легендах о короле Артуре и Святом Граале и считаются обладателями огромной силы — особенно когда соединены вместе. Два других Сокровища Грааля — меч и блюдо. Никакой известной связи между Сокровищами Грааля и Ковчегом Завета не существует. Сокровища относятся к христианскому Новому Завету, тогда как последний — ветхозаветный, специфически иудейский священный артефакт.

Ковчег, по своей репутации, является потенциальным оружием массового поражения. Копьё Судьбы якобы наделяет своего владельца великой силой. Святой Грааль считается целью высшего духовного поиска человечества. Сокровища Грааля как единое собрание предположительно обладают беспрецедентной мощью.

Способны ли эти легендарные реликвии стать центральными звеньями некоего прежде не подозреваемого Заговора Армагеддона? Кардинал Лениган и раввин Гриен сходятся во мнении, что способны. Видные учёные высмеяли эту идею, однако в настоящее время так и не смогли объяснить глобальный кризис и не предложили никаких рекомендаций о том, что следует предпринять.

КОНЕЦ ДОКЛАДА

Глава 6

Вернон положил документ обратно на стол. Что ж, Гресник не преувеличивал. Несколько дней назад он счёл бы каждого, кто участвовал в составлении этого доклада, сумасшедшим. Теперь он не знал, что и думать. Повсюду происходили безумные вещи, и никто не мог дать им объяснения. Долг спецслужб — прорабатывать любые возможные версии. Как ни странно, формула Шерлока Холмса оказалась верной: «Когда вы отбросили всё невозможное, то, что остаётся, каким бы невероятным оно ни было, и есть правда». Если не было ни одной правдоподобной версии, приходилось обращаться к самым фантастическим — а дальше теории, изложенной в документе Гресника, уже некуда было заходить.

— Позвольте уточнить, полковник, — сказал Вернон. — Разведывательное управление Министерства обороны утверждает, что несколько дней назад элитное подразделение «Дельта» дезертировало в полном составе и стало — как бы это выразить — расхитителями гробниц? Или, скажем, охотниками за утраченным ковчегом? И теперь их деятельность, возможно, навлекла на нас... гнев Божий.

— Лучше и не скажешь. Мы полагаем, что все дезертиры сейчас в Великобритании... на юго-западе Англии, если быть точным.

Вернон повернулся к Харрингтону, но пустое выражение лица начальника говорило о том, что тот и сам не понимает, о чём идёт речь.

Вернон никак не мог уложить это в голове. Зачем дезертирам из «Дельты» красть священные реликвии? И что им понадобилось на юго-западе Англии? Эти места он знал как свои пять пальцев — и уж точно не ждал там беглых американских командос.

— Прошу прощения, — сказал он, недоумевая, почему Гресник теперь, в свою очередь, обменялся многозначительным взглядом с Харрингтоном. — Всё это трудно сразу переварить.

— Есть ещё кое-что, что нужно добавить к картине, — сказал Гресник. — Двух дезертиров прошлой ночью задержало ваше вооружённое полицейское подразделение СО19. При них обнаружили подробные карты юго-запада Англии. Их взяли в одном из читальных залов Британской библиотеки после весьма неловкого взлома — как будто они хотели, чтобы их нашли. Когда СО19 их обнаружило, те изучали микрофильмы редких рукописей. Сейчас они в камерах по соседству.

— Британская библиотека? — удивился Вернон. — Микрофильмы чего именно?

Гресник и Харрингтон снова переглянулись, но ни тот ни другой не ответил.

— Помимо того, что написано в документе, который вы только что прочли, — сказал Гресник, — что ещё вам известно о Святом Граале?

— Ничего, — фыркнул Вернон. — Абсолютно ничего. — Он скрестил руки на груди.

Гресник приподнял брови. — Это не совсем так, не правда ли?

Вернон впился пальцами в предплечья. Он сыт по горло разговорами о Граале. Три года его бывшая подруга говорила почти только о нём. Подруга? Призрак. Как иначе назвать того, кто преследует тебя днём и ночью? Последнее, чего он хотел, — снова ввязываться в этот *circus horribilis*.

— Мистер Вернон, — сказал командующий Харрингтон, — причина, по которой мы вас вызвали, состоит в том, что у одного из задержанных было при себе кое-что важное.

Вернон почувствовал, как в комнате похолодало.

— По всей видимости, заключённые планировали похищение или убийство, — продолжил Харрингтон.

Вернон резко подался вперёд, чуть не опрокинув чашку с кофе. — Премьер-министра? Королевы?

— На самом деле — вашей бывшей подруги. Мы понятия не имеем, зачем, особенно с учётом её... состояния.

Руки Вернона задрожали; он вдавил их в бёдра, чтобы унять дрожь. Это невозможно. Он пристально посмотрел на Харрингтона. — Люси? — Имя царапнуло горло, как наждак. — Состояния?

Харрингтон отвёл взгляд. — Прости, Джеймс, я думал, ты знал.

Глава 7

— Время принимать лекарства. Одна синяя и одна красная. Запейте водой. — Медсестра нагнулась и поставила поднос с таблетками, стаканом воды и половинкой апельсина на столик рядом с пациенткой.

Люси Галахан дала медсестре убедиться, что приняла таблетки, а потом откинулась в кресле-качалке, натянув синее одеяло до подбородка. Привычная сонливость наступила быстро: тупое шествие притупившихся чувств, когда всё медленно отступает куда-то вдаль. Порой она сердилась на то, что жизнь в час приёма таблеток уходила от неё; но чаще просто чувствовала себя чуть менее плохо. Только этого она и хотела — чтобы боль прекратилась.

Иногда ей мерещилось, как она собирает всю свою боль воедино — каждый острый осколок, накопленный за прожитые годы, — и лепит из них уродливого снеговика. Она ставит его у батареи и наблюдает, как он тает, унося с собой всё её горе.

Засыпая, Люси вспоминала, как в детстве больше всего любила момент, когда мама укладывала её спать, целовала в щёку и говорила: «Спи крепко, не давай клопам кусать». В те времена ничто не причиняло боли, даже клопы. Каждый раз, когда мама выключала свет, она чувствовала себя в тепле и безопасности. Плохих снов не бывало. Теперь только они и были.

Когда она открыла глаза, уже лежала в постели, а над ней склонились две монахини и медсестра. Единственный свет в комнате давали несколько свечей; мерцающее пламя тянулось к серебряным распятиям на шеях монахинь.

— Оставьте нас, — произнёс голос — мужской голос.

Люси вздрогнула. Уже много месяцев она не видела мужчин. В шестисотлетнем монастыре Богородицы Непрестанной Помощи жили исключительно женщины.

— Вы уверены, Ваше Превосходительство? — сказала одна из монахинь. — Мать-настоятельница не давала...

— Никакой ошибки нет, — ответил голос. — Это она.

Люси не понимала. Превосходительство? Кто это? Она попыталась приподняться на локтях, чтобы его рассмотреть, но сил не было, и голова упала обратно на подушку.

Монахини и медсестра вышли и закрыли за собой дверь. На туалетном столике осталась одна свеча. Люси слышала дыхание — своё и чьё-то ещё. Где он стоит? У изножья кровати, решила она. Больше там и не поместишься. Узкая больничная кровать с продавленными пружинами. В комнате почти ничего не умещалось. В те времена, когда здесь был обычный монастырь, это называлось бы кельей, а не комнатой.

— Позвольте извиниться за то, что потревожил вас таким образом, — произнёс мужчина.

Люси уловила лёгкий ирландский или шотландский акцент.

— Я понимаю, что это неудобно для вас, — продолжал мужчина.

— Кто вы? — Глаза Люси скользнули по стене вверх к потолку, следуя за пламенем свечи. Отсветы огня плясали на картинах, которые она наклеила на потолок, чтобы каждое утро видеть их первыми. Она чувствовала, что мужчина рассматривает её картины так же пристально, как она сама. Ими были покрыты почти все поверхности кельи; кое-где они висели в несколько слоёв. Назвать себя умелым живописцем она не могла — но это было единственное занятие, которое её успокаивало. Через кисть она передавала боль на холст. Ей было легче от того, что боль становилась чем-то отдельным, далёким, — чем угодно, лишь бы не застревать в сердце.

Может, знаки были всегда. В подростковом возрасте она причиняла себе лёгкий вред — несколько неглубоких порезов бритвой на ногах и руках. Она читала «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат, заворожённая такими образами, как «дыхание кислым воздухом».

Голос мужчины прервал её мысли. — Итак, это правда, — сказал он. — Я едва смел верить.

— Вы так и не назвали себя. — Люси не была уверена, происходит ли этот разговор на самом деле. Доктор Левис, её психиатр, говорил, что у неё несколько раз были бредовые эпизоды. Но бред был лишь частью проблемы. Тяжёлая травма может привести к диссоциативному расстройству идентичности, объяснял Левис. Новое название для старомодного синдрома множественной личности. Голоса в голове; несколько голосов. Но это же осталось в прошлом, не так ли? Сейчас лучше, говорил Левис, намного лучше.

— Я из Ватикана, — сказал мужчина. — Меня зовут кардинал Джозеф Синклер. Я префект Congregatio pro Doctrina Fidei.

Люси напряглась. Это новый голос в её голове или настоящий голос живого человека? Ей постоянно приходилось искать зацепки, чтобы отделить реальное от воображаемого. В древнем мире с этим было бы проще. «Реальность» тогда была куда более текучей. Люди знали, что существует загробный мир, потому что видели его. Сны — какими удивительными они должны были казаться тем, кто не понимал, что это такое. Другой мир, где мёртвые снова живы. Древние верили, что мир сновидений и есть настоящий мир, что засыпая, мы получаем мимолетное видение мира, который заселим, когда сон станет вечным. Когда погибли её родители, Люси утратила способность понимать, где кончается сон и начинается явь.

— Простите, следовало сказать «Конгрегация доктрины веры», — произнёс кардинал. — Моя обязанность — защищать учение Римско-католической церкви от тех, кто стремится его подорвать.

Конгрегация доктрины веры? Осколок прежней жизни всплыл в памяти Люси. В Оксфордском университете она была специалистом по нестандартным системам верований и прекрасно знала, кого больше всего боятся неортодоксальные — еретики.

— Почему вы не скажете, кто вы есть на самом деле? — Она чувствовала, что разговаривает с прошлым, со всеми нормальными вещами, которые потеряла. Может быть, она и вызвала этого утончённого мужчину как замену отцу. Ей так хотелось снова оказаться в объятиях папы. Невозможно было смириться с тем, что он никогда больше её не обнимет, не спросит, как она себя чувствует, не задаст неловких вопросов о её личной жизни или карьере.

— Значит, вы о нас слышали, — сказал мужчина. В его голосе появилось что-то новое — внезапная жёсткость.

Люси ощутила, как по спине пробегает дрожь. — С каких пор вы перестали называть себя инквизицией? — спросила она.

Глава 8

Вернон не мог сосредоточиться. В мире, который, возможно, умирал, его личный призрак снова дал о себе знать. Люси Галахан была любовью всей его жизни — той, что три года угощала его каждой мыслимой теорией о великих священных реликвиях: настоящих и легендарных, — рассеянных по всей истории человечества. Лектор по сравнительной мифологии и эзотерическим исследованиям в Оксфордском университете, она была поразительно умна. К этому прилагались прекрасная внешность и спортивная фигура, отточенная страстью к подводному плаванию. Всё вместе делало её идеальной женщиной для Вернона... пока она его не бросила.

— Вот досье, обнаруженное при одном из задержанных, — сказал Гресник, передвигая папку к Вернону. — Журнал слежки. Там всё: подробный дневник передвижений Люси Галахан за последнюю неделю, её распорядок дня, данные о сиделках, фотографии с телеобъективом, справки и так далее.

Вернон беспокойно переступал ногами на стуле, разглядывая один из снимков: крупный план — Люси в инвалидном кресле в саду, рядом монахиня. Его кольнуло при виде лица, которое так долго его преследовало. Ещё тяжелее было смотреть на то, как Люси беспомощна. Он не раз пытался убедить себя, что она ничего для него не значит, — но это только усугубляло ситуацию. Её вороные волосы путались в его мыслях. Он столько времени проводил пальцами по ним, играл с ними, вдыхал их запах. Больше

всего, впрочем, ранили глаза. Большие и нежные, почти детские. Необыкновенный оттенок синего — почти фиолетовый.

Сглотнув, Вернон перелистал остальные материалы. В досье значилось, что Люси находится в учреждении ухода на окраине Гластонбери — доме восстановления для католиков, перенёсших нервные срывы. Дом ухода? Судя по фотографиям, это было какое-то жуткое старое аббатство. «Богоматерь Непрестанной Помощи» — гласила вывеска. Уже одно название говорило о том, что дела плохи.

Гластонбери — одно из самых знаменитых мест юго-западной Англии, нередко связываемое с мистическими силами, — и Вернон задался вопросом: Люси ли истинная причина, по которой дезертиры из «Дельты» оказались в этих краях, или сам Гластонбери — ключ к разгадке? Дикой казалась сама мысль, что военные могут интересоваться Люси, тем более в её нынешнем состоянии.

Они расстались полтора года назад. Когда мать Люси умерла от рака груди, та не справилась с горем. Она с головой ушла в работу. Чем больше он пытался её утешить, тем сильнее она его отталкивала. В конце концов, прислала письмо с сообщением, что не хочет его больше видеть. Без объяснений. Это было самое холодное, что ему когда-либо приходилось читать, и не укладывалось в голове, что Люси написала такое. Она не отвечала на звонки, не реагировала на письма и электронные сообщения.

Пытаясь забыть, Вернон познакомился со шведской медсестрой, ставшей его женой, и постарался раз и навсегда выбросить Люси из головы. В глубине души он никогда не переставал о ней думать. Как мучительно было притворяться, что жена — любовь всей его жизни, если ей никогда не вытеснить Люси.

Анна была блондинкой и ничуть не интеллектуальна — полная противоположность Люси. Именно поэтому он её и выбрал, конечно. Он не мог винить её за то, что та уехала обратно в Швецию. Их отношения начали разваливаться с того момента, как она объявила о беременности — через несколько недель после начала романа. Он поступил благородно и женился, но теперь размышлял: в чём благородство того, чтобы сделать несчастными двух людей? Как это скажется на маленькой Луизе? Ничего хорошего, это уж точно. Она была прелестным созданием, и каждой минутой с ней он дорожил, однако ей было лучше с мамой. С глаз долой — из сердца вон, подумал он. Но это не про Люси. До сих пор не укладывалось: Люси — в психушке?

Гресник передал ещё одну папку. — У разведывательного управления есть подробное досье на Люси, — сказал он. — Мы пытаемся понять, почему дезертиры из «Дельты» взяли её на прицел. В ходе расследования всплыло ваше имя, поэтому я и попросил вас прийти. Пока наилучшая версия связана с тем, что двое задержанных прошлой ночью изучали старинные рукописи о Святом Граале.

Вернон кивнул. Несколько лет назад Люси опубликовала «Нечестивый Грааль: тайная ересь» — спорный анализ легенды о Граале. Она утверждала, что это зашифрованная отсылка к еретическим ритуалам. Посвящённые поймут, что за Грааль-историей стоит на самом деле, а непосвящённые воспримут её просто как захватывающую сказку. Поскольку легенда была завёрнута в обёртку, делавшую её внешне совместимой с ортодоксальным христианством, католическая церковь её не запретила, хотя всегда испытывала неловкость. Таким образом, легенда о Граале позволила безопасно распространять еретические идеи по всей Европе.

Во многом Люси вдохновила книга 1920 года — «От ритуала к романтике» Джесси Уэстон: в своё время она была одновременно весьма влиятельной и весьма осмеянной. Книге Люси достались только насмешки, и — в отличие от Уэстон, которой восхищался Т. С. Элиот, — среди сторонников у Люси никого не нашлось.

— Я понимаю, что всего сразу не переварить, — сказал Гресник, — но боюсь, это ещё не всё. Думаю, вам пора посмотреть на двух задержанных.

Вернон поднялся, ожидая выйти из комнаты.

— О нет, куда мы не идём, — сказал Гресник. — Я хочу показать вам видеозапись, сделанную при доставке задержанных.

— Почему нельзя увидеть их вживую?

— Просто смотрите. — Гресник повернулся к большому ЖК-телевизору у стены, на котором в этот момент крутилась заставка с математическими символами. Он нажал кнопку на пульте — заставка исчезла, и на экране появились кадры: солдаты под прицелом ведут двух мужчин в тёмных костюмах, в наручниках.

Один из задержанных мельком взглянул в камеру.

Господи всемогущий. Вернон отвёл взгляд в отвращении.

Гресник поставил запись на паузу. — Сколько лет, по-вашему, этому человеку?

— Семьдесят? Восемьдесят? — Вернон был сбит с толку: как старик может служить в «Дельте»? И ещё больше озадачивало, как пожилой мужчина, задержанный в библиотеке, мог оказаться в таком ужасающем состоянии. Его следовало немедленно отправить в больницу. Большая часть кожи обуглилась — судя по всему, ожоги третьей степени. Ключья отваливались.

— Ему тридцать один год, — ответил Гресник. — Врач сказал, что он подвергся воздействию колоссального уровня радиации.

— Тридцать один? Невозможно.

Гресник снова нажал кнопку воспроизведения.

Солдаты отвели обоих задержанных в изолятор и поместили в разные камеры. Доктор Хью Уэллс, приятель Вернона, уложил обожжённого на тюремную кровать и занялся его ранами. Другой врач начал срезать одежду с задержанного.

Гресник перемотал запись до момента, когда доктор Уэллс оказался один в одной из комнат для допросов и тихо говорил прямо в камеру над головой.

— Тело человека покрыто волдырями и язвами от головы до пят, — говорил Уэллс. Затем доктор упомянул, что в молодости, ещё стажёром, входил в состав международной врачебной группы, направленной в Советский Союз для лечения жертв чернобыльской катастрофы. Состояние этого задержанного, сказал Уэллс, напоминает ему ядерных инженеров, находившихся ближе всего к месту аварии. Многие из них умирали в мучениях в течение нескольких дней. Этот же, по словам Уэллса, в значительно худшем положении и вряд ли протянет часы, не то что дни. Всё, что они сейчас могут, — облегчить его страдания.

Что касается второго задержанного, Уэллс сказал, что, хотя тот выглядит здоровым, его держат в изоляции в качестве меры предосторожности. К обоим задержанным без защитного снаряжения никто приближаться не будет. Любой допрос придётся проводить дистанционно.

Гресник остановил запись, и на экране снова возникла заставка.

— Ничего не понимаю. — Вернон покачал головой. — То есть что произошло с этим человеком? Источник радиации? Где? Каким образом?

— Понятия не имеем. — Гресник потянулся к изумрудному пресс-папье и поднял его. — Когда вооружённые полицейские задержали этих двоих, произошло нечто очень странное. Им приказали поднять руки и не двигаться. Вместо этого один из мужчин сунул руку в карман и выхватил вот это. Полицейский решил, что он тянется за оружием, и открыл огонь. Пуля попала в этот шар. Не оставила ни царапины.

— Это просто пресс-папье, — выпалил Вернон.

Гресник пожал плечами. — Ну, задержанному оно казалось ценным. Полицейским пришлось силой отобрать его. Ещё одна любопытная деталь: до того, как он прикоснулся к этому предмету, задержанный был цел и невредим и выглядел на свои тридцать один год. Ожоги и стремительное старение появились уже в пути, хотя по дороге к нам никакого облучения не было. По всей видимости, шар — последнее, к чему он прикасался.

— Что вы имеете в виду? Что радиация исходила из этого шара?

Гресник постучал карандашом по поверхности шара. — Насколько я могу судить, это просто цветной стеклянный шар. Несколько из нас брали его в руки без всякого вреда, но мы отправляем его в лабораторию для тщательного анализа.

Вернон представил себе разбросанные фрагменты какого-то огромного пазла, не имея ни малейшего представления о том, что должно сложиться в итоге.

— Обожжённый — капитан Луций Феррис, — сказал Гресник. — Его напарник — сержант Сэмюэл Морсон. Оба — ветераны, увешанные наградами. Именно таких людей отбирали для самых опасных операций. Среди элиты спецназа они были сливками сливок.

Вернон не мог придумать ни единого правдоподобного объяснения тому, почему лучшие солдаты Америки могли уйти в самоволку.

— Пора выяснить, хотят ли они разговаривать. — Гресник снова взял пульт и нажал кнопку.

На ЖК-телевизоре появилась прямая трансляция из камер, где находились задержанные. Стены камер были из армированного стекла — для беспрепятственного наблюдения круглые сутки. С одной камеры видны были оба заключённых. Сержанта Морсона посадили так, чтобы он постоянно видел своего командира в соседней камере — видимо, рассчитывая этим нагнать на него тревогу и разговорить. Но Морсон не проявлял ни малейшего беспокойства. В его выражении лица смешались высокомерие и удовлетворение. Вернон был озадачен. Почему Морсон выглядит таким довольным, когда капитан вот-вот умрёт?

Гресник притянул к себе микрофон и пару раз кашлянул.

Вернон обратил внимание на то, как аккуратно застёгнуты запонки Гресника, как прямо и безупречно повязан галстук. Явно из тех, кто уделяет много времени деталям.

— Что это за предмет, сержант Морсон? — Гресник поднял изумрудный шар, направив его в объектив камеры.

Морсон прищурился, разглядывая шар на мониторе, установленном в камере для двусторонней связи. — Разве это не пресс-папье?

— Значит, вы не будете возражать, если я разобью его об пол?

— Делайте что хотите.

Если Гресник и надеялся, что этот предмет имеет для Морсона и его напарника особое значение, — поощрения он не дождался. — Зачем вы и ваши люди совершили семь налётов? — спросил он. — Что вам было нужно от религиозных реликвий?

Морсон промолчал.

— Зачем вы изучали микрофильмы древних рукописей в Британской библиотеке? На этот раз Морсон улыбнулся, но по-прежнему не сказал ни слова.

— Почему природные катастрофы начались сразу после ваших семи налётов?

— Вы ведь понятия не имеете, правда? Царство слепых, а одноглазого нет и в помине, — неожиданно произнёс Морсон.

— Что вам нужно от этой женщины? — Гресник поднял фотографию Люси.

— Он знает. — Морсон указал на Вернона.

Вернон пожал плечами. Ему пришлось читать досье разведывательного управления, чтобы узнать, что произошло с Люси после их расставания. Когда умерла её

мать, отец через несколько месяцев покончил с собой. Одновременно с этим профессиональная репутация Люси была уничтожена — её теории о Граале были высмеяны как спекулятивная, ненаучная чушь. «Эта бедная женщина явно теряет рассудок», — написал один из её критиков, и оказался буквально прав. Весь мир сходит с ума, подумал Вернон, но Люси обогнала всех.

— Вы пошли на многое ради неё, — сказал Гресник Морсону. — Она, должно быть, очень важная персона.

Морсон ухмыльнулся.

— Почему именно она? Она не может вам ни помочь, ни навредить. У неё диагностировано острое посттравматическое стрессовое расстройство, повлёкшее диссоциативное расстройство идентичности. Если она и способна кому-то причинить вред, то разве что себе.

— Вы ничего не знаете, — резко оборвал Морсон. — Эта женщина...

— Да?

— Самый важный человек в мире.

Глава 9

Кардинал Синклер был высоким, вероятно, чуть за пятьдесят, с серебристыми волосами, обветренным лицом и серыми глазами.

— Я не собираюсь причинять вам вред, — сказал он. — Наши враги всегда преувеличивали нашу репутацию в области пыток.

Люси, сидя в кровати, была поражена физическим сходством кардинала с её отцом. Может быть, мозг снова обманывает её, проецируя собственные желания. В чёрной пижаме она составляла неплохую пару кардиналу.

Одетый в чёрное с белым воротничком — как обычный священник, — Синклер ничем не выдавал того, что он второй по влиянию человек в Католической церкви, хранитель доктрины Ватикана, высший авторитет в вопросах ересей. Сняв свечу с туалетного столика, он поднял её, чтобы рассмотреть картины Люси.

Она внимательно наблюдала за ним. Последние несколько минут она молчала, пытаясь осмыслить его слова. Пациентам монастыря не позволяли ни телевизоры, ни радио, ни газеты, ни компьютеры, и ни одна из медсестёр или монахинь не сочла нужным рассказывать о том, что происходит снаружи. Судя по словам кардинала, за последние несколько дней там, снаружи, воцарился настоящий ад. Её собственная жизнь была пустошью — а теперь оказалось, что и весь остальной мир к ней присоединяется. Синклер утверждал, что семь так называемых супервулканов находятся на грани извержения. Особенно уязвима Америка, на территории которой их три — в том числе один в Йеллоустонском национальном парке. Если, что теперь казалось весьма вероятным, они все извергнутся в ближайший день-два, цивилизация, а может быть, и вся жизнь на Земле исчезнет.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила Люси. — Я имею в виду: в такое время у вас наверняка столько более важных дел.

Кардинал не отрывал взгляда от стен её комнаты. — Эти картины, — сказал он. — Я не сказал вам кое-что: одну из них я уже видел раньше.

Люси уставилась на него. Он никогда прежде не бывал в монастыре — как же он мог видеть одну из её картин? Может, он играет с ней? Она потянулась взглядом к аптечке. Нужно успокоиться. Она потянулась к шкафчику, где хранила транквилизаторы, но мужчина взял её руку и крепко сжал.

— Вы не бредите, Люси. Я читал ваш последний медицинский отчёт. Там написано, что вам значительно лучше. Вас собирались переводить на режим дневного пребывания в обществе. Доктор Левис очень доволен вашим прогрессом.

Лучше? Люси так хотела снова быть здоровой, но каждый раз, когда она представляла себе это, воображение заканчивалось тем, что она падала.

— Как вы можете говорить, что видели мои картины? Это невозможно.

— Я и сам едва верил — до этого момента.

Люси вздрогнула, когда кардинал присел рядом с ней. Её отец садился рядом точно так же. Не умер. Ещё здесь, ещё может утешить. Она бы отдала всё, чтобы это оказалось правдой.

Кардинал указал на картину в центре стены за изголовьем кровати Люси. Первая, что она написала, — шаблон для всех остальных.

— Не знаю как, — сказал Синклер, — но эта картина есть и в Риме. Она часть огромной фрески, найденной в тайном склепе гробницы папы Юлия II. Художник, написавший её, умер на следующий день после завершения работы. Это была его последняя, величайшая работа.

Люси закрыла глаза. В сознании вспыхнуло имя. Словно тысячи запертых дверей распахнулись разом и свет хлынул сквозь них, изгоняя тьму, так долго сковывавшую её. В голову хлынули всевозможные странные сведения — то, что она не могла знать. Её охватила дрожь. Боже мой, что со мной происходит? — Рафаэль, — произнесла она неуверенно, надеясь, что Синклер скажет: она ошибается. Выражение его лица подтвердило, что ошибки нет.

— Только три ныне живущих человека видели фреску Рафаэля, — медленно сказал Синклер.

— Рафаэль умер почти пятьсот лет назад. — Люси была в замешательстве. В голове вспыхивали мысли — она не успевала их осмыслить, они почти захлёстывали её.

— Рафаэль умер в 1520 году, в тридцать семь лет, — ответил Синклер. — Он написал вашу картину за пятьсот лет до вас.

Люси сжала колени, качая головой из стороны в сторону.

— Пойдёмте со мной. — Синклер встал и направился к двери. — Вы сможете убедиться сами.

Глава 10

Вернон всматривался в экран телевизора, пытаясь прочесть на лице сержанта Морсона хоть какую-то подсказку. Почему Люси так важна? Пока Харрингтон о чём-то вполголоса переговаривался с Гресником, Вернон снова перелистывал её личное дело. Там говорилось, что большую часть времени она проводит за работой над серией мрачных картин, покрывая ими каждый дюйм своей комнаты. На каждом холсте был синий фон и изображена женская фигура с длинными чёрными волосами в чёрном свадебном платье. Лицо женщины всегда оставалось пустым — просто белый, лишённый черт овал.

В докладе психиатра говорилось, что Люси смертельно боится оказаться «в синеве» — таким было её собственное обозначение своего состояния. Вернон не нуждался в пояснениях. Люси и её отец были заядлыми дайверами и несколько раз брали его с собой в погружения. «В синеве» — дайверский термин для места в глубоком погружении в прозрачной воде, где пловец не видит ни поверхности, ни дна: кругом, во всех направлениях — только синий цвет. Для многих дайверов это вдохновляющее, пьянящее место, но для некоторых — дезориентирующее, вызывающее панику. Вернон

принадлежал ко вторым. Однажды он слышал, как дайвер, переживший нервный срыв, описывал этот опыт словами «в синеве». Дайвер слегка изменил смысл: из конкретной точки погружения, где теряешь понятие о верхе и низе, о «вперёд» и «назад», это выражение превратилось в точный ярлык для острой депрессии — утраты человеком ориентиров, самой его личности. Похоже, Люси тоже использовала его в этом значении.

Вернон побывал «в синеве» лишь однажды — во время летнего погружения в удивительно прозрачных водах у корнуэльского побережья близ Пензанса — и больше не хотел туда возвращаться. Люси и её отец поначалу были рядом, но горели желанием осмотреть старое затонувшее судно. Он глупо сказал, что хочет побыть в одиночестве, и они уплыли. Через пару минут вокруг не осталось ничего, кроме синевы. Он оказался в синем мире, простиравшемся во всех направлениях, — месте без якорей, без ориентиров, без указателей. Он просто-напросто потерял самого себя. Ему начало казаться, что он, возможно, утонул и теперь пребывает в каком-то синем аду, но снизу подплыла Люси и потащила его к поверхности.

— Что происходит с вашим капитаном? — голос Гресника вернул Вернона в настоящее. — Что стало причиной этих ранений? Вы ведь знаете, что к утру он умрёт.

— Капитан не умирает. — Морсон ухмыльнулся. — Он перерождается.

— Что?

— К утру сами увидите.

— Некоторые утверждают, что мир вот-вот погибнет. Что скажете, сержант?

— Грядёт нечто удивительное. Сама земля задрожит у вас под ногами.

— Вы имеете в виду турецкие землетрясения?

Морсон продолжал ухмыляться. — Он знает, что мы идём за Ним. Он останавливал нас прежде, но на этот раз Он ничего не сможет сделать.

— О чём вы говорите? — Командир Харрингтон впервые подал голос на допросе. — Кто такой Он?

— Вы человек религиозный? — спросил Морсон.

Харрингтон кивнул.

— Тогда вы прекрасно понимаете, кого я имею в виду.

Вернон подался вперёд, с любопытством наблюдая за реакцией Харрингтона. Его начальник никогда не скрывал, что является убеждённым членом богобоязненной общины — методистом, баптистом или квакером; Вернон не помнил, кем именно. Ему было недостаточно интересно, чтобы выяснять разницу между тремя этими конфессиями, и он вечно путал их. Харрингтон, к раздражению Вернона, держал Библию на видном месте на столе в своём кабинете. Вернону казалось, что религии не место в штаб-квартире МИ-5.

Выражение лица Харрингтона почти не изменилось. Он взглянул на настенный календарь с Ferragiri. — Есть ли в ближайшее время какие-то знаменательные дни, мистер Вернон? — спросил он. — Годовщины, религиозные праздники, что-нибудь в этом роде?

Вернон знал, как это делается. Громкие теракты, протесты, восстания, мятежи нередко намечались на памятные даты, словно черпая из прежних событий легитимность, а может, и силу. Он повернулся к стоявшему сбоку компьютеру и поискал в интернете ближайшие важные даты. Первым оказалось 30 апреля — канун Первомая.

— Немцы называют 30 апреля Вальпургиевой ночью. — Вернон читал с первой страницы, появившейся на экране. — По преданию, именно в эту ночь ведьмы выходят на открытое место, чтобы отомстить богобоязненным людям. — Он быстро просмотрел вторую страницу. — Это ещё и древний кельтский праздник Белтейн, связанный с жертвенным огнём. — Он заметил третью возможность, не связанную со

сверхъестественным, но столь же пугающую. — И это день, когда покончил с собой Гитлер.

Гресник выпрямился, услышав это. — Как вы относитесь к Гитлеру, сержант?

— Он знал.

— Что знал?

— Мёртвые всегда превосходили живых числом. Они называют живых чудовищами. Нас тоже, наверное, назовут чудовищами — быть может, худшими из всех.

— Это ни к чему нас не ведёт. — Харрингтон оборвал связь с Морсоном.

На мониторе снова появился математический скринсейвер. Греческие буквы, прописные и строчные, всевозможных цветов заполняли ЖК-экран, вращаясь, переворачиваясь, сжимаясь и расширяясь. Неразрешимое уравнение, подумал Вернон, — совсем как вся эта ситуация. Отвлёкшись, он не сразу заметил, что в комнату вошёл доктор Уэллс.

— Я решил, что вам нужно сообщить об этом немедленно, — сказал Уэллс Харрингтону. — Тесты, которые мы провели на капитане Феррисе, не поддаются объяснению. Нам не удалось определить, какому именно виду радиации он подвергся, однако она, по всей видимости, вызывает метаболическую трансформацию. — Он нервно потёр лицо. — Иными словами, он меняется на молекулярном уровне.

— Я не понимаю.

— Командир, я никогда ничего подобного не видел. То, что происходит с этим человеком, — медицинская наука бессильна это объяснить.

— Что вы хотите сказать? — Харрингтон встал с места и оказался лицом к лицу с Уэллсом.

— Вы верите в Бога? — спросил Уэллс.

— Полагаю, мои религиозные убеждения совершенно не имеют отношения к делу. Ближе к сути, доктор.

— Ожоги заключённого не усугубляются. Более того — они заживают. Он снова молодеет. — Уэллс промокнул лоб носовым платком. — Вся обгоревшая плоть отпала. Кожа под ней — как бы это сказать — прозрачная. Сквозь него почти можно видеть. Но есть ещё кое-что. На каждом плече симметрично появились наросты, похожие на... Господи, я понимаю, как это звучит. — Он произнёс следующие слова очень медленно: — ...зачатки крыльев. — Он покачал головой. — Знаю, это невозможно, но...

— Возьмите себя в руки, — резко бросил Харрингтон.

— Я не верующий. Если бы был — нет, это безумие.

Харрингтон скрестил руки на груди и отвернулся от доктора.

Уэллс уставился в пол. — Командир, я думаю, заключённый превращается в... — Мучительная пауза. — ...ангела.

Глава 11

Это какой-то фокус. Другого объяснения не было. Люси хотелось вскочить с места и убежать. Когда кардинал Синклер привёл её в часовню, включил проектор и вставил слайд, привезённый из Рима, она ожидала увидеть обычную ренессансную картину. Но перед ней было чудо — просто невозможное. Глядя на огромное изображение, спроецированное на заднюю стену, она дрожала.

— За пятьсот лет это видели лишь единицы, — сказал Синклер. — Никому не разрешается входить в хранилище, где это хранится, без прямого разрешения Папы. Рафаэль работал над ней с таким неистовством, что это убило его. Именно напряжение и изнурение привели к его смерти в тридцать семь лет.

Люси сжала кулак и прижала костяшки пальцев ко лбу. Она встала и шагнула назад — почти пошатнулась — пытаясь охватить взглядом всю фреску. Двадцать четыре маленькие панели окружали большую центральную, разделённую на две части: верхняя изображала традиционную небесную сцену с ангелами, купающимися в божественном свете; нижняя — конец света, сосредоточившись на испуганных лицах множества обычных людей, бегущих от огня, льющегося с чёрного горящего неба.

На окружающих панелях был изображён Храм Соломона, на другой — Ковчег Завета. Была там картина, где римский центурион пронзает бок Христа копьём; другая — усекновение главы Иоанна Крестителя. Дерево Познания и Сад Эдемский, Каин, убивающий Авеля. На одной панели Иисус пьёт из чаши на Тайной Вечере.

Взгляд Люси скользил от панели к панели. Было ещё несколько обычных религиозных сцен, но затем начиналось странное. На одной панели — король Артур в Камелоте, на другой — шествие Реликвий Грааля перед старым Королём-Рыбаком в зале Замка Грааля, на третьей — последняя апокалиптическая битва Артура при Камланне. Несколько других сцен из артурианского цикла и ещё несколько панелей с изображениями, смысл которых был для Люси совершенно непонятен.

Артурианское искусство, как она знала, по-настоящему расцвело лишь в XIX веке, когда им увлеклись прерафаэлиты. Ни один искусствовед никогда не предполагал, что Рафаэль писал артурианские сцены. Если эти изображения подлинны, они могут перевернуть историю искусства — да и саму историю.

Но не эти панели снова и снова притягивали взгляд Люси. Они казались невероятными, но не невозможными. Фреска содержала одну деталь, для которой никакого объяснения не находилось. Это была панель в центре нижнего ряда — не имевшая ничего общего с возвышенным стилем Рафаэля.

Люси заставляла себя проснуться. Это просто не могло быть реальным. То, что было перед ней, было не просто знакомым — это была её собственная работа. Панель являлась точной копией той первой картины, которую она написала в своей палате.

— Я понимаю, как трудно это принять, — сказал Синклер, — но вот оно.

Люси в чёрной пижаме и тапочках тёрла руки. В часовне было так холодно. Она продолжала тереть, движения становились всё более лихорадочными. Может быть, она сможет стереть то, что видит, вытереть это из памяти.

— Если изучить панели, — заметил Синклер, — вы увидите, что при движении по часовой стрелке они образуют повествование. Папа Юлий II умер за семь лет до Рафаэля. Мы понятия не имеем, оставил ли он Рафаэлю конкретные указания создать эти образы или позволил художнику вольно пользоваться воображением. Рафаэль не оставил никаких объяснений относительно смысла изображений.

— Ватикан показал фреску доверенным экспертам, и ни один из них не смог объяснить все образы. Многие не соответствовали известным предпочтениям Юлия. Лишь один человек смог пролить хоть какой-то свет на происходящее.

Люси уже сидела на одной из скамей. Внезапно она выпрямилась. Секунду в голове было пусто, затем имя ударило её, как вспышка, — точно так же, как раньше с Рафаэлем, словно оно ждало там многие годы. Оно было таким ярким, таким живым — хоть неонам пиши: «Нострадамус», — произнесла она. Откуда эта уверенность? Никакого смысла. Она опустила голову.

Кардинал сел рядом и чуть заметно кивнул в знак подтверждения.

— Что происходит со мной? — Люси закрыла глаза. В голове всплывали слова, которых она не понимала. — Точка выбора... — произнесла она, — ...Точка выбора. Спасение. Проклятие. Выбери. Губитель или Искупитель.

— Почему вы говорите эти вещи, Люси? — спросил Синклер.

— Понятия не имею.

— Вы боитесь?

— Я ничего не понимаю. Что происходит?

— Всё это там, в вашем подсознании, Люси. Вы знаете, что нужно делать.

— Я ничего не знаю.

— Люси, Ватикан никогда не раскрывал, что однажды обращался к Нострадамусу по поводу этой фрески. Ему под страхом смерти запретили говорить об этом хоть слово. То, что он записал, было заперто. Только Папы и держатели моей должности когда-либо получали доступ к его запискам. И всё же, без всякой подсказки, вы назвали его имя. Каждое слово, которое вы только что произнесли, было использовано Нострадамусом.

Люси обхватила голову руками.

— Нострадамус сказал, что Точка выбора — это момент, когда мир будет спасён или уничтожен Избранным.

Люси встала и подошла к стене, на которую проецировалась фреска. Она протянула руку к панели, которая каким-то образом принадлежала ей. Проекция скользила по тыльной стороне ладони, рябя и изгибаясь по мере её движения. — Либо я воспроизвела неизвестную работу Рафаэля, — сказала она, — либо он воспроизвёл неизвестную картину, написанную мной, за пятьсот лет до моего рождения.

— Несколько часов назад умер Папа, — ответил Синклер. — Я должен быть с другими кардиналами в Сикстинской капелле, чтобы избрать нового Папу. Теперь вы понимаете, почему я приехал сюда вместо этого.

Папа умер? Люси отдернула руку и повернулась к алтарю. Когда-то она ездила смотреть на Папу — в те дни, когда ещё была доброй католичкой, когда ещё верила во всё то, что теперь казалось ей таким нелепым. Она стояла на площади Святого Петра вместе с десятками тысяч верующих в ожидании папского благословения на Пасху. Теперь он ушёл — как ушли её родители. Все уходят рано или поздно.

Она снова взглянула на безликую женщину, плывущую в синеве. Зачем Рафаэлю было обезображивать своё удивительное произведение искусства этой бесхитростной работой? Для него это не могло иметь никакого смысла. Смысл это имело только для неё. В те дни, когда она занималась подводным плаванием, самым долгожданным моментом погружения для неё было — оказаться в синеве. Она зависала там, в этом странном водном лимбе, в синем мире, чувствуя себя невесомой, освобождённой от давления жизни. Ничто не могло до неё добраться. Никто ничего от неё не требовал. Как будто она нашла идеальное место, чтобы спрятаться.

— Я не знаю, кто эта безликая женщина, — тихо сказала она. — Фигура в поисках личности — вот и всё. Никто конкретный.

— Но это очевиднее некуда, — ответил Синклер. — Это вы.

Люси не могла винить его за такую мысль. Ему это было необходимо — считать именно так. Пролодав весь этот путь, он не мог позволить себе ошибиться.

— Нострадамус сказал, что фреска Рафаэля — это пророчество о конце света, — произнёс Синклер. — Отдельные картины образуют код. Если его расшифровать — мир будет спасён. Если нет — всему конец.

— Я не могу помочь, — сказала Люси. — Посмотрите на меня: я в психиатрической больнице.

Неожиданно незнакомый звук прервал их, и они замолчали.

Первой заговорила Люси. — Петарды?

Звуки доносились издали, но были достаточно отчётливы. Прерывистые очереди, громкие хлопки. Но почему кто-то устраивает праздник в такое время?

Синклер встал и бросился к двери, задвинув засов.

- Что вы делаете? — Люси почувствовала, как внутри поднимается паника.
— Эти звуки, — сказал Синклер. — Это выстрелы.

Глава 12

Вернон с трудом переваривал услышанное. Ангел? Из всех его коллег Хью Уэллс был самым рациональным, и всё же сейчас Вернон с изумлением наблюдал, как дрожат руки доктора.

— Должно быть другое объяснение. — Уэллс рухнул на стул, схватившись за голову.

Вернон обвёл взглядом комнату и на мгновение представил, что стены со всех сторон надвигаются на него.

Командир Харрингтон покачал головой. В своём костюме в полоску, каким обычно щеголяют банкиры из Сити, он казался Вернону человеком не на своём месте и не в своей должности. Полковник Гресник оставался единственным, кто сохранял спокойствие. Неужели его не выбивала из колеи мысль о том, что в соседней камере может находиться ангел?

— Что думаете, полковник? — спросил Вернон.

— Я рассказал вам не всё, что знаю о Секции 5. — Гресник катал ручку между пальцами. — Изначально в ней было двадцать человек. К 1945 году они проработали вместе два года и не понесли ни одной потери. В течение месяца после начала допросов нацистских чиновников девятеро погибли.

— Но разве война не была практически закончена?

Гресник кивнул. Он объяснил, что незадолго до гибели девятого тот успел обратиться к генералу Паттону с поразительным обвинением. Он утверждал, что восемь его коллег были убиты, а самое невероятное касалось личности убийц: ими якобы были другие члены Секции 5.

На следующий день его обнаружили повешенным в своей комнате. Официальный вердикт — самоубийство. Расследование установило, что он давно страдал депрессией. Среди его вещей нашли незарегистрированные записи допросов с безумной историей о заговоре, уходящем корнями на десять тысяч лет назад, нынешними наследниками которого якобы являлись нацисты. Остальные следователи отрицали, что подобные допросы вообще проводились, и назвали эти утверждения абсурдными. Записки погибшего были восприняты как неопровержимое свидетельство его помешательства. Оснований ставить под сомнение выводы расследования не нашлось.

— Но теперь всё изменилось, да? — перебил Вернон.

— Моя работа — не исключать ничего. Мы можем опираться только на факты. С капитаном Феррисом происходит нечто необъяснимое. В этом нет сомнений. Всё остальное — домыслы.

— Совершенно верно, — сказал Харрингтон, — чистые домыслы. — Он повернулся к доктору Уэллсу. — Доктор, продолжайте наблюдать за состоянием Ферриса и немедленно сообщайте о любых существенных изменениях. Тем временем я выставлю дополнительную охрану. Полковник Гресник, мне нужно знать точно, в чём заключалась задача Секции 5 в 1945 году. Что они пытались выяснить?

— Секция 5 подчинялась непосредственно генералу Паттону, — сказал Гресник. — Паттон был одержим желанием узнать, что Гитлер сделал с Копьём Судьбы.

— Мы говорим о том самом генерале Паттоне? — сказал Вернон.

— О нём самом.

— Почему блестящего солдата вроде Паттона заботило какое-то старое копье? — Даже задавая этот вопрос, Вернон чувствовал, как по спине струится пот. Кое-что о Копье Судьбы он уже знал. Оно занимало видное место в книге Люси, но в своеобразном контексте. Она полагала, что именно оно, а не распятие убило Иисуса Христа.

— Мистер Вернон, Паттон был не обычным генералом. Он верил, что является реинкарнацией Ганнибала. Кроме того, у него были весьма нестандартные взгляды на послевоенную ситуацию в Европе.

— Например?

— Он хотел перевооружить две дивизии Ваффен-СС, включить их в свою армию и напасть на Советский Союз. Он считал коммунизм самой страшной угрозой, какую только можно себе представить.

— Он симпатизировал нацистам?

— Многие так думали. В конце 1945 года он погиб от травм, полученных в автокатастрофе в Германии. На пустой дороге в туманных условиях его машина с водителем столкнулась с военным грузовиком США, ехавшим навстречу. Тот без видимой причины вывернул прямо под его автомобиль. Некоторые считали это не случайностью.

— А что насчёт Копья Судьбы? — Когда-то Вернон задавал Люси подобные вопросы. Он помнил, как она загоралась каждый раз, когда находила новый фрагмент головоломки. Она была такой живой, такой энергичной. Было жутко думать о ней сейчас — как о сумасшедшей, которую возят в инвалидном кресле.

— Паттон якобы хотел вывезти его в Америку, — сказал Гресник. — Он заявил, что если копье окажется в руках американцев, те будут править миром.

— Тогда почему он вернул его австрийцам?

— Не вернул. По слухам, Паттон распорядился изготовить убедительную копию. Именно её и отправили в Вену.

— В таком случае, что стало с настоящим?

— Насколько нам удалось установить, его переправили в Америку и спрятали в надёжном месте в Северной Каролине. — Гресник отложил ручку. — Если быть точным — в Форт-Брэгге.

Вернон обернулся к Харрингтону, ожидая, что начальник будет так же потрясён этим открытием. Но вместо этого лицо Харрингтона побелело.

— Что-то не так, сэр?

— Я никогда не думал, что до этого дойдёт, — медленно произнёс Харрингтон. — Я считал это чистейшим безумием. Этого не может быть.

— Я не понимаю, сэр.

— Разве вы не видите? Всё это — всё связано. Каким-то образом Гитлер тянет руки из могилы.

— Прошу прощения?

— Мистер Вернон, немедленно идите в архивный отдел. — Харрингтон достал носовой платок и протёр очки. — Мне нужно, чтобы вы принесли одно из чёрных дел вместе с официальным переводом. Когда придёте, попросите архивариуса позвонить мне за кодом авторизации.

— Какое чёрное дело? — спросил Вернон.

Ответил Гресник: — «Судьба каинитов».

Глава 13

Стрельба прекратилась. Кардинал Синклер стоял у главной двери часовни, прислушиваясь к звукам в коридоре снаружи.

Люси сидела в скамье лицом к алтарю. Она ненадолго взглянула на кардинала, чтобы понять, что он делает, но теперь просто смотрела себе на колени, желая скрутиться в крошечный клубок. Она была той, что находилась в приюте, — в пижаме и тапочках, — а там, в коридорах, бродили люди с оружием и гранатами, куда более безумные, чем она когда-либо могла бы быть.

По словам Синклера, за ней пришёл отряд солдат. Он сказал, что другие знают, как она важна. Важна? Она не могла представить себе никого менее значимого. Если она примет лекарство, всё это уйдёт? Может, утром она выпила не те таблетки. Однажды она приняла слишком много, и ей промыли желудок. Иногда она делала вид, что это была случайность. Чаще она рисовала новые картины — синее, чем когда-либо, — пытаясь найти тот оттенок, который передавал её чувства в этот день, но так и не могла приблизиться. Какого цвета самоубийство?

— Что за солдаты? — спросила она.

— Если я знаю о тебе, Люси, то другие — тоже.

— Всё было в тайне. Вы сами так говорили.

— То, что знаем мы, знает и другая сторона. Так было всегда. Бог должен испытывать нас. Иначе в чём смысл? — Синклер снова взглянул на дверь. — Мне нужно вывести тебя отсюда.

— Другая сторона? — повторила Люси. — О чём вы говорите? — Она понимала, что сейчас самое время двигаться, но осталась на месте. — Я никуда не пойду. — Она не выходила из монастыря шесть месяцев. Мысль о том, чтобы оказаться там, снаружи... Раньше это было плохо, а теперь — невыносимо.

— Добро и зло, — сказал Синклер. — Другая сторона всегда на шаг позади.

Когда кардинал схватил её за руки, Люси закричала. — Я этого не просила. Отойдите от меня.

В глазах кардинала мелькнуло чувство — ненависть. Ошеломлённая, Люси попыталась встать, но Синклер удержал её.

— Господи Всемогуций. — Люси отшатнулась. — Вы меня ненавидите.

— Ну же, Люси, ты напугана. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Пошли вы! — у Люси отвисла челюсть. Она не могла поверить, что только что сказала. За всё время в монастыре никто ни разу не ругался. Сквернословить в часовне... какое наказание за это предусмотрено? Слова гулко отозвались. Они звучали странно, как будто монастырь услышал их, не понял и теперь выплёвывал обратно. Такие непристойные, такие гадкие. Люси было стыдно.

Кардинал, явно потрясённый, отпустил её, сделал несколько шагов и опустился на колени перед алтарём. Он начал молиться. На секунду Люси подумала, что не видела ничего более нелепого. Потом почувствовала себя идиоткой. Как можно обвинять кардинала в том, что он молится?

Стрельба возобновилась — на этот раз значительно ближе. Синклер молился всё громче, по-латыни. Слова завораживали, казались куда более весомыми, чем на английском. В них была святость, магия. Когда-то Люси тоже молилась вот так. Она молилась до тех пор, пока не краснели и не ныли колени, пока руки почти не начинали кровоточить. Она просила Бога исцелить мать от рака. Через несколько дней мама умерла.

Его нет, — сказала она себе, глядя на фигуру Христа. — Его никогда не было. Теперь это было ей совершенно очевидно. Конечно, у неё был Создатель. Вернее, двое, но оба мертвы. Сначала мать — уничтоженная опухолью, расползшимися по всему телу, — потом отец, столь же смертельно уничтоженный отчаянием. Он оставил прощальную

записку. По всей странице всё более отчаянным почерком было нацарапано «В синеве», а в конце — три последних слова: «Прости меня, Люси».

Что делаешь, когда твои создатели мертвы? Они дали тебе жизнь, но не смогли спасти свои. И уж точно не могут спасти твою. Они бросили её. Ничто больше не имело смысла. Сначала тебя создают — а в этом вся и суть: ни одно созданное существо никогда не просит себя создавать, — потом ты с этим застряла. Тебя вталкивают в существование, нравится тебе это или нет. Самое последнее, что тебе предлагают, — это выбор. И вскоре понимаешь, что есть лишь один выход: смерть. Создатели лепят тебя, заранее зная, чем должна закончиться история. И при этом считается, что творение — это благо?

Она закрыла глаза. В голове крутился только старый детский стишок. «Мост Лондона рушится». Снова и снова она повторяла эти слова. Они почему-то её успокаивали. «Рушится, рушится».

Глава 14

— Что вы имеете в виду? — Вены на лбу командира Харрингтона вздулись. — Этого не может быть.

Вернон снова объяснил и сам удивился, насколько спокойно докладывает факты. Спокойствия у него не было чуть раньше, когда он вошёл в архивный отдел — обычно самую упорядоченную часть Темз-хауса — и обнаружил архивариуса мёртвым, с лицом, искажённым ужасом, а саму архивную комнату — словно после взрыва. Совершенно секретные документы, многие из которых обгорели, валялись повсюду. Все картотечные шкафы были взломаны, стеллажи опрокинуты, как будто некий злоумышленник в безумной ярости лихорадочно что-то искал.

— Чёрные папки, — сказал Харрингтон. — С ними должно быть всё в порядке. Они хранились в нашем сейфе высшей степени защиты.

Сейф Темз-хауса был создан по образцу американского Форт-Нокса. Построенный из стали и бетона, он был разделён на несколько защищённых отсеков. Дверь сейфа весила более двадцати тонн, и ни один человек не знал полной комбинации для её открытия. Теперь, каким-то образом, его больше не существовало.

— Дверь сейфа исчезла, — сказал Вернон. — Испарилась. Все папки внутри были похищены или сожжены. Ничего не осталось.

— Но этот сейф был неприступен.

— Командир, я видел это собственными глазами. Он полностью уничтожен, а «Судьба каинитов» исчезла.

Харрингтон тяжело опустился в кресло. — Но это был ключ ко всему.

— Криминалистическая группа просеивает обломки, — сказал Вернон. — На записях камер видеонаблюдения — только белая вспышка и больше ничего. Полная загадка.

Полковник Гресник, тихо пивший кофе в углу, поставил чашку. — Вы не думали, что нас подставили? Возможно, настоящим планом Ферриса и Морсона было проникнуть сюда и похитить «Судьбу каинитов».

Вернон удивлённо взглянул на полковника. — Чёрт возьми, троянский конь — старейший трюк на свете.

Харрингтон переключился на телевизионную картинку, показывавшую камеры заключённых. Сержант Морсон сидел точно так же, как прежде, а капитан Феррис лежал под простынями, корчась и стоная.

— Бедняга, — сказал Вернон. — Похоже, с этой теорией придётся распрощаться. — Он повернулся к Греснику. — Почему вы решили, что заключённые могут быть

заинтересованы в «Судьбе каинитов»? Вы говорите о ней так, словно это нечто особенное.

— «Судьба каинитов» — самый ценный документ в мире.

— Что вы имеете в виду? — Харрингтон беспокойно шевельнулся. — Я один из трёх людей, которые видели его за последние шестьдесят семь лет. Больше никто и близко к нему не подходил. Вы не могли знать о нём ничего.

— Вот тут вы ошибаетесь, — ответил Гресник. — Мой дед... именно он переводил его.

Глава 15

Глаза Люси открылись — нехотя. Синклер всё ещё стоял на коленях, молясь.

— *De profundis clamavi ad te, Domine*, — произнёс он по-латыни.

Люси слишком хорошо знала эти слова. «Из глубины воззвал я к Тебе, Господи» — первые слова Псалма 129. Порой ей казалось, что они выжжены у неё на сердце. Это был вопль всех, кого раздавило горе.

Когда вновь слышались выстрелы, голос Синклера стал отчаяннее. — *Vanitas vanitatum*, — произнёс он, — *et omnia vanitas*.

Люси склонила голову. «Суета сует, и всё — суета». Как часто она думала об этом с тех пор, как умерли родители? В жизни больше не было смысла. Как ей быть, если те, кто сотворил её мир, мертвы, если любовь вырвана из неё навсегда?

Она вышла из скамьи и на цыпочках подошла к боковой двери, скрытой за красными бархатными шторами. Как можно тише она приоткрыла дверь и выскользнула в коридор. В соседнем коридоре — том, что вёл к трапезной — прогремел выстрел. Солдат в чёрной форме пошатнулся и рухнул лицом вниз на пересечение коридоров.

Люси смотрела на голову мужчины. Кровь хлестала из зияющей раны в нижней части челюсти и растекалась по полу. Глаза были широко открыты, но жизни в них не было. Она попыталась сдвинуться с места, но не смогла. «Всё — суета». Ей хотелось свернуться клубком, лечь на пол и надеяться, что никто её не тронет.

Когда-нибудь бедные родители этого солдата узнают о гибели сына. Его братья и сёстры будут убиты горем. Его девушка — может быть, беременная — уже не оправится: любовь уничтожена именно тогда, когда она была нужна больше всего. Целое дерево страдания, ветви которого прорастают в десятках мест, боль сочтётся через корни и расходится всё шире. Разбитые сердца падают, как осенние листья.

Из глубины.

Чувствуя тошноту, она прокралась в одну из уборных. В углу стояло ведро с грязной водой, из которого торчала старая швабра. Она вылила немного воды на пол перед одной из кабинок, прикрепила на дверь табличку «Не работает» из кладовки уборщика и заперлась внутри. Примостившись на крышке унитаза, она подтянула колени к подбородку и постаралась не издавать ни звука. Закрыла глаза. Прошли минуты. Тишина. Ничего.

Мысли вернулись к картине Рафаэля. Во всей фреске что-то было не так — или слишком правильно, а это, пожалуй, одно и то же. Когда она попыталась мысленно восстановить фреску, все детали оказались каким-то образом запечатлены в памяти — словно они были с ней всегда. Всё настойчивее ей казалось, что она видела эту фреску прежде... но она понятия не имела, как такое возможно.

Боже, бред возвращается — как иначе это объяснить? Чем больше она сосредотачивалась, тем ярче становилась картина. Она превращалась в объёмное изображение, которое можно было вращать и переворачивать, рассматривать с любой

точки. Почему она чувствует, что знает её так хорошо? Во многих отношениях это была уменьшенная версия фрески на потолке Сикстинской капеллы Микеланджело. В ней была схожая религиозная символика и рассказывалась похожая история Сотворения мира. Вот только в ней было нечто едва уловимо иное — какая-то двусмысленность. Может быть, она была зеркальным отражением или слегка не в фокусе. В одном Люси не сомневалась: в этих образах скрывалась радикально иная история человечества, чем та, которую ей преподавали в школе.

Она мысленно вынесла на первый план верхнюю левую панель и принялась изучать её так, словно вернулась в Оксфордский университет. Заржавевшие мыслительные механизмы пришли в движение.

На панели было изображено ослепительное световое шоу — радужные огни, кружащиеся, как ветер, — но в одном углу таилась тьма: густой, зловещий мрак. Это должно было быть изображением отделения света от тьмы, описанного в книге Бытия.

Переходя по часовой стрелке к следующей панели, Люси почувствовала беспокойство — сама не понимая почему. Бог был изображён сидящим на троне из алмазов, окружённым сонмом светящихся, полупрозрачных ангелов. Но снова присутствовал тревожащий элемент — тёмный ангел, готовый метнуть копьё в Бога. Люси решила, что это изображение восстания Люцифера против Бога.

На следующей — тот же тёмный ангел падает на землю, сжимая копьё, окружённый потоком чёрных капель. По всей видимости, изгнание Люцифера с Небес.

Следом шёл Эдемский сад с Деревом Познания в форме человека с огромным мозгом. Перед ним стояли обнажённые Адам и Ева. Рядом змей скользил по странному изумрудному шару.

Затем Каин — на удивление привлекательная фигура — был изображён убивающим смуглого Авеля копьём. На следующей панели Каин нёс на лбу странный знак в виде двойной буквы S — два переплетённых змея. Знак Каина, решила Люси. За Каином высилось город с высокой сверкающей башней. Люси предположила, что это Вавилонская башня.

Панель 7 в верхнем правом углу изображала Бога в мистическом облаке над Ковчегом Завета в шатре — Скинии, — рядом с которым стояла фигура, напоминающая Моисея. На следующей панели был изображён золотой Храм Соломона, перед Ковчегом молится первосвященник.

Панель 9 — Иисус, которого крестит Иоанн Креститель в реке Иордан. На заднем плане ждала ещё одна фигура, похожая на Иисуса. Люси понятия не имела, кто это, но почему-то была уверена: эта фигура имеет огромное значение.

На панели 10 Саломея исполняла танец семи покрывал перед царём Иродом. На следующей — отрубленная голова Иоанна Крестителя лежала на золотом блюде, инкрустированном драгоценными камнями. Глаза и рот были широко открыты, и что-то в этом образе напомнило Люси «Крик» Мунка. На заднем плане обезглавливали ещё одного человека. Люси задалась вопросом: не тот ли это, кто раньше ждал крещения от Иоанна? Кто он?

На панели 12 была изображена Тайная Вечеря: между Иисусом и Иудой лежали тридцать сребреников. Ярko были показаны золотое блюдо с хлебом, усыпанное драгоценными камнями, и прекрасная чаша с вином — Святой Грааль.

Панель 13 в нижнем правом углу изображала римского солдата, вонзающего копьё в бок Христа на Распятии, и мужчину — предположительно Иосифа Аримафейского, — собирающего кровь в Святой Грааль.

На панели 14 было представлено Воскресение. Толпа была свидетелем этого события: половина ликовала, другая половина — с глубоко скорбными лицами. Люси не

могла понять, почему Рафаэль изобразил одних людей столь несчастными на этом радостном событии.

Панель 15 изображала осаду замка на вершине горы. Люди спускались по склону в темноте, а с другой стороны горы на рассвете мужчин и женщин сжигали на кострах.

Панель 16 была самой загадочной из всех изображений: собственная картина Люси. Как она могла оказаться в этом собрании неизвестных шедевров одного из величайших художников мира?

На панели 17 был изображён, по всей видимости, Камелот Короля Артура — замок, возвышающийся над бурным морем. На панели 18 — битва при Камланне, где Артур, сжимающий Экскалибур, был убит копьём своего племянника Мордред. На заднем плане — круглая часовня и замок на высоком холме, окружённом деревьями. Над часовней клубилась туча чёрных воронов.

Следующая панель представляла опустошённую землю, полную нищих в лохмотьях. В одном углу — тёмная пещера с озерцом в центре, полная сталактитов и сталагмитов. В другом — лес с разрушенным аббатством посередине.

На панели 20 был горный замок, возвышающийся над озером в лесистой долине. Прямо на поверхности озера был изображён Святой Грааль.

На следующей панели — процессия Регалий Грааля: Копьё, Меч, Чаша и Блюдо перед Королём-Рыбаком, хранителем Замка Грааля.

На панели 22 — Король-Рыбак с копьём, торчащим из внутренней поверхности бедра.

Что касается панели 23, то она была просто странной. Она делилась на четыре части: в одной — синяя свастика на белом флаге, в следующей — восходящее солнце, в третьей — чёрно-белый флаг, в последней — череп и скрещённые кости. В центре четырёх флагов — круг с пирамидой, в которую вписано смотрящее око, а над всей конструкцией парил Феникс.

Последняя боковая панель была самой впечатляющей из всех. На ней был изображён Рим в зеркале. Ватикан был показан перевернутым в песочных часах. В верхней части часов — миниатюрная вселенная из ослепительных огней.

Глаза Люси широко открылись. Прямо за дверью кабинки она слышала голоса, говорившие по-немецки. Что происходит? Язык сменился. Кардинал Синклер был с ними, говорил по-итальянски. Он явно был рассержен.

Без предупреждения кто-то ногой выбил дверь кабинки. Солдат смотрел на Люси сверху вниз, на плече у него висел автомат. — Если хотите жить, вам нужно немедленно идти со мной, — сказал он на хорошем английском.

— Не хочу.

Солдат схватил автомат и направил его на неё. — Тогда я вас убью.

Глава 16

— Ваш дед — профессор Рейнхардт Вайс из Кембриджского университета? — спросил Харрингтон, явно ошеломлённый.

Гресник кивнул. — В конце 1945 года он переехал в Гарвард из-за предвзятого отношения к нему со стороны МИ-5. Они признали точность его перевода «Судьбы каинитов», но заявили, что сам документ явно бессмысленен.

Вернон вспомнил, что Колдуэлл рассказывал ему о «Судьбе каинитов». Теперь Гресник это подтверждал. Он подумал, не стоит ли поднять перед Харрингтоном вопрос об обращении Харриса к «Судьбе каинитов» в последние двадцать четыре часа. Решил подождать.

— Рейнхардт Вайс подписал Закон о государственной тайне, — сказал Харрингтон. — Он согласился не обсуждать это дело ни с кем.

— Мой дед говорил, что вы все были слепцами. Если вы не желали помочь, он был готов действовать в одиночку. Это стало делом всей его жизни — выяснить, что стоит за «Судьбой каинитов». Перед смертью он передал все свои труды дочери, моей матери. Теперь она профессор истории в Гарварде. Выходя замуж, она позаботилась о том, чтобы её муж был ведущим специалистом в области эзотерических исследований. Мой отец из Йеля подошёл ей идеально.

Вернона замутило. Эзотерические исследования — именно то, что преподавала Люси в Оксфорде. Интересно, привлёк бы Люси — прежнюю Люси, а не ту тень, которой она стала, — Гресник с его голливудской внешностью и экспертизой во всём, что она любила?

— Ваш дед сделал несанкционированную копию «Судьбы каинитов»? — Харрингтон был раздражён. — Завещал её дочери, а та — вам? Это так?

Гресник кивнул.

— Командир, — перебил Вернон, — мне достоверно известно, что вы обращались к «Судьбе каинитов» вчера.

Гресник с внезапным любопытством уставился на Харрингтона.

— Как...? — Харрингтон покачал головой. — Не важно. — Он уставился в пространство. — Когда я пришёл в МИ-5 из Оксфорда, меня назначили специальным помощником тогдашнего генерального директора. Однажды ночью, незадолго до его отставки, он напился в своём кабинете. Он был в странном настроении. Думаю, он знал, что его вот-вот выгонят. Если когда-нибудь покажется, что мир катится к концу, сказал он мне, поищите в наших архивах документ под названием Судьба каинитов. Клянусь вам, Харрингтон, меня бросает в пот всякий раз, когда я о нём думаю.

— Затем генеральный директор произнёс одну из самых странных фраз, которые мне когда-либо доводилось слышать. «Если хоть что-то из этого правда, — сказал он, — мы обманываем себя, полагая, что хоть что-то знаем. Это означает, что где-то есть люди, причастные к невероятному секрету, о котором остальные могут лишь догадываться, — тайной истории мира... мир более странный, чем мы способны вообразить».

Харрингтон пожал плечами. — Я мельком просмотрел документ из простого любопытства, но он не имел никакого смысла. Я согласился с официальной оценкой, что это чепуха. Честно говоря, мало что запомнил. Копьё Судьбы было значимым — это единственное, что произвело на меня впечатление.

Гресник слабо улыбнулся, затем вытащил лист бумаги из одной из своих папок. — Мой дед знал, что документ будет погребён и забыт. Он не мог этого допустить. Хотя «Судьба каинитов» была загадочной, дед распознал в ней ключ к чему-то поразительному: переосмысление истории, основанное на идеях, которые мы на Западе никогда не решались воспринимать всерьёз. — Он положил лист в центр стола. — Это перевод «Судьбы каинитов», сделанный моим дедом.

12 марта 1938 года. Сокровищница, дворец Хофбург, Вена

С чего начать? Рука дрожит, пока я пишу эти слова. Гиммлер заставил нас поклясться не записывать ничего из того, что произошло сегодня. Я никогда в жизни не послушался его, и единственное моё оправдание сейчас в том, что это личные слова, которые прочту только я сам. Я хочу иметь возможность снова и снова переживать сегодняшний день на протяжении того, что, молю Бога, будет кратким остатком моей жизни в этом мире.

Мы прибыли в Императорскую сокровищницу в полдень. Гиммлер приказал австрийскому персоналу покинуть помещение, и затем нас двенадцать вошли внутрь — по одному от каждой из двенадцати семей изначального жречества. Меня пробирала дрожь при мысли о том, что мы, должно быть, выглядели точь-в-точь как двенадцать первоначальных жрецов Каина. Как те носили чёрные одеяния и перстни с символом «мёртвой головы», так и все мы были в чёрной форме СС с сверкающим значком «Мёртвой головы» на фуражках.

Фюрер в коричневом кожаном пальто вошёл следом за нами. Сам Каин не мог бы выглядеть величественнее. Если кто-то и был отмечен судьбой как наш избавитель — это фюрер. Мы выстроились в два ряда, вскинули руку в римском приветствии и прокричали «Хайль Гитлер!», когда он проходил мимо.

Следуя за ним, мы шли мимо имперских регалий Священной Римской империи, не обращая внимания на сверкающие безделушки. Мы уже чувствовали присутствие Копья. Мне казалось, что легионы мучеников, так долго боровшихся за то, чтобы отомстить нашему Господу, вернуть нас к истинному свету, шагали за нами.

Тысячелетиями преследование нас со стороны Врага не ослабевало. Нас вешали, обезглавливали, топили, сжигали заживо, вспарывали животы, делали всё возможное, чтобы уничтожить нас. Всегда находились предатели, лазутчики, шпионы, дезертиры, изменники, слабые и малодушные, но «Тайная доктрина» пережила все попытки её уничтожить. И вот теперь Копьё Судьбы было готово вот-вот стать нашим.

Оно лежало в обычной стеклянной витрине — величайшая реликвия мира, самый могущественный предмет, когда-либо созданный, покоящийся на красной бархатной подушке. Оно было у них под носом всё это время, а они так и не увидели правды. Рождённые в невежестве, погрязшие в заблуждениях, проклятые собственной тупостью. Они заслуживают каждого из ужасов, которые мы вскоре обрушим на них.

Солнечный луч упал на наконечник Копья, и оно блеснуло, словно купаясь в свете единого истинного Бога. Я почти мог протянуть руку и коснуться оружия, которое навсегда освободит нас. Слова легенды всплыли в памяти: «Тот, кто владеет Копьём Судьбы, повелевает судьбой мира». Мы знали эту легенду лучше, чем кто-либо: это была наша легенда. Только мы знали, откуда пришло Копьё, кто его истинный владелец и зачем оно было создано.

Фюрер подал знак штурмбаннфюреру СС Нойману. Тот отпер витрину, и фюрер прошёл мимо него и сжал Копьё. Когда он поднял его в правой руке, наконечник засиял — точно так, как гласила легенда. Мы все щёлкнули каблуками и закричали: «Зиг хайль!»

— Наш поход близится к завершению, — сказал фюрер. — Судьба Каина почти исполнена.

Когда я услышал эти слова, мне захотелось плакать. Я смотрел на два рунических знака «Зиг», составлявших эмблему СС. Зиг — победа. Зиг — отмщение. Зиг-зиг — метка, которой Враг некогда заклеил нас, чтобы унижить, но которую мы теперь носим с гордостью. Она напоминала нам каждый день о том, что нам предстоит сделать.

— Ящик этого существа хранится в Шартрском соборе, — продолжил фюрер, — и он будет нашим, как только мы завоюем Францию.

Когда он поднял Копьё над головой, все мы опустились на колени.

— После падения Франции Англия окажется беспомощной, — сказал он. — Тогда мы найдём оставшиеся два Грааля и покончим с этим раз и навсегда.

Он велел нам уйти, а сам остался наедине с Копьём больше чем на час. Когда он вышел, не проронил ни слова, но было очевидно, что что-то изменилось. Я не могу описать странное выражение его глаз.

— Наш Враг и не начал подозревать нашей истинной природы, — сказал он. — Они называют нас поджигателями войны, фашистами, тоталитаристами. Ни на секунду они не догадались, кто мы есть на самом деле. Скоро мы принесём человечеству величайший и самый неожиданный дар.

Он улыбнулся так, как я никогда прежде не видел, — словно знал, что великое бремя, которое он нёс, скоро будет снято.

— Вы не чувствуете этого? — произнёс он, и я готов поклясться, что он дрожал. — Это почти здесь. — Затем он произнёс слова, которых мы так долго ждали.

«Конец света».

Глава 17

Харрингтон отодвинул перевод от себя, словно всё в нём было ему неприятно. — Вы знаете, никто так и не смог убедительно его объяснить. Ваш дед предложил немало домыслов, но никаких фактов. Мы думали, что никогда не узнаем, что это значит. Полагаю, теперь вы скажете, что понимаете всё полностью.

— Меня не случайно выбрали для этой миссии, — ответил Гресник. — В Вест-Пойнте я написал диссертацию о влиянии мистицизма и оккультизма на нацистские военные усилия во Второй мировой войне. Как только РУМО установило связь между нацистами и дезертирами из подразделения «Дельта», меня вызвали.

— Итак, что, по-вашему, означает «Судьба каинитов», полковник?

— У меня не больше твёрдых фактов, чем у деда, но я так же убеждён, как и он, что загадку можно решить. Нужно понять: нацисты были очень странными людьми.

— Это вряд ли новость.

— Уверяю вас, командир Харрингтон, вы даже не представляете, насколько они были странными. Когда я писал диссертацию, пришлось смягчить формулировки, чтобы в РУМО не решили, что я сошёл с ума. Я написал, что несколько высокопоставленных нацистов — Гиммлер в особенности — интересовались мистицизмом, но это было лишь второстепенным увлечением. На самом деле я считал, что мистицизм составлял самую суть нацизма. Нацисты были чем угодно, но только не обычной политической партией, а война, которую они вели, была непохожа ни на что предшествующее. Они скорее напоминали религиозных фанатиков, ведущих крестовый поход, только Бог, в которого они верили, не был ни в коей мере обычным.

Вернон щёлкал большим пальцем по указательному, пока Гресник рассказывал о тайных убеждениях нацистов. В это было трудно поверить. Оказывается, многие из тех, кто помогал основывать нацистскую партию, были членами «Общества Туле» — Thule-Gesellschaft. Они верили, что мифическая земля, в древности называвшаяся Туле, была родиной голубоглазой белокурой арийской высшей расы — изначальных германцев, — которые впоследствии населили знаменитую Атлантиду. Считалось, что Туле — это Исландия, Гренландия или какое-то место вблизи Северного полюса. Центральной частью нацистской мечты было воссоздание Туле/Атлантиды в мировом масштабе, при котором арийцы восстановили бы свой богоподобный статус, а все остальные стали бы рабами. Именно члены общества Туле выбрали свастику — древний арийский символ — в качестве нацистской эмблемы. Кроме того, члены общества Туле были широко известны своим неистовым антисемитизмом. В СС существовало особое подразделение под названием «Аненербе» — «Общество изучения и преподавания наследия предков», которое враги прозвали «Нацистским оккультным бюро». Его задачей было найти научные, антропологические и археологические доказательства в поддержку теорий общества Туле. Они организовали экспедицию в Тибет, поскольку существовала легенда,

что потомки изначальной высшей расы Туле осели именно там. По преданию, в Тибете есть огромные подземные пещеры, где потомки первой высшей расы до сих пор живут в хайтек-городах подземного рая. Эти скрытые арийцы владели поразительной оккультной силой, известной как «вриль». Одной из задач «Аненербе» было установить контакт с жителями этих городов и узнать секреты вриля.

Вплоть до конца Второй мировой войны нацисты верили, что их спасёт секретное оружие. И под оружием они подразумевали именно вриль. Когда советские войска вошли в Берлин в 1945 году, они сделали одно из самых удивительных открытий войны. В разбомблённых казармах они обнаружили тысячу тибетских монахов в форме СС — все они совершили ритуальное самоубийство. Эти монахи были последней, тщетной попыткой Третьего рейха использовать вриль в качестве оружия массового поражения против Красной армии.

— Теперь понятно, почему вы об этом помалкивали, — сказал Вернон.

— Погодите. — Харрингтон теребил запонки. — Вы думаете, вриль может существовать в реальности? Можно представить, что выброс некой необычной энергии стоит за всеми недавними потрясениями, которые мы наблюдаем.

Гресник пожал плечами. — Я не могу это исключить. Но зачем тогда все эти набеги на священные реликвии? Это не вписывается, не так ли?

— Ну, мы знаем, что Ковчег Завета использовался древними евреями как своего рода оружие массового поражения. Возможно, священные предметы способны как-то направлять вриль. — Лицо Харрингтона покраснело. — Господи, неужели я это говорю?

— Я слышал о вриле раньше, — сказал Вернон. — Это то, что добавляют в «Бовриль». — Он неловко улыбнулся.

— Именно отсюда и происходит название «Бовриль», — сказал Гресник. — «Бычий вриль».

— Что?

— Забудьте про «Бовриль», — резко бросил Харрингтон. — Если, ради аргумента, принять, что нацисты были оккультистами, какова тогда роль Копья Судьбы?

Гресник нахмурился. — Оно встречается в артурианской мифологии, которой нацисты тоже были одержимы. В замке Гимmlера Вевельсбург центральный банкетный зал содержал круглый стол. За несколько лет до начала Второй мировой войны Гимmlер отправил офицера СС Отто Рана на юг Франции разыскивать Святой Грааль. Ран был убеждён, что последними владельцами Грааля была еретическая секта катаров, уничтоженная католической церковью в Средние века. Катары стали первыми жертвами Инквизиции — в сущности, Инквизиция была создана специально для борьбы с ними. Ран полагал, что катары произошли от кельтских друидов и были глубоко погружены в легенды о короле Артуре.

— Мы снова возвращаемся к книге Люси, не так ли? — сказал Вернон. — Она использовала труды Отто Рана как один из основных источников, и катары занимали значительное место в её работах.

— Честно говоря, я почти ничего не знаю о книге Люси, — заметил Гресник. — В Штатах она никогда не издавалась.

— Мир не был готов к Люси, — ровно произнёс Вернон.

— Надеюсь, у вас хорошая память, мистер Вернон. Мне нужно знать в точности, какова была теория Люси. Возможно, она случайно наткнулась на ключ ко всему этому делу.

Глава 18

— Что за... — Вернон только было собрался ответить, когда свет мигнул и погас. Температура резко упала.

— Чёрт, что происходит? — вырвалось у Гресника.

— Наверное, отказ генератора, — сказал Харрингтон. — Резервный должен скоро включиться.

Вернон смотрел в темноту. — Это не отказ генератора...

— Что вы имеете в виду?

— Вы не почувствовали? Когда погас свет... что-то вроде... присутствия.

— Возьмите себя в руки, — сказал Харрингтон. — Надеюсь, вы не поверили в этот вздор про ангелов.

Свет снова зажёгся, комната потеплела. — Видите — обычная техническая неполадка.

— Я тоже кое-что почувствовал, — сказал Гресник. — Самое странное ощущение. Как будто включился какой-то огромный источник энергии.

— Ну, теперь всё прошло, — сказал Харрингтон. — Мы все немного на взводе. Воображение разыгралось, осмелюсь предположить.

Вернон позвонил Гэри Колдуэллу и спросил, не происходит ли чего необычного. Колдуэлл сказал, что группы безопасности прочёсывают здание в попытках найти тех, кто организовал нападение на архивный отдел. Сильно повреждённая электропроводка среди обломков замкнула и вывела из строя основной генератор.

— Удовлетворены? — сказал Харрингтон. — Ничего загадочного. А теперь давайте продолжим. Вы собирались рассказать нам о книге Люси.

Вернон налил стакан воды и сделал долгий глоток. Он был взволнован и смущён. Заставил себя сосредоточиться. «Да, книга Люси». Он вычитывал её, прежде чем она отдала рукопись в издательство. Это была не совсем его область, но он всё же помнил большую часть — одно из преимуществ аналитика-исследователя. С детства он умел быстро усваивать большие объёмы сложного материала и нередко мог воспроизводить целые фрагменты спустя годы. Помогало и то, что работа Люси искренне его увлекала.

— Отправной точкой для Люси послужила старая книга английского фольклориста по имени Джесси Уэстон, — начал он. — Уэстон утверждала, что легенды о Граале — это переработка древних обрядов плодородия из Египта, Вавилонии и Греции. Она разобрала каждый из главных аспектов легенд о Граале и показала, насколько они схожи с чертами мифов об античных богах Осирисе, Таммузе, Адонисе и Аттисе.

— Люси соглашалась с Уэстон в том, что легенды о Граале представляют нечто иное, но не разделяла мнения об обрядах плодородия. Её идея состояла в том, что определённая группа людей создала легенды о Граале, чтобы сохранить свои верования от врага, которого они никогда не могли победить.

— Катары, верно? — вставил Гресник.

Вернон кивнул.

— Ладно, — вмешался Харрингтон, — вы оба, может, и эксперты, но всё, что я знаю о катарах, — это то, что они жили в Лангедоке на юго-западе Франции. И то только потому, что я однажды ездил на выходные в Каркассон посмотреть на укреплённый город, а он, оказывается, был столицей страны катаров.

— Ладно, дам вам минутное введение в историю катаров, — сказал Вернон. — Они были одной из самых необычных сект в истории. Их название происходит от древнегреческого слова *katharoi*, означающего «чистые». Катары, чистые, были известны своей праведной и простой жизнью. У них почти не было имущества, они были миролюбивы, придерживались вегетарианства и с неодобрением относились к сексу.

— Многие обычные католики смотрели на аскетичный образ жизни катаров и думали, что те кажутся куда более святыми, куда больше похожими на Христа, чем большинство католиков — особенно священники и монахи, которые в то время были печально известны своим распутством. Вскоре многие католики начали переходить в катаризм.

— Католическая церковь быстро увидела опасность. Понимая, что надвигается война — возможно, война на уничтожение — и что их верования могут быть утрачены навсегда, катары лихорадочно искали способ передать свою религию будущим поколениям. Нужно было придумать нечто такое, что передавало бы их убеждения, не вызывая подозрений католической церкви. Легенда о Святом Граале стала их решением. На поверхностном уровне она выглядела как правдоподобная католическая история, но по сути была прямо противоположным — чистой ересью. Достоверный факт: до появления романов о Граале не существовало ни единого упоминания о чём-то под названием «Святой Грааль» и ни одной легенды о том, что Иосиф Аримафейский был его первым хранителем. Ещё в 1260 году было известно, что легенда о Святом Граале — не подлинная христианская история.

— Следуя мысли Отто Рана, Люси утверждала, что легенды о Граале описывают в зашифрованном виде обряды посвящения и религиозные ритуалы катаров, преобразованные в рыцарские истории. Всё было символичным, все персонажи тщательно подобраны. Многие трубадуры, великие романтические поэты Средневековья, были катарами и вложили всё своё искусство в создание легенд. Это были величайшие романы, когда-либо созданные: они вдохновляли всех, кто их читал, и исподволь внушали им невероятно мощные еретические идеи.

— Тем временем отношения с католической церковью продолжали ухудшаться. Папа Иннокентий III решил прибегнуть к решительным мерам. Он объявил Крестовый поход против катаров, и 24 июня 1209 года, в день святого Иоанна Крестителя — один из священнейших праздников катаров, — крестоносное войско выступило из Лиона.

— Хотя катары не одобряли насилия, они давали отпор — в основном силами наёмников, — и война тянулась десятилетиями. В 1231 году следующий папа, Григорий IX, учредил институт для окончательного искоренения ереси — Инквизицию. В 1243 году катары предприняли то, что стало их последней крупной битвой, защищая горную крепость Монсегюр. Католическое войско осаждало её несколько месяцев, прежде чем гарнизон наконец сдался в 1244 году. Те из гарнизона, кто отказался отречься от ереси, были сожжены на костре у подножия горы.

— Ладно, картина понятна, — сказал Харрингтон. — Нетрадиционная религия уничтожается религией помощнее и пытается выжить, спрятав свои верования в форме истории, которая переживает саму религию и даёт надежду на её возрождение когда-нибудь в будущем.

Вернон снова кивнул.

— Итак, какова была теория Люси о скрытых смыслах? Почему её работа была скандальной? Что она сказала такого, чего не сказал Ран?

— Согласно базовой легенде, Грааль хранится у человека по имени Король-Рыбак, который живёт в Замке Грааля в окружении монахов-воинов. У него таинственная рана на верхней части бедра — или даже в паху — которая никогда не заживает. Люси заинтересовал сам титул «Король-Рыбак». Символ рыбы с древности означал божественную жизнь. Даровать божественную жизнь может лишь один — и поэтому Люси утверждала, что Король-Рыбак — это другое имя Бога. Достойные — катары — попадали в его рыболовные сети, тогда как недостойные — католики — проплывали сквозь ячейки. Богу было горько, что столь многих рыб в море нельзя спасти. Это была

его метафорическая рана, которая никогда не заживала. Лишь когда всё человечество возвратилось бы к нему, его рана исчезла бы.

— Замок Грааля Короля-Рыбака, скрытый от недостойных, был небесами; Пустошь снаружи — адом. Пустошь исчезнет лишь тогда, когда Король-Рыбак исцелится, а это произойдёт только тогда, когда катаризм восторжествует.

— Люси хотела понять, как те, кто находился в Пустоши, могли найти скрытый Замок Грааля. Лишь те, кто отверг свои прежние, ложные верования и начал искать истину — катаризм — преуспеют, утверждала она. В замке им покажут торжественную церемонию, где им представят Реликвии Грааля — копье, чашу, меч и блюдо.

— Если они поймут смысл церемонии — что будет означать, что они полностью посвящены в катаризм — искатели Грааля будут знать, какой вопрос задать Королю-Рыбаку. Если они не зададут правильного вопроса, потому что всё ещё цепляются за ложные доктрины других религий, они покинут замок и больше никогда его не найдут.

— Люси считала, что Реликвии Грааля нужно разделить на две пары: копье и чаша, меч и блюдо. Первая пара символизировала христианство. Копье — это римское копье, пронзившее бок Христа на Распятии, а чашу Христос использовал на Тайной Вечере.

— А меч и блюдо? — спросил Харрингтон.

— Вот это и есть радикальная часть теории Люси. По её словам, меч — тот, которым обезглавили Иоанна Крестителя. Его голова была положена на блюдо и преподнесена Саломее в награду за танец перед царём Иродом. Таким образом, меч и блюдо символизировали Иоанна Крестителя, а не Христа. Искатели Грааля должны были выбрать одну из двух пар. Если вы выбирали правильно — вы были истинным верующим; в противном случае — вы были прокляты.

— Не понимаю, — сказал Гресник. — Вы хотите сказать, что Люси усматривала некое противостояние между Иоанном Крестителем и Иисусом?

— Именно, полковник. Люди забывают, что Иоанн Креститель был старше Иисуса всего на шесть месяцев и что они состояли в родстве по крови — их матери были двоюродными сёстрами. Некоторые считали Иоанна более значимым, чем Иисус. Люси верила, что катары произошли от ранней гностической секты — иоаннитов, считавших Иоанна Крестителя истинным Мессией. По этой версии, Иисус был всего лишь одним из учеников Иоанна. Сам Иисус открыто говорил: «Нет никого, кто был бы больше Иоанна. Он — больше, чем пророк». Иными словами, Иисус сам признавал, что Иоанн — подлинный Мессия. Но затем что-то изменилось, и Иисус решил предать Иоанна, а одной из его сообщниц стала Саломея. Вот почему она попросила голову Иоанна. Существует якобы подавленное ранними христианскими лидерами евангелие — «Евангелие от Саломеи», — в котором излагается вся эта грязная история.

— В нём Саломея утверждает, что Каиафа, первосвященник Храма, был тайным последователем Иоанна Крестителя — как, впрочем, и Понтий Пилат, Иуда Искарот и римский солдат, пронзивший Иисуса копьем. Все они поклялись отомстить за Иоанна, и иоанниты впоследствии почитали их всех. Пилат был особенно замечательной личностью. О его жизни сохранилось очень мало официальных сведений, однако, по всей видимости, он был уроженцем Фортингалла в Шотландии, сыном друида и родственником шотландского вождя по имени Металланус. Металланус хотел наладить добрые отношения с Римом и потому отправил сыновей нескольких знатных семей в Рим воспитываться в римском духе, с римскими именами. Пилат был одним из них. Шотландские королевские стрелки — старейший полк британской армии — утверждают, что происходят от личной охраны Понтия Пилата. Воспитанный в друидической семье, Пилат был весьма восприимчив к гностической идее.

— Рыцарей-тамплиеров тоже считали иоаннитами. Каждый великий магистр тамплиеров принимал имя Иоанн. Католическая церковь обвиняла тамплиеров в поклонении отрубленной голове по имени Бафомет. Люси утверждала, что это не что иное, как сохранённая голова Иоанна Крестителя. На суде Инквизиции тамплиерам вменяли в вину попираание христианского Креста ногами и плевки на него. Это тоже вполне укладывалось в теорию Люси. Даже знаменитый красный крест тамплиеров был далеко не обычным. Это был не латинский крест с неравными ветвями — тот, на котором распяли Иисуса, — а крест «патте» с равными ветвями. Это позволяло им притворяться христианами, одновременно давая понять посвящённым в символику, что никакими христианами они не являются.

— Серьёзная теория, — сказал Гресник.

— Почему подразделение «Дельта» так заинтересована в идеях Люси? — спросил Харрингтон.

— Моё предположение: Люси заново открыла или развила то, что нацисты знали о Святом Граале, — сказал Гресник. — Отто Ран в двух книгах — «Крестовый поход против Грааля» и «Двор Люцифера» — уже выдвигал тезис о том, что романы о Граале являются зашифрованной отсылкой к катаризму. Как и Люси, он утверждал, что Поиск Святого Грааля — символическое изображение стремления катаров к Богу. Процессия Реликвий Грааля воспроизводила священнейший обряд посвящения катаров.

Харрингтон постучал пальцами по столу. — Есть ли твёрдые доказательства того, что именно катары написали легенды о Граале?

Гресник крутил ручку между пальцами. — Доказательства косвенные, но убедительные.

— А что насчёт теории о тесной связи катаров с тамплиерами?

— Снова косвенные, но весомые. Главной опорой тамплиеров был именно Лангедок — там, где жили катары. Многие тамплиеры происходили из катарских семей. Тамплиеры отказывались участвовать в преследовании катаров католической церковью, хотя как элитные католические крестоносцы должны были бы возглавить атаку. Более того, их подозревали в том, что они укрывали многих видных катаров.

— Катары пережили жестокий Крестовый поход рыцарей из Северной Франции, вынесли все тяготы Инквизиции и в конце концов были уничтожены. Несколько десятилетий спустя тамплиеры были арестованы рыцарями из Северной Франции, обвинены в ереси, преданы Инквизиции и стёрты с лица земли. История повторяется, не правда ли?

— Мой дед был убеждён, что катары и тамплиеры были созданы одними и теми же людьми, и, как и Люси, считал, что оба они восходят корнями к иоаннитским последователям Иоанна Крестителя. Катары открыто бросали вызов католической церкви, тогда как тамплиеры действовали скорее как пятая колонна — притворяясь ортодоксальными, будучи на деле полными еретиками. Секретность, которую требовали от каждого члена ордена, была идеальным способом гарантировать, что никто не узнает правды о них. Новобранцев предупреждали о жестокой каре, которая последует, если они когда-либо раскроют секреты ордена. Им вырвут языки, выколют глаза, вырвут сердце из груди, пока оно ещё бьётся.

— Звучит как клятвы, которые дают масоны, — сказал Вернон.

— Это не случайное совпадение, — сказал Гресник. — Масоны, по всей видимости, были основаны тамплиерами. Это был следующий этап борьбы против католицизма.

— Значит, вы утверждаете, что катары, тамплиеры и масоны — по сути одно и то же?

— Думаю, да. Папство запрещало католикам вступать в масонские ложи и обвиняло масонов в поклонении ложному богу. Все церемонии и обряды масонов связаны с Храмом Соломона, а полное название рыцарей-тамплиеров — «Орден бедных рыцарей Христовых и Храма Соломонова».

Харрингтон подался вперёд. — Ладно, ради аргумента предположим, что вы правы. Как нацисты вписываются в эту картину? Вы намекаете, что они тоже связаны с катарами и тамплиерами?

Гресник криво усмехнулся. — Неопровержимых доказательств у меня нет, но хорошо известно, что Гиммлер воспринимал СС как рыцарский орден — современных наследников тамплиеров и их германских аналогов, Тевтонского ордена. Он был одержим Копьём Судьбы и Святым Граалем, оба из которых тесно связаны с тамплиерами. По слухам, Святой Грааль был священнейшим сокровищем катаров. Отто Ран — эксперт по катарам — был лично зачислен в СС Гиммлером и направлен в экспедиции в Лангедок на его поиски. Нет сомнений, что Гиммлер был увлечён катарами и тамплиерами, но, думаю, дело зашло дальше. «Судьба каинитов» намекает, что нацисты считали себя потомками Каина, и я полагаю, что двумя промежуточными звеньями нацистской родословной были катары и рыцари-тамплиеры. Когда Отто Ран исследовал пещеры в горах Сабарте в Лангедоке, он обнаружил тайные камеры, стены которых были испещрены символами тамплиеров и катаров — бок о бок. Там же были изображения Копья Судьбы, Святого Грааля и Ковчега Завета.

— Вы понимаете, что только что сделали? — сказал Вернон. — Вы связали воедино почти все мыслимые теории заговора: Атлантиду, катаров, друидов, масонов, нацистов, рыцарей-тамплиеров, Ковчег Завета, Копьё Судьбы, Святой Грааль — всё это присутствует.

— А что если все знакомые нам заговоры — это составные части куда большего заговора? — ответил Гресник. — Суперзаговора, если угодно. Каждая частная теория заговора даёт нам дразнящий проблеск суперзаговора — привкус правды, и не более. Потому-то у нас всегда остаются без ответа вопросы и место для новых теорий заговора. Но в рамках суперзаговора каждый меньший заговор объясняется, на каждый вопрос даётся ответ, все концы связываются воедино. С самого начала не было никаких отдельных заговоров — только один огромный, непонятый заговор.

— О чём же тогда ваш суперзаговор? — спросил Вернон. — Кто участвует в заговоре и против кого или чего?

— Неужели вы не видите? Каждый заговор связан с религией. Чем в действительности занимались рыцари-тамплиеры? Во что на самом деле верили катары? Почему католическая церковь так ненавидела и боялась их? Какова была конечная цель нацистов? В чём состоял истинный смысл поисков Святого Грааля? Какой силой на самом деле обладает Копьё Судьбы? Для чего в действительности использовался Ковчег Завета? И так далее.

— Что вы хотите этим сказать, полковник? — спросил Харрингтон.

— Всё просто. Каждый заговор возвращает нас к единственному вопросу — личности Истинного Бога. — Гресник начал резать воздух ладонью, как будто разрубая проблему на части. — Представьте, что вы живёте в мире, где знаете правду, но под страхом смерти вынуждены принять ложь. Открыто высказывать своё мнение — значит быть убитым, поэтому вы были вынуждены создавать секреты и коды, которых ваши враги не замечали и не понимали. Но ваши враги не были глупцами. Они разгадывали ваши коды, разоблачали ваши секреты и убивали вас в огромных количествах. Выжившим приходилось создавать всё более сложные коды и передавать ключи к ним. А что если ключи были утеряны? Что тогда? Без ключей коды в конце концов стали бы

непостижимы, их истинный смысл — утрачен. Если, конечно, не существовала одна группа, которая никогда не теряла ключ, которая сохраняла тайну в совершенной целостности с самого начала и вопреки всему, что враги обрушивали на неё.

— Вы говорите, что такая группа существует?

Гресник кивнул, но не стал развивать мысль.

— Ну... и вы нам расскажете?

— Думаю, когда в 1945 году «Секция 5» допрашивала нацистских чиновников, им открыли суть заговора. Думаю, половина «Секции 5» приняла это, а другая половина — нет. Те, кто принял, убили остальных, чтобы те не раскрыли тайну.

— Маловероятно, не думаете? — заметил Вернон. — Почему одни поверили, а другие нет, и почему первые были готовы убить вторых? Доказательства должны были быть неопровержимыми, в таком случае поверили бы все.

Гресник постучал ручкой о графин с водой. — Но что если у той половины, которая поверила, была особая причина верить, а у остальных — нет?

— Не понимаю.

— Ну, представьте, что нацисты предоставили физическое доказательство своих утверждений. Более того, представьте, что единственная причина, по которой они вообще раскрыли заговор, состояла в том, что они знали: некоторые американцы непременно им поверят — именно из-за этого доказательства. — Должен был вмешаться Вернон. — Некоторые из американцев несли на себе метку — вот что вы нам говорите? Метку, означавшую, что они и нацисты каким-то образом стояли на одной стороне.

— Именно это я и говорю.

— Что за метка? — спросил Харрингтон.

— Самая знаменитая из всех, сэр. — Гресник указал на свой лоб. — Знак Каина.

Глава 19

— Подумайте. Половина «Секции 5» убивает своих коллег и хранит тайну нацистов. Возвращается домой в Америку и вовлекает в заговор своих детей, а позднее — внуков. Для этого должно было произойти нечто исключительное, нечто, не оставляющее ни малейшего сомнения. Теория моего деда состояла в том, что между элитами катаров, тамплиеров, масонов и нацистов существовала не только историческая связь. Была и физическая — они были связаны кровью, и все они несли Знак Каина.

— Но Знак Каина, если я правильно помню, — это серповидная красная отметина на лбу Каина, — сказал Вернон. — Было бы очевидно, если бы у каждого выжившего члена «Секции 5» была заметная отметина на лбу.

— По правде говоря, никто не знает, как выглядел Знак Каина. В Библии он не описан явно. Мой дед предполагал, что метка проявлялась лишь тогда, когда её активировало присутствие определённого священного предмета. Он имел в виду Копьё Судьбы.

— Почему именно оно? — спросил Харрингтон.

— Мой дед был убеждён, что это вовсе не римское копье. Оно куда древнее. По его мнению, это и есть то самое оружие, которым Каин убил Авеля. В «Судьбе каинитов» это практически прямо говорится. Вот почему нацисты так почитали его. По всей видимости, оно обладало особой силой. Возможно, оно обнаруживало скрытые метки.

— Это лишь домыслы.

— Традиционные подходы нас ни к чему не привели, командир. Учёные понятия не имеют, что сейчас происходит в мире. Ни единой теории.

— Но это так неправдоподобно.

— А когда доктор Уэллс говорит, что один из наших заключённых превращается в ангела, — это правдоподобно? Если употребить расхожее выражение, пора мыслить нестандартно.

— Ладно, скажите мне вот что. Я где-то читал, что Святой Грааль — вовсе не предмет, а кровная линия Иисуса или что-то в этом роде. Что, по-вашему, это такое?

— Послушайте, причина, по которой Святой Грааль так загадочен, — в том, что никто никогда не объяснял ясно, что это такое. Это было намеренно. Лучший способ замаскировать что-либо — придать ему несколько обликов или не давать ему никакого.

— Но насколько мы знаем о нём... У него должно быть начало. Это должно быть что-то — даже если это зашифрованное что-то.

— Хорошо, вот краткая история Святого Грааля. Три главных романа о Граале появились в конце двенадцатого — начале тринадцатого века — именно тогда, когда катары осознали, что живут в долг. Первым о Граале упомянул некий Кретьен де Труа, живший во второй половине двенадцатого века. Неизвестно ни где и когда он родился, ни где и когда умер. Его жизнь была окутана тайной — чего и следует ожидать от человека, которому есть что скрывать, от человека, не желавшего быть слишком заметным. Более того, даже его подлинное имя неизвестно. Chrétien по-французски означает «христианин», а Troyes — просто французский город, так что Chrétien de Troyes буквально означает «христианин из Труа». Может быть, это просто «один христианин из Труа». Не слишком много информации, не так ли?

— Следующим, кто писал о Граале, был Робер де Борон — французский рыцарь, воевавший в Святой земле как крестоносец. Именно он первым из авторов, пишущих о Граале, ввёл в историю недвусмысленную христианскую тему, отождествив его с чашей, которую Христос использовал на Тайной Вечере и из которой Иосиф Аримафейский собирал последние капли крови Христа. Де Борон первым утверждал, что Иосиф привёз Грааль в английский Гластонбери.

— Значит, несомненно, вы не считаете случайностью то, что Люси находится в Гластонбери, — сказал Харрингтон.

— Никакой случайности. Впрочем, третьим главным участником историй о Граале был Вольфрам фон Эшенбах. Как и о других, о нём известно немного. Многие подозревали, что он был одним из тамплиеров, и он прямо утверждал, что именно тамплиеры были хранителями Грааля. Это было задолго до того, как тамплиеров заподозрили в ереси. Примечательно, что он заявлял, будто узнал историю Грааля от некоего Киота с юго-запада Франции. О Киоте известно ещё меньше, чем о Вольфраме, однако некоторые эксперты считают, что Киот был одновременно трубадуром и катаром.

— Мой дед был убеждён, что все три автора знали друг друга и писали разные версии легенды о Граале, чтобы сбить с толку посторонних и сделать историю непостижимой для чужаков. В самом деле, эти трое создали три разных Грааля: один — явно христианский, а два других — почти нехристианские. В результате никто не мог быть уверен, о чём идёт речь, когда говорили о Граале. Если Инквизиция спрашивала — можно было сказать, что Грааль это чаша Иисуса. Если спрашивал кто-то другой — можно было сослаться на нехристианские варианты.

— А каковы были другие варианты?

— Слово «грааль» происходит от старофранцузского graal, которое восходит к средневеково-латинскому gradalis, означающему «блюдо». Так что когда Кретьен де Труа впервые упомянул Грааль, он говорил именно о блюде. По его описанию, оно было золотым и усыпанным драгоценными камнями. Второй автор, Робер де Борон, затем объявил его чашей Иисуса. Возможно, глубокое небольшое блюдо не так уж далеко от чаши, поэтому это не такой уж большой скачок — но Вольфрам фон Эшенбах отрицал, что

это и чаша, и блюдо. Он утверждал, что это камень особой чистоты, и дал ему другое название — *lapsit exillas*.

— Умиравший человек, держащий этот камень, не умрёт, говорил он, а тот, кто им владеет, никогда не состарится. *Lapsit exillas* — плохая латынь и сама по себе загадка. Некоторые учёные считали, что он имел в виду *lapis lapsus ex caelis* — «камень, упавший с небес». Или, возможно, он имел в виду *lapis philosophorum* — «философский камень». Это был чудодейственный предмет, которого искали алхимики: он мог превращать неблагородные металлы в золото, давать эликсир жизни и исцелять все болезни. Позднее Вольфрам утверждал, что камень был изумрудным самоцветом из короны Люцифера, упавшим на землю, когда воинство Люцифера сражалось с Господним воинством и потерпело поражение. Так что выбирайте.

Вернон уставился на зелёный шар, который принёс заключённый. — Вы не думаете... — Он указал на предмет.

— Вы думаете, это изумруд из короны Люцифера? — Гресник улыбнулся.

— Ну, смотрите, что он якобы сделал с заключённым.

— На меня же он не действует, не так ли? — Гресник поднял шар к свету и прищурился. — Я же говорил, что мы его проверим, но мне кажется, это дешёвый стеклянный шарик.

— Дайте мне. — Вернон взял шар у Гресника, подержал секунду и внезапно выпустил из рук.

— Что, чёрт возьми, вы делаете? — воскликнул Харрингтон.

Вернон поднял шар. — Что бы это ни было — это не стекло.

— Вы же не собираетесь утверждать, что у нас здесь прямо сейчас находится Святой Грааль?

Вернон пожал плечами. — Я и сам не знаю, что хочу этим сказать.

В дверь постучали. Солдат открыл её, и вошёл Колдуэлл — раскрасневшийся.

— Вам лучше посмотреть телевизор.

— Зачем? — спросил Харрингтон. — Что случилось?

— Только что был найден Ковчег Завета.

— Что!?

— Он стоит посреди южной лужайки Белого дома.

Глава 20

Мужчины включили «Новости 24» на BBC. Репортёр говорил возбуждённо, с трудом сдерживая поток слов. На заднем плане был виден Белый дом, освещённый в ночи.

— Я только что вышел с пресс-конференции, — сообщал он. — Пресс-секретарь объявил, что час назад у периметра Белого дома произошёл инцидент в сфере безопасности. К главным воротам подъехал военный грузовик. Водитель вышел из машины, его подхватил мотоциклист, и они уехали. Следов его обнаружено не было.

— Секретная служба заподозрила, что в грузовике находится бомба из удобрений, и распорядилась об эвакуации Белого дома. Затем анонимный звонящий связался с пресс-службой Белого дома и заявил, что похищенный из Эфиопии Ковчег Завета находится в ящике в кузове грузовика. Звонок был записан и воспроизведён для нас.

— Говоривший — британец, человек явно образованный — заявил, что мир стал безбожным и что скоординированные кражи религиозных святынь три дня назад были призваны встряхнуть мир и вновь обратить его к Богу — или принять последствия. Копьё

Судьбы и Святой Грааль также будут возвращены, если ящик выгрузят в центре южной лужайки Белого дома на виду у всего мира.

— «Какое более наглядное противопоставление Божественной силы и земного тщеславия можно себе представить, — сказал звонящий, — чем помещение высшего символа Бога на лужайку перед средоточием мирской власти. Настало время людям всего мира раз и навсегда определиться, где их подлинные ценности».

— Пресс-секретарь объявил, что Секретная служба убеждена: в маловероятном случае, если Ковчег действительно окажется внутри ящика, его, скорее всего, сопровождает оружие массового поражения — по всей видимости, «грязная бомба» — и настоятельно не рекомендует разгружать его. Они хотели отогнать грузовик на военную базу или провести контролируемый подрыв.

— Однако нам сообщили, что президент Адамс, известный своим истовым христианством, пошёл против рекомендаций Секретной службы. «Богобоязненной нации нечего бояться Бога, — заявил он, по имеющимся сведениям. — Он никогда нам не навредит».

— Так что в последние пятнадцать минут грузовик, управляемый добровольцем из Секретной службы, был пропущен на территорию Белого дома. Мы ждём, когда ящик извлекут из кузова и установят на залитой прожекторами Южной лужайке перед телекамерами всего мира.

На экране появился ведущий из студии ВВС. — Прерываем репортаж Тима, чтобы показать прямую трансляцию: морские пехотинцы США выгружают ящик. Это чрезвычайное событие. Тысячелетиями люди верили, что Ковчег Завета безвозвратно утрачен. Если это и вправду Ковчег, мы смотрим на машину времени, уносящую нас прямо к эпохе Моисея. Некоторые утверждают, что сам Бог пребывает внутри Ковчега. В ближайшие минуты мы сами узнаем правду.

В кадре морские пехотинцы маневрировали тяжёлым ящиком на лужайке и тщательно разбирали его, пока не обнаружился предмет, накрытый красным бархатом. Один из морпехов вышел вперёд и снял покрывало.

Вернон, Харрингтон, Гресник и Колдуэлл одновременно ахнули. Нетрудно было представить, что именно так реагировали все, кто смотрел на это по всему миру.

Ковчег был прекрасен сверх всякого воображения. Камера приблизилась к сверкающему золотому ларцу с гравюрами библейских сцен. Казалось, он был создан буквально на небесах. Его крышку венчала золотая корона, а с каждой стороны было по два золотых кольца, в которые вставлены два золотых шеста. На верхней части крышки возвышались два крылатых существа — знаменитые херувимы из чистого золота, обращённые лицами друг к другу, с простёртыми крыльями, почти соприкасавшимися. Крылья образовывали сиденье — трон для Бога, согласно Библии.

— Всё правда, — сказал Харрингтон. — Всё, что о нём говорили.

Вернон покачал головой и взглянул на Гресника. — Неужели вы в это верите?

Полковник казался ещё более потрясённым, чем Харрингтон. — Теории моего деда уже не звучат так безумно, не правда ли?

— Это чертовски подозрительно, — пробормотал Вернон.

— Смотрите! — воскликнул Колдуэлл. — Президент Адамс идёт к нему.

Камера следила за президентом, который двигался к Ковчегу со сложенными в молитве руками. Несколько секунд он обходил его кругом, по щекам текли слёзы. Он закрыл глаза, словно не в силах поверить, что мир Моисея ожил в двадцать первом веке.

Он опустился на колени перед Ковчегом, двое херувимов оказались прямо перед ним. Он протянул руки и начал читать молитву Господню. «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё, да придет Царствие Твоё...»

И тут Ковчег взорвался.

Глава 21

Люси хотела, чтобы они сбавили скорость. Дороги вблизи монастыря были слишком узкими, слишком извилистыми для машин, мчащихся на большой скорости. Но более всего — темнота. Был час ночи, так что темноте быть надлежало, но не такой. В ней было что-то особенное, словно добавили лишние слои черноты. Она была гуще, темнее, упрямее перед светом. Лучи фар машин поглощались прежде, чем успевали осветить дорогу.

Люси казалось, что её жизнь наполнилась именно такими огнями — теми, что не достигают так далеко, как у других людей. У всех остальных — яркие, широкие пучки, освещающие всё, что они делают. Все так уверены в направлении, в котором идут. Она тоже была такой когда-то. Когда-то.

Она находилась в колонне из пяти чёрных Land Rover — 4-дверных Defender 110. Солдаты, человек двадцать, вывели её через заднюю дверь часовни и заставили бежать к Land Rover'ам, стоявшим на старом спортивном поле. Кардинала Синклера затолкали в головную машину, её — во вторую, а раненому солдату помогли сесть в замыкающую. Насколько Люси могла судить, двое убитых солдат остались позади.

Было трудно принять, что люди на самом деле гибнут и что это каким-то образом её вина: без неё их бы здесь не было. Тот солдат действительно застрелил бы её, не так ли? Капитан Юрген Крюгер, представился он. У него был тот самый взгляд. На мгновение ей подумалось: а вдруг это лучший выход для всех — но когда она увидела направленный на неё ствол, её решимость иссякла.

Теперь, глядя в окно на мелькающий пейзаж, слабо освещённый фарами колонны, она повторяла свою мантру: «Из глубины». Она боялась, что вот-вот опустится глубже, чем когда-либо.

Фары выхватывали тёмные изгороди и низкие каменные стены вдоль дорог. Людей и домов не было, никаких следов других машин. Действует ли комендантский час? Насколько она могла понять, два отряда солдат прибыли к монастырю почти одновременно с противоположных сторон. Капитан Крюгер возглавлял группу, которая нашла её. Высокий, жилистый мужчина с короткими тёмными волосами и голубыми глазами, взгляд которых, казалось, постоянно обшаривал пространство. Она не знала, к какой армии он принадлежит и в кого стреляли его люди. На его чёрной форме не было никаких знаков различия.

Она подозревала, что кардинал Синклер прекрасно знает, кто такие Крюгер и его люди, но возможности спросить его до того, как их разлучили, не было. Её похитили? Если они знают Синклера, значит, она в безопасности. Но тогда почему капитан угрожал её убить? Понять, хорошие это ребята или плохие, не представлялось возможным. Чего они от неё ожидали — и вовсе загадка.

Она сидела в задней части Land Rover, зажата рядом с вооружённым охранником. Дыша на стекло, она ждала, когда образуется запотевшая поверхность, и написала на ней: «Помогите мне». Land Rover резко повернул, и у неё перехватило дыхание. В детстве её всегда укачивало в машинах, но в подростковом возрасте она поклялась не давать этому волю. Если сосредоточиться достаточно сильно, можно было изолировать тошноту и притворяться, что она существует где-то за пределами тебя. После этого ей удавалось кататься на американских горках и на всех аттракционах, которые прежде были ей недоступны. Этот дар она утратила: детская тошнота вернулась в полную силу.

— В кого вы стреляли? — Люси не была уверена, что охранник говорит по-английски, но была полна решимости добиться от него хоть чего-нибудь.

Солдат взглянул на неё, но не ответил. Он казался неловким, словно её присутствие было ему неприятно, даже тягостно. Ей выдали большую чёрную парку, чтобы согреться, и она накинула капюшон. Ноги замёрзли. Когда она покидала монастырь, пришлось бежать по мокрой траве в тапочках. Носков не было. Это казалось нелепым при всём происходящем, но ей до смерти хотелось просто согреть ноги.

Нужно отвлечься, подумала она, — чтобы не думать об убитых солдатах и о том, куда живые солдаты её везут. Мысли вернулись к фреске Рафаэля. Едва увидев её, она подумала: а вдруг это то самое доказательство, которое она искала годами. Эксперты насмеялись над её интерпретацией поисков Святого Грааля. «Постыдно, — говорили они, — никаких достоверных свидетельств». Эта фреска могла изменить всё.

Её пальцы потянулись к молнии парки и принялись водить ею взад-вперёд. Почему критики не могли видеть? Это же так очевидно: Поиск Грааля — это поиск совершенно иного Бога, не того, которому поклоняются христиане. А теперь, с шедевром Рафаэля, у неё есть доказательство — либо того, что её теория ошибочна и католическую церковь несколько не смущали артурианские романы, либо того, что происходит нечто, способное потрясти католицизм до основания. Но если фреска была бы совершенно ортодоксальной, почему она была заперта в тайном хранилище в гробнице одного из самых спорных пап в истории? Куда более вероятным было другое объяснение. В католической церкви когда-то правил чужак: Папа Юлий II был еретиком.

Глава 22

Вернон всё ещё пытался осмыслить происходящее. Сначала вспышка — ослепительный свет, — затем оглушительный взрыв, потом тишина. Дым застилал всё на экране телевизора. Картинка начала рассыпаться.

В кадре снова появился ведущий Би-би-си. «Простите, у нас... э-э... пропала связь с Вашингтоном... как вы видели, произошёл взрыв... мы пытаемся восстановить соединение с нашим корреспондентом на месте событий. Мы... президент Адамс не... у нас нет подтверждения... похоже, бомба была спрятана внутри Ковчега».

— Боже мой, Адамс мёртв. — Харрингтон, бледный как полотно, поднялся на ноги. — Это с самого начала была ловушка.

— Я же говорил, — вырвалось у Вернона. — Всё было подстроено. Адамс не устоял перед ролью Спасителя. Идеальная мишень, чёрт возьми. — Он взглянул на Гресника и почувствовал укол совести.

Глаза американца заволокло слезами.

— Извините, — сказал Вернон. — Это было бестактно.

— Мне плевать, что вы о нём думали, — резко бросил Гресник. — Он был моим главнокомандующим.

— Сначала Папа, теперь Президент, — тихо произнёс Харрингтон. — Кто следующий?

— Вице-президент — дряхлый старик с больным сердцем, — пробормотал Гресник. — Долго не протянет. — Он с силой ударил кулаком по столу. — Чёрт возьми.

— А Ковчег? — Вернон говорил осторожно, чтобы не раздражать Гресника. — Как вы думаете, они взорвали настоящий или подделку?

— Придётся ждать результатов криминалистической экспертизы ФБР, — ответил Харрингтон.

Гресник и Харрингтон изумляли Вернона. Они так страстно хотели верить, что Ковчег настоящий, что сам Бог воссядет на трон над Ковчегом и возвестит о спасении мира.

— Мне нужно проветрить голову, — сказал Гресник; вид у него был такой, будто его вот-вот стошнит.

— Сожалею, полковник, — сказал Харрингтон. — Это, должно быть, было страшно — видеть, как ваш Президент погибает на ваших глазах. Признаться, он мне не нравился, но...

— На этом всё.

— Сделаем перерыв на полчаса. — Харрингтон взял зелёный шар. — Я... э-э... отнесу это в лабораторию.

Вернон смотрел на телефон у себя в кабинете, размышляя, не позвонить ли жене, но скорее всего связи со Швецией уже не было. К тому же, он, наверное, услышал бы в трубке гуление малышки, а этого он сейчас не выдержит. В глубине души он был убеждён, что никогда больше не увидит маленькую Луизу. Да и что он скажет жене? Нужные слова, любые слова давно иссякли.

Колдуэлл передал ему последнюю сводку обстановки. С каждым часом новости становились всё мрачнее. Сейсмологи по всему миру сообщали, что их приборы зашкаливают. Губернатор Калифорнии отдал приказ об эвакуации Сан-Франциско, получив сведения о том, что разлом Сан-Андреас может в любой момент катастрофически разойтись.

У восточного побережья Америки — от Бостона до Ки-Уэста — формировалось небывалое количество ураганов пятой категории. Насчитали уже двенадцать. Каждый из них выделял в сутки столько же энергии, сколько один миллион атомных бомб, сброшенных на Нагасаки. Специалист предупредил: если все ураганы сольются в один суперураган, они сотрут с лица земли всё на своём пути.

Вернон по-прежнему не мог поверить, что Люси причастна к тому, что происходит. Что он сделает, если снова встретит её? Прежние чувства захлестнут его, не правда ли? Он ужасался мысли о том, что последние образы в его разуме, последние чувства в его сердце окажутся обращены не к семье, а к женщине, которая его отвергла. Сколько людей разделили ту же участь — думая в последний миг не о том человеке?

Кто-то забарабанил в дверь: это был Гресник. Полковник попытался что-то сказать, но слова не шли.

Вернон почуял запах виски. — Вы в порядке, полковник? Входите, присаживайтесь.

— Мне не нужно чёртово кресло, — огрызнулся Гресник. — Оба заключённых исчезли. Из лаборатории пропал зелёный шар. Как вы вообще тут работаете?

— О чём вы?

— У вас со слухом всё в порядке? Заключённые исчезли. — Он махнул рукой. — Растворились в воздухе.

Глава 23

Вернон, всё ещё кипя от резкости Гресника, в третий раз просматривал записи камер видеонаблюдения. Техники подтвердили: сбоев в работе оборудования не было. Он сидел в комнате охраны, разглядывая картинку на двух мониторах — один показывал запись из камеры в камере сержанта Морсона, другой — из камеры капитана Ферриса. Он поставил оба на паузу на одном и том же кадре. Сосредоточиться мешал вой сирены.

Коридоры заполнились людьми с пистолетами в руках. Все выходы были заблокированы. Он почему-то знал: это ничего не изменит.

Он взгляделся в запись Ферриса. Капитан то лежал неподвижно, накрывшись простынёй с головой, то извивался под ней. Странно, что он перестал издавать какие-либо звуки. На записи Морсона сержант смотрел прямо на Ферриса сквозь специальное стеклянное ограждение, разделявшее их смежные камеры. Никакого беспокойства на его лице не было. Он улыбался.

Вернон прокручивал обе записи вперёд, кадр за кадром. Особенно внимательно он изучал запись Ферриса. В какой-то момент всё было обычно — а затем под простынёй, там, где находилась голова Ферриса, появилась точка интенсивного света. В этот же миг на записи Морсона сержант вставал с места. На заднем плане один из солдат что-то прокричал и начал поднимать пистолет-пулемёт «Хеклер и Кох».

Вернон выругался. Именно тогда, когда нужно было увидеть всё до мелочей, запись показывала лишь ослепительный свет — такой яркий, что ему пришлось выкрутить яркость монитора на минимум. Одновременно пропал звук. По всей видимости, то же самое произошло с записями камер в архивном отделе незадолго до его уничтожения. Он был уверен, что это технический сбой, — однако теперь его заверили, что оборудование в полном порядке. Что же это означало? Что означало это вообще? Единственное, в чём он был твёрдо убеждён: ни один из заключённых нигде не мог быть найден. Хотя охранники погибли — без единой видимой раны на теле. Похоже, они скончались от сердечных приступов. Что бы они ни увидели, это оставило на их лицах выражение — единственное подходящее слово — ужаса; того же ужаса, что застыл раньше на лице погибшего архивариуса. Два эпизода явно были связаны, но как? Заключённые, вне всяких сомнений, находились в камерах во время нападения на архив.

Прутья решётки в камере Ферриса не были повреждены. В камере Морсона всё выглядело так, будто замок оплавился, позволив двери распахнуться. Никаких следов того, что заключённые покинули здание, — и никаких следов того, что они всё ещё внутри. Тогда где же они? Для открытия и закрытия дверей камер использовалась цифровая клавиатура. Клавиатура у камеры Морсона была уничтожена, тогда как у камеры Ферриса — цела. Вернон проверил журналы — открывал ли кто-нибудь дверь после 18:00, когда доктор Уэллс в последний раз осматривал заключённого. Несанкционированного доступа не было. Вообще никакого доступа.

Может, я что-то упустил. Вернон перемотал записи на момент нападения на архив. Он предполагал, что раз оба заключённых находились в камерах после нападения, то они должны были быть там и во время него.

С записью сержанта Морсона ничего подозрительного не происходило, зато запись капитана Ферриса — другое дело. Незадолго до нападения на архив из-под простыни там, где лежал Феррис, выползла струйка того, что напоминало чёрный дым. Она была видна лишь мгновение, а затем исчезла. Либо рассеялась, либо переместилась с невероятной скоростью — слишком быстро, чтобы это зафиксировала камера. Он не мог найти этому никакого объяснения.

— Они ушли, не правда ли? — произнёс чей-то голос.

Вернон обернулся — посмотреть, кто вошёл в комнату охраны. Там стоял Хью Уэллс, бледный как мел.

— Я просто просматриваю записи, — сказал Вернон.

— Ничего не найдёте. — Уэллс сжимал в руке листок бумаги. — Этого не может быть. Это мифы, легенды, первобытные суеверия.

— Что это у вас, Хью? — Похоже, Уэллс что-то распечатал из Интернета. Вернон взял листок и начал жадно читать, едва веря своим глазам.

«И спустя несколько дней сын мой Мафусаил взял жену сыну своему Ламеху, и она зачала от него и родила ему сына. И дитя было белым, как снег, и красным, как роза; волосы на его голове были белыми, как шерсть, а длинные кудри — прекрасными; и глаза его, когда он открыл их, осветили весь дом, как солнце... И Ламех, отец его, убоился его и бежал, и пришёл к Мафусаилу, отцу своему, и сказал ему: “Я родил странного сына. Он не похож на человека, но облик его — как у детей ангелов небесных; иной вид у него, и он не таков, как мы... Мне кажется, что не от меня он, а от ангелов...”»

Книга Ноя

— Что это? — Вернон никогда не слышал о Книге Ноя. Он предположил, что, возможно, это одна из книг Апокрифов Ветхого Завета.

— Как много нам неизвестно, — сказал Уэллс. — Книга Ноя была одним из священнейших текстов, когда-либо написанных. В ней описывалась жизнь Ноя до и после Потопа. Оригинал был утерян, сохранились лишь фрагменты — вот как этот отрывок.

— Вы же не можете принимать это всерьёз, Хью. Это бессмыслица.

— Тот заключённый должен был умереть, — возразил Уэллс. — Никто не мог бы выдержать изменения, происходившие в его теле. — Его руки дрожали. — Там есть ещё продолжение этой цитаты из Книги Ноя. В нём говорится, что слово «ангелы», возможно, неверное. Правильнее было бы...

— Позвольте угадать. — Вернон закрыл глаза. — Демоны.

Глава 24

Этого не могло быть — и всё же произошло: двое заключённых исчезли бесследно. Хуже того, один из них, судя по всему, уже не был человеком в полном смысле слова. Вернон почувствовал облегчение, когда командор Харрингтон дал ему другую задачу. Сгорбившись над компьютером в своём кабинете, он пытался составить презентацию в PowerPoint. Через полчаса им с Харрингтоном и Гресником предстояло доложить Генеральному директору предварительные выводы о двух заключённых и их возможной связи с мировыми событиями. Никаких ответов, заключённые на свободе, доктор Уэллс, похоже, на грани срыва, бывшая подруга в психиатрической лечебнице и бесконечные фантастические домыслы — Вернон боялся, что их немедленно уволят.

С чего начать? Только не с ангела — это уж точно. Доктор Уэллс высказывал предположение, что, возможно, среди людей всегда существовали некоторые, ни на кого не похожие, способные на сверхъестественные деяния. Вернон думал, что друг теряет рассудок, однако отрицать, что происходит нечто невероятно странное, было невозможно. Что касается Люси — каждый раз, когда Вернон думал о ней, у него сжималось нутро.

Он уставился в экран компьютера. Тезисы в его презентации насмехались над ним. Снова он пытался выстроить из фактов хоть какую-то связную гипотезу. Факты? Боже.

Факт 1. Погода в мире приняла апокалиптический характер; животные повсюду вели себя беспокойно. Глобальные катастрофы происходили в невиданных прежде масштабах.

Факт 2. Подразделение американского спецназа дезертировало и совершило налёты на священные объекты, связанные с тремя самыми известными религиозными реликвиями западного мира.

Факт 3. Ковчег Завета — настоящий или поддельный — попал в Белый дом, где был использован для сокрытия бомбы, убившей Президента. Никто не взял на себя ответственность. Никаких требований не выдвигалось, никаких объяснений не давалось.

Факт 4. Дезертиры из «Дельта Форс» были все до одного внуками офицеров американской разведки, допрашивавших высокопоставленных нацистских чиновников в конце Второй мировой войны. Эти нацисты непосредственно ведали похищенными религиозными ценностями. Половина разведчиков впоследствии погибла при невыясненных обстоятельствах — возможно, убитая собственными коллегами.

Факт 5. Совершенно секретный документ «Судьба каинитов» был похищен из архива МИ-5, однако у полковника Гресника имелась копия перевода, сделанного его дедом. В документе говорилось о странном влечении Гитлера к Копью Судьбы и упоминалась некая миссия, насчитывающая десять тысяч лет и так или иначе связанная с этим Копьём.

Факт 6. Двое участников дезертировавшего подразделения были задержаны. Они проникли в Британскую библиотеку и были пойманы за изучением микрофильмов старинных документов о Святом Граале. Они вернулись с задания по наблюдению на юго-западе Англии, а их целью был человек, которого Вернон хорошо знал.

Чёрт. Вернон по-прежнему не мог принять, что Люси причастна ко всему этому, — и всё же один из заключённых прямо назвал её самым особенным человеком в мире. Когда-то он думал то же самое — и, конечно, из любви. Но сержант Морсон не любил Люси. Почему он считал её столь значимой?

Факт 7. Факт 7. Факт 7. Вернон застонал. Это было нелепостью, никаким не фактом. Один заключённый превратился в ангела, а затем вместе с напарником исчез, вырвавшись из камер строгого режима и убив нескольких охранников, не оставив на их телах ни следа. Ангел, по всей видимости, также напал на архив МИ-5 и похитил «Судьбу каинитов».

Чтобы хоть что-то понять во всём этом, нужны были оккультисты, а не сотрудники МИ-5.

В пентхаусе Генерального директора Вернон бывал лишь однажды. Он никогда не забывал, каким захватывающим открывался отсюда вид на Темзу. Расположенный в угловой части верхнего этажа здания, пентхаус имел просторный балкон с каннелированными греческими колоннами и занимал выгодное место вблизи Парламента.

Пока ГД читала его доклад, Вернон открыл дверь на балкон и вышел. В ясные дни Темза отсюда сверкала, как серебряная жила. Прошлым летом он стоял на этом же месте и восхищался красотой Лондона. Некоторые его друзья втайне фантазировали о любовных свиданиях в офисах; если бы он разделял такое пристрастие, то выбрал бы именно это место. Но теперь перед ним была лишь странная тьма, окутавшая Лондон уже три дня кряду, — тьма, которую едва пронзали уличные фонари, переведённые на круглосуточный режим. Даже днём, под этим болезненно-красным небом, всё тонуло во мраке. Порой Вернон думал: а не психологическое ли это — отражение духовного упадка, охватившего всех?

Газеты, попавшиеся ему за последние несколько дней, писали о «странной дымке», «непроницаемом тумане», «смоговой мгле». Каждые несколько часов налетали яростные грозы, но без грома и без дождя — по крайней мере, над Лондоном. Зато на севере страны лили непрекращающиеся ливни. Во множестве мест сообщали о внезапных наводнениях. В Шотландии часами, а не минутами продолжались ледяные бури, и градины размером с теннисный мяч калечили всех, кто оказывался на улице.

Совсем недавно Лондон нежился в мини-волне тепла. Солнце сияло каждый день — огромный жёлтый диск в безупречно синем небе. Теперь Вернон едва помнил, как оно выглядело. То, что заняло его место, исходило лишь этот жуткий, тревожный, ржаво-

красный свет. Лондон, ещё несколько дней назад полный жизни, теперь выглядел старым и усталым, как сепийная фотография давно минувших дней.

Вернон вдохнул странный воздух. Казалось, он стал иначе пахнуть, обрёл иную фактуру. Глядя на Темзу, он размышлял, не скрывается ли оно где-то там — тёмный ангел, кружащий во мраке, шум крыльев которого заглушается непрерывным криком птиц.

Он вернулся в комнату и сел напротив Генерального директора Евы Барнс. Небольшого роста, энергичная женщина с короткими аккуратно зачёсанными седыми волосами, она никогда не показывала, что чувствует угрозу со стороны избранной группы честолюбивых руководителей — сплошь мужчин, — непосредственно ей подчинённых. Командор Харрингтон был одним из них. Он не раз давал понять, что Барнс ему не нравится, но он её уважал. Полковник Гресник тихо сидел на диване с папкой в руках.

Вернон гадал, что Барнс думает о его презентации. Тёмные круги под глазами говорили о том, что она спит так же плохо, как и все остальные. Несомненно, премьер-министр звонил ей беспрестанно. Вернон был рад, что не оказался на месте Барнс — вынужденной отвечать на вопросы премьера и признавать отсутствие каких-либо зацепок. Саму проблему было трудно даже сформулировать. Это дело разведки или учёных? Или священников?

Согласно последним донесениям, по всей Британии ощущалась острая нехватка топлива. Аварийные резервы стремительно таяли. В центральной Англии начались перебои с электричеством, которые грозили становиться всё более продолжительными и частыми. Остальная часть страны была недалеко от того же.

В Америке Си-эн-эн сообщило, что новый Президент отдал распоряжение ключевым сотрудникам Белого дома перебраться в подземный бункер под горами Блу-Ридж в Вирджинии. Знали ли они что-то, неизвестное остальным?

Но скрыть новости о вулканах по всему миру не было никакой возможности. Из всех них вырывались густые, удушающие чёрные тучи. Поскольку извержение одного вулкана высвобождает столько же энергии, сколько пятьсот атомных бомб, одновременное извержение всех стало бы равносильно одновременной детонации 800 000 атомных бомб. Если это произойдёт, дым и пыль в небе заслонят солнце и наступит вечная зима — новый и необратимый ледниковый период. По меньшей мере, взрывы грозили дестабилизировать все крупнейшие тектонические разломы мира, что вызвало бы чудовищные землетрясения.

Был ли хоть какой-то выход? Газеты, сжавшиеся почти до листовок, всё ещё строили догадки о похищении трёх всемирно известных религиозных реликвий и тиражировали утверждения религиозных лидеров о том, что Бог являет свой праведный гнев. Могла ли быть реальная связь между похищенными реликвиями и природными катастрофами? На одном уровне — абсурд, но пока учёные мира грызлись между собой, образовавшийся вакуум заполнялся суевериями. Убийство американского Президента с его религиозным подтекстом лишь многократно усилило исступление.

На Би-би-си «Новости 24» передавали, что заседания КОБРЫ не прекращаются, причём премьер-министр лично председательствует на большинстве из них. Каждый знал: КОБРА собирается только в условиях национального чрезвычайного положения.

КОБРА всегда завораживала Вернона. Аббревиатура была куда интереснее того, что за ней скрывалось: Зал брифингов Кабинета А. Заседания КОБРЫ проходили в неназываемом месте в Уайтхолле, хотя все в МИ-5 знали: это защищённый комплекс помещений в самом здании Кабинета, примыкающем к Даунинг-стрит. Там было всё необходимое для современного центра связи: ряды компьютеров, волоконно-оптические

кабели, факсы, телефонные линии, видеоконференцсвязь, собственные генераторы. Всё самое передовое, все коммуникации зашифрованы. Всё для того, чтобы премьер-министр, старшие министры и ключевые чиновники могли получать информацию о критических инцидентах и поддерживать надёжную защищённую связь с полицией, пожарной службой, армией, больницами и всеми ветвями власти.

Никто из причастных к КОБРЕ не был бы доволен, если бы Барнс пришлось объяснять, что думает МИ-5 о происходящем. Признавать характер их рассуждений было бы унижительно. Но когда со всего мира поступали телекартинки с толпами, стекающимися к храмам, трудно было не заразиться религиозной истерией.

— У нас нет других направлений для расследования, — сказала Барнс. — Содержание вашего доклада невероятно, господин Вернон, но ничего иного у нас нет. С политической точки зрения мы обязаны быть видимыми в действии. Я скажу премьеру, что мы разрабатываем версии, связанные с похищенными религиозными реликвиями. Если мы их вернём, сможем доказать отсутствие связи с природными катастрофами. Вы и полковник Гресник получите все необходимые ресурсы.

Для чего именно? — мысленно спросил Вернон. Он понятия не имел, что делать с уже имеющейся информацией.

— Я не стану комментировать некоторые высказывания о сбежавших заключённых, — сказала Барнс. — Я хочу, чтобы их как можно скорее поймали, и получить подробные объяснения того, как они вообще сбежали. Этим займётся командор Харрингтон.

Она положила руки на стол, словно в поисках чего-то твёрдого, за что можно было бы держаться. Вернон понял её. Всё рушилось, каждая точка опоры исчезала.

— Хочу, чтобы вы знали, — сказала Барнс, — что я связалась с руководителями всех крупнейших спецслужб мира. Ни одна из них не в лучшем положении, чем мы. Большинство называет причиной всего происходящего глобальное потепление и сосредотачивает усилия на помощи научному сообществу.

Вернон взглянул на Гресника. До появления американца он бы с этим согласился. Теперь, после всего, что Гресник раскрыл, возможно, в основе всего лежало нечто иное.

— На крыше вас ждёт вертолёт, — сказала Барнс.

— Куда нас отправляете? — поморщился Вернон, ненавидя самую мысль о том, чтобы выйти на улицу. — Да и вообще, в воздух не подняться. Там птицы — вертолёт сквозь них не прорвётся.

— «Чинук» оснащён устройством, испускающим ультразвуковую частоту. Меня заверили: это доводит птиц до безумия и вынуждает их уступать дорогу — по крайней мере на какое-то время. Полагаю, при перелёте господина Гресника в Англию использовалась та же технология.

— Никаких проблем не было вообще, — подтвердил Гресник.

Вернон не был убеждён. Он сомневался, что птиц можно отпугнуть каким-то гаджетом.

— Вас будет сопровождать подразделение SAS, — добавила Барнс. — Командор Харрингтон останется здесь координировать работу на нашем конце.

— Куда мы летим? — повторил Вернон.

— Ваша задача — найти вашу бывшую подругу.

Вернон попытался скрыть потрясение. Значит, это всё-таки произойдёт. Всё, чего боишься больше всего, непременно случается — каким-то безумным образом сам притягиваешь это к себе.

— Мы летим в Гластонбери? — Это место он ненавидел. Цирк нью-эйдж, сборище всех мыслимых религиозных фанатиков. Религий там было больше, чем людей.

— Да и нет, — ответила Барнс. — Там вы возьмёте след.

— След?

— Полчаса назад мы получили сообщение о перестрелке в психиатрической лечебнице, где содержалась Люси Галахан. Четыре солдата убиты. Полиция сняла их отпечатки пальцев, мы прогнали по нашей базе данных личного состава спецназа. Идентификация подтверждена. Двое принадлежали дезертирам из подразделения «Дельта». Остальные двое...

— Дезертиры забрали Люси?

— Она с остальными, — ответила Барнс.

— С остальными?

— Я как раз собиралась сказать вам, что два других погибших тоже опознаны. Это швейцарские гвардейцы.

Вернон покачал головой. — Вы имеете в виду тех, кто охраняет Папу?

Глава 25

Люси выглянула в окно, пытаясь понять, что происходит. Конвой остановился пять минут назад: капитан Крюгер и кто-то из его людей вышли из головной машины, их фонари рассекали темноту. Что они делали? Крюгер, судя по всему с биноклем ночного видения в руке, карабкался на каменистый холм над дорогой. Его напарник склонился над картой, освещая её фонарём. Люси предположила, что они проверяют, нет ли за ними слежки, и ищут наилучший путь, чтобы уйти от преследования.

Она повернулась к солдату, сидевшему рядом. За всё время поездки он не произнёс ни слова. Каждый раз, когда его длинные ноги норовили задеть её, он поспешно отодвигался. Будто она заразная. Порой она замечала его взгляд — такой же, каким люди смотрят на современное искусство, не понимая его.

— Можно подышать свежим воздухом? — спросила она.

— Дам вам несколько минут размяться. — Его английский был безупречен, с едва уловимым иностранным акцентом. Он обернулся, потянулся на заднее сиденье и что-то достал. — У нас есть запасная форма для вас.

Люси сняла парку и натянула чёрный комбинезон поверх пижамы. Солдат протянул ей армейские ботинки и носки. Ботинки оказались чуть велики, но она затянула шнурки туго, и толстые носки помогли.

Прежде чем открыть дверь, она снова надела парку и застегнула её до самого верха — наружу торчали только глаза. Когда она уже потянулась к ручке, солдат коснулся её руки.

— Подождите, — сказал он. — Вам это понадобится. — Он вручил ей чёрный резиновый фонарь.

Она снова потянулась к ручке.

Солдат похлопал по своему пистолету-пулемёту. — Я слежу.

Люси отошла на несколько шагов от Land Rover. Неужели солдат и правда думал, что она попытается сбежать? Кругом стояла крошечная тьма, едва пронизанная светом фар и нескольких фонарей, а температура была ниже нуля. Она понятия не имела, где находится, и была уверена: стоит ей шагнуть в темноту — и она погибнет от холода.

В монастыре она начала воспринимать внешний мир как запретную зону: он убьёт её, если она туда выйдет. Но вот она здесь. Живая — и, как ни удивительно, чувствует себя довольно сносно. Она знала, что это ненадолго.

Осветив фонарём округу, она обнаружила, что конвой остановился у живописного каменного мостика через ручей. Это место она знала. Оно называлось Вздох Гиневры —

по преданию, здесь королева Гинебра осознала, что её любовь к Ланселоту уже не может быть побеждена. Джеймс Вернон однажды привёз её сюда, желая показать старинный каменный колодец с деревянным навесом, по углам которого были вырезаны ангелы. По легенде, это был тот самый колодец желаний, у которого Гинебра приняла роковое решение стать возлюбленной Ланселота, предрешив судьбу Камелота. После их тайной связи Камелот погрузился в пучину гражданской войны и в конечном счёте рухнул, унеся с собой все мечты о золотом мире.

Люси вздрогнула, направив фонарь на колодец, — но дрожь была не от холода. Именно сюда она пришла в ту ночь, когда решила расстаться с Джеймсом. Было ли это извращённым — выбрать именно это место? Словно ей нужно было побыть с призраком самой себя прежней, прежде чем решиться на этот шаг?

Джеймс не скрывал, о чём загадал, когда в первый раз бросил монету в колодец.

— Желаю, чтобы мы поженились до конца года, — весело сказал он.

Она не ответила ему «да». Не ответила ничего. Закрыла глаза и попыталась загадать своё желание. Но ничего не пришло. Никаких желаний, никаких мечтаний. Всё, чего она хотела, — чтобы всё оставалось именно таким, как есть. Она сказала Джеймсу, что боится и сейчас не может дать ему ответ. Хотя он и правда был идеальным парнем. Работа в МИ-5, о которой он никогда не рассказывал, — но ей это нравилось. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности и знала: любую тайну можно смело доверить ему. Им было так хорошо вместе. Её поражало, как любяще он смотрел на неё — словно на редкую красавицу. Однажды он сказал, что не знает, кто она для него — идол или идеал. Поначалу это её пугало: как она могла оправдать такие ожидания? Но что бы она ни делала, Джеймс никогда не разочаровывался в ней — даже когда она сама в себе разочаровывалась.

Он не жаловался, когда она заставила его заняться дайвингом, и говорил, что с удовольствием слушает её теории об артурианских легендах. Казалось, он это искренне имел в виду. Когда её книгу разнесли в пух и прах, он процитировал Джонатана Свифта в утешение: «Когда в мире появляется истинный гений, узнать его можно по одному признаку: все дураки объединяются против него». Она любила его за это.

На следующий день после их поездки к Вздоху Гинебры раздался тот звонок. Голос отца звучал как у автомата. «У твоей матери рак груди. Агрессивный. Четвёртая стадия. Жить ей осталось меньше шести месяцев». И всё. Отец повесил трубку. С этой минуты она начала рассыпаться. У неё были подруги, прошедшие через то же самое. Они, конечно, были в отчаянии — но как-то поверхностно. Они стряхивали это с себя, как пыль. Устраивали похороны и жили дальше, а люди говорили, какие они мужественные и как родители были бы ими горды, что они держатся.

«Последнее, чего бы хотели твои родители, — это чтобы ты страдала», — говорили они. Эти люди вообще чувствуют что-нибудь? Как можно жить дальше, когда нет больше тех, кто тебя создал? Солнце украдено с неба. Тепло ушло. Ничто не может продолжаться, совсем ничто.

— Люси, можно вас на пару слов? — Кардинал Синклер подошёл от головного Land Rover. Несколько солдат наблюдали за ним. Один направил фонарь ему в лицо, и кардинал поднял руку, чтобы заслонить глаза.

Ночь казалась странно плотной — словно была сделана из ткани. Люси задумалась, как давно ночи стали такими. Её монастырская келья была без окон. Снаружи она бывала лишь на ежедневных прогулках в монастырском саду. Не так давно она не справлялась даже с этим и передвигалась в инвалидном кресле. Потом, совсем недавно, когда она начала чувствовать себя лучше, прогулки на улице вовсе запретили — без объяснений. Теперь она понимала почему.

Глядя на приближавшегося Синклера, Люси всё ещё не знала, доверять ли ему. Она была убеждена, что сама она — пленница. Но он?

— Что вам нужно? — Её тон вышел куда резче, чем она намеревалась. — Надеюсь, вы объясните наконец, что происходит.

Она невольно думала: не из того же ли он теста, что великие инквизиторы вроде Торквемады? Теперь им некого пытаться, но, может быть, в глубине души это желание никуда не делось — сделать всё чистым, выкорчевать любое инакомыслие, сжечь всякую нечистоту.

— Уверяю вас, — сказал он, — я не ожидал ничего подобного.

— Вы знаете, кто эти люди, не правда ли?

— Швейцарские гвардейцы из Рима.

— Швейцарские гвардейцы? — Люси была удивлена. — Я думала, их задача — охранять Папу. — Ещё один вопрос вертелся у неё на языке, но она его не задала: если они из Ватикана, почему Синклер не знал об их приходе? Впрочем, он, кажется, угадал её мысль.

— Крюгер сказал, что это особое подразделение, подчиняющееся только Папе, — продолжил кардинал. — В Ватикане о них никто не знает. Они были созданы год назад и с тех пор проходят подготовку совместно с Французским иностранным легионом.

Люси внутренне застонала. Тайное военное подразделение Ватикана? Всё становилось хуже. — Но вы же говорили, что Папа мёртв?

— В том-то и дело. — Синклер понизил голос. — Капитан сказал, что Папа приказал им выполнить эту миссию при любых обстоятельствах. Даже если он умрёт — они должны продолжать.

— Не понимаю, кардинал. Почему Папа не рассказал вам о команде Крюгера?

Синклер отвёл взгляд.

Люси почти забыла, как читать такой язык тела. В монастыре никто ничего не скрывал. Она с трудом разбиралась в Синклере — навык атрофировался. Почему ему так неловко говорить об умершем Папе? Кое-что ещё не давало ей покоя. Почему эти швейцарские гвардейцы появились именно сейчас, когда всё так плохо? Почему не несколько недель назад?

— Мы — пленники? — спросила она.

— Нет, но мы не можем делать что захотим. Мы должны выполнять всё, что скажет капитан Крюгер.

— Значит, мы всё-таки пленники.

— Они нас защищают.

— От чего?

— Люси, за нами гонятся другие солдаты. Крюгер знает, кто они.

Люси посмотрела на Синклера и отвернулась. Она ненавидела всё это.

— Американский спецназ, Люси. Вот кто нас преследует. По расчётам Крюгера, они в нескольких милях позади.

— Что? — Люси не строила никаких предположений о том, кто мог желать ей зла, но американцы были последними в этом списке.

— Дезертиры, — сказал Синклер.

Дезертиры? Легче ли от этого понять происходящее? Они дезертировали именно для того, чтобы приехать в Англию и убить её?

— По машинам! — крикнул Крюгер, спускаясь с холма. — Уходим.

— Куда они нас везут? — спросила Люси у Синклера.

Кардинал покачал головой. — Крюгер не сказал. — Его дыхание клубилось в морозном воздухе. — Я не успел рассказать вам кодовое название миссии Крюгера.

Люси наблюдала, как Крюгер забирался обратно в Land Rover. Она чувствовала: этот человек не сдаётся. Получив приказ, он будет идти вперёд без остановки, пока не выполнит его. Именно за это покойный Папа и выбрал его, не правда ли?

Она закрыла глаза и на мгновение застыла. Ветер нёс мельчайшие льдинки, впивавшиеся в кожу. В её голове всплыло одно слово — как уже бывало в монастыре. Она знала: это то самое слово, которое вот-вот произнесёт кардинал Синклер. Она понятия не имела, откуда такая уверенность, и это её пугало.

— Я уже знаю, — сказала она, открыв глаза. — Их миссия называется «Армагеддон».

Глава 26

Вертолётная площадка на крыше Темз-хауса появилась совсем недавно — три месяца назад. Чтобы освободить место для вертолётов, строителям пришлось изуродовать великолепную золотистую скатную крышу здания. Один махом уничтожен весь эстетический облик Темз-хауса, думал Вернон. Все остальные были в восторге от удобства, — впрочем, они все любили летать.

Он стоял у маленькой диспетчерской, хлопая руками, чтобы согреться. Хотя на нём была тёплая форма — ему удалось одолжить запасное снаряжение у одного из солдат в подвале, — перчаток не было. Час ночи. Большинство здравомыслящих людей сейчас были бы дома с жёнами и детьми, а не готовились выходить в эту темноту — ту её разновидность, после которой начинаешь думать, что назад уже не вернёшься.

Что касается его собственных жены и ребёнка, Вернон был убеждён: они не могут быть в более безопасном месте. Малолюдный остров под Стокгольмом с достаточными запасами еды и воды — лучше не придумаешь. Впрочем, его преследовали другие призраки. Или один-единственный. Всё его душевное состояние теперь было пронизано мыслями о Люси. Она отвергла его — и продолжать любить её было извращением, но такие вещи от тебя не зависят, правда? Такой огонь рано или поздно обожжёт. Если только не случится чуда: ты не поймёшь вдруг, что разлюбил. Но что в этом хорошего?

«Чинук» в камуфляжной окраске выглядел как с иголки. Два усиленных стеклопластиковых несущих винта — спереди и сзади. Силы специальных операций Британии — элитный отряд SAS — использовали его в своих операциях из-за репутации надёжной машины. Фюзеляж был водонепроницаемым, что позволяло совершать амфибийные посадки. Вернон молился, чтобы до этого не дошло. Плавать в темноте не хотелось никак. Два пулемёта М60 вызывали куда больше симпатии. Он подозревал, что ими воспользуются не раз.

Его также беспокоил шум: в прошлый раз, когда ему доводилось лететь на вертолёте, он не слышал ничего, кроме рёва винтов и двигателя, а весь следующий день провёл с частичной глухотой. По имеющимся сведениям, NASA помогло производителям вертолётов значительно снизить шум в кабинах, сделав их пригодными даже для нормального разговора, — но Вернон в этом сомневался.

Один за другим бойцы SAS забирались в «Чинук». Вернон был удивлён, насколько они невысоки: ни один не превышал примерно метр семьдесят. Крепкие, жилистые, большинство с бритыми головами. Четверо нарушили это правило: отпустили длинные всклокоченные волосы и почти комичные обвислые усы. Прислушавшись к их разговорам, он понял: почти все они шотландцы, валлийцы и жители Северной Ирландии. Только двое англичан — один из Ньюкасла, другой из Ливерпуля.

Бойцы были в камуфляже и шлемах, с объёмистыми рюкзаками за спиной и чёрными перчатками. Если кто и выглядел готовым к войне — то они. Вооружённые

штурмовыми винтовками Colt Commando, пистолетами-пулемётами Heckler & Koch MP5K и пистолетами Browning High Power, они были буквально увешаны оружием.

Вернон специально пожал руку командиру группы, капитану Керру, — угрюмому уроженцу Глазго. Тот намеренно применил один из тех по-мужски раздражающих захватов, призванных показать, кто здесь главный. Вернон поспешно высвободил руку.

Он забрался в вертолёт последним. Три года назад, во время отпуска в Сан-Франциско, они с Люси совершили обзорную экскурсию на маленьком вертолёте. Это было самое страшное путешествие в его жизни. Когда вертолёт пролетал под мостом Золотые Ворота, он едва не потерял самообладание, — а Люси смеялась всю дорогу. Когда-то она говорила ему, что страдает от укачивания. Похоже, это прошло. Его пугало, как она упивалась этим — почти как человек, торжествующий над собственными ограничениями. Когда она этого хотела, её целеустремлённость была невероятной. Не раз он решал, что она самый упрямый человек из всех, кого он знал. В большинстве случаев он ею восхищался. Но бывало и иначе...

Взглянув на небо, пока карабкался внутрь, он был убеждён: птицы окажутся непреодолимым препятствием. Тысячи их кружили над Темз-хаусом, издавая нескончающийся пронзительный крик. Это сводило с ума. До него доходили сообщения о том, что по неизвестной причине птицы собираются только над городами, а на целых протяжённых участках страны птичья жизнь теперь полностью отсутствует.

Он занял место рядом с полковником Гресником — сразу за кабиной — и пристегнулся. Несколько бойцов SAS разместились по его сторону «Чинук», остальные сели напротив — примерно по десять человек с каждой стороны.

— Что сказал Ватикан насчёт швейцарских гвардейцев? — спросил Вернон у Гресника, пока «Чинук» готовился к взлёту.

— Они ответили, что это дело религиозное и они не хотят вмешивать светские власти, — сказал Гресник, небрежно листая папку с разведдонесениями. — Когда командор Харрингтон указал им, что они похитили британскую гражданку, ему ответили, чтобы он не совался в дела, которые касаются только Бога.

Вернон не сдержал смеха. — Хотел бы я воспользоваться такой отговоркой, чтобы отделаться от людей. — Он взглянул на бойцов SAS, мазавших лица чёрной краской. — Ватикан что-нибудь сказал о дезертирах из «Дельта Форс»?

— Ватикан заявил, — цитирую дословно: «Дезертиры служат Сатане».

— Слышал, он лучше платит, — пробормотал Вернон, покосившись на модную дублёнку и меховую шапку Гресника. Кем он себя воображает — каким-то асом-истребителем?

Он вцепился в подлокотники, когда несущие винты вертолёта начали раскручиваться, и помолился, чтобы у пилота осталось время отменить вылет, если птицы не уберутся с пути. Секунды спустя «Чинук» был в воздухе. Набирая высоту, Вернон прислушивался к птичьим крикам, но рёв винтов заглушал всё. Ещё через секунду что-то ударило в стекло кабины. Сердце Вернона ёкнуло.

— Случайная, — произнёс пилот по интеркому. — Курс чист.

Уже через несколько секунд они неслись над опустевшими улицами Лондона. Вернон взглянул на Гресника и шумно выдохнул. Он сомневался, что эта миссия вообще состоится. Теперь больше нельзя было откладывать мысли о её цели. Это и правда произойдёт — он снова увидит Люси и узнает, почему она оказалась в центре мировых событий.

Американские дезертиры похищали религиозные реликвии; Католическая церковь — самая мощная религиозная организация на земле. Сложить эти два факта — что получится? Возможно, американцы похитили нечто, имеющее особое значение для

Католической церкви. Чем бы это ни было, Люси должна быть специалистом по этому предмету. Возможно, ведущим экспертом в мире. С учётом написанной ею книги личность реликвии казалась слишком очевидной — Святой Грааль.

Поделившись этой мыслью с Гресником, Вернон увидел, как тот кивнул и улыбнулся. — Может быть. — У Гресника была одна из тех ослепительных голливудских улыбок с зубами такой совершенной белизны, которая казалась англичанину невозможной. Вернон ненавидел такие улыбки. Его собственные зубы были не плохи, но и не таковы, чтобы гордиться улыбкой. Женщин ею не очаровать — это точно. Зато у Люси была красивая улыбка. Он задался вопросом, как ей это удавалось.

— Первоочередная задача — найти её, — сказал Гресник. — Тогда мы так или иначе узнаем, почему вокруг неё столько шума.

Когда «Чинук» покинул Лондон, Вернон почувствовал приближение морской болезни, но не хотел обнаруживать слабость перед остальными. Дурноту усиливало кое-что ещё. Он ненавидел эту мысль, не хотел верить в её истинность, но каждый раз, думая о Люси, он снова и снова переживал прежние чувства, которые надеялся убить. Было жутко осознавать, что он всего лишь похоронил их. На такие вещи нельзя рассчитывать — они не остаются в могиле. Может быть, как и сам Святой Грааль. Оценила бы Люси эту иронию?

Возможно, ирония была глубже. Люси могла оказаться не просто в депрессии или психической травме. Если выяснится, что она безнадежно сумасшедшая, что тогда? Дезертирам она не понадобится — и они запросто её убьют.

Поймёт ли Люси, что с ней происходит? Её мозг наверняка способен вспыхнуть в последний раз. Когда она была в своей тарелке, это было внушительно: она видела связи там, где другие видели хаос, разрубала помпезность и нелогичность. Она не беспокоилась о чужих чувствах, когда другие были неправы, — именно поэтому те так жестоко мстили ей при первой возможности. Если она откажется помогать дезертирам, они начнут угрожать ей, возможно, пытаться. Из чистого упрямства она может не пойти на сотрудничество. Она не будет понимать, в какой опасности находится. Эти люди не остановятся. Они — беспощадные убийцы, ветераны множества смертоносных операций.

В них было кое-что особенно странное. Вернон едва верил, когда Гресник сообщил этот единственный в своём роде факт, но американец заверил его, что это правда. Деды дезертиров хотели только сыновей и отдавали всех родившихся дочерей в приюты, а родители дезертиров принимали активные меры, чтобы иметь только мужское потомство: все женские эмбрионы абортировались. Похоже, они принадлежали к некому культу женоненавистников. Жизнь женщин не представляла для них никакой ценности. Представит ли ценность жизнь Люси?

Глава 27

Проект «Армагеддон», беззвучно повторила Люси, глядя в окно Land Rover. Многие представляли конец в оттенках чёрного. Для неё мир мог закончиться только одним способом — синим потопом. В оруэлловской комнате 101 она стояла бы на берегу синего озера, и её толкали бы в воду. Синий, и только синий — цвет Армагеддона.

— Куда вы меня везёте? — спросила она, думая, что охранник промолчит, но тот ответил немедленно.

— Тинтагель.

Поначалу это имя прошло сквозь Люси, словно его никто не произносил. Она попыталась убедить себя, что это просто ещё одно название, точка на карте, как любая другая. Land Rover тряхнуло на выбоинах, и голова Люси ударилась о стекло. В сознание

хлынул синий цвет — цунами. На секунду волна застыла, и она увидела тысячи людей, заточённых внутри, с телами, торчащими под нелепыми углами. Затем волна снова пришла в движение, такое стремительное, что превратилась в размытое пятно, вытряхивая утопленников, словно соль и перец. Тинтагель. Она так долго вычёркивала это слово из сознания, убеждала себя, что нет такого слова, нет такого места.

— Моё лекарство, — сказала она. — Мне нужно принять таблетки. — Синий поток всё бушевал в голове. Land Rover прибавил скорость, и у неё засосало под ложечкой.

Солдат не отреагировал и смотрел в другое окно. Раньше он запретил ей принимать что-либо без его разрешения.

Люси представила себя крошечной далёкой точкой посреди синего океана. Беспомощная, безнадёжная — пылинка в вечности. Без лекарства она погибнет. — Я умру, — крикнула она, схватив солдата за руку. Океан в её голове превратился в кровь — алое море под жёлтым солнцем, плещущееся о белый пляж.

Солдат мрачно посмотрел на неё и оттолкнул. — Ладно, ладно, принимай.

В мгновение ока рука Люси была в кармане, нащупывая флакон с таблетками. Она сунула две в рот и проглотила, молясь, чтобы подействовали немедленно. Уже через несколько секунд наступила привычная сонливость. Мысли поплыли. Жёлтые и оранжевые тона — никакого синего.

Когда-то Тинтагель не имел для неё того значения, которое приобрёл теперь. Тогда это было просто академическим курьёзом — ещё одно место на юго-западе Англии, претендующее на связь с королём Артуром ради привлечения туристов.

Тинтагельский замок в своё время был островной крепостью, высоко вознесённой над атлантическим прибоем и соединённой с материком природной дамбой. Одни говорили, что это и есть сам Камелот. По другим преданиям, здесь был зачат Артур или в пещере под замком родился волшебник Мерлин. Легенда гласила, что пещера по сей день хранит следы Мерлина — в бурные ночи можно услышать его голос. По преданию, призрак Мерлина стоит на берегу у входа в пещеру, держа высоко над собой младенца Артура и вознося его к луне.

Неподалёку, у Бойни-Бридж, Артур, возможно, провёл свою последнюю катастрофическую битву при Камлане — в тот жестокий день последние из его храбрых рыцарей погибли в густой грязи.

Люси почувствовала, как кто-то трясёт её за руку, и сонно открыла глаза. Land Rover остановился, дверь была распахнута настежь, впуская ледяной воздух.

Капитан Крюгер смотрел на неё сверху вниз, лицо его пылало. — Вы что, совсем ничего не понимаете? Никаких таблеток. Вы должны быть в полной боевой готовности. — Он попытался залезть к ней в карманы.

— Убирайтесь от меня, — крикнула Люси. — Все таблетки кончились. Я выбросила флакон. — Она попыталась оттолкнуть его, но он отмахнулся от её рук. Схватил её, вытащил из машины, приподнял и прижал к передней двери. Обыскал — но ничего не нашёл. Флакон лежал во внутреннем кармане пижамы. Она едва не улыбнулась. Она знала: он туда не полезет. Не капитан Крюгер. Не святой, не супергерой Ватикана.

— Я никогда вам не помогу. Вы сумасшедший.

Глаза Крюгера вылезли из орбит. Он приблизил лицо к её лицу — их носы почти касались.

— Вы не смеете меня трогать. — Люси почувствовала желание подразнить его. Резкий дождь молотил её по лицу. — Вы ничего не можете со мной сделать.

Жгучий удар пришёлся по левой щеке, и её тело непроизвольно дёрнулось в сторону, ноги подкосились. Лёжа в грязи у переднего колеса с кровью во рту, она не сразу осознала, что произошло. — Вы ударили меня, — пробормотала она недоверчиво.

— Мне некогда играть в глупые игры, — рявкнул Крюгер. — Мы знаем точный момент, когда закончится мир. Только вы можете его предотвратить.

Глава 28

Вернон с раздражением взглянул на Гресника и обнаружил, что американец спокойно изучает свои бумаги. — Вас это совсем не задевает?

— Что именно?

— Мы летим в кромешной тьме. Вам не страшно?

Вертолёт трясло так, что у Вернона стучали зубы и казалось, будто он сидит внутри стиральной машины.

— Я знаю пилота, — сказал Гресник. — Теперь он у вас, но раньше был Ночным Охотником.

— Что? — Вернон с трудом слышал что-либо сквозь ритмичный «та-та-та» несущих винтов и рёв двигателей. Вот тебе и новые шумоподавляющие технологии NASA. Справедливости ради, эффект всё же был. Год назад в вертолёте вообще ничего нельзя было услышать. Теперь, достаточно повысив голос, общаться было можно. Это, пожалуй, получше ночного клуба. Он повернулся к Греснику лицом.

— Да бросьте, вы наверняка слышали о Ночных Охотниках, — сказал Гресник. — «Чёрный ястреб» и всё такое — элитные пилоты, вертолётный эквивалент «Дельта Форс», специализирующиеся на ночных операциях. Некоторые из этих парней вообще предпочитают летать в темноте. Их навигационные системы — последнее слово техники. Когда они смотрят на ЖК-мониторы приборной панели, картинка настолько чёткая, что кажется — полдень в Вегасе, а не ночь в Лондоне. Они видят всё, что происходит снаружи. — Он похлопал Вернона по спине. — К тому же у них лёгкие голографические очки ночного видения — стереоскопические, с полным ощущением глубины, видят в темноте. Круче самых крутых очков.

Вернон не был убеждён и вопросительно приподнял брови.

— Не переживайте, — сказал Гресник. — Даже ночью в плохую погоду эта птичка выдаёт 240 километров в час. Будем на месте мигом.

Вернон откинулся назад, пытаясь уверить себя в безопасности. Он мечтал поскорее выбраться из вертолёта и снова почувствовать твёрдую землю под ногами. — Тот суперзаговор, о котором вы говорили в Темз-хаусе, — сказал он. — Вы и правда верите, что существует организация, действующая тысячелетиями? Кукловоды, управляющие всеми остальными?

— Суперзаговор существует, господин Вернон, но никаких кукловодов там нет. Это теневые люди, действующие в темноте и добивающиеся своих целей вопреки подавляющим обстоятельствам. Вот почему они — мастера шифров, пропитанные тайнами. Ранние христиане использовали всевозможные знаки для взаимного узнавания — например, рисовали рыбу на песке, — но когда стали большинством, нужда в тайных знаках отпала. Те, кто управляет суперзаговором, никогда не были большинством. Напротив, они всегда подвергались преследованиям. Но они выстояли и передавали свои тайны из поколения в поколение, ожидая часа, когда их замыслы смогут осуществиться.

— Если у христиан была рыба, какой знак у этих суперзаговорщиков?

— Мой дедушка был убеждён, что есть один верный способ их опознать: череп с костями.

— Почему именно этот символ?

— Знаете ли вы, откуда взялся Весёлый Роджер?

— Пираты? — неуверенно улыбнулся Вернон. — Флаг с черепом?

Гресник кивнул. — Jolly Roger — искажённое французское *jolie rouge*, что по-английски означает красивый красный. Так рыцари-тамплиеры называли флаг своего флота. На нём был изображён белый череп с костями на кроваво-красном фоне. Когда тамплиеры хоронили павших братьев, они отделяли голову и ноги и укладывали их в виде черепа с костями.

— Масонство тоже пронизано символикой черепа с костями. А СС избрали Тотенкопф — Мёртвую голову, череп на костях — в качестве эмблемы на фуражках. Мой дедушка был убеждён, что катары тоже использовали этот символ, хотя и нашёл лишь косвенные свидетельства.

— Хорошо, допустим, все они использовали череп с костями, — сказал Вернон. — Но это не доказывает принадлежность к одному заговору. Может, им просто нравился символ? Пираты ведь тоже его использовали, а они в вашем заговоре не участвуют.

— А разве нет?

— Бросьте, вы же не хотите сказать, что пираты были посвящены в это.

— Послушайте. Орден тамплиеров был официально распущен папством. После этого любой, кто осмеливался называть себя тамплиером, отлучался от церкви. Известно, что флот тамплиеров исчез прежде, чем власти успели захватить корабли. Казна тамплиеров исчезла вместе с флотом. Большинство полагало, что сокровища были погружены на корабли и отправлены в неизвестном направлении. Возможно, в Шотландию, возможно — на остров Оук в Новой Шотландии. Если они зарыли сокровища в отдалённом месте, то наверняка составили карту.

Вернон видел, к чему это ведёт. — Карты сокровищ и Весёлые Роджеры — это звучит как пираты, но вы говорите, что на самом деле за этим всё время стояли тамплиеры.

Гресник откинулся на спинку сиденья. — Тамплиеры были первыми пиратами. Они были отличными мореходами и преступниками, которым грозила смертная казнь, попадись они в руки властей. Чего ещё от них ожидать? Со временем последние официальные тамплиеры ушли из жизни, но, без сомнения, оставили потомков и передали им свои традиции.

Вернон не мог не признать, что это правдоподобная теория. — Но пираты использовали чёрный Весёлый Роджер, а тамплиеры — красный. Почему?

— Пираты использовали два Весёлых Роджера. Привычный — чёрный, но именно другого, красного, моряки боялись больше всего. Когда пираты поднимали красный Весёлый Роджер, это означало: Пощады не будет. Они убивали всех, кого находили на борту вражеского корабля. Красный Весёлый Роджер — флаг тамплиеров — был самым ужасающим зрелищем в открытом море. Корабли католических держав — особенно Испании, Португалии и Франции — были почти исключительными мишенями пиратов: месть за то, что папство сделало с тамплиерами.

— И вы думаете, что череп с костями реет над миром по сей день?

— Одно из самых могущественных тайных обществ в мире базируется в Йельском университете и объединяет нынешних и бывших студентов. Многие выпускники вошли в число богатейших и влиятельнейших людей на земле, на каждом шагу поддерживаемые направляющей рукой своего тайного общества. Президент Адамс был его членом — как и новый Президент. Многие президенты, генеральные директора, руководители ФБР и ЦРУ тоже состояли в нём.

— Как оно называется?

— «Череп и кости».

У Вернона засосало под ложечкой, когда вертолёт резко пошёл на подъём. Странная акустика тоже действовала на нервы. Он ненавидел это сочетание свиста лопастей, гула двигателей и криков в пассажирском отсеке.

— Но разве в вашей теории нет одного большого противоречия? — сказал он. — В том смысле, что катары, тамплиеры, масоны и нацисты — всё это разные ипостаси одного древнего тайного общества?

— Противоречие?

— Ну, разве Гитлер не ненавидел масонов? Он их преследовал. Многие оказались в концентрационных лагерях.

Гресник усмехнулся. — Для настоящего масона нет ничего более позорного, чем масон-игрушка. Девяносто девять процентов современных масонов понятия не имеют, в чём суть масонства и во что настоящие масоны на самом деле верят. Большинство нынешних масонов просто хотят принадлежать к группе «ты мне — я тебе» из социальных карьеристов. Добавьте немного жутковатых церемоний, щекочущих нервы старинных клятв и проклятий, маскарад в костюмах, декларации вечной преданности «братству» — и вы получите неотразимую приманку для поверхностных, жадных капиталистов.

— Гитлер как масон высшего возможного порядка презирал их. Они были насмешкой над истинными принципами масонства. Неудивительно, что он хотел от них избавиться.

— Справедливости ради, эти масоны-любители когда-то служили цели. Они были эффективным оружием против Католической церкви. Масоны постоянно выступали против священников и пап. Церковь в ответ запретила любому католику вступать в масоны. Если бы у них была такая возможность, они подвергли бы масонов всем строгостям инквизиции, — но масоны выходили на свет только в протестантских странах.

— Когда инквизиция канула в прошлое, а Ватикан превратился в красочный исторический театр, нужды в самозванных масонах больше нет. Они — позор.

— Откуда вы всё это знаете? — спросил Вернон.

— Я же говорил: мой дедушка десятилетиями изучал эти материалы и передал свои работы родителям. Это дело всей жизни моей семьи. Мы отдали всё, чтобы разобраться в этом заговоре. Не только из академического любопытства. Мы искренне верим, что эти люди представляют угрозу для мира.

— Но если они всё время общаются в шифрах, как вообще можно узнать, что происходит?

— Шифры поддаются взлому. В истории бывало, что членов заговора захватывали и пытками добивались раскрытия тайн. Мы получили огромное представление об их методах работы. Один из главных приёмов — использование витиеватых, многозначных метафор.

— Как Святой Грааль?

— Именно. Это их главная метафора, но было и немало других.

— Например?

— Возьмём алхимию. Алхимики меньше всего искали что-то, буквально превращающее простые металлы в золото. Они были глубоко религиозными людьми, стремившимися к истинному познанию вселенной, — отсюда их одержимость странными экспериментами. «Простые металлы», о которых они говорили, — это обычные люди. «Золото» — то, чем люди становятся, открыв для себя Истинного Бога. Когда они говорили об эликсире жизни, алхимики имели в виду обещание вечной жизни, даруемой Истинным Богом. Точно так же, когда они говорили о нахождении лекарства от

всех человеческих болезней, они имели в виду рай, где никто не страдает ни от какой болезни.

— Вы описываете их как священников.

— Именно ими они и были. Их предшественниками были друиды.

— Значит, алхимики тоже были частью суперзаговора?

— Каждый раз, когда вы встречаете необычную группу людей, навлекающую на себя враждебность Католической церкви, — можете быть уверены: они часть этого заговора.

— И все они будут говорить метафорами?

— Мне кажется, вам трудно это воспринять, но всё просто. Главное, что нужно помнить: всякий раз, когда у христиан возникает выбор между буквальным и метафорическим толкованием, они неизменно выбирают буквальное — даже когда оно абсурдно. Особенно когда оно абсурдно.

— Не понимаю.

— Приведу несколько примеров. Иоаннитская секта в древней Иудее называла Иоанна Крестителя Словом Божьим. Поэтому выражение вроде «Слово Божье было слышно всем» означало лишь, что Иоанн Креститель говорил достаточно громко, чтобы его слышали в задних рядах толпы. Это никоим образом не означало, что Бог разговаривает с человечеством. И не означало, что они считали Иоанна Крестителя Богом — лишь то, что он был избранным Богом глашатаем. Он говорил от имени Бога, а не вместо Бога.

— Точно так же иоанниты называли не-иоаннитов «слепыми» — потому что те не могли увидеть свет Истинного Бога. Когда Иоанн Креститель обращал кого-то в свою веру, он «давал прозреть слепому», то есть приобщал к истинной религии. Он не исцелял физически слепых людей от слепоты. «Прокажёнными» называли иоаннитов, отступивших от истинной веры, — а потому «нечистых» в глазах практикующих иоаннитов. «Исцелить прокажённого» означало вернуть такого человека в лоно общины; это не имело никакого отношения к больному, выздоровевшему от проказы.

— «Мёртвые» — это отлучённые от религии за тяжкие грехи. «Воскреснуть из мёртвых» означало снять отлучение. Любой иоаннит счёл бы нелепым предположение, что это означает буквальное возвращение человека из смерти. И подумайте сами: если бы Иисус и правда воскресил Лазаря, это было бы одним из самых известных событий в истории, о котором говорили бы все. Лазарь стал бы знаменитостью, его пригласили бы в Рим — рассказать императору о своём опыте. Между тем о Лазаре больше нигде не упоминается. Как можно забыть человека, вернувшегося с того света? Очевидно, он никогда и не умирал, — и никто из присутствовавших тогда не говорил об этом.

— «Бедные» — это те, кто недавно вступил в иоаннитскую секту и ещё многому должен был научиться; «больные» — те, кто слышал учение и отверг его. Новым иоаннитам в первый год дозволялось пить только воду; после — вино. Поэтому «превращение воды в вино» означало просто помощь новым иоаннитам в прохождении посвящения. «Хождение по воде» описывало заключительную часть обряда посвящения. Иоанниты ложились рядами перед своим духовным наставником, доказывая преданность и покорность. Он шёл по ним босыми ногами. Христиане, конечно, восприняли всё слишком буквально — как им всегда было свойственно. Те, у кого были «уши, чтобы слышать», прекрасно понимали шифрованный язык; посторонние не имели ни малейшего понятия, о чём речь. Христиане, всегда остававшиеся за бортом, неустанно ошибались — зрелищно, почти комично.

Вернон беспокойно завожился на сиденье. Сомнений почти не было: Гресник прав. Нетрудно придумать современный пример. Девочка-подросток могла написать в

дневнике, что её новое платье убойное, новый парень горячий, а новая песня любимой группы отстой. Тот, кто обнаружит этот дневник через две тысячи лет, может прийти к выводу, что она верила: её платье одержимо злыми духами, парень болен жаром, а последний хит любимой группы ей не понравился. Внезапно Вернону показалось безумием, что кто-то вообще мог верить, будто Иисус исцелял прокажённых, возвращал зрение слепым, превращал воду в вино, ходил по воде, воскрешал Лазаря и всё прочее.

Вернон посмотрел на бойцов SAS. Большинство закрыли глаза, хотя явно не спали. Двое валлийцев в углу говорили о регби. Вернон шумно выдохнул. По крайней мере, разговор с Гресником отвлек его от мыслей о полёте — но теперь тошнота возвращалась.

— Есть над чем подумать, правда? — Гресник повысил голос: погода снаружи начинала портиться. Ветер усиливался, тяжёлый дождь бил в борт вертолёта.

Вернон кивнул. — Суматоха в Темз-хаусе не дала нам ничего конкретизировать. Слишком много неувязок.

— Голова как кисель, верно? Я чувствовал то же самое, когда впервые столкнулся со всем этим. — Гресник надвинул шапку почти на глаза. — Нам нужно ясно понять, с чем мы имеем дело, иначе у нас нет шансов. Эти парни из «Дельты» держат все козыри. Они точно знают, что происходит, а мы стреляем вслепую.

Только сейчас до Вернона начало доходить, насколько он не в своей стихии. Активные операции — не его конёк. Его дело — снабжать агентов в поле нужными сведениями. Теперь сам он оказался в роли человека, которому нужны надёжные данные, — а их не было.

Он заметил, что пилот что-то шепчет одному из членов экипажа, и напряг слух. Разобрать было почти невозможно сквозь шум двигателей и лопастей, но ему показалось, пилот сказал что-то о «странном силуэте», появившемся над «Чинуком». Стая птиц?

— Вы в порядке? — спросил Гресник.

— Просто подумал, что слышал, как пилот упомянул о проблеме.

— Ночной Охотник, помните? Если он не справится — никто не справится.

Вернон слабо улыбнулся.

— В «Судьбе каинитов» говорится, что нацисты ведут свою родословную от Каина, — сказал Гресник. — Что вы знаете о Каине?

— Он убил Авеля. Был первым убийцей в истории. Бог заклеил его и сделал изгоем. Он жил в земле Нод, к востоку от Эдема. Помнится, он был неплохим учёным и построил город.

— Ранний алхимик?

— Пожалуй.

— Как вы думаете, что Каин чувствовал к Богу?

— Он ненавидел Его, наверное.

— Он хотел мести?

— Вероятно.

— Что обычно делают люди, жаждущие мести?

Вернон попытался заглянуть вперёд и понять, к чему это ведёт. Всплыло странное детское воспоминание. Он помнил, как однажды ночью стоял у двери родительской комнаты, прижавшись к ней ухом. Оттуда доносились стоны. Никакой человек, думал он, не способен издавать такие звуки. За этой запертой дверью родители, должно быть, приняли своё истинное обличье — что-то вроде инопланетян. Он не разговаривал с ними несколько дней после этого.

Он помешкал, не желая выглядеть глупцом в глазах Гресника, — но слова, пульсировавшие в мозгу, рвались наружу. Они настаивали на своём праве выйти. — Возможно, Каин хотел... — Он покачал головой. Это было безумием. Но Гресник смотрел

на него, побуждая договорить. Вернон никогда не был особенно религиозен, но и к атеизму не тяготел. Слова, теперь стоявшие в его сознании, казались последним святотатством.

— Возможно, он хотел что? — сказал Гресник. — Нанести ответный удар?

Вернон опустил голову. На лбу выступили капли пота. Его родители оказались не инопланетянами — он понял это много лет назад, — а обычными людьми, делавшими обычные человеческие вещи. Но ни один обычный человек не был бы способен на ту грандиозную мысль, что теперь захватила его разум и не отпускала.

— Продолжайте, — сказал Гресник. — Вы отлично понимаете, о чём идёт речь.

Вернон выпалил слова — словно произнести их достаточно быстро означало обезвредить. — Я думаю, Каин, возможно, хотел убить Бога.

Гресник откинулся назад.

— Именно.

Глава 29

Конвой снова остановился. Немного раньше они проехали через деревню, но нигде не горело ни огонька. Похоже, отключили свет.

Люси наблюдала, как капитан Крюгер совещается с тремя солдатами: каждый по очереди брал бинокль ночного видения. Чудом было бы увидеть хоть что-то в этой темноте даже с новейшей техникой, думала она. Ни луны, ни звёзд. Даже фары Land Rover, казалось, ломались на куски и падали на землю. Словно сам свет начинал угасать — его яркость меркла, как и всё остальное в этом тускнеющем мире. Никто не смог бы последовать за ними в таких условиях. Конвой выглядел бы самое большее как слабый отпечаток памяти о чём-то, давно здесь промелькнувшем. В эти дни людей и призраков стало трудно различать.

Каждый раз, когда кто-то из солдат выходил из машины, он брал с собой фонарь. Они казались тенями, призраками, ступающими сквозь полумир, где вещи не могут обрести окончательную форму. Их кожа была неестественно бледной — почти синеватой.

Крюгер обернулся и направил фонарь на Люси. У него было одно из тех лиц, которые, кажется, не способны улыбаться. Боже, как она его ненавидела. Она запустила руку за пазуху и нащупала пальцами флакон с таблетками. Губы скривились в тайной усмешке. Крюгера было так легко провести — он не осмеливался прикоснуться ни к одной интимной части её тела. Она не собиралась прекращать приём лекарств только потому, что он так сказал. Без них она бы не пережила последних нескольких месяцев. Даже сейчас только таблетки удерживали её в равновесии. Её поражало, что всё произошедшее этой ночью не сломало её. Несколько месяцев назад после чего-нибудь хоть вполовину столь же странного она погружалась бы в состояние зомби. Там до неё ничто не могло дотянуться. Она была бы за гранью любых забот — всегда лучшее место. Её психиатр говорил, что она намеренно вводит себя в это состояние, убегая от жизни. Кто в здравом уме не стал бы убежать? Жизнь равна боли. Это единственное уравнение, которое нужно было знать.

— Мне нужно... — Она неопределённо махнула рукой.

Охранник отвернулся с видом отвращения. — Далеко не уходи, — сказал он.

Когда Люси открыла дверь Land Rover, ледяной ветер ужалил кожу. Она потянулась в машину, схватила пластиковую бутылку воды и сунула в карман. Спотыкаясь в темноте, она нащупала кнопку фонаря и обвела вокруг лучом в поисках укромного местечка.

Присев за разрушенной стеной у обочины, она выключила фонарь, чтобы никто не видел её занятия. Она была благодарна ветру — он шумел так, что заглушал все звуки. Покончив с делом, она плеснула на руки немного воды из бутылки. Застёгивая комбинезон, задумалась: может, всё-таки попытаться сбежать? Но куда? Карты нет, где находится — непонятно, а погода — как в Сибири. Она завинтила крышку и убрала бутылку в карман. Хочешь не хочешь — она застряла с Крюгером. Его планов относительно неё она по-прежнему не понимала — только что её везут туда. Дальше — тишина.

На мгновение ей захотелось взглянуть на себя в зеркало. В монастыре она этим не заморачивалась. Там вообще почти не было зеркал. Узнала бы она себя? В монастыре ей говорили, что ей лучше. Путь, который предстояло пройти назад, был долгим. Ещё несколько недель назад её возили по монастырскому саду в инвалидном кресле — она пускала слюни и не понимала ни кто она, ни где находится. Об этом она знала лишь потому, что украдкой прочла докторский отчёт. Теперь она не просто возвращалась к себе прежней — каким-то странным образом она ускорялась, обгоняя себя. Будто внутри неё жил кто-то другой, куда более собранный, чем она когда-либо была. Она воображала себя змеей, сбрасывающей старую кожу. Бывает ли такое выздоровление, после которого становишься здоровее, чем до болезни?

Синклер окликнул её. На мгновение это её встряхнуло. Люси. Почему-то это простое имя делало её осязаемой снова — доказывало, что она и правда существует в этом мире за стенами монастыря.

Перебравшись через невысокую стену, она направила фонарь на Синклера.

— Вот ты где, — сказал он. — Не надо так далеко уходить.

— Чего хотят от меня эти солдаты? Вы должны мне сказать. — Было так холодно, что она почти чувствовала, как сосульки растут у неё в носу. Она засунула левую руку глубоко в карман и пожалела, что нет тёплых перчаток. Каждые несколько секунд приходилось переключать фонарь из руки в руку, иначе пальцы замерзали.

Синклер огляделся. Его лицо то появлялось, то исчезало в тени. На нём тоже была большая парка; он хлопал руками, чтобы согреться.

— Не доверяйте этим людям. — Он покосился на солдат, сидевших в Land Rover.

— Они собираются меня убить?

Синклер опустил голову. В свете фонаря его черты казались жёсткими и угловатыми. Серые глаза поймали свет так, что в них появилось что-то нечеловеческое.

Люси взглянула на землю и увидела пятна крови. Одно из колёс Land Rover переехало кролика. Его внутренности вывалились наружу, один глаз был раздавлен.

— Я не хотел говорить вам, — сказал Синклер. — Покойный Папа... Признаюсь, у меня были опасения. Юлий IV...

— Вы считаете, что он был еретиком, не правда ли?

Синклер прищурился. — Откуда вы могли это знать?

Люси повернулась в сторону солдат. Ей хотелось сидеть в тёплой машине, как они, — но она понимала, что другого случая поговорить с Синклером наедине не будет.

— Папа Юлий IV взял это имя в честь Юлия II, не правда ли? Но именно Юлий II заказал ту фреску, скрытую в его гробнице. Она совершенно неортодоксальна. Образы из артурианских легенд были неприемлемы для Католической церкви. Я писала о папской враждебности к артурианским романам в своей книге.

Она стала перечислять доводы. Рыцари Круглого стола Артура — военные рыцари с религиозными наклонностями — были явным отзвуком рыцарей-тамплиеров, которых Церковь запретила. Сам Артур погиб при загадочных обстоятельствах, и по легенде он с войском спит в огромной пещере, ожидая воскресения, чтобы выехать и спасти мир от

гибели. Это звучало как альтернативный Мессия. Легенда о Святом Граале вращалась вокруг фигуры Иосифа Аримафейского, а не святого Петра. Это предполагало существование Тайной Церкви Грааля и потенциального соперничающего священства, черпающего легитимность от Иосифа, а не от Петра, — прямой вызов власти пап. Что касается Мерлина, Католическая церковь без сомнения сожгла бы его на костре как колдуна. Был ещё культ «куртуазной любви»: молодые рыцари должны были объявлять о своей любви «недостижимым» замужним женщинам — так же, как Ланселот к Гиневре. Это было равносильно проповеди прелюбодеяния. Поэтому папство никак не поощряло легенды об Артуре. Никакого артурианского искусства не заказывалось — ни картин, ни скульптур, ничего.

Синклер кивнул. — Это лишь самые очевидные причины. Вам, конечно, известны и другие.

— Что вы имеете в виду?

— Должен признать, что до сегодняшнего вечера вы не были мне незнакомы. Я прочитал вашу книгу в прошлом году. На неё обратили моё внимание, потому что она посвящена ереси, а я обязан знать всё о новейших теориях еретических идей. Большинство написанного вами было верным.

— Ну, спасибо за поддержку. — В Люси снова вспыхнула старая ярость. Её приводило в бешенство, как легко от её книги отмахнулась кучка стариков. Одобрение Синклера было бы для неё бесценным.

— Вы знаете, что не в политике Ватикана раздувать споры, — сказал Синклер. — Впрочем, мы всегда знали, что артурианские истории пропитаны ересью. Юлий II посмертно вызывал подозрения из-за своей фрески. Он на самом деле похоронен не в той гробнице — он в соборе Святого Петра, — но это ничего не меняет. Фреска была оплачена им, создавалась тайно и без каких-либо объяснений, и ни один высокопоставленный церковник не был допущен к ней. Когда фреска была обнаружена спустя несколько лет после смерти более позднего папы Юлия III, ни один папа больше не принимал имя Юлий. Можете представить переполох, когда последний Папа выбрал именно это папское имя.

— Достаточно взглянуть на центральное произведение скульптуры над гробницей Юлия II, чтобы увидеть, насколько он был подозрителен. Он заказал Микеланджело статую Моисея. Ничего особенного — если не принять во внимание одно обстоятельство: у Моисея рога, как у дьявола. Любой желающий может прийти и убедиться сам. У нас нет оснований полагать, что это была идея Микеланджело. Даже название церкви, где находится гробница, любопытно. Она называется Сан-Пьетро-ин-Винколи — Святой Пётр в оковах. Возможно, Юлий признавал тем самым, что преемники святого Петра должны быть закованы в цепи как преступники, поскольку истинными вождями христианства является линия Иосифа Аримафейского.

Теперь Люси понимала, почему между кардиналом и Крюгером было столько напряжения. Один был верным защитником покойного Папы, другой подозревал его в ереси. Они не доверяли друг другу, а она, в свою очередь, не видела причин доверять ни тому ни другому. Эрнест Хемингуэй однажды сказал, что лучший способ проверить, можно ли кому-то доверять, — это довериться ему. Это же лучший способ крупно влипнуть, подумала она.

— Как умер Юлий IV? — спросила она.

— Его помощник передал ему записку сразу после того, как он завершил речь к миру с балкона собора Святого Петра. Он рухнул на месте. Через несколько минут была констатирована смерть. По всей видимости, обширный инфаркт.

— Что было в записке?

— Никто этого не понял.

- Ну и всё же?
- Там было написано дословно: Не один из нас.
- Кто не один из вас?
- Никто не знал.
- Кто отправил её? Это-то наверняка известно?

— Помощник сказал, что Папа просил незамедлительно сообщать ему, если придёт анонимное послание из Израиля. Это касалось дела, которое Папа считал критически важным. Больше никаких подробностей помощник не сообщил. Мы считаем, что сообщение отправил агент Моссада, но Моссад впоследствии отрицал какую-либо осведомлённость.

- Но почему помощник передал Папе записку именно в такой момент?

Кардинал пожал плечами. — Как я сказал, Папа хотел узнавать немедленно.

- Зачем Папе вообще было иметь какие-то дела с Моссадом?

- Всё это было странно. Думаю, теперь мы никогда не узнаем правды.

Охранник Люси постучал в окно Land Rover и знаком велел ей возвращаться. Когда Люси не пошевелилась, солдат вышел из машины.

Синклер схватил Люси за руку и потянул к себе.

Она отдёргнулась, ненавидя его грубую хватку. Его дыхание обдало её лицо.

— Слушайте меня, Люси, — прошептал он, пока солдат приближался. — Я не хотел говорить вам этого, но не могу лгать. Если окажется, что вас вот-вот захватят дезертиры — у Крюгера приказ вас убить.

Глава 30

Не вынося этот шум, Вернон прижал руки к ушам, пытаясь заглушить грохот. Уже десять минут град барабанил по обшивке вертолёт, словно пулемётная очередь. Пилот резко набирал высоту, чтобы выйти выше облаков, но ничего не помогало. Вернон был поражён, что градины до сих пор не разбили лобовое стекло кабины. Как пилот вообще мог управлять машиной в таких условиях? «Чинук» то и дело проваливался в воздушные ямы. Вернон лихорадочно оглядывался в поисках хоть чего-нибудь, куда можно было бы вырваться. Ветер набирал силу и выл всё громче. Он в ужасе думал, что один из несущих винтов может переломиться и вертолёт войдёт в смертельное пикирование.

Вернон посмотрел на полковника Гресника. «Этот ублюдок — нелюдь», — подумал он. Полковник спокойно листал свои доклады с таким видом, будто это обычный рейс. Как американец мог быть так невозмутим после того, о чём они говорили раньше?

Вернон снова и снова сжимал и разжимал кулаки, пытаясь выплеснуть накопившееся напряжение хоть в каком-то движении. Вертолёт трясся так сильно, что казалось, будто сидишь в жестяной банке в аэродинамической трубе. Всё, что не было накрепко закреплено, тряслось и гремело, грозя вырваться на свободу. В других обстоятельствах одна только мысль о том, что вертолёт может рухнуть с неба, поглотила бы всё его внимание, но сейчас мысли то и дело возвращались к теории Гресника.

Даже если библейский Каин действительно существовал и питал самую смертоносную ненависть к Богу, которую только можно себе представить, он наверняка не думал, что способен убить своего Создателя. Это было бы невозможно по определению. Бог бессмертен, неуничтожим, первый и последний. Как вообще начать планировать его убийство? Отправной точки нет, потому что нет никакой возможности конца.

В своей книге Люси не упоминала ничего настолько абсурдного, как заговор фанатиков с целью покушения на Бога, — зато она писала о том, что некоторые

религиозные верующие, а именно гностики, имели весьма странное представление о том, кто является Создателем Земли. По их мнению, это был не добродетельный, любящий Бог, которого воображают все остальные, а злобное чудовище: по сути — сам Дьявол. Гностики утверждали, что Земля как лучшее творение Дьявола является мерзостью, лагерем для душ. Наиболее радикальные гностики считали, что Страшный суд уже состоялся, и эта планета — место, куда отправляют осуждённых. Земля — это, буквально, ад.

Временами, видя, насколько отвратительны люди, Вернон думал, что у гностиков есть свои основания. Скосив взгляд вправо, он заметил в дальнем углу солдата SAS, читающего книгу. Прищурился, чтобы разглядеть название. Когда узнал его, с трудом подавил невольную усмешку. Ему никогда не приходило в голову, что боец SAS будет читать Библию, — хотя почему нет? Может, SAS нуждаются в божественном утешении даже больше, чем кто-либо другой. Он не сомневался, какую главу так внимательно изучает солдат, — Откровение Иоанна Богослова, «Апокалипсис».

Набожный христианин, солдат, без сомнения, был бы потрясён гностиками. Сам же Вернон так и не удосужился ни принять, ни отвергнуть христианство. Воспитанный англиканином, он обнаружил, что религия особо не вмешивается в его жизнь. Свадьбы, крестины, похороны и рождественская полуночная месса — вот и всё его общение с Церковью.

С гностицизмом он впервые столкнулся в подростковом возрасте, когда писал проект по истории для экзамена. В одном из гностических текстов утверждалось, что Иисус был женат на Марии Магдалине и у них была дочь Сара. Эта идея показалась ему восхитительно крамольной. Многие комментаторы, как он выяснил, испытывали симпатию к гностикам и нередко изображали их ранними хиппи — терпимыми, ненасильственными, вегетарианцами, не признающими сексизма, нематериалистами; в общем, едва ли не самыми приятными людьми в мире. Поэтому, копнув глубже, он был потрясён: их основные убеждения оказались, пожалуй, настолько тревожащими, насколько это вообще возможно.

Он никогда не слышал о другой религии, которая открыто провозглашала бы, что весь этот мир, его Создатель и всё, что в нём есть, порочны до мозга костей. Он восхищался этой извращённостью. Если принять её всерьёз, это открывало совершенно новый способ мыслить о мире. Это означало, что силы тьмы хитроумно обманули человеческий род. Мы были проклятыми, сами того не ведая.

Только не гностики. Их не провести. Для них «быть добрым» не имело смысла. Важно было знать правду, а гностическая правда состояла в потрясающем открытии: материальный мир злонамерен. Вещество, из которого состоит мир, — то, что мы сегодня называем протонами, электронами, нейтронами и всеми рождёнными из них атомами и молекулами, — пропитано злом. На самом глубинном уровне материального бытия зло укоренено изначально. Вернон помнил достаточно из своей оксфордской специализации по политологии, философии и экономике, чтобы знать: философы древности нередко говорили об *animus mundi* — мировой душе. Для гностиков эта душа была безнадежно порочной.

Из этого убеждения всё остальное вытекало с неумолимой логикой. Создатель материального мира был злым, все, кто поклонялся ему, были злыми, всё, что провозглашали его пророки и священники как истину, было ложью. С другой стороны, все, кто выступал против этих пророков и священников, были праведны. Задача человеческой души состояла не в том, чтобы быть добрым, а в том, чтобы быть достаточно умным, чтобы вырваться из этого ада.

Описывая Создателя мира, гностики пользовались древнегреческим словом «демиург» (demiurgos) — термином Платона, означавшим «ремесленник». Поскольку Творение было изначально злым, Демиург отождествлялся с Сатаной. Иногда гностики употребляли другое выражение — Rex Mundi, то есть «Царь Мира», но это было лишь ещё одно имя Сатаны, Дьявола.

Истинный Бог пребывал во вселенной чистого, нетленного света — полная противоположность жестокому миру материи, этому жестокому цирку. Порой ангелы из божественно озарённой вселенной влюблялись извращённой любовью в физический мир. Секс — это неизбежно то, что их соблазняло; идеальная приманка Сатаны. Обезумев от желания плотского познания, ангелы спускались на Землю и вселялись в человеческие тела, чтобы узнать, что такое секс. Слишком поздно они обнаруживали, что оказались в ловушке.

Когда их физические тела умирали, души перерождались в новых телах. Выхода не было, если только они не обретали достаточно мудрости, достаточно истинного знания, чтобы понять, как вернуться в царство Истинного Бога. Гносис — древнегреческое слово, означающее «знание», — был целиком о приобретении особого знания. Вера не имела ни малейшего значения, лишь знание. Гносис был религией для умных, а не для слепых верующих, с рождения подвергшихся промывке мозгов.

Согласно «Судьбе каинитов», нацисты были хорошо знакомы с этими идеями. Были ли нацисты гностиками? Это объясняло бы так многое, например их патологическую ненависть к евреям. Ведь согласно собственным преданиям евреев, они были Избранным народом Создателя. Для евреев этим Создателем был Яхве, но для гностиков Яхве — это Сатана.

Это также объясняло бы, почему Гитлера завораживали религиозные реликвии, почему нацисты избрали своей эмблемой древний религиозный символ, почему они снаряжали экспедиции по всему миру в поисках доказательств того, что они — нечто иное по сравнению с обычными людьми. Была ли Арийская раса каким-то древним гностическим культом, ведущим своё происхождение от Каина — первого человека, с насилием воспротивившегося воле Яхве?

Вернон крепче сжал подлокотник кресла и закрыл глаза. Всё складывалось воедино. Совпадения здесь исключены. «Судьба каинитов» — никакая не безумная фантазия тронувшегося рассудком солдата. Нацистские лидеры и в самом деле считали это правдой, не так ли? Они искренне верили, что являются потомками Каина и что нашли способ убить Яхве. Когда Гитлер завладел Копьём Судьбы, он был убеждён, что это даёт ему такую власть. Но как? Неужели Копьё и вправду обладало столь особой силой?

Он повернулся к Греснику. Американец показал себя умным человеком с на удивление обширными познаниями в эзотерических вопросах. Что он знал о Копье? Явно гораздо больше, чем было в докладе DIA. Вернон уже собирался спросить, но остановил себя. Что-то в полковнике ему не нравилось. Слишком самоуверен? Слишком идеальный солдат? Он не доверял ему — и не был уверен, почему. А может, слишком хорошо знал причину.

Он закрыл глаза. Град барабанил всё сильнее, грозя пробить металлическую обшивку «Чинука». Казалось, материальный мир оживал, его душа пылала. Он был в ярости от чего-то и был полон решимости уничтожить это.

Для гностиков, может, и невозможно убить Бога, но уничтожить планету — это совсем другое дело. Во всей вселенной планеты гибнут. Сама Земля умирает. Через миллиарды лет её больше не будет. Это, если воспользоваться старейшим из клише, лишь вопрос времени. Неужели группа учёных, заражённых крайними гностическими идеями, нашла способ ускорить этот процесс? Возможно, они изобрели устройства для

управления погодой, активации разломов земной коры, усиления вулканической активности. Может быть, «ангел», вырвавшийся из Темз-Хаус, — результат какого-то сверхсекретного генетического эксперимента, призванного сделать людей похожими на ангелов, которыми, по убеждению гностиков, мы все когда-то были и снова можем стать. Может, всему есть «рациональное» объяснение, если это слово ещё сохраняло смысл.

Вернон снова открыл глаза и оглядел солдат SAS. Большинство из них чистили штурмовые винтовки или смотрели в пространство, словно в медитации. Можно ли на них рассчитывать? Они были элитными солдатами, но понятия не имели, с чем им придётся столкнуться.

Ветер крепчал. Вертолёт больше не казался летящим вперёд — он был захвачен центром жестокого шторма с молниями. Раскаты грома гремели, как артиллерийский огонь. Легко было представить, что кто-то разжигает этот шторм — какая-то стихийная сила, черпающая колоссальную энергию, скованную в мире, и сосредотачивающая её в одной точке с катастрофической яростью. «Чинук» трясся так сильно, что даже Гресник поднял взгляд от папки.

В кабине пилот боролся с управлением и кричал что-то второму пилоту. Слова тонули в шуме ветра, града, лопастей и двигателей. Все в салоне были надёжно пристёгнуты к сиденьям, зато сумки, упавшие из верхних полок, скользили по полу.

Вдали замигало несколько тусклых огней. «Слава богу, — подумал Вернон, — почти прилетели». До него донеслись крики двух солдат SAS: они заметили нечто, на большой скорости движущееся к борту вертолёта.

— Берегись! — закричал пилот.

Внутри «Чинук» заморгали все огни.

— Боже, вы видели это? — крикнул Гресник.

Вернон обернулся и уставился в лобовое стекло кабины. Перед вертолётom что-то появилось. Что-то. На мгновение ему показалось, что в пространстве образовался разрыв. Форма была настолько тёмной, что, казалось, поглощала свет. Это было не просто отсутствие света — существо словно уничтожало свет. Вернон был почти уверен, что знает, что это такое, но разум отказывался принять это. Он ощутил в точности то же, что ощутил, когда в Темз-Хаус погас свет.

— Иисусе, что это за хрень? — Штурман закрыл лицо руками.

Солдат, читавший Библию, перекрестился и поднялся на ноги, сжимая штурмовую винтовку. — Вы не понимаете, да? — сказал он, получив в ответ враждебные взгляды товарищей. — Оно здесь, оно пришло — как и говорила Библия.

— О чём ты, МакГрегор? — прорычал сосед.

— Вы что, не понимаете — никто из нас отсюда не вернётся живым. — МакГрегор смотрел диким взглядом.

— Молчать, боец, — рявкнул капитан.

«Никто из нас не вернётся». Слова МакГрегора обожгли Вернона. Он прав, не так ли? Это миссия в один конец. И, может быть, конец наступит прямо сейчас.

Слюна во рту стала горькой. Это от страха? Все мышцы напрягались, готовились к бою. Вернон начал часто моргать — чёрт, он больше не видел цветов, только чёрное и белое. Цветовое зрение потребляет слишком много вычислительных ресурсов мозга, вспомнилось ему. В ситуациях выживания оно просто не нужно. Только самое необходимое: туннельное зрение, монохром, всё урезано до минимума. Даже время деформировалось — секунды растягивались, удлинялись. Он замечал так много всего, все детали, которые могли помочь сохранить жизнь.

— Я буду молиться о ваших душах, — крикнул МакГрегор, прежде чем сосед заехал ему кулаком в живот.

Вернон сжался в ожидании столкновения. С чем — он не знал.

— Открывайте огонь из пулемётов, — крикнул Гресник пилоту, но его голос странно отразился назад. Грохот внутри вертолётa искажал все звуки, превращая человеческие голоса в бессмысленные шумы. «Тух-тух» сдвоенных несущих винтов достиг оглушающего уровня.

Один из солдат SAS отстегнул ремни и попытался пробраться к носу салона. Вернон решил, что тот намерен отодвинуть боковую дверь и открыть огонь из штурмовой винтовки по силуэту.

Пилот бросил «Чинук» в экстренное пикирование, и вертолёт рванул к земле, швырнув солдата SAS на пол.

Вернон отстегнулся и попытался дотянуться до бойца, чтобы помочь ему вернуться на место. «Чинук» снова дёрнулся, и Вернон повалился на пол. Он обнаружил, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от чёрных берцов солдата, настолько близко, что почувствовал запах гуталина. Его замутило, и он с трудом сдержал рвоту.

Резко отвернув голову, он сделал резкий вдох. Лицо оказалось рядом с папкой Гресника: американец, должно быть, уронил её в суматохе. Из неё выскользнула фотография Люси. Уставившись на это лицо, он не мог сдержать рвотный позыв.

Когда много месяцев назад Люси прислала ему письмо с сообщением, что больше не хочет его видеть, это было как выстрел. До того письма он никогда не считал себя чем-то иным, нежели цельным, счастливым человеком. После него ему казалось, что в груди у него зияет огромная дыра — будто в него выстрелили в упор из двустволки. Рана, которую он знал, никогда не заживёт. Метафизические раны куда страшнее физических. Никакое лекарство, никакая хирургия не могут их вылечить.

Шум вокруг вертолётa на мгновение стих. «Чинук» попал в глаз бури.

— Всё в порядке, — выдохнул Гресник. — Мы выровнялись. — Его лоб блестел от пота.

Вернон, высвобождаясь из-под солдата SAS, принялся ощупывать грудь. Физической раны не было, но старая дыра оставалась — испуская пронзительную боль. Он боялся снова увидеть Люси. Возненавидит ли он её за то, что она сделала? Что ещё хуже — продолжит ли он её любить? Он не мог снова через это пройти.

— Заходим на посадку, — объявил пилот по внутренней связи. — Не знаю, что это было там наверху, но мы целы.

Солдаты SAS сжимали оружие и угрюмо смотрели в иллюминаторы.

Гресник прошёл в кабину, шепнул что-то пилоту и вернулся бледный.

— Что сказал пилот? — спросил Вернон, когда Гресник вернулся на место. Он избегал смотреть на фотографию Люси, глядевшей на него с пола.

Гресник помедлил. — Он не разглядел толком.

— Но он всё-таки что-то видел?

Гресник нагнулся и поднял папку вместе с фотографией. — Он сказал, что у этой штуки были крылья.

Глава 31

Небольшая группа живописных коттеджей стояла в темноте, их аккуратные каменные стены выхватывали из мрака фары «Лэнд-Роверов». Уличные фонари нигде в деревне Тинтагель не горели. Люси никогда не бывала здесь в темноте — и ни разу после того, как это случилось.

Когда колонна пробиралась по немногочисленным узким улочкам, она ощущала жуткую атмосферу. Заброшенность. Она была убеждена, что жители не спят в своих домах

— их здесь нет вообще. Правительство, наверное, отключило газ и электричество в таких отдалённых местах, как это. Жители, должно быть, бежали в города.

Когда колонна спускалась по длинному склону к замку и морю, Люси пыталась вернуть добрые чувства, которые когда-то питала к этому месту. Прежде она совершала это путешествие десять раз. Каждый раз погода была идеальной, и ей казалось, что она нашла тайный вход в рай. Те дни не принадлежали рутине обычной жизни. Они были окрашены каким-то особым светом. «Нуминозность» — вот слово, которое ей нравилось. Тинтагель был именно таким местом, отмеченным прикосновением Потустороннего. Но теперь здесь её ждал только ужас.

Они остановились у кассы English Heritage, и свет головной машины упал на глянцево-синюю дверь. На двери было криво приколото объявление, наспех написанное чёрным маркером: «Временно закрыто. Приносим извинения за неудобства».

Охранник приказал Люси выйти из «Лэнд-Ровера», и она неловко выбралась наружу, правой ногой угодив в лужу. Вокруг трава была покрыта инеем. Достаточно холодно для снега. Сунув руку в карман, она достала резиновый фонарик и ещё раз пожалела, что у неё нет перчаток.

Один из гвардейцев выстрелом из пистолета снёс навесной замок на калитке, отделявшей кассу от развалин замка Тинтагель. Крюгер заорал на него по-немецки. Люси решила, что его злит риск обнаружить их позицию из-за выстрела.

Они стали подниматься по узкой тропинке, обходя покрытые льдом лужи. Крюгер шёл впереди с фонарём, настроенным на узкий луч. Он велел всем не водить фонарями из стороны в сторону, чтобы не привлекать внимания. Пока они шли, они отбрасывали причудливые тени. Люси вспомнила, как однажды наткнулась на старые солнечные часы на Брик-Лейн в Лондоне. На них была надпись: «Umbra Sumus» — «Мы — тени». Она подумала: именно этим они и стали.

Крюгер провёл их по узкому мосту, отделявшему материк от небольшого острова, где располагались наиболее сохранившиеся части руин замка. Даже сейчас, со стенами, сведёнными до огрызков, нетрудно было представить, каким замок был когда-то — будто его призрак по-прежнему здесь, время от времени мерцая в полную силу с высокими башнями и развевающимися флагами, рыцарями в сверкающих нагрудниках, выезжающими через подъёмный мост.

Крюгер остановился посреди разрушенного замка и приказал людям отдохнуть. Они уселись на стены и принялись есть армейские пайки из рюкзаков. Люси тоже присела, но Крюгер пнул её по ноге.

— Вы идёте со мной. — Он указал на сохранившуюся оболочку небольшой часовни на острове. Она была позади замка, на вершине скального выступа, рядом с тем самым местом.

— Я никуда не пойду. — Люси отвернулась.

Схватив её за руку, Крюгер рывком поставил на ноги. — Мне некогда. — Он потащил её к воротам, ведущим к часовне.

Люси ухватила за столб ворот и попыталась держаться, но Крюгер был сильнее. Он волок её за собой, почти ломая ей кисть. Всё время шипело море. Они были в нескольких футах от отвесных скал, и никаких защитных ограждений не было. Внутри Люси всё сжималось. Она была так близко к тому месту. Боже, куда угодно на Земле, только не сюда. Тинтагель был склепом, где мертвецы несут стражу.

Когда они дошли до часовни — после столетий разрушения от неё осталось лишь очертание на земле, — Крюгер остановился и направил фонарик Люси в лицо. Свет ударил в глаза, и она подняла руки, чтобы прикрыть их.

— Не доверяйте кардиналу Синклеру, — сказал он. — Это честолобивый человек.

Люси не знала, как реагировать. Накричать на Крюгера или быть с ним мягкой, сочувственной, попытаться расположить к себе? — Что вы имеете в виду? — Она говорила тихо, как можно миролюбивее, надеясь убедить его повернуть назад.

— В прошлом году у Папы было ухудшение здоровья, — сказал Крюгер. — Пошли слухи о том, кто может стать его преемником. Папа сам рассказал мне, что, по всей видимости, произойдёт. Синклер сначала заявит, что не стремится стать новым Папой, но, используя своё влияние, сделает так, чтобы Священная коллегия кардиналов не смогла прийти к решению. Когда кардиналы зайдут в тупик, он выступит вперёд и заявит, что ради блага Церкви готов принять это бремя. По убеждению Юлия, после этого Синклер будет избран единогласно.

Люси кивнула, но почти не слушала. Она хотела вернуться к остальным. Зачем они вообще сюда приехали? Здесь им ничто не поможет. Давно пора уезжать. К тому же она вспомнила тревожный факт. Основатель Швейцарской гвардии — Папа Юлий II. Если, как она теперь считала, он был еретиком, что это означало для его личной армии?

— Я слышал, что Священная коллегия кардиналов сейчас зашла в тупик. — Крюгер направил луч фонаря на покрытую ином траву, сверкавшую, как ледяное озеро.

— И вы думаете, Синклер вернётся в Рим, где будет провозглашён Папой? — Люси сохраняла видимость спокойствия. «Пожалуйста, уберите меня отсюда».

— Всё разворачивается именно так, как предсказал Папа Юлий.

— Но что плохого в том, что Синклер честолюбив? Почему это делает его подозрительным? — Единственным честолюбием Люси было убраться от Тинтагеля как можно дальше.

— Папы должны быть смиренными.

— Понятно. — Это было смехотворно идеалистическое замечание, подумала Люси. Она направила фонарь на Крюгера. — Прошу вас, пойдёте назад. — Глядя в его голубые глаза, она надеялась увидеть хоть какой-то знак... Она сама не знала чего. Ответа? Сочувствия? Крюгер был таким холодным — настоящий солдат, на лице — ни тени сострадания. Она не могла представить, чтобы он кого-то или что-то любил. Разве что долг. Такая абстрактная любовь ему бы подошла, но одно было несомненно — он никогда не шептал бы женщине слов любви.

Крюгер нахмурился. — Вы так ничего и не понимаете, правда? Вы всё ещё в отрицании.

— Я не просила об этом. Я не понимаю, зачем вы привезли меня сюда.

— Вы прекрасно понимаете.

Люси стояла в темноте, когда вокруг неё кружил ветер. За всю жизнь она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Крюгер знал, не так ли? По какой-то извращённой причине он привёз её именно сюда, на то самое место. Садист.

— Я здесь, чтобы заставить вас взглянуть в лицо реальности. — Крюгер схватил капюшон парки Люси и откинул его назад. — Я заставлю вас пробиться сквозь весь тот мусор, что забил вашу голову.

Люси глотнула воздуха, когда ветер ударил ей в лицо. Она смотрела на Крюгера — его лицо то появлялось, то исчезало в луче её фонарика. Может, ударить его фонарём, попытаться оглушить, а потом бежать? Если этого не сделать, он отведёт её к тому месту.

— Пожалуйста, отпустите меня. — Её голос был жалким, подхваченным ветром. Зачем Крюгер это делает? Хочет мучить её, снова свести с ума?

По лицу Крюгера пробежало ещё одно выражение. Отвращение?

— Вы не можете вынести меня, правда? — вырвалось у неё. Может, это нечто большее. Он может убить её — точно так же, как предсказывал Синклер. Столкнуться со скалы.

— Мы немного прогуляемся. — Крюгер снова ухватил её.

Она попыталась упереться каблуками в землю, чтобы противостоять той огромной силе, которую он прилагал. На долю секунды ей показалось, что он вот-вот оторвёт её от земли.

— Я никуда не пойду, — крикнула она. — Вы не можете заставить меня.

Крюгер развернул её, как игрушку, и стиснул в своих огромных руках. Медленно, как угольный мешок, он стал подталкивать её вперёд. Она колотила каблуками по его голени.

— Не надо, умоляю вас.

Крюгер продолжал двигать её вперёд, всё ближе к краю скалы. Луна прорвалась сквозь облака и пролила болезненный свет на пенящееся море.

Люси закрыла глаза, стараясь не думать о происходящем. Мучительная боль в животе растекалась по крови во все части тела.

— Открывайте глаза, — рявкнул Крюгер.

Теперь хлестал густой дождь. Капли забарабанили по лицу Люси.

— Я велел смотреть. — Голос Крюгера был резким рычанием у уха Люси.

Медленно она позволила глазам открыться. Поначалу слепящий дождь не давал ничего разглядеть. Потом зрение прояснилось. Она стояла в нескольких сантиметрах от края скалы, лицом к лицу с диким морем, которое швыряло волны вверх, как щупальца гигантского кальмара. Она боялась, что волны подхватят её ноги и она рухнет вниз. Внизу были острые скалы.

Крюгер крепко держал её, прижавшись телом к её спине, ощущалось его горячее дыхание на шее. Он тяжело дышал.

Глядя на море, Люси заметила крошечные огоньки в воде — она светилась жутким синим биолюминесцентным светом.

— Вам нужно двигаться вперёд, Люси. — В голосе Крюгера звучала почти нежность. — Вы не можете позволить прошлому уничтожить вас.

Люси боялась, что у неё начнётся гипервентиляция. Так ли чувствовал себя он? Она была уверена, что стоит точно на том же месте, глядя на то же самое море. Было около двух ночи. Коронер сказал, что отец покончил с жизнью между часом и четырьмя утра. Семь месяцев назад. Вечность. Считал ли он до десяти перед прыжком или сделал это сразу? Он держал всё так глубоко в себе. Когда после похорон она нашла его дневник, оказалось, что аккуратные записи обрываются в день смерти мамы.

«В синеве» — только это он написал в тот день. Каждый последующий день — те же два слова, почерк постепенно становился всё более дёрганым.

Эти слова были выжжены в Люси навсегда. Вся её жизнь была — в синеве. Море светилось синим перед ней. Ожившее, дышащее воплощение кошмара.

— Он любил вас, Люси, — сказал Крюгер. — Вы думаете, он хотел, чтобы вы оказались в доме опеки?

Слёзы навернулись на глаза Люси. Люди всегда отмечали, насколько она была близка с родителями, даже для единственного ребёнка. Порой она думала, что любовь — худшая вещь в мире. Никто не предупреждает тебя, что она — лишь соблазнительная обёртка для боли: самой страшной боли, потому что ты никогда не ожидаешь найти её под чем-то столь прекрасным.

— Почему? — спросила она, обращаясь к синему морю. — Почему ты оставил меня? — Она так хотела снова услышать голос отца. Рак забрал маму, а любовь забрала папу — и любовь привела её в лечебницу. Теперь она хотела, чтобы её сердце замёрзло.

— Вы должны снова научиться любить жизнь, — говорил ей психиатр. — Вокруг так много красоты, столько чудес. Просто нужно протянуть руку и взять их.

Некоторые и вправду в это верили? Они говорили об этом так легко. Со временем они всё поймут. В конце концов, их тоже сомнут. У них не было этого горького привкуса во рту, этой тошноты в животе, которая приходит, когда любовь показывает своё истинное лицо. Но однажды они это почувствуют, и им будет гораздо хуже, потому что они так долго отрицали это.

Не отрываясь от усиливающегося свечения моря, Люси думала: не задохнулось ли сердце её отца от любви? Когда любовь — это всё, а потом её вырывают с корнем — что может заполнить эту саднящую пустоту?

Тело отца нашли там, в ледяной воде, турист в гребной лодке, снимавший Тинтагель с моря. Ей было стыдно — странный человек узнал о гибели её отца прежде неё. Что подумал турист, когда вытащил из воды вздутое тело? Он ничего не знал о том, кем когда-то был этот человек, какую любовь тот знал. Море смыло всё это человеческое тепло. Осталось лишь безымянное тело в воде — и никто, чтобы замолвить за него слово. Незнакомец, обнаруживший труп и не знающий, что с ним делать, — так часто завершается жизнь. Что за жизнь.

Порой в монастыре Люси воображала, как отец зовёт её из моря, приглашая присоединиться к нему и маме в смерти. Семья снова была бы вместе. Любовь восстановлена, пустошь искуплена. Сейчас у неё был шанс быть с ним, но прыгнуть в синеву она не могла. Пока жива — больше никогда не хотела входить в воду.

Её до сих пор потрясало, что отец покончил с собой именно здесь. Артурианские романсы никогда его не интересовали. Профессор классической филологии в Бристольском университете, он был одержим Древним Римом. Любил рассказывать, что многое из того, что мы знаем о Риме, неверно. Его любимым примером был поднятый большой палец, использовавшийся на гладиаторских боях.

«Мы всё понимаем с точностью до наоборот, — говорил он. — Когда толпа поднимала большие пальцы, это означало не помилование побеждённого, а обратное: его требовали отправить на тот свет. Опушенный большой палец означал, что хотят оставить поверженного бойца на земле, дать ему жить. То, что было бы совершенно очевидно любому римлянину, мы умудрились полностью неправильно понять».

Это произвело на Люси огромное впечатление. Сколько из величайших истин ложны — как этот поднятый большой палец? Ничему нельзя доверять. Кому из двух доверять — Крюгеру или Синклеру? Её жизнь могла зависеть от этого, но она понятия не имела. Большой палец вверх или вниз?

Не потому ли, что из-за неё, отец приехал сюда умирать? Он знал, как много для неё значит легенда об Артуре. Именно здесь Артур, по преданию, был зачат. Здесь, возможно, был Камелот. Каждый раз приезжая в Тинтагель, она звонила отцу и рассказывала, как здесь очаровательно. Описывала его потрясающее расположение, говорила о мощи моря, об угрюмых скалах, о том, как восхитительно он счёл бы это место, побывав здесь. Не потому ли он в конце концов приехал — как можно ближе к ней, не приближаясь физически? Тот, кто запланировал самоубийство, в этот день не захотел бы видеть близких, но, возможно, выбрал бы место, напоминающее о самых дорогих людях.

Как ей хотелось снова увидеть его. Сказать всё то, что она не успела — любить снова. Почему он это сделал? Это так несправедливо. Нельзя делать эти непоправимые вещи. Почему он не поговорил с ней? Вместе они могли бы справиться. В одиночку надежды нет. Она вспомнила слова Кафки: «Надежды бесконечно много, но только не для нас». Эти слова могли бы быть выгравированы у неё на сердце.

Когда отец прыгнул, слышал ли он что-нибудь, кроме рёва моря? Всё больше она жаждала тишины — она позволяла ей представлять, что она одна на свете. Иногда это было всё, чего она хотела. Другие люди приносили боль. Если бы их не было, она не

страдала бы. Прежде всего она была бы защищена от любви. Порой она была уверена, что любовь — доказательство отсутствия Бога. Ни один добросердечный Создатель не смог бы причинять столь жестокую боль.

Она любила лишь ещё одного человека — Джеймса Вернона. Именно в такую же тёмную морозную ночь она решила сказать ему, что им конец. У неё не хватило смелости сказать это в лицо, и она выбрала трусливый выход — написала письмо. Любовь заставила её это сделать. Она не могла пережить потерю последнего человека, который что-то для неё значил. Лучше покончить с этим и уберечь их обоих от страданий. Только ничего не вышло. Ещё один повод для отчаяния.

— Вы знаете об моём отце, не правда ли? — сказала она.

Крюгер прижался лицом к её лицу. На миг это ощутилось как нечто прекрасное и тёплое.

— Нам было крайне важно знать как можно больше о...

— О чём?

Крюгер не ответил.

— Я не могу вам помочь, — сказала Люси. — Это всё ошибка. Вы что, не видите?

Рука Крюгера прижалась к её пояснице.

— Мне столкнуть вас сейчас? — Рот Крюгера оказался прямо у уха Люси. — В синеву?

Люси попыталась закричать, но ветер снова ударил ей в лицо.

— Этой ночью двое моих людей погибли за вас, — сказал Крюгер. — Ещё один тяжело ранен. И ради чего? Ради сумасшедшей? Может, нам стоит забыть о нашей миссии. Может, нам стоит закончить это прямо здесь. Возможно, так будет лучше для всех.

Люси стояла, не в силах пошевелиться. Слов не было. Всё море светилось теперь — будто каждое морское существо, каким бы крошечным оно ни было, было люминесцентным.

— Видите это свечение? — сказал Крюгер. — Я знаю, что его вызывает. Что-то совсем рядом. Это изменит всё. Если вы не готовы с этим бороться, вам незачем жить. Мы все скоро умрём, если вы не возьмёте себя в руки.

Люси чуть было не произнесла: «Я не понимаю», — но это было бы ложью. Что-то изменилось. Всем своим существом она это чувствовала. В воздухе было странное электричество. Она ощущала чьё-то присутствие рядом — какого-то существа, чего-то несравненно большего. Нечто пришло на Землю — древнее и несказанное. Оно было здесь прямо сейчас и наблюдало. Всё в море светилось из-за этого существа. Она знала его имя, но отказывалась его произносить.

Скоро все умрут. Она воссоединится с отцом. Она откинулась на руку. «Делайте это», — хотелось ей сказать. Может, того и требует любовь. Но лицом к лицу с этим синим морем она не могла. Любая смерть, но не это.

Крюгер потянул её от края скалы и развернул к себе лицом, крепко обхватив руками. Ей понадобилась секунда, чтобы понять: он дрожит. Захлестнут эмоциями? Непохоже на него. Но он же пытался совладать с собой?

— Вы видели фреску Рафаэля, — сказал он. — Вы думаете, мы не изучили каждую её деталь? Не сделали всё возможное, чтобы её понять? Вы — ключ, Люси. Мы уверены, что несколько панелей фрески Рафаэля образуют карту ваших передвижений в течение следующих семидесяти двух часов. На одной из панелей изображён король Артур в Камелоте — и нет никаких сомнений, что Рафаэль считал Камелотом именно Тинтагель. Он нарисовал это место с поразительной точностью. Я не привозил вас сюда — Рафаэль привёз.

Крюгер сунул руку в карман, достал клочок бумаги и прочёл вслух загадочную фразу: «Зачатие Артура. Лишь избранный может сделать то, что не под силу другим. Место страдания. Прыжок в смерть. Смерть одного — или смерть всех».

— Что это? — спросила Люси.

— Нострадамус написал пояснение к каждой панели. Все они загадочны, но эта достаточно ясна, не правда ли? Артур был зачат в Тинтагеле. Ваш отец прыгнул в смерть здесь. Это место причиняет вам невыносимые страдания, не правда ли? Вы дрожите, как маленькая девочка, но пора взрослеть. Что-то вы сделаете здесь такое, что развеет все сомнения в том, кто вы есть. Если вы потерпите неудачу, мы все погибнем.

Люси покачала головой. Крюгер продолжал говорить ей всё это — и по-прежнему это не имело для неё никакого смысла. У неё не было никаких особых талантов. В ней не было ничего исключительного. Всё, что зависело от неё, уже было обречено. Кроме того, как Рафаэль мог быть причиной её присутствия здесь? Крюгер — вот причина. Всё переплетено. Почему он упорно твердил, как она важна? Какая может быть более жестокая шутка?

— Вы были в ментальной тюрьме, Люси. — В выражении лица Крюгера странно смешались отчаяние и доброта. Он казался растерянным, будто не знал — презирать или любить её. — Я пытаюсь освободить вас. Вам нужно встретиться лицом к лицу со своими демонами, прежде чем сможете двигаться дальше. Это место либо уничтожит вас, либо освободит.

— Освободит? — эхом откликнулась Люси. Лишь одно могло это сделать. Ей нужно было её лекарство. Нужно было закрыть глаза. Уплыть в покой.

— Очнитесь, — рявкнул Крюгер. — Вы нужны этому миру. Неважно, верите вы в это или нет, — я верю. — Он дёрнул вниз молнию её парки и сунул руку под куртку, сначала сжав левую грудь, затем правую. Она была слишком потрясена, чтобы закричать. Выхватив из нагрудного кармана её лекарство, он поднял флакон перед ней, словно трофеем.

— Отдайте немедленно, больной ублюдок. — Её руки метались перед Крюгером, но он швырнул флакон мимо неё в море.

Её рот открылся — она пыталась представить себе мир без забвения, без химической милости, которую давало ей лекарство.

Крюгер схватил её за руки и тряхнул... так сильно, что, казалось, она сейчас переломится. Его взгляд был фанатичным. Потом он отпустил её. Она рухнула, рыдая, выронив фонарик. Она лежала на мокрой траве у самого края скалы.

— Я не могу этого вынести. Я не могу продолжать.

Крюгер навис над ней на ветру. — Вы верите в Иисуса Христа, нашего Господа и Спасителя?

Люси подняла голову. Верить? Прежде всё было ясно. Каждое воскресенье — месса, каждые шесть недель — исповедь, молитвы о прощении и вера, что она дарована. Она верила в добрые дела, справедливость, божественную благодать, заступничество святых. Принимая причастие от священника, она не сомневалась, что оно именно таково — подлинное Святое Причастие, и, проглатывая облатку, вступает в прямое, священное единение с телом Христовым, божественной сущностью, святым святых.

Но теперь она ни во что не верила. По учению Церкви, её отец — самоубийца, виновный в смертном грехе, которому нет прощения, человек, осуждённый на вечные муки. Значит, нет ни справедливости, ни небесной благодати, ни милосердия Иисуса Христа. Нет вообще ничего.

— Ваша жизнь — пустошь, Люси Галаган. — Крюгер направил фонарь на неё, лежавшую в траве. — Вот что происходит с теми, кто отворачивается от Бога. Весь мир

становится пустошью. Когда человечество отвергло Бога, было лишь вопросом времени, когда Бог отвергнет их.

Ей показалось, что он вот-вот ударит её ногой, пока она лежит, глядя на него снизу вверх. Как ни странно, она его жалела. Он придавал такое значение абсурдным вещам.

— Вы думаете, я рад, что избрана именно вы? Почему не я? Но пути Господни неисповедимы. Поэтому мы застряли с вами. А теперь вставайте.

Люси не шевельнулась. Она никуда не пойдёт с этим человеком. Пусть мир позаботится о себе сам. Закрыв глаза, она распласталась, прижав лицо к мокрой траве. Она не хотела смотреть на Крюгера, слышать этот бранящий голос. Земля под ней была промёрзшей насквозь. Она чувствовала, как тепло её тела утекает в камни и почву. Может, Крюгер поймёт, что она безнадежна, и оставит её в покое.

Она была изумлена, когда Крюгер опустил и лёг рядом с ней на траве. Он бросил свой фонарь. Что он собирался делать? Казалось, всё произошедшее этой ночью, все усилия, которые окажутся столь тщетными, если она откажет ему в помощи, — всё это сломило его.

— Я не могу спасти никого, — прошептала она. — Умоляю вас, оставьте меня.

Голова Крюгера была отвёрнута от неё; он лежал в неудобной позе. Она решила, что из-за ветра он не слышит её.

— Почему вы не слушаете меня? — Она напрягла голос. Глядя на него, она поняла, как сильно хочет слышать его голос: быть прощённой, оправданной, услышать, что всё это может произойти без неё. Крюгер был так не похож на Джеймса. Когда Джеймс обнимал её, она чувствовала себя в безопасности и любимой. Не Крюгер. Где доброта, человечность? Именно он нуждался в помощи.

Протянув руку, она попыталась коснуться его. Что-то призрачное было в том, как двигалась её рука, — будто она ей не принадлежала. Она галлюцинировала? Она хотела погладить волосы Крюгера. Он был таким сильным человеком — тот суровый, молчаливый тип, который порой казался таким привлекательным. Если она прикоснётся к его волосам, может, она сможет черпать из его силы, почувствовать, как она течёт по прядям в её тело. Эти месяцы она была такой слабой.

Почему он так неподвижен? Он плачет? Может, поэтому он не поворачивает к ней лицо. Она поднялась на колени. Колени промокли. Ветер кружил вокруг неё всё яростнее. Крюгер по-прежнему лежал неподвижно — будто просто сдался и хотел отдохнуть. Он был уязвим, хрупок, как и все остальные. Позволит ли он ей прикоснуться к нему? Нет, Крюгер не позволит. Он такой жёсткий, такой ломкий — возненавидит, если она положит на него руку.

Но рука всё тянулась вперёд. Двигаясь в луче брошенного Крюгером фонаря, она отбрасывала длинную тень, много больше самой руки, куда более определённую. *Umbra Sumus*. Они с Крюгером стали людьми-тенью, их силуэты более реальны, чем они сами. Рука внезапно коснулась затылка Крюгера, прижалась к его волосам. Он не произнёс ни слова.

Почему волосы такие липкие? Пот? Дождь продолжал хлестать их. Рука становилась всё мокрее, пока она водила ею по его волосам. Что-то тут не так. Ничего этого нет. Этого не может быть.

Она выдернула руку и пристально уставилась на капитана. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять густую тёмную жидкость, расплывавшуюся у него по голове... по-настоящему осознать её цвет.

И тогда она начала кричать.

Глава 32

Вернон стоял у главного входа в монастырь Люси и наблюдал, как пилот «Чинука» мерил шагами пространство перед кабиной. Интересно, о чём тот думает. Без него они все были бы мертвы. Что, чёрт возьми, они встретили там, в воздухе?

Странно, подумал он, что ни один солдат не упомянул о произошедшем в небе меньше часа назад. Все занимались своим делом, притворяясь, что всё в порядке, притворяясь, что никакое крылатое существо на них не нападало. Но он видел это своими глазами. Как и все остальные. В тот момент большинство бойцов SAS с готовностью списали это на причудливую птицу или гигантскую летучую мышь. Даже набожный МакГрегор держал рот на замке. Второй пилот неуверительно объяснил произошедшее миражом — следствием необычных атмосферных условий; пилот же не сказал ничего. Вернон знал, что это не то и не другое, но альтернатива была нелепой.

На мгновение силуэт застыл снаружи кабины — крылья раскинуты, словно распятый. Форма была человекоподобной. От него не исходило никакого света и ничего от него не отражалось. Вернон поёжился. Неужели он и впрямь верит, что тёмный ангел преследовал их из Лондона?

В университете его озадачивала оруэлловская концепция «двоемыслия». Он считал абсурдом утверждение Оруэлла о том, что люди способны одновременно придерживаться двух взаимоисключающих убеждений и полностью принимать оба. Теперь он понимал это в совершенстве. Это было единственным способом сохранить рассудок в подобной ситуации.

Вертолёт, стоявший посреди безлюдной автостоянки, напоминал огромного жука. Его заливал свет трёх прожекторов, которыми монахини освещали бронзовую скульптуру Иисуса Христа у чугунных ворот часовни. Когда мимо проходили бойцы SAS, направляясь к грузовому трапу в хвосте вертолёта, Вернон гадал, как долго монахини будут настаивать на том, чтобы освещать своего Спасителя. У них был собственный генератор, но работал он не вечно. Рано или поздно им придётся погасить Иисуса.

Первые вернувшиеся с прочёсывания бойцы SAS подтвердили, что в монастыре чисто. Тела четырёх солдат — двух американцев и двух швейцарцев — лежали во временном морге в монастырском спортивном зале. Следов Люси не было, как и остальных швейцарских гвардейцев или дезертиров из «Дельты». Следы шин на траве позади монастырской часовни показывали, что пять машин уехали на большой скорости в сторону юга. Другие следы с противоположной стороны монастыря свидетельствовали о двух грузовиках. Вернон уже предупредил местную полицию, велел немедленно сообщать о любых неожиданных колоннах.

Что касается монахинь и медицинского персонала, никто из них не пострадал. Настоятельница рассказала, что они укрылись в своих комнатах, как только началась стрельба. Она хотела узнать у Вернона, что происходит, но он сослался на закон о государственной тайне. Как выяснилось, она была осведомлена лучше него. Она не только знала, что он приехал за Люси, — она сообщила ему, что несколько часов назад здесь побывал кардинал Синклер, второй человек в Ватикане, специально чтобы повидать Люси. Похоже, он уехал вместе с ней и солдатами. По всей видимости, именно он командовал швейцарскими гвардейцами. Означало ли это, что Люси в безопасности? Но, возможно, дезертиры прибыли раньше и забрали Люси и кардинала с собой. Доказательств в пользу одной или другой версии было недостаточно.

Настоятельница не уставала повторять, какой милой была Люси и как она молится об её благополучии. Вернон попрощался и ушёл.

Когда мимо прошёл один из последних бойцов SAS, Вернон заметил, что тот несёт диапроектор. Он только собирался спросить, что солдат с ним делает, как зазвонил телефон. На дисплее высветилось: «Командир Харрингтон». Разговор был коротким.

Харрингтон сообщил, что полицейский из деревни Тинтагель в Корнуолле доложил о выстреле. Несколько «Лэнд-Роверов» стояли у замка. Когда Вернон спросил о двух сбежавших заключённых, Харрингтон оборвал звонок.

— Выдвигаемся, — крикнул Вернон Греснику. Полковник сидел у стены в нескольких метрах. Он не потрудился помочь с обыском монастыря, предпочитая изучать свои папки. Вернона раздражало, что до начала прочёсывания Гресник отозвал нескольких бойцов в сторону и о чём-то заговорщически шептался с ними.

Раньше он заметил, что американец постоянно разглядывает фотографию Люси. Его злила эта настойчивость Гресника. Неужели тому больше нечем заняться?

Люси была, пожалуй, скорее хорошенькой, чем красивой, но это не делало её менее привлекательной. В её выражении лица было что-то чарующее — грустный, одухотворённый взгляд. Эти большие голубые глаза и воронные волосы, то закручивавшиеся в локон под подбородком, то падавшие чёлкой на лицо.

Он снова подумал о словах сержанта Морсона — что она самый важный человек в мире. Неужели Морсон считал её своего рода Мессией? Люси нашла бы эту идею очень смешной. Как вообще должны выглядеть Мессии? Он однажды читал книгу, утверждавшую, что Иисус Христос — это женщина ростом метр пятьдесят с генетическим заболеванием, делавшим её похожей на мужчину. В книге справедливо указывалось, что человек, желающий помочь слабым, кротким, бедным и отверженным, вряд ли стал бы шестифутовым атлетичным голубоглазым блондином-арийцем с завидными кубиками пресса, — особенно учитывая, что идеальные арийцы были большой редкостью в древней Иудее. Почему бы не отталкивающей, уродливой, больной женщине? Кто лучше мог бы отстаивать интересы угнетённых?

Гресник закрыл папку, слез с каменной стены и направился к Вернону. — Мы не знаем наверняка, зачем дезертирам нужна Люси, — сказал он, пока они оба шли к «Чинуку». — Крайне важно это выяснить.

— Почему?

— Если дезертирам нужна Люси живой любой ценой, вы понимаете, что это означает.

— Не уверен, что понимаю.

— Бросьте, вы прекрасно понимаете, к чему я клоню.

— Почему бы вам не сказать прямо?

— Хорошо. Чтобы гарантировать, что враг не сможет использовать Люси, нам, возможно, придётся её убить.

Глава 33

Они бежали к Люси, что-то крича, но из-за ветра она ничего не слышала. Свет фонарика Крюгера упал на её руки. Кровь была повсюду — даже под ногтями, капала с пальцев.

Первым до неё добрался солдат, охранявший её в «Лэнд-Ровере». Она думала, что он будет кричать, но вместо этого он наклонился, чтобы взглянуть на Крюгера. Двое солдат схватили её и потащили назад. Другие укрылись за разрушенными стенами замка и открыли пулемётный огонь в темноту. Некоторые пули прочертили светящиеся дуги по небу. Люси попыталась вспомнить, как называются такие пули. Трассирующие? Они были невероятно красивы — как стремительные светляки. Ночь светилась.

Солдаты подтолкнули её по каменистой тропинке к маленькому пляжу у подножия скал рядом с «Пещерой Мерлина» — огромной полостью под замком Тинтагель, где, по легенде, родился Мерлин.

Кардинал Синклер уже был там, на пляже, с несколькими солдатами. Размахивая фонариками, они стояли рядом с пятью моторными надувными лодками, вытасканными на берег. Крюгер, должно быть, заранее распорядился подобрать их здесь, чтобы продолжить путь морем. Где-то в открытом море их, видимо, ждало судно. Люси покачала головой. Если они думали, что она сядет на корабль, они сумасшедшие. Море было запретной зоной, кладбищем, где волны служили надгробиями.

Глядя на окровавленные руки, она хотела выплеснуть всё наружу. Крюгер был бы жив, если бы не она. Кровь нужно смыть, но идти к морю она не хотела. Повернувшись с фонариком, она заметила среди камней лужу. В воде что-то блеснуло. Солдаты кричали ей вслед, когда она поспешила туда, но она не обращала внимания.

Встав на колени у края лужи, она опустила руки в воду. Вода была обжигающе холодной, и она невольно вскрикнула. Смыв кровь, она зачерпнула воду и плеснула себе на лицо.

— В лодку! — крикнул кто-то из солдат. — Пригнитесь, ради Бога. Там снайпер.

Она снова не обратила внимания. Посветив фонарём в воду, она искала блестящий предмет. У неё было смутное ощущение, что это такое, но казалось невозможным. Сердце колотилось.

Вот. Предмет запутался среди гальки. Она задержала дыхание. Сначала торопливо, потом всё осторожнее она разгребала камешки, пока предмет не оказался на виду. Матерь Милосердия. Сначала Крюгер, теперь это. Она не хотела смотреть на предмет, не хотела, чтобы он напоминал обо всём, что он символизировал. Слёзы навернулись на глаза — жгучие, саднящие. На серебряном медальоне, сверкавшем из лужи, было гравировано одно слово — «Люси».

Сможет ли она заставить себя прикоснуться к нему? Может, это немного утихомирит её боль. Закрыв глаза, она вытащила его из воды. Может, стоит швырнуть его в море, где ему самое место. Чтобы растворить в нём эмоции, нужна была бы вся вода мира. Она всё ещё помнила своё изумление, когда тело отца нашли без медальона на цепочке. Она никогда не видела его без этого медальона. Он носил его даже когда нырял. Теперь, прижав медальон к сердцу, она склонила голову. Снова и снова она оказывалась в синеве, тонула в забвении.

Глаза вспыхнули открытыми. Вода в луже рябила. Она почувствовала нечто странное в воздухе — то же, что и на краю скалы. Что-то было здесь, наблюдало.

Она оглянулась на лодки. Нужно уезжать, но море — исключено. Даже если бы у неё хватило духу приблизиться к воде, условия становились всё более жестокими. Солдаты в лодках кричали ей садиться. Со всех сторон пули лупили в песок и воду — огонь вёлся с вершины скал.

Над пляжем взвилась сигнальная ракета, облив замок Тинтагель розовым светом. Вход в пещеру Мерлина озарился.

Кто-то схватил Люси за руку — охранник из «Лэнд-Ровера». Его лицо, попавшее в луч её фонарика, когда она обернулась, пылало злостью.

— Что вы творите? Мы не можем допустить, чтобы вас захватили.

В нём была та же непреклонность, что и в Крюгере. Все швейцарские гвардейцы такие?

— Я не пойду с вами. Вода... я не могу.

Солдат стоял, явно не зная, что делать. — Только один человек верил в вас, — сказал он. — Остальные считали всё это безумием, но капитан говорил, что с первого взгляда на вас понял: никакой ошибки нет — это она, та самая.

— Что?

— Что меня по-настоящему поражает — он восхищался вами. В вас есть внутренняя сила, говорил он. А теперь он отдал за вас жизнь.

Капитан Крюгер восхищался ею? Люси покачала головой. Что касается внутренней силы, она не могла представить никого слабее себя.

Солдат взглянул на скалу, где погиб Крюгер. — Лучше бы снайпер попал в вас. — Он схватил её за руку и попытался увести.

Люси упёрлась каблуками во влажный песок. Нужно вырваться. Лягнув солдата в ногу, она освободилась и бросилась к пещере Мерлина. Сверху донёлся крик, и всякая стрельба смолкла, но всё внимание Люси было сосредоточено на пещере. Там она будет в безопасности — подальше от шипящего моря, от всех солдат, от той чудовищной твари, что была снаружи. Несколько швейцарских гвардейцев выпрыгнули из лодок и бросились за ней.

Она добралась до пещеры, немного опередив их. У неё была одна-две секунды, чтобы обвести фонариком каменные стены в поисках укрытия. Заметив небольшую нишу в стене, она бросилась туда, свернувшись в комок. Но швейцарские гвардейцы сразу её увидели, схватили за ноги и принялись вытаскивать. Она яростно отбивалась ногами. Руки шарили в поисках хоть какой-нибудь опоры. Когда пальцы вытянулись вперёд, они наткнулись на что-то. Твёрдое и правильной формы, рукотворное, вставленное в стену ниши. В тот же миг, как она коснулась этого предмета, через неё прошёл электрический разряд.

Она закрыла глаза, пытаясь отогнать образы, захлестнувшие её разум: иссохшие пейзажи, римские солдаты, древние дворцы, бородатые пророки. Что с ней происходит? Этот предмет был спрятан здесь много веков назад, подумалось ей. Кто-то нашёл для него идеальное укрытие, воспользовавшись природной трещиной в стене пещеры. Она продолжала тянуть, и всё больше предмета выскальзывало наружу почти без сопротивления. Она едва понимала, что делает, но остановиться не могла. Предмет становился тяжелее, и она поняла, что он длиной в несколько футов. Когда швейцарские гвардейцы тащили её наружу, её руки намертво сжались вокруг предмета, и она потянула его за собой, освободив из укрытия.

Когда она открыла глаза, швейцарские гвардейцы смотрели на неё. Рты у них были раскрыты. Никто не шевелился. Они просто стояли. Рядом был кардинал Синклер. Внезапно он встал на одно колено и перекрестился. Все остальные сделали то же самое. В их глазах было благоговение.

Они сошли с ума? Люси по-прежнему держала то, что вытащила из ниши. Несколько фонарей были направлены на предмет, и он блестел в их свете. Она хотела протереть глаза. В руках у неё был меч — в идеальном состоянии. Никто не знал артуровскую легенду лучше неё. Артур был законным королём, потому что извлёк меч из камня. Теперь она сделала то же самое. Но этот меч не принадлежал ни одному английскому рыцарю. Он был даже не европейского происхождения. Рукоять была сделана из золотых пластин с замысловатой гравировкой. Не было перекрестья, характерного для средневековых европейских мечей. На блестящем клинке вдоль одного лезвия шла латинская надпись, вдоль другого — арамейская. Люси предположила, что меч из древней Иудеи, когда там правили римляне... примерно двухтысячелетней давности.

— Теперь сомнений нет, — сказал кардинал. — Она та самая.

— Это не то, что вы думаете. Я его просто нашла. — Люси боялась этого взгляда в их глазах.

— Никто, кроме вас, не мог найти этот меч, — сказал её охранник. — Прямо у нас на глазах вы извлекли его из камня.

— Перестаньте сопротивляться, Люси, — сказал Синклер. — Никакой ошибки нет. — Он наклонился и осторожно разжал её пальцы на рукояти. Подняв меч, поцеловал клинок. Для кардинала, человека мира, это был странный жест. — «Та самая», — повторил он.

Та самая? Люси Галаган — Мессия, Спаситель мира, Искупительница? Абсурд. Она вышла из психиатрической больницы, но это не делало её сумасшедшее этих людей. Миру нужна была святая, гений, лидер. Не она.

— Все обратно в лодки! — крикнул её охранник. — Уходим.

Остальные поднялись на ноги и выбежали из пещеры Мерлина. Синклер шёл последним, сжимая в руках трёхфутовый меч.

Люси осталась наедине с охранником. Его глаза наполнились слезами.

— Капитан Крюгер говорил, что, как только мы доберёмся до Тинтагеля, вы развеете все сомнения, — сказал он.

Люси дрожала. Слова капитана Крюгера вернулись к ней: «Лишь избранный может сделать то, что не под силу другим».

— Боже мой, — произнесла она.

Охранник, казалось, был заворожён. — Мой брат погиб не зря.

Брат? Люси вгляделась в лицо солдата и лишь теперь заметила сходство. Горло перехватило. Взяв солдата за свободную руку, она прошептала: — Прости. Твой брат...

— Идёмте. — Он помог ей подняться.

В голове у неё всё плыло, когда они вышли из пещеры. Грохот был невероятный. Пули снова кромсали песок и воду. Трассеры прорезали ночь. В ловушке. Отсюда невозможно спастись.

Когда они попытались добраться до остальных, её ботинки увязли в мокром песке, и она упала ничком. Стрельба с вершин скал тут же смолкла.

Всё, чего она хотела, — лежать здесь. Она промокла насквозь, ветер пронизывал до костей, но что угодно было лучше, чем приближаться к этим лодкам. Что она за Мессия? Боится моря, боится возвращаться и ещё больше боится двигаться вперёд.

Брат Крюгера рывком поднял её на ноги. — Если боитесь моря, не смотрите. — Он натянул капюшон её парки ей на лицо. Грубо, но деловито, он затолкал её в ближайшую лодку.

Люси закрыла глаза и постаралась отключить все ощущения. Спустя секунду она услышала, как Синклер кричит, что меч выбили у него из рук. Он отчаянно хотел его вернуть.

— Оставьте его, — крикнул Крюгер. — Времени нет. Главное — Люси.

Все лодки вышли в море. Подвесные моторы ревели, пробиваясь через беспокойное море. Люси сидела у мотора и дрожала. Солдаты возбуждённо переговаривались, но она думала только о своём страхе. Ветер усилился, волны захлёстывали через борт. Парка набухла от воды. Ей казалось, что море намеренно пытается загнать их обратно на берег. Они перевернутся, не добравшись ни до какого корабля.

Они отплыли всего метров на двадцать от берега, когда огромная волна захлестнула лодку. Капюшон закрывал лицо Люси, и она ничего не видела. Волна ударила в неё, и она опрокинулась за борт — в ледяные волны.

Мгновенно удушающая вода поглотила её. В синеве. Это случилось по-настоящему. Она бешено забила ногами, но движения быстро замедлялись. Тонет. Нужен воздух. В отчаянии она пыталась вспомнить, как плавала раньше. Неужели она когда-то рассекала воду мощными, уверенными гребками? Казалось невозможным. Руки хлопали беспомощно. Не умею плавать. Не умею жить. Ничего не умею. Она просто висела в воде,

не в силах сопротивляться. Скоро последний воздух кончится, и всему придёт конец. Она видела только синеву — бесконечную синеву. Умираю.

Кто-то схватил её за воротник и потянул на поверхность. Отец? Может ли призрак спасти тебя? Синева в её сознании начала дробиться, рассыпаться на миллиарды крошечных точек, а потом рассеялась, как пыль.

Когда она снова открыла глаза, то лежала на берегу на спине, задыхаясь, — вода сочилась из уголков рта. Парку унесло. Она смотрела в небо. Такая ли черна смерть? Это ли видели мама и папа? Повернув голову, она увидела рядом кардинала. Она была поражена — такой он оказался сильный пловец. И ему удалось найти меч, который пришлось оставить. Он сжимал его, словно никогда не отпустит, будто это самый драгоценный предмет на Земле.

Она попыталась приподнять голову, чтобы увидеть, что стало с лодками, но по шее прострелило болью, и голова упала обратно. Она надеялась, что брат Крюгера и его люди забудут о ней. Уйдут туда, откуда пришли, прочь от опасности.

— Не стреляйте! — крикнул Синклер, вскакивая и бешено размахивая руками в сторону лодок. — Нельзя её убивать. Она невиновна.

Люси пыталась осмыслить слова. Что они значат? Господи. Сердце ухнуло. Крюгер ведь получил приказ убить её, если её захватят? Его брат, без сомнения, выполнит приказ. Она попыталась пошевелиться, но не смогла.

— Миномёты! — рявкнул кто-то по-американски.

Несколько лучей фонарей ударили Люси в лицо. На неё были наведены винтовки. Море начало взрываться — миномётные снаряды обрушились на лодки.

— Вставай, — сказал американский голос.

Его тут же заглушили. Над пляжем появился вертолёт; его прожектор светил прямо вниз.

Глава 34

Прожектор «Чинука» высветил группу солдат, плотной кучкой уходивших от пляжа, но Вернон не видел никаких признаков Люси. Возможно, она была среди них, но он не мог знать наверняка. Несколько солдат стреляли по вертолёту, однако он не хотел открывать ответный огонь, боясь задеть её. Нужно было точно установить её местонахождение.

— Снижаемся, — приказал Вернон пилоту. Бойцы SAS проверяли оружие и готовились покинуть машину через кормовой трап. Для них это была стандартная операция по освобождению заложника с несколькими осложняющими факторами: им предстояло столкнуться с элитными силами — либо «Дельтой», либо швейцарской гвардией; точное местонахождение заложника было неизвестно; и успех всей операции целиком зависел от того, удастся ли вывезти её живой.

Вернон был потрясён, когда Гресник заявил, что Люси, возможно, придётся убить. Он не мог поверить в такое бессердечие американца. Люси — невинная жертва во всей этой истории. Она могла даже не отдавать себе отчёта в том, что с ней происходит. Он дал полковнику чёткие инструкции: Люси ни при каких обстоятельствах не должна пострадать.

Пока вертолёт искал место для посадки, Вернон покосился на Гресника. Американец вставлял магазин в пистолет Ruger P85.

— Никаких случайных выстрелов, полковник.

Гресник посмотрел на него. — Я снайпер.

Вернон задумался — не следует ли забрать у Гресника оружие. Трудно было поверить, как всё изменилось. Минуту назад он думал, что Гресник равнодушен к Люси. И вдруг американец заговорил об её убийстве. Может, это лишь позёрство, игра на публику? Он боялся, что Гресник говорит всерьёз.

Вертолёт начал вибрировать — сначала слабо, потом всё сильнее. Пилот боролся с управлением, второй пилот кричал ему что-то. «Чинук» раскачивался из стороны в сторону, потом стал резко нырять вверх-вниз. Что-то шло не так — катастрофически не так.

Вернон смотрел на пилота, мысленно умоляя его сказать, что всё в порядке. Вместо этого пилот снял руки с управления и откинулся назад. Боже.

— Лети, чёрт тебя дери! — рявкнул Гресник.

На секунду Вернону показалось, что американец собирается направить пистолет на пилота, но тот просто сидел, ничего не делая.

— Приготовиться к аварийной посадке! — крикнул второй пилот.

Все пристегнулись, согнулись, закрывая головы.

Вернон не понимал, что случилось с пилотом. Это был знаменитый бывший «ночной охотник». Железные нервы, способность сохранять хладнокровие в самых жёстких ситуациях — и всё такое. Только не сейчас. Он был полностью сломлен.

Корпус вертолёта начал складываться внутрь — как сминаемая жестяная банка. Вернон понял, почему пилот ничего не делает: вертолёт вышел из-под его контроля. Им управляло нечто другое.

Вертолёт резко бросило вперёд. Пилот снова схватился за управление и попытался вывести машину из пике, но было слишком поздно.

— Падаем! — крикнул он.

Вернон открыл глаза. Попытался пошевелиться — не смог. Что-то давило на грудь. Вокруг была темнота. Он испугался, что ослеп, но потом увидел вокруг себя множество горящих обломков. Когда он попытался оттолкнуть то, что навалилось на него, понял, что это тело. В свете пылающей кабины он разглядел, кто это... МакГрегор, набожный псих, Библия всё ещё зажата в одной руке. Его замутило. Он толкнул труп с себя, а потом повалился назад — обессиленный. Все силы ушли. Он снова закрыл глаза. Стрельба? Ему казалось, он слышит автоматные очереди — совсем рядом. Потом он услышал дыхание. Кто-то склонился над ним.

— Джеймс?

Этот голос. Не может быть. Галлюцинация. Он снова распахнул глаза.

Люси.

Точно такая, какой он её помнил. Тёмные волосы падают на лицо. Глаза — такие нежные, полные сострадания.

Рядом смотрел на него ещё кто-то. Он вздрогнул, попытался отвернуться. Человек в белом воротничке — священник. Господи, последнее причастие. Появилось третье лицо — он узнал его сразу: сержант Морсон, один из сбежавших узников Темз-Хаус. Как он вообще мог оказаться здесь?

— Ну и кто теперь заключённый? — сказал Морсон и повернулся к стоявшему рядом солдату. — Кончи его.

Вернон услышал, как солдат передёрнул затвор пистолета. Патрон в стволе. Ещё секунда.

Он хотел сказать что-нибудь Люси. Попросить прощения? Простить её? Спросить — почему? Чтобы...

И тут раздался выстрел.

Глава 35

Люси было плохо. Американцы заставили её переодеться из промокшей одежды и выдали стёганный белый зимний комбинезон. Он был ей явно велик. Она снова и снова совала руки в карманы, пытаясь нащупать лекарство. Крюгер выбросил флакон в море, но она была уверена: если сосредоточиться достаточно сильно, оно вернётся. Именно так и должно быть устроено. Мёртвые должны возвращаться к жизни, если их достаточно сильно не хватает.

Лекарство ей нужно было как никогда. В греческой мифологии мёртвые души пили из Леты — одной из рек подземного царства. Вода заставляла их забыть прошлые жизни и готовила к новому рождению. Она мечтала о лекарстве, приготовленном из воды Леты. Если бы она могла всё забыть, то, может быть, тоже сумела бы начать заново.

Её увезли от обломков вертолёта и посадили в кузов военного грузовика, набитого американскими солдатами. Теперь они ехали по тёмной пустынной дороге. В какой-то момент, она надеялась, проснётся и снова окажется в своей монастырской комнате, глядя на картины над головой. В безопасности. Этот кошмар стал куда страшнее. Каким-то образом ей удавалось не пускать Джеймса в свои сны. Теперь — нет.

Видеть его лежащим среди горящих обломков было невыносимо. Когда американский сержант велел своему напарнику застрелить Джеймса, она закричала, требуя остановиться. Если бы могла — бросилась бы под пулю. Но кто-то другой открыл огонь. Швейцарская гвардия, подумала она. Её уволокли прочь, но, оглянувшись, она увидела: солдат, которому было приказано убить Джеймса, был мёртв.

Джеймс Вернон. Когда она увидела его лицо, любовь, которую она считала уничтоженной, вспыхнула снова — почти не оставляя сил сопротивляться. Она молила Бога, чтобы он выжил. Ей было так много нужно ему сказать.

Она опустила голову. Солдат напротив ни разу не отвёл от неё взгляда. Это выбивало из равновесия. На нём была другая форма — не как у остальных; он был единственным темнокожим среди них... и явно находился под стражей. Он прилетел с Джеймсом на вертолёт? Что, ради Бога, случилось с той машиной? Она никогда ничего подобного не видела: та тварь, что окутала вертолёт, сжимая его, как игрушку. Швыряла его, а потом ударила о землю. Когда кошмары становятся реальностью, это означает одно из двух: либо ты сошёл с ума, либо то, чего ты больше всего боишься, действительно существует.

Никто не сказал ей, куда они едут. Все американцы, кроме сержанта, держались от неё поодаль и почти не смотрели на неё. Кардинала Синклера посадили в другой грузовик, так что поговорить было не с кем. Она хотела поблагодарить его за спасение. Лёжа на пляже и глядя в ночное небо, она поняла, как рада тому, что ещё жива. И всё же какая-то её часть настаивала: для неё лучше умереть. Она слышала старые голоса, шептавшие: воспользуйся любой возможностью, чтобы покончить с собой. Но отрицать облегчение, которое она почувствовала, когда кардинал вытащил её на берег, было невозможно. Предоставленная себе, она, может быть, позволила бы воде заполнить лёгкие. Как можно одновременно желать жизни и смерти?

Однажды она читала о коте Шрёдингера — воображаемом коте в запёртом чёрном ящике с капсулой яда, которая могла сработать, а могла и не сработать. Учёные задавались вопросом: в любой конкретный момент кот жив или мёртв? Их вывод состоял в том, что в каком-то смысле кот одновременно и жив, и мёртв — по крайней мере до тех пор, пока крышка не поднята и судьба его не установлена. Она чувствовала, что находится в таком же призрачном, неопределённом состоянии, как этот кот.

Ей не следовало сомневаться в кардинале. Никто не рискует жизнью ради тебя, желая тебе зла. Когда она смотрела, как он склоняется над Джеймсом и начинает соборование, она гадала: может, он сотворит ещё одно чудо и не даст тому умереть. Казалось нелепым, что все говорят ей о её исключительности. Будь у неё хоть какие-то способности, она использовала бы их, чтобы спасти Джеймса.

Грузовик подпрыгнул на ухабе, и сидевший напротив мужчина завалился на неё.

— Назад. — Один из солдат под прицелом винтовки вернул его на место.

В суматохе мужчина незаметно сунул что-то ей в руку. Она взглянула на него, и он ответил ей странным взглядом. Незаметно она взяла полотенце, которое раньше дал ей сержант, чтобы вытереться, и прикрыла им записку. Это давало ей возможность прочесть её, когда никто не смотрит.

«Я полковник Брэд Гресник, — было написано там. — Я прилетел с Джеймсом Верноном. Я друг».

Она скомкала записку и сунула в карман. Друг? Она даже не знала этого человека, а он говорит, что друг. Он утверждал, что знает Джеймса, но никаких доказательств не было. Может, он подсадная утка, задача которой — войти в её доверие.

Слишком много паранойи — или мало? В голове всё смешалось. Она не хотела смотреть на него. Вместо этого она уставилась в проём в задней стенке кузова. Она понимала, почему некоторые говорили, что Апокалипсис близок. Свет был ненормальным, вкус всего вокруг — неуловимо странным. В воздухе ощущалось что-то особенное, резкий незнакомый запах. Люди, казалось, потрескивали, когда двигались, рассыпая вокруг крошечные синие искры. Будто у каждого появился слабый нимб. Мир святых... ангелов?

Потом она услышала нечеловеческий крик. Никто из солдат не отреагировал — кроме человека напротив. Он был потрясён не меньше её самой. Не было никаких сомнений: он думал то же самое, что и она, слушая этот пронзительный вой.

Ничто человеческое не могло издать такой звук.

Глава 36

Вернон слышал двигатели. Сильная вибрация пронизывала его. В движении. Где он? Он снова открыл глаза — но на этот раз не было ни горящих обломков, ни тела солдата, ни священника, совершающего соборование, ни сержанта Морсона. И главное — никакой Люси. Как же было чудесно снова увидеть её, пусть лишь мельком; и как горько сознавать, что это, должно быть, был сон. Теперь он лежал в белой комнате, в кровати. Повернул голову. Рядом сидел солдат в чёрной форме.

— Я сержант Эрнст Крюгер, — сказал тот.

Вернон попытался определить акцент. Определённо не американский — европейский английский.

— Вы помните, что произошло? — спросил Крюгер.

Обрывки, сны: Вернон не был уверен, что именно он помнит.

Крюгер терпеливо объяснил. Крушение вертолёта. Экипаж уничтожен полностью. Половина бойцов SAS тоже погибла. Остальным каким-то образом удалось пробиться с боем. Они отразили атаку, но потеряли ещё двоих. Один из бойцов SAS убил солдата, который собирался застрелить Вернона. SAS удалось отступить, утащив Вернона с собой — вниз, к пляжу. Единственным, о чьей судьбе ничего не было известно, оставался полковник Гресник. Его считали мёртвым или захваченным в плен.

Я всё-таки видел её, подумал Вернон. Люси, живую. Не сон. Она казалась обычной, здоровой — такой, какой он её помнил.

Швейцарская гвардия, должно быть, подобрала выживших после крушения на пляже. Сейчас, если он правильно догадывался, он находился на корабле.

— Вы среди друзей, — сказал Крюгер. — Много синяков и несколько порезов, но мы вас перевязали — всё будет в порядке.

Крюгер заговорил о том, как восхищается бойцами SAS: суметь вести яростный бой после такой катастрофы — это поразительно. Особенно, добавил он, после того, что они видели секунды до этого.

— Что именно они видели? — спросил Вернон. Он застонал: когда попытался поменять позу, сквозь рёбра прострелила боль.

— Позже, — сказал Крюгер. — Сейчас мне нужно, чтобы вы хорошенько подумали об одной вещи. Я уверен, вам известно, что мои люди и я работаем на Ватикан. Люси Галаган находилась под нашей защитой. Отряд «Дельты»... вы преследовали их?

— Откуда вы о них знаете?

Крюгер улыбнулся. — У Ватикана самая эффективная разведывательная сеть в мире.

— Куда мы направляемся? — Вернон начал паниковать. Они могли уходить всё дальше от Люси. Это никуда не годится. Нужно было найти её, спасти.

— Мы на корабле, идём в Бристоль. Не знаю, насколько вы в курсе всего этого, поэтому, может, прозвучит странно, но мы уверены: дезертиры повезут Люси к местам, связанным с королём Артуром — так же, как планировали сделать мы. Тинтагель был нашей отправной точкой, но что дальше — мы не знали. Мы рассчитывали, что Люси сама это выяснит для нас, но теперь у нас есть вы.

— Нужно вернуться, — застонал Вернон. — Идти по следу дезертиров.

— Мы не можем преследовать их. Нам повезло, что мы вообще живыми вышли из Тинтагеля. — Крюгер отвернулся. — Большинство из нас, во всяком случае. Капитана пришлось оставить там. — Он встал, подошёл к одному из иллюминаторов и уставился в него. — Ненавижу снайперов, — произнёс он. — Змеи.

— Мы не можем бросить Люси. — Вернон почти кричал.

— У нас нет выбора, кроме как перегруппироваться. Нужно просчитать их следующий шаг, оказаться на шаг впереди и застать их врасплох.

— Как?

— Нам есть что вам показать. Думаем, с помощью этого можно будет понять, куда они повезут Люси.

Вернон ненавидел лежать в этой кровати, чувствовать такую слабость. — Надеюсь, это того стоит.

Крюгер жестом предложил ему вставать. — Убедитесь сами.

Вернон откинул простыни и с трудом поднялся с кровати. Лишь сейчас он осознал, как ему повезло. Никаких серьёзных ранений, никаких потерянных конечностей — практически невредим. — Что случилось с вертолётom? — спросил он, следуя за Крюгером по узкому коридору.

Крюгер остановился. — Если бы я не видел этого своими глазами...

— Это было... — Вернон замялся. Звучало нелепо. — Ангел?

Крюгер резко обернулся и уставился на него.

— Там, откуда он пришёл, он был ярче всех.

— Что?

— Он был единственным, кто мог соперничать с самим Богом. Самый возлюбленный — как сын.

Вернон покачал головой. — Не понимаю.

— В этом мире он — противоположность. Никакого света, лишь тьма — самая страшная тьма из всех.

— Вы говорите загадками. — И всё же Вернон понимал его совершенно. Он никогда не видел такой тьмы, как та, что окутала вертолёт. Чёрная дыра. Абсолютное отсутствие света.

— Вы понимаете, что сейчас — Последние Времена, не правда ли? Вот почему он явился.

— Ради Бога, скажите мне, что вы видели. Что это было — то, что атаковало наш вертолёт?

Крюгер перекрестился. Когда он произнёс ответ, дрожь прошла через каждую клетку тела Вернона.

— Люцифер.

Глава 37

Половина солдат в грузовике спала, остальные дремали, сонно оглядываясь по сторонам. Видимо, они сменялись, чтобы поспать. Люси поняла, что что-то изменилось: шум двигателей пропал. Именно поэтому она проснулась. Она выглянула в небольшой незакрытый проём в задней стенке. Ночь миновала, но какой день наступил — непонятно. Всё вокруг скрывал туман.

Темнокожий солдат напротив сидел с закрытыми глазами, но она не думала, что он спит. На его бирке было написано: «Полковник Гресник». Возможно, он и вправду прилетел с Джеймсом, как сам утверждал. Примечательно, что он здесь единственный темнокожий. В наши дни в каждом американском армейском подразделении много темнокожих солдат, но только не в этом. Все здесь, кроме Гресника, были голубоглазыми блондинами. Что это — какое-то расистское подразделение, «чистая белая элита»?

— Все на выход! — рявкнул кто-то, и все солдаты начали выбираться из грузовика.

Один солдат прошёл мимо Люси и посмотрел на Гресника.

— Просыпайся, красавица. — Он пнул полковника по ногам.

Гресник открыл глаза и сверкнул на солдата взглядом. Когда полковник встал, солдат схватил его, развернул и надел наручники. Гресника вытолкали из грузовика под дулом ружья.

Люси вышла следом и спрыгнула на землю. На секунду почувствовала себя невидимкой: никто не обращал на неё ни малейшего внимания. Хороша Мессия. Один из солдат начал раздавать еду и питье из большой спортивной сумки — картонки с апельсиновым соком и невзрачные энергетические батончики.

Она жевала батончик, и с каждым кусочком чувствовала себя всё более одинокой. Хотелось с кем-нибудь поговорить. Что это был за странный звук прошлой ночью? Кто-нибудь ещё почувствовал то странное присутствие снаружи? Оно следовало за ней? Туман был не таким, как обычно. Он имел странный оранжевый оттенок и сюрреалистическое качество. Хотя в последнее время всё вокруг было таким.

Пока они завтракали, туман постепенно рассеивался. Кто-то пробормотал что-то о том, какими красивыми стали новые рассветы. Новые рассветы? Она задохнулась, когда увидела небо. Ни следа апрельской синевы. Оно было красным, как кровь. Теперь она понимала странные замечания монахинь в последнее время, поняла, почему они перестали выводить её на улицу, почему заколотили окна по всему монастырю. Они говорили о том, что мир поразила стигмат, о кровоточащих ранах по всей земле, о природных катастрофах, отражающих гнилое состояние человеческой души. Люси

воображала истекающее кровью небо. Если бы пошёл дождь — пролилась бы кровь? Если весь мир выглядит так, не удивительно, что люди думают о конце света.

Лишь когда она огляделась по сторонам, она поняла, где находится. Поначалу всё казалось незнакомым из-за странного света, но теперь всё встало на свои места. Главной подсказкой послужил курган в нескольких сотнях метров — он возвышался над равниной на несколько сотен футов: замок Кэдбери в Сомерсете. Как и Тинтагель, это место считалось возможным местонахождением Камелота. И даже с более весомыми основаниями. Если король Артур существовал, скорее всего, он был вождём-воином, жившим в годы после ухода римлян из Британии. Он был бы вождём местных кельтов, отражавших нашествие варварских племён с континента — англов, саксов и ютов. В итоге он потерпел поражение. Вот почему Англия названа в честь англов.

Одно было точно: Артур не был средневековым королём, жившим в великом каменном замке. Все английские монархи известны в деталях — Артура среди них нет. Он жил до эпохи королей, до эпохи каменных замков. Это означало, что Камелот, если он когда-либо существовал, был деревянным. Археологические исследования в Кэдбери выявили деревянное укрепленное городище на вершине плоского кургана. Каменный замок в Тинтагеле никогда не мог быть Камелотом, а вот давно исчезнувшая деревянная крепость, некогда стоявшая здесь, идеально вписывалась в исторический профиль.

Люси окинула взглядом пейзаж в красноватых тонах и глубоко выдохнула. Замок Кэдбери, окружённый живописными сельскохозяйственными угодьями, захватывал дух. В прошлый раз, когда она была здесь, поля были полны пасущихся коров и овец. Теперь животных не было. Курган окружало кольцо деревьев, а плато пустовало — если не считать небольшой часовни в дальнем углу. Вопреки названию, никакого видимого замка в Кэдбери не было. «Холм Кэдбери» было бы точнее. По верхнему ярусу кургана шли сложные земляные укрепления — остатки оборонительных сооружений, которые некогда возвели его кельтские обитатели. Сомнений не было: здесь когда-то жили тысячи людей. В своё время это, должно быть, было великолепное зрелище — огромный укрепленный холм, господствующий над округой.

Неподалёку от Кэдбери протекала река Кам. Люси всегда считала это место наиболее вероятным местом последней битвы Артура. Зачем солдаты привезли её сюда? Она мысленно перебирала возможные связи с другими мифическими полями сражений. Евреи говорили о древней страшной битве в месте под названием Мегиддо. Они считали, что именно это место однажды станет ареной финального Судного сражения между добром и злом. Большинству людей оно известно под своим западным названием — Армагеддон.

Камланн был своего рода отзвуком Мегиддо. Это была битва, ознаменовавшая конец старой Британии, конец целого уклада жизни. Именно поэтому они здесь? Это то место, где всему суждено закончиться — под кроваво-красным небом? Она отпила апельсинового сока и постаралась сохранять спокойствие.

Из толпы солдат вышел сержант Морсон. На нём были ножны с мечом, который Люси нашла в Тинтагеле. Должно быть, он отобрал его у Синклера. — Всё в порядке? — спросил он.

Люси, прислушавшись к его акценту, поняла, что речь у него очень правильная. Лига плюща, подумала она. Такой акцент ей доводилось слышать и в Оксфорде, и на международных конференциях. Но было кое-что ещё более странное. Не только сержант говорил так — все его люди тоже. Это было самое необычное спецподразделение из всех возможных: группа выпускников Лиги плюща, и ни одного темнокожего — при условии, что Гресник говорил правду и не был одним из них.

Морсон смотрел на неё странно — почти как на знаменитую статую в музее, оценивая, оправдывает ли она ожидания.

— Не думаю, что вы собираетесь объяснить, зачем я вам нужна? — Люси сама удивилась, насколько была не напугана. Когда капитан Крюгер заставил её смотреть вниз на море в Тинтагеле, она не знала такого страха. Она сомневалась, что когда-нибудь снова сможет бояться так сильно.

— Позже, — ответил Морсон. — Грузовики не смогут подъехать ближе к нашей цели, поэтому идём пешком.

— Куда?

Морсон развернулся и зашагал прочь, отдавая команды своим людям. Они выстроились в колонну — Люси и Гресник оказались в середине — и двинулись по узкой тропе, обрамлённой живыми изгородями. Люси гадала, где кардинал Синклер, и оглядела колонну солдат. Она заметила его в хвосте — мрачного, со скованными за спиной руками.

Люси глубоко вдохнула. В воздухе стоял восхитительный аромат лаванды. Это застало её врасплох: для лаванды было слишком рано, да и, кажется, здесь она вовсе не растёт. Неужели всё вокруг каким-то образом меняется? Она всегда любила сомерсетскую деревню. Даже сейчас, в болезненном свете, она всё ещё выглядела как идиллический сельский пейзаж, полный лугов и садов.

Пройдя мимо нескольких полей, они обнаружили, что тропа закончилась, а впереди — огромное поле одуванчиков с облетевшими головками. В детстве Люси обожала дуть на них и загадывать желания. Теперь их было так много, что это пугало. Казалось, природа начала производить всё сверх меры. Циклы роста сокращались. Более плодородный мир в последние часы своего существования?

Порыв ветра пронёсся мимо. Все семена одуванчиков поднялись в воздух, создав вьюгу, напоминавшую снежную бурю в детской игрушке-снежном шаре. Она смотрела на кружащиеся белые облака. В них было что-то завораживающее. Таков ли сейчас весь мир? Люди могут пристраститься к умирающим мирам, к последним вещам — не правда ли?

— Вперёд! — крикнул Морсон, и они зашагали по полю, пока не добрались до подножия склона.

В прошлый раз, когда Люси была здесь, она привезла Джеймса на пикник на небольшую полянку в лесу на склоне холма. Она рассказывала ему об истории этого городища — о том, как в первом веке н.э. сюда пришли римляне, разрушили крепость и перебили всё кельтское население: мужчин, женщин и детей. Артур якобы восстановил укрепления четыре века спустя и создал прекрасный дворец в центре плоской вершины холма. Даже сейчас плато носит название «Дворец короля Артура».

Они шли по извилистой грязной тропе через лес — по обеим сторонам высились крутые насыпи. Деревья казались куда темнее, чем она помнила. Почти зловещими. Лес назывался Рейвенсвуд — Вороний лес. После разрушения крепости тысячи воронов поселились в деревьях. Ещё долгие века люди боялись заходить сюда.

Люси почувствовала, как кто-то подтолкнул её локоть. Она обернулась — Гресник смотрел на неё. Он повёл глазами вверх. Она запрокинула голову. На верхних ветвях деревьев сидели тысячи воронов — неподвижных и безмолвных. Они просто смотрели. Она никогда не видела их в таком количестве. Птицы смерти. Они всегда наводили на неё ужас. Она вспоминала рассказы о том, как вороны затмевали небо, опускаясь на поля сражений, чтобы клевать гниющую плоть павших. Это был вернейший знак грядущих бед.

Вся группа двигалась тихо — словно в страхе издать звук, который мог потревожить птиц. Хотя стояла весна, все листья опали с деревьев. Ботинки солдат хрустели по перепревшей листве.

Люси с облегчением выдохнула, когда они вышли из леса. Она молилась, чтобы больше никогда не видеть воронов. Они прошли мимо нескольких больших рвов и земляных валов и наконец достигли плато. Оно было пустым — если не считать живописной часовни в дальнем углу. Называлась она необычно — часовня «Святого Гая». Несколько лет назад Люси исследовала её историю и обнаружила, что часовня названа в честь римского центуриона Гая Кассия Лонгина — солдата, который пронзил бок Иисуса копьём, когда тот висел на кресте, проверяя, мёртв ли он. Несколько капель искупительной крови Спасителя упали на него и чудесным образом вернули ему стремительно ухудшавшееся зрение. Вскоре Лонгин оставил армию, стал христианином и принял мученическую смерть. По одной легенде, он приплыл в Британию в той же партии, что и Иосиф Аримафейский, и погиб именно здесь. Легенда гласила, что ему вырвали все зубы и вырезали язык, однако он продолжал ясно говорить — прославляя Иисуса вплоть до самого последнего вздоха.

История Лонгина и его копья завораживала Люси по особой причине: ей казалось, что она доказывала — Иисус не был мёртв, когда копьё пронзило его бок. Колоть тела копьём было стандартным римским способом проверить, кто мёртв на поле боя. У мёртвого нет сердцебиения, нет давления крови, а значит, кровь не течёт. Однако в Библии чётко сказано, что из раны в боку Иисуса хлынули кровь и вода — что невозможно для мёртвого тела. Она удивлялась, почему никто не указал на это прежде, но, проверив в интернете, обнаружила: спор вокруг именно этого вопроса не утихал годами. Одни соглашались с ней, что именно копьё, а не распятие убило Иисуса. Другие говорили, что Иисус был уже мёртв, но удар копьём пронзил перикард — мешочек с водянистой жидкостью, окружающий сердце, — а затем и само сердце, из которого кровь теоретически могла бы брызнуть даже после смерти. Третьи приводили ещё более изощрённые медицинские объяснения. Тем не менее оставалась возможность, что истинным убийцей Иисуса был Лонгин.

Превратить убийцу Христа в святого — задача непростая, но именно это и произошло с Лонгином. Он был тем человеком, который обеспечил исполнение Писания. Иисус был распят в пятницу, а еврейская суббота приходилась на субботу. Проводить казни в субботу было богохульством, поэтому традиционным выходом было удостовериться, что все распятые умрут в пятницу. Обычный способ — переломить им голени, лишив их возможности поддерживать собственный вес, под давлением тела лёгкие схлопнутся, и они умрут от удушья. Именно такую участь первосвященник Каиафа уготовил Иисусу. Но Писание содержало два недвусмысленных пророчества о Мессии: «Ни одна кость его не будет сломана» и «Они воззрят на того, кого пронзили».

Если бы ноги Иисуса сломали, это доказало бы, что он не пророчески ожидаемый Мессия. И столь же верно: если бы его не пронзили — он был бы никакой не Мессия. Лонгин разрешил обе проблемы. Некоторые утверждали, что, держа в руках копьё, Лонгин управлял судьбой мира, и что все, кто после него владел этим копьём, тоже держали в руках судьбу.

Люси и солдаты брели по заросшему травой плато к старой часовне. Вид был захватывающим — странным образом усиленным ярко-красным светом. Люси гадала, было ли небо таким же красным во время битвы при Камланне и смотрел ли король Артур вверх, видя пурпурное солнце.

Было очевидно, что они направляются к часовне, — но зачем? Они в каком-то паломничестве? Какое возможное значение мог иметь святой Гай Лонгин для этих дезертиров из «Дельты»? Что-то щёлкнуло в её голове. Люси поняла: их интересовал вовсе не святой Гай. Их интересовало его копьё.

Глава 38

— Люцифер? Вы не можете в это верить. — Корабль бросало на волнах — он с трудом пробивался сквозь разбушевавшееся море. Вернон упёрся руками в стены, чтобы удержать равновесие.

— Как много людей не хотят это признавать, — возразил Крюгер. — Когда же они поймут, что всё это происходит по-настоящему? Теперь нас может спасти только чудо.

Вернон смотрел на Крюгера. Признаки того, что мир заканчивается, действительно были повсюду. На каком-то уровне он был убеждён, что это правда, — и всё же отказывался принимать это как абсолютный факт. Всему этому должны были существовать рациональные объяснения, научные решения, которые умные люди могли бы реализовать в короткие сроки, чтобы спасти положение. Не может быть, чтобы всё было кончено, просто не может. И мировой кризис не может, не должен иметь сверхъестественных корней. Мысль о том, что за всем этим стоит Дьявол, была немыслимой.

— Вертолёт попал в турбулентность. — Вернон слабо махнул рукой. — Стая птиц врезалась в несущие винты. — В отчаянии он пытался нагромоздить объяснения, но каждое рассыпалось, едва слетев с языка.

Люцифер. Неужели возможно, что узник в камерах задержания превратился не в ангела, а в верховного демона? Выходит, Повелитель мух, Вельзевул, Князь Тьмы преследовал их по пятам от самого Лондона. В голове у Вернона захлестнуло волной все эти старые, наводящие ужас имена. Ничто не было темнее той твари, что явилась в небе перед вертолётom. Может, это существо и доставило сержанта Морсона туда — обогнав вертолёт. Какие рациональные правила применимы к иррациональному миру сверхъестественного?

— Вы знаете, что это правда, — сказал Крюгер. — Вы видели это так же ясно, как и я.

— Я не знаю, о чём вы говорите. — Вернон отвернулся. — Я ничего не видел. Было слишком темно.

— Идёмте. — Крюгер сделал несколько шагов по узкому коридору и толкнул дверь. Он скрылся в комнате.

Когда Вернон уже собирался последовать за ним, свет в коридоре замигал. Он остановился и прислушался. Сквозь гул двигателей до него долетал вой ветра. Этот звук был жуткий — словно тысячи существ воют в унисон. Дирижирует ли ими Люцифер? Корабль скрипел и трясся.

— В каком состоянии ваша душа? — спросил Крюгер, когда Вернон вошёл в большую столовую с деревянными панелями на стенах.

Вернон промолчал. Как вообще можно ответить на такой вопрос? Вместо этого он уставился на проектор, стоявший на столе, направленный на дальнюю стену. Он догадался, что это тот самый проектор, который видел у солдата SAS в монастыре Люси.

— Что он здесь делает? — спросил Вернон.

Крюгер подошёл к одному из маленьких иллюминаторов и уставился в него. — Неисповедимы пути Господни, дивны чудеса Его. — Он объяснил, что один из выживших бойцов SAS, несмотря на бушевавший вокруг бой, настоял на том, чтобы спасти проектор из обломков вертолётa. — Боец сказал, что получил особые инструкции от некоего полковника Гресника.

Я так и знал, так и знал. Для Вернона было очевидно, что Гресник действовал по собственной повестке. — Что именно сказал Гресник? — спросил он.

— Он велел всем бойцам SAS искать в монастыре всё необычное. Сказал, что его особенно интересуют странные картины, пергаменты и книги. И прежде всего — старинные предметы: мечи, кубки, блюда и копья.

Сокровища Грааля! Неужели Гресник всерьёз считал, что они каким-то образом оказались в монастыре Люси? Почему он не обсудил это с ним? Что касается картин — он имел в виду картины Люси? Там их были десятки.

Крюгер повернулся и указал на дальнюю стену. На ней были прикреплены несколько любительских картин — все изображали женскую фигуру на синем фоне. Картины Люси.

— Боец сказал, что схватил несколько штук из-за изголовья кровати Люси, — объяснил Крюгер.

На них были большие складки от сгиба. Боец, видимо, просто свернул их и засунул под куртку.

Корабль с трудом боролся с тяжёлым морем, и Вернону снова пришлось ухватиться за что-то, чтобы не упасть вперёд. Двигатели, казалось, ревели всё громче, работая на пределе.

Крюгер жестом указал на стул и предложил Вернону сесть.

— Я хотел показать вам не картины Люси, мистер Вернон, а слайд, который был внутри этого проектора. Полагаю, кардинал Синклер привёз его из Ватикана, чтобы показать Люси. — Он сделал паузу. — Полагаю, вам было известно, что кардинал находился в Англии.

Вернон кивнул, но его по-прежнему изумляло, что столь высокопоставленная фигура оказалась замешана в это — учитывая всё, что происходило в Риме. Синклер, как второй человек в Ватикане, считался главным кандидатом на папский престол. Зачем ему рисковать своими шансами, возможно потеряв их окончательно, ради того, чтобы быть рядом с Люси? Она действительно настолько важна?

— Мы нашли кардинала в монастыре вместе с Люси, — продолжал Крюгер. — Он сказал, что выполняет особую миссию из Рима — так же, как и мы.

— Но вы ведь не знали, что он там, не так ли? И он не знал о вас.

Крюгер не ответил, а лишь кивнул Вернону, предлагая повернуться вперёд.

Несколько часов назад, подумал Вернон, Люси сидела, должно быть, точно так же — ожидая, пока кардинал Синклер покажет ей свой слайд. В этом было что-то утешительное — будто он снова физически связан с ней.

— Люси... с ней всё в порядке? — Вернон постучал себя по виску. — Я имею в виду — здесь?

— Мы не знали, чего ожидать, когда прибыли в монастырь. Трудно было представить, что Люси окажется нам полезна, если она психически больна, — но с первого же взгляда было ясно, что она хорошо восстановилась.

«Хорошо восстановилась», — беззвучно повторил Вернон. Он начал выстраивать удобную теорию о том, что, когда Люси бросила его, это был первый признак её срыва. Если она снова была хоть сколько-нибудь похожа на прежнюю себя... Боже, что он сделает, если она захочет вернуться к нему? Он отшвырнул бы жену и даже своего прекрасного малыша ради того, чтобы снова быть с Люси. Нечего себе врать. Что это говорит о нём? Эгоизм? Бесчувственность? Предательство? Лицемерие? И это ещё мягко сказано. Ужасный муж, ужасный отец, человек, нарушивший самые священные обеты. Никакой не герой. Но ради нескольких часов — быть может, последних — рядом с Люси он готов был стать самым низким из людей. Цена любви, по-видимому. Ничто не способно так унижить мужчину, как любовь.

В школьные годы он в целом не любил поэзию. Лишь одно стихотворение произвело на него впечатление: «La Belle Dame Sans Merci» Китса — «Безжалостная красавица». Неизвестный прохожий спрашивает убитого горем рыцаря, что с ним случилось. Сломленный рыцарь рассказывает свою горькую историю. Он полюбил прекрасную даму, которая его бросила. Теперь, в темноте дремучего леса, он угасает — таинственная красавица похитила у него волю к жизни. Все птицы в деревьях умолкли.

Даже в школьном возрасте, ничего не зная о любви, Вернон чувствовал боль этого рыцаря. Может, поэзия именно так и работает — предсказывает твоё будущее. Когда Люси бросила его, он облачился в доспехи того несчастного рыцаря. Он оказался в той же железной темнице, заперт в том же странном лесу в сумерках — так же тщетно, как тот рыцарь, ожидая, когда запоят птицы.

Крюгер включил проектор, и на дальней стене появилось изображение потрясающей картины эпохи Возрождения.

Вернон смотрел на неё в изумлении. Он обернулся, чтобы взглянуть на картины Люси на стене позади, а потом снова уставился на шедевр перед собой. Почти непроизвольно он поднял руку и указал на центральную панель в нижней части спроецированного изображения. — Как? — произнёс он — и замолчал.

Глава 39

— Это ведь чудо, не правда ли? — В голосе Крюгера звучало благоговение. — То, что вы видите, — это пятисотлетняя фреска Рафаэля, скрытая в тайном склепе в усыпальнице папы Юлия II.

— Но... — Вернон всё ещё не мог осмыслить это. Он закрыл глаза и покачал головой. Этого не может быть.

— Даже не могу догадываться, как это возможно, — сказал Крюгер. — Люси не могла ничего знать о фреске Рафаэля. Но только взгляните на эту панель. Она первое, на что смотришь, — потому что она так явно не на месте. Она определённо не в стиле Рафаэля. Немыслимо, чтобы он написал что-либо настолько дилетантское. И тем не менее — вот она. Невозможная панель.

Вернон снова открыл глаза; его взгляд скользнул к маленьким иллюминаторам сбоку. Море с силой билось о корабль — словно пыталось пробиться внутрь.

— Даже кардинал Синклер не должен был знать об этой фреске, — сказал Крюгер.

— Что вы имеете в виду?

— Нам сообщили, что Папа запретил ему смотреть на неё.

— Не понимаю. — Вернон был потрясён. Если Папа не доверял блюстителю католической доктрины, кому вообще можно доверять? Хотя, возможно, всё было сложнее. Доверял ли Синклер Папе? Эти швейцарские гвардейцы выполняли исключительно необычную миссию. Если называть вещи своими именами — всё это воняло. Швейцарская гвардия никогда не покидала Ватикан. Можно ли доверять им самим?

— Разве Синклер не был правой рукой Папы? — спросил Вернон. — Все говорили, что он — верный преемник.

— Папа позволил увидеть фреску лишь одному другому человеку. Моему брату — капитану Юргену Крюгеру.

— Он тоже здесь?

— Мой брат мёртв. — Лицо Крюгера побелело. — Он руководил этой миссией. Снайпер застрелил его, когда он был с Люси на скалах в Тинтагеле. Вскоре после этого прилетел ваш вертолёт.

— Мне жаль. Это, должно быть, невыносимо тяжело.

— Тяжело будет всем нам. Мой брат был исключительным человеком. Он всегда знал, что делать. Остальные из нас потеряны без него.

— Что ваш брат думал о Синклере?

— Он не доверял ему. Мой брат считал гибель Папы крайне подозрительной.

— Вы не можете намекать, что Синклер имеет к этому какое-то отношение. Папе передали записку с плохими новостями, и у него случился сердечный приступ. Здесь нет ничего таинственного.

— Сейчас самые странные из времён. Скоро верность каждого из нас будет поставлена на испытание. Именно тогда мы узнаем, кто мы есть на самом деле, во что по-настоящему верим.

Вернон содрогнулся. Он уже начинал узнавать, кто он есть, — и ему не очень нравилось то, что он видел.

— Мой брат верил в Люси, — сказал Крюгер. — Перед тем как мы прибыли в Англию, он провёл нам подробный инструктаж о ней. Мы знаем, что вы были её единственным серьёзным возлюбленным. По мнению брата, Люси никогда не переставала вас любить — что бы вы сами об этом ни думали. Вы бесценны для нас, мистер Вернон. Вы можете помочь нам вернуть Люси.

«Вернуть Люси». Это было всё, не так ли? Сержант Морсон говорил, что Люси — самый особенный человек в мире. Когда он впервые услышал эти слова, они казались ему нелепыми. Теперь было очевидно, насколько они верны. Он вспоминал один из лучших дней, проведённых с ней. Они сидели на скамейке, глядя на одну из самых знаменитых достопримечательностей Корнуолла — Сент-Майклс-Маунт. Замок на высокой скале в нескольких сотнях ярдов от берега, добраться до которого можно было только в отлив. День был такой чудесный. Они сидели часами, держась за руки, почти не разговаривая. А потом Люси поцеловала его и сказала, как сильно любит. Разве это был поцелуй Мессии?

Она была его личным Святым Граалем. Странно, что она так много времени посвящала размышлениям о нём, писала о нём, обсуждала его. Когда человек одержим чем-то, становится ли он сам этим чем-то?

Но все хотели завладеть Граалем. Люси теперь была самой ценной вещью в мире. Вот почему полковник Гресник так интересовался ею. Ещё один человек, которому нельзя доверять: красавец, похожий на голливудскую звезду, слишком хорошо разбирающийся в мифах и легендах. Он с Люси могли беседовать месяцами. Он бы очаровал её. Нашла бы она его привлекательным? Ответ очевиден.

Лицо Вернона залила краска злости. В воображении перед ним возник образ: Гресник целует Люси. Но полковник угрожал убить её. Этим двоим никак нельзя было оказаться рядом. Да и к тому же — может, Гресник погиб при крушении вертолёта. На секунду Вернон ощутил укол облегчения. А потом ужаснулся самому себе. Он чувствовал, что становится способен на самое худшее.

— Что вы думаете о картине? — спросил Крюгер. — Что она вам говорит?

— Я не эксперт в живописи. — Вернону приходилось повышать голос: весь корабль вибрировал. — Это какое-то повествование. Многое выглядит вполне традиционно — библейские сцены и тому подобное. Только не понимаю, как туда вписываются король Артур и Грааль.

Крюгер кивнул. — Мой брат говорил, что Ватикан не знал, как трактовать фреску, пока Папа не прочитал книгу Люси. Он сразу понял: то, что Люси написала об артуровских легендах, относится и к фреске. Это был зашифрованный намёк на притязания двух соперничающих религий. Папа сказал, что наступит момент, когда соперничающие

религии столкнутся лоб в лоб, и от этого выбора будет зависеть судьба мира. Если выбор окажется неверным, мир погибнет.

— Именно это и показывала картина: человеческий род, проклятый на вечные муки в аду, или спасённый и принятый в рай. Папа считал, что Юлий II создал фреску как предупреждение о том, что произойдёт, если Католическая церковь когда-либо позволит распространиться ереси. Поместив её в собственную усыпальницу, Юлий II задумал, чтобы другие папы, приходя молиться об упокоении его души, её видели. Размышляя о собственной смертности, они видели бы, что и сам мир смертен. Все и всё под угрозой из-за ереси. Это была величайшая из опасностей, ибо если человечество уверует в ложного Бога, у Истинного Бога не останется иного выбора, кроме как уничтожить собственное творение.

— Вы ведь говорили, что это тайный склеп?

— Тайный для всех, кроме других пап. Только им был открыт доступ. Мы не знаем, что думали непосредственные преемники Юлия II, зато знаем, что папа Марцелл II был потрясён, когда увидел фреску в 1555 году. Он умер всего через двадцать два дня после того, как стал папой, и некоторые говорили, что причиной стал ужас от увиденной фрески.

— А что же Люси? — спросил Вернон.

— Покойный Папа наводил о ней справки. Когда он узнал, что она католичка, то отслужил особую мессу в соборе Святого Петра в знак благодарения.

Вернон не знал, как реагировать. Когда-то Люси была весьма набожной католичкой, но после смерти матери её вера угасла, и она явно стремительно двигалась к атеизму. Помимо этого, её всегда завораживали гностики, и она однажды сказала, что их идеи имеют больше смысла, чем христианство. По большому счёту, она находилась в религиозном ничейном пространстве. Покойный Папа допустил чудовищную ошибку, если считал, что Люси автоматически окажется на стороне католиков.

— Он был убеждён, что Бог избрал её для спасения человечества, — продолжал Крюгер. — Когда настоятельница монастыря сообщила ему, что Люси рисует картины, он попросил прислать фотографии. Обнаружив, что она нарисовала картину, идентичную одной из панелей на фреске Рафаэля, он воспринял это как доказательство того, что она — Избранная.

Вернон уставился в пол. Всё больше это казалось правдой. Даже покойный Папа так думал. Возможно ли, что за душу Люси ведётся борьба и её исход определит судьбу Земли?

— Что это за две соперничающие религии? — спросил он, хотя ответ уже знал — христианство против гностицизма, два учения, которые трудно было бы назвать более разными. Верующий в одно автоматически становился врагом верующего в другое.

Крюгер слегка улыбнулся. — Вы читали книгу Люси. Вы знаете ответ.

Ответ? У Вернона в голове сейчас были одни вопросы. Несмотря на всё, что он знал о гностиках, ему по-прежнему было трудно принять, насколько радикальными были их убеждения. Заменить христианскую борьбу добра со злом гностической борьбой духа с материей означало совершенно иной склад ума. Грехи и преступления не имели никакого значения. Для гностиков важно было обрести духовное знание, позволяющее душе вырваться из материального ада, в котором они были заперты.

Как ни странно, некоторые гностики заявляли, что почитают Иисуса Христа, и даже называли себя христианами, но их Христос был совершенно не таким, как христианский. Они не верили, что он когда-либо воплотился физически, поскольку это означало бы, что он стал частью злого материального мира. Поэтому они отрицали реальность Распятия. Распять Иисуса было невозможно, ибо у него не было физического

тела, а значит, сцена Распятия — фантом. Как ни удивительно, мусульмане думали в точности так же. Его смерть, говорили они, была лишь иллюзией, призванной обмануть врагов. Не столько Распятие, сколько Распятие-фикция.

Раз Иисус не умер, не было и воскресения. Раз у него не было тела, он не мог быть одновременно человеком и Богом. Гностики отрицали католическую доктрину пресуществления. Это невозможно, говорили они, ибо Иисус никогда и ни в каком виде не стал бы частью злонамеренного физического мира. Для них Иисус был божественным вестником из царства истинного света, чьей задачей было проповедовать любовь, мир, сострадание и прощение — всё то, что Яхве, создатель материального мира, ненавидел.

Гностики почитали всех, кто противостоял Яхве. Люцифер как главный враг Яхве был их героем. Для них отождествление Люцифера с Сатаной было нелепым. Сатана — это, очевидно, сам Яхве.

Если гностики правы, то все остальные ошибаются. Человеческий род, поклоняясь создателю материального мира, совершил самую чудовищную из мыслимых ошибок. Человечество катастрофически неправильно поняло природу жизни, мира, реальности. И тем самым обрекло себя на вечный ад.

Если, как настаивал Крюгер, Люцифер действительно существует и явился на Землю, доказывает ли это правоту гностиков или христиан? Вот почему погода так буйствует, вот почему происходит столько катастроф? — планета готовится к финальной апокалиптической схватке между Люцифером и Яхве. Хотя Вернон отчаянно хотел быть на стороне добра, он больше не был уверен, какая это сторона, — и подозревал, что Люси была столь же не уверена.

Глава 40

Глядя на одну из панелей в левой части фрески, Вернон что-то узнал. Когда сержант Морсон склонился над ним после крушения вертолёт, он заметил на форме сержанта странные знаки различия. Над нагрудным карманом в ряд располагались четыре разных значка. Один — синяя свастика на белом фоне, другой — красное восходящее солнце на белом фоне, третий — серебряный череп с костями на чёрном фоне, и последний — чёрно-белый, разделённый пополам: чёрное сверху, белое снизу.

Именно эти значки были изображены на панели перед Верноном. Когда он обратил на это внимание Крюгера, швейцарский солдат не удивился.

— Эти значки — гностические символы. Синяя свастика на белом фоне — флаг гностической секты катаров. Восходящее солнце символизирует веру гностиков во вселенную Истинного Бога, наполненную светом. Череп с костями означает, что физический мир — это место тьмы, тления и смерти.

— И это один из флагов, которые использовали рыцари-тамплиеры, — добавил Вернон, вспоминая слова Гресника.

Крюгер кивнул. — Вы хорошо осведомлены. В таком случае вы, наверное, знаете, что означает четвёртый.

Вернон уставился на чёрную полосу над белой. Он понятия не имел.

Крюгер прищурился. — Нет? — Вернон пожал плечами. — Это называется «Босеан», — сказал Крюгер. — Священнейшее знамя рыцарей-тамплиеров. Оно показывает, что в адском мире, в котором мы живём, тьма торжествует над светом. Задача тамплиеров, как они её понимали, — пробиться сквозь тьму к свету.

— Значит, вы считаете, что тамплиеры были гностиками?

— Именно поэтому Папа и распустил Орден. Тамплиеры планировали свергнуть Католическую церковь. Их приготовления зашли весьма далеко.

Приготовления? Слово отозвалось эхом в голове у Вернона. Какие приготовления сделал Крюгер в отношении Люси? — Куда вы планировали отвезти Люси? — спросил он. — В Рим?

Крюгер отвернулся. — Не случайно то, что дезертиры — американцы, — произнёс он после паузы.

— Что вы имеете в виду?

— Вы ведь не католик, не так ли, мистер Вернон?

— Какое это имеет значение?

— Если бы вы были католиком, то знали бы, что Ватикан всегда выступал против масонства. А если бы вы знали американскую историю, то знали бы, что масоны основали Америку. Практически все, кто подписал Декларацию независимости, были масонами. Пол Ревир — человек, который скакал верхом, чтобы предупредить бостонских колонистов о приближении британской армии, — был масоном. Генерал, которого американцы выбрали для командования армией против британцев, — Джордж Вашингтон, масон. Он, конечно, стал их первым президентом, и почти все последующие президенты были явными или тайными масонами.

— Собственно, первым подтверждённым немасонским президентом стал Кеннеди — католик, победивший с минимальным перевесом голосов. Масоны делали всё возможное, чтобы его остановить, но отец Кеннеди умел давать сдачи и задействовал огромную политическую машину, чтобы мобилизовать голоса всех иммигрантов-католиков — ирландцев, итальянцев, поляков, латиноамериканцев и других — и привести сына в Белый дом. Кеннеди убили не кубинцы, не ЦРУ и не одиночка-псих — это сделали масоны. Кто заменил Кеннеди? Линдон Джонсон — высокопоставленный масон. Когда что-то страшное происходит на мировой арене, нужно спросить: «Cui bono?» — кому это выгодно? Именно масоны выиграли от гибели Кеннеди. Они убили и Роберта Кеннеди, и Мартина Лютера Кинга.

— Это абсурд. У вас нет никаких доказательств.

— Мистер Вернон, Католическая церковь давно ожидает, что Америка развяжет агрессивную войну против мира. Когда началась война с террором, для Ватикана это не стало сюрпризом. Это был лишь вопрос времени — когда масоны сделают свой ход. Слыша слово «неокон», следует переводить его как «масон». Их план — мировое господство и превращение их масонского бога во всеобщего бога Земли.

— Вы не можете говорить это всерьёз. Это бред конспирологов.

— Но заговор существует. Он всегда существовал. — Крюгер повернулся и указал на панель с пирамидой и глазом над ней. — Вы когда-нибудь видели это раньше?

Вернон подумал, что это ему знакомо, но не мог вспомнить где.

— Это один из самых могущественных символов в мире. Вы видите его повсюду, всё время.

Вернон покачал головой. — Я определённо видел это где-то, но просто не могу... это так знакомо.

— Это знакомо, потому что этот символ изображён на обороте доллара США. И на обороте официальной Большой государственной печати Соединённых Штатов Америки. Это символ тайного общества «Иллюминаты», чья торжественная миссия — свергнуть Католическую церковь. Вы услышите самые разные странные теории об иллюминатах: что они возникли как группа недовольных учёных в Риме в 1500-х годах, что они были образованы из последних выживших катаров и тамплиеров, что они были чёрными магами и поклонниками Люцифера. Я даже слышал теорию о том, что иллюминаты — инопланетные рептилии в человеческом обличье.

— Но Католическая церковь считает их древнейшим и зловещим тайным обществом на земле, возникшим задолго до появления христианства. Они стоят у истоков всех попыток подрыва католицизма — института, созданного, по их мнению, их сатанинским врагом, чтобы раздавить их. Иллюминаты создали катаров, тамплиеров, алхимиков и масонов. Протестантские лидеры Лютер и Кальвин были иллюминатами, и вся Реформация была организована иллюминатами. В конечном счёте иллюминаты решили создать целую страну, вне досягаемости Ватикана, которая стала бы самой могущественной нацией на земле, способной раз и навсегда бросить вызов Католической церкви.

— Америка, — пробормотал Вернон.

— Именно. Америка — масонское сердце мира: каждая её часть создана масонами, все её законы разработаны масонами, почти все её лидеры — масоны. Декларация независимости — масонский документ *par excellence*. Без ведома и согласия подавляющего большинства своих граждан американские масоны с момента основания страны неуклонно следуют масонской повестке. Ведущие политики, юристы, бизнесмены, военные, руководители спецслужб, полицейские, врачи Америки — все масоны. Достичь какой-либо реальной власти в Америке, не будучи масоном, почти невозможно. А за масонами стоит ещё более теневая организация — конечные кукловоды: иллюминаты.

— Если посмотреть на пирамиду на Большой печати Америки, вы увидите две латинские надписи. «*Annuit Coeptis*» означает: «Бог благоволил нашим начинаниям», а «*Novus Ordo Seclorum*» означает: «Новый порядок веков».

— Новый мировой порядок, — пробормотал Вернон.

Крюгер кивнул. — Они хотят смести старый мир, где Католическая церковь господствует, и заменить католического Бога их масонским богом. — Он снова указал на пирамиду, написанную Рафаэлем. — Видите, что замковый камень ещё не опустился на пирамиду? Это символизирует, что их план не завершён и будет осуществлён лишь тогда, когда Католическая церковь будет уничтожена. Глаз в центре замкового камня — это глаз бога иллюминатов. Одни называют его Всевидящим оком, другие — Оком Гора. Для тех, кто противостоит оккультизму, это просто Дурной глаз.

Джеймс содрогнулся, глядя на него. Старый герб МИ-5 представлял собой замковый камень пирамиды, и символ на вершине был, несомненно, Всевидящим оком — якобы изображавшим букву «I» в «MI5». Неужели была более зловещая причина? Даже современный герб МИ-5 вызывал сомнения: пятилепестковые красные розы и пятиконечные зелёные пятилистники, которые при внимательном рассмотрении подозрительно напоминали пентаграммы чёрной магии.

— На обороте доллара, по другую сторону от пирамиды, — продолжал Крюгер, — изображена национальная птица Америки — белоголовый орлан. Но на самом деле это замаскированная версия ещё одного из священнейших символов иллюминатов — Феникса. Иллюминаты считают себя подобными Фениксу, потому что сколько бы раз Католическая церковь ни пыталась уничтожить их, они всегда восстают из пепла.

— Если внимательно изучить так называемого орла, вы увидите, что у правого крыла тридцать два пера — по числу обычных степеней Шотландского обряда масонства, откуда берёт начало современное масонство. У левого крыла тридцать три пера — в честь Тридцать третьей степени Шотландского обряда, присваиваемой за исключительные заслуги перед масонством. Звёзды над головой орла образуют гексаграмму — один из самых мощных оккультных символов. Иллюминаты стояли за ведьмами и колдунами, так же как и за алхимией, чёрной магией и всеми оккультными искусствами. Их задача во все

времена — искать способы атаковать и подрывать католицизм, прокладывая иллюминатам путь к тому, чтобы его заменить.

Крюгер схватил с полки книгу и сунул её Вернону. Указав на выделенный абзац, он сказал: — Прочтите.

Вернон повернул книгу к свету и зачитал: «Не только многие из основателей правительства Соединённых Штатов были масонами, но они получили помощь от тайного и почтенного братства, существовавшего в Европе, которое помогло им основать эту страну ради особой и определённой цели, известной лишь немногим посвящённым. (Мэнли П. Холл, «Тайные учения всех веков», стр. 90-91)»

— Мэнли Холл был одним из величайших экспертов по масонству двадцатого века, — сказал Крюгер. — Европейское «тайное и почтенное братство» — это иллюминаты. Только масоны высшего ранга знали об этом. «Особая и определённая цель» — окончательное свержение католицизма.

— На протяжении более двух столетий Ватикан ожидал нападения от американских иллюминатов, но иллюминаты ошеломили их, воспользовавшись экономическим хаосом в мощном европейском государстве, чтобы захватить его и использовать для начала своего наступления на мир. И тут произошло нечто поразительное. Вместо того чтобы атаковать католицизм, они обрушили самое жестокое нападение на своего другого давнего врага — евреев.

— Вы говорите о нацистской Германии, не так ли?

Крюгер кивнул. — Гитлер и все его главные приспешники были ведущими адептами иллюминатов. Некоторые утверждали, что Гитлер был верховным великим магистром, обладавшим полной властью над американским филиалом иллюминатов.

— Если так, почему Гитлер объявил войну Америке?

— Американские иллюминаты были сокрушены крахом Уолл-стрит, временно утратив огромную часть своего богатства и влияния. На восстановление ушли десятилетия. Гитлер считал, что евреи воспользовались ситуацией и захватили большинство рычагов власти в Америке.

— Ну хорошо, если Америка снова под влиянием иллюминатов и те ненавидят евреев, почему США так раболепно поддерживают Израиль?

Крюгер засмеялся. — Адольф Гитлер ненавидел Советский Союз и твёрдо верил, что большевизм — это еврейский заговор с целью дестабилизации Запада. Ведь Маркс, Ленин, Троцкий, Каменев и Зиновьев — все были евреями. И тем не менее Гитлер подписал пакт о ненападении со Сталиным до начала Второй мировой.

— Израильско-американский союз — ещё один нечестивый альянс. До Второй мировой войны антисемитизм в Америке процветал — и под поверхностью он жив до сих пор. У США попросту не было никаких весомых причин поддерживать новое государство Израиль в 1948 году. Многие ведущие американские политики, включая государственного секретаря Джорджа Маршалла и большинство Государственного департамента, были возмущены — из соображений простой логики — тем, что Америка вообще признала Израиль. Маршалл — один из самых выдающихся американских политиков и военачальников, человек, которому приписывают восстановление послевоенной Европы, — ушёл в отставку в следующем году.

— Что Америка когда-либо получила от этих отношений, кроме бесконечных неприятностей и враждебности каждой мусульманской страны на земле? С точки зрения внешней политики это самое непостижимое решение из когда-либо принятых. Ни один здравомыслящий человек не стал бы намеренно восстанавливать против себя полтора миллиарда мусульман ради поддержки нескольких миллионов переселенцев в маленькой далёкой стране. Гитлер, конечно, заявил бы, что именно могущество евреев в

Америке обусловило это решение. Впоследствии, когда иллюминаты восстановили свою силу, им было удобно сохранять статус-кво, и это служило тому, чтобы сбить остальной мир со следа грандиозного заговора иллюминатов. К тому же иллюминаты отнюдь не друзья ислама. Папу не провели ни на секунду: Ватикан с самого начала видел всё насквозь.

Вернон не был конспирологом. Беда в том, что Крюгер был пугающе убедителен. Невозможно было придумать ни одного способа, которым Америка выиграла бы от отношений с Израилем, но легко перечислить целое гнездо проблем. Значит, если рациональному внешнеполитическому обоснованию этому нет места, за этим должна стоять скрытая повестка.

— Вернёмся к Гитлеру, — сказал Крюгер. — Только он и двенадцать его ближайших соратников знали полную историю иллюминатов. Ходили слухи о «Тайной доктрине», предполагавшей тайную миссию настолько дьявольского характера, что её открывали лишь горстке людей на самом высоком уровне иллюминатов. Покойный Папа говорил, что нацисты пытались выполнить эту миссию в начале Второй мировой войны, но потерпели неудачу по неизвестной причине. Иллюминаты затем потратили последующие десятилетия, пытаясь понять, что пошло не так. Теперь, по убеждению Папы, иллюминаты решили свои проблемы и были готовы попытаться снова. На этот раз он опасался, что их план безупречен.

— И он обратился к своей Швейцарской гвардии, чтобы остановить их?

— Именно.

— Он оказал вам огромное доверие, не правда ли?

— Мы поклялись отдать жизни ради успеха этой миссии.

— Я хочу знать в точности, в чём состоит ваша миссия.

— Папа сказал нам, что знает точный день, когда иллюминаты нанесут свой последний удар. По его словам, это написано в центре картины Рафаэля.

Вернон увидел несколько маленьких римских цифр: XXX — IV — MMXII. Он быстро произвёл перевод: 30 — 4 — 2012. — Боже правый. Тридцатое апреля 2012 года.

Крюгер кивнул. — Через два дня.

Вернон стоял неподвижно, пытаясь осмыслить услышанное.

— Папа был убеждён, что знает, в чём состоит Тайная доктрина, — сказал Крюгер. — Он считал, что иллюминаты стали основателями гностицизма и что центральное убеждение гностиков — о злобности материального мира — является ключом к Тайной доктрине. Он полагал, что речь идёт о чём-то, далеко выходящем за рамки миссии по уничтожению Католической церкви. Он пришёл к выводу, что это не что иное, как план уничтожения самого мира. Он считал, что иллюминаты нашли оружие массового уничтожения такой мощи, что оно способно взорвать планету.

Вернон вспомнил «Судьбу каинитов». Всё, что говорил Крюгер, вписывалось. Это становилось по-настоящему страшным.

— Нужно понять: мои солдаты и я — люди веры, — сказал Крюгер. — Как и Папа, мы не верим, что какое-либо обычное рукотворное оружие способно уничтожить планету, но мы знаем из Библии, что есть оружие, описанное там, обладающее чудовищной, быть может, безграничной разрушительной силой.

— Ковчег Завета.

— Именно. Мы считаем, что иллюминаты потратили тысячелетия на поиски утраченного Ковчега и теперь нашли его. По нашему убеждению, они знают, как активировать его и высвободить разрушение в максимальном масштабе.

— Но несколько часов назад его взорвали у Белого дома. Кто-то использовал его для покушения на президента.

— О чём вы говорите?

— Я видел это в прямом эфире по телевизору.

Крюгер покачал головой. — Я ничего об этом не знаю, но что бы вы ни видели, это был не настоящий Ковчег. Соломон создал копию Ковчега и спрятал настоящий под Храмом, чтобы сохранить его. Поддельный Ковчег был похищен из Храма сыном Соломона — тот думал, что берёт настоящий, — и увезён в Шеву, нынешнюю Эфиопию.

— Допустим, вы правы. Где здесь место для Люси?

— Люси — уникальный человек, мистер Вернон.

— Не нужно мне этого говорить.

— Вы не понимаете. Мы провели самое детальное исследование происхождения Люси. Мы обнаружили нечто поразительное. Что бы вы ни думали, что знаете о ней, вы не имеете ни малейшего представления о том, кто такая Люси Галаган на самом деле.

Глава 41

Люси всегда считала часовню Святого Гая странным местом. Снаружи она выглядела на несколько сотен лет старше, но на самом деле древними были лишь алтарь и его окружение, датировавшиеся 1150 годом н.э. — когда тамплиеры построили часовню в своём традиционном круглом стиле. Когда тамплиеры впали в немилость, та же участь постигла и часовню. Местные фермеры растащили большую часть камня для возведения стен и хозяйственных построек на своих полях.

Согласно туристической брошюре, доступной в вестибюле часовни, некий анонимный благотворитель, питавший особый интерес к старинным тамплиерским церквям, восстановил её после Второй мировой войны. Он отстроил её в первоначальном стиле и выделил средства для долгосрочного смотрителя — которого сегодня нигде не было видно. Брошюра особо восхваляла прекрасные витражи с изображением Крёстного пути — наиболее знаковых эпизодов последних часов земной жизни Христа. Часовню никогда не использовали для религиозных служб: Католическая церковь отказалась её освятить из-за тамплиерских коннотаций, а в этой сельской местности в любом случае не нашлось бы достаточно жителей для прихода. Всё это было тщеславным проектом, бессмысленной прихотью в безлюдном месте. Туристы — единственные, кто когда-либо сюда заглядывал, причём большинство интересовалось исключительно наличием туалета.

Сержант Морсон выставил двух человек в охрану, а все остальные вошли внутрь. Солдаты рассыпались по деревянным скамьям — некоторые легли и вытянулись во весь рост. Люси было очевидно, что они намерены здесь задержаться.

Кардинала Синклера и полковника Гресника с закованными за спиной руками усадили на переднюю скамью слева от алтаря, а Люси — на скамью справа. Никаких ограничений на её передвижения введено не было. Сержант Морсон был с ней исключительно любезен. В несколько старомодной манере он предложил ей чашку чая, но она отказалась. К Синклеру он не проявлял никакой приветливости, глядя на него холодными глазами.

— Как там наш святой простак? — произнёс он. — Никакие молитвы теперь вас не спасут.

Синклер не ответил. Он просто смотрел на алтарь.

Морсон мрачно покосился на Гресника, но не заговорил с ним. Люси почувствовала, что между этими двумя мужчинами что-то происходит. Потому что оба американцы и оба военные? Или что-то расистское? Если её первоначальное подозрение

верно и Гресник — двойной агент, он хорошо справлялся со своей ролью. Она всё больше склонялась к тому, что ему можно доверять.

Ей позволили сходить в туалет, и, вернувшись, она обнаружила, что все сидят или лежат, пытаясь расслабиться. Она вернулась на свою скамью, недоумевая, почему никто не проявляет никаких признаков срочности. Разве мир не должен был вот-вот закончиться?

Оглядывая нарядную часовню с её причудливыми резными изображениями мифических существ, напоминавшими те, что были в часовне Росслин в Шотландии, она пыталась понять значение этого места. Ответ, по её прежнему убеждению, должен был крыться в Копье Лонгина.

В своей книге «Нечестивый Грааль: тайная ересь» одной из центральных тем было значение, которое катары и тамплиеры придавали Сокровищам Грааля. Она утверждала, что они были неотъемлемыми элементами самых священных церемоний еретиков. В прошлом, считала она, еретики владели всеми Сокровищами Грааля, но теряли их одно за другим по мере того, как усиливались католические преследования и у них заканчивались безопасные места для хранения своих реликвий.

А что, если миссия этих солдат из «Дельты» — заново отыскать утраченные Сокровища? Может, они думали, что у неё есть экспертные знания о том, где их найти. Это и была настоящая причина её похищения? Или же что-то иное. Может, им нужно было не только знание. Её интуиция? Каким-то образом ей удалось извлечь спрятанный меч в Тинтагеле — буквально вытащить его из камня, доказав, если верить старым легендам, что она законный предводитель. Но предводитель чего?

Крюгер предсказывал, что она сделает нечто, что развеет все сомнения в том, кто она есть. Оправдается ли это? Было ли всё предначертано? Заложено в её крови — в её святой крови? Каким-то образом она была связана с этими Сокровищами — так, что не могла постичь. Меч, найденный ею в пещере Мерлина, был не простым мечом. Едва коснувшись его, она поняла: это одно из Сокровищ Грааля, вероятно спрятанное там тамплиерами, пытавшимися укрыть свои самые драгоценные реликвии от инквизиции.

Копьё Судьбы было ещё более особенным, чем меч. Некоторые утверждали, что оно существует на земле с начала времён, переходя от одной могущественной династии к другой. По другому преданию, его выковал древнееврейский пророк Финеес, чтобы воплотить в нём силу Богоизбранного народа. Оно перешло к Моисею, который передал его своему брату Аарону. Затем оно передавалось по линии еврейских первосвященников — вплоть до Каиафы. В пятницу Распятия Иисуса храмовая стража под командованием своего капитана, державшего Копьё Судьбы, отправилась на гору Голгофу, чтобы переломить ноги Христу, висевшему на кресте.

По легенде, Лонгин расстроил их замысел, выхватив Копьё у капитана и пронзив им бок Иисуса. Затем Копьё перешло в римские руки и было использовано Плавтием — полководцем армии императора Клавдия, завоевавшей Британию. Столетия спустя император Константин нёс Копьё в своей победе над языческой армией у Мильвийского моста — битве, которая установила христианство в качестве официальной религии Римской империи. Когда вестгот Аларих разграбил Рим в 410 году н.э., он завладел Копьём, и оно перешло к его незаконнорождённому сыну Теодориху I. В 451 году вестготы и римляне объединили армии для сражения с Атилиой Гунном при Шалоне. Теодорих возглавил героическую кавалерийскую атаку, но, выронив Копьё, упал с коня и был затоптан насмерть. Несмотря на его гибель, союзники одержали победу — это сражение стало последней крупной военной операцией, когда-либо предпринятой Западной Римской империей.

Копьё вновь появилось в истории при решающей битве при Пуатье в 732 году н.э., когда франкский полководец Карл Мартелл остановил орды мусульман и спас Европу от покорения исламом. Спустя десятилетия оно стало одним из могущественнейших символов Священной Римской империи — его держали в руках великие императоры: Карл Великий, Оттон Великий и Фридрих Барбаросса. Наполеон, высокопоставленный масон и человек, положивший конец Священной Римской империи, попытался завладеть Копьём после своего блистательного триумфа при Аустерлице, но оно было намеренно спрятано от него — и некоторые говорили, что именно поэтому он в итоге потерпел поражение при Ватерлоо. Впоследствии и Гитлер, и генерал Паттон были одержимы им — оба были хорошо знакомы с легендой о том, что тот, кто владеет Копьём Судьбы, будет властелином мира.

Легенда гласила: если владелец Копья или его приближённые когда-либо потеряют его — это окажется для него роковым. Карл Великий, победивший в сорока семи битвах с Копьём, умер вскоре после того, как случайно уронил его. Барбаросса погиб в реке через несколько секунд после того, как Копьё выскользнуло у него из рук при переправе с армией. Два ворона, повсюду сопровождавшие его на протяжении многих лет, улетели незадолго до начала переправы — и он, по всей видимости, понял в тот момент, что живым реку не перейдёт. Через несколько минут после того, как американские солдаты нашли Копьё в Нюрнберге в конце Второй мировой войны, Гитлер покончил с собой в своём бункере в Берлине. Он не мог знать ничего о судьбе Копья — но Копьё так не работало. Оно знало само.

Люси всегда считала эти истории полной ерундой. Теперь она не была так уверена. Может, это правда — может, Сокровища Грааля содержали силу, способную создавать и рушить империи, управлять личной судьбой тех, кто осмеливался ими владеть. Она никогда не слышала ни одной легенды о том, что произойдёт, если все Сокровища Грааля будут собраны вместе. Может, они порождают силу, не имеющую прецедента в человеческом опыте. Достаточно, чтобы уничтожить мир?

Было ли Копьё Лонгина самым могущественным из всех Сокровищ Грааля? Одни называли его «Heilige Lance» — Священным Копьём — из-за его религиозных коннотаций. Другие — «Reichslanze», Имперским Копьём, потому что правители Священной Римской империи, Первого рейха, почитали его. Гитлер хотел сделать его самой священной реликвией Третьего рейха. Он верил, что оно — гарант его исторической судьбы, главный талисман завоевания мира. Если Люси правильно помнила, копьё, которого так домогался Гитлер, теперь находилось в музее в Вене — в точности на том же месте, откуда он забрал его в 1938 году.

Затем в голову пришла другая мысль. А что, если это копьё было поддельным? Что, если кто-то подменил его в какой-то момент его долгой истории? Возможно, истинное копьё из числа Сокровищ Грааля исчезло из истории, а на первый план вышла копия. Именно поэтому её привезли сюда? Ожидали ли они, что она найдёт то, что было утрачено давным-давно? Настоящее Копьё Судьбы?

Глава 42

Что бы Крюгер ни знал о Люси, Вернон не был уверен, что хочет это слышать. Он и так с трудом осмыслял, что женщина, которую он любил, оказалась в центре мировых событий. Он всегда считал её исключительной — и всё же она была обычным человеком. За пределами академической жизни она любила болтовню и сплетни, смотрела дешёвые телешоу, читала бульварные романы и не прочь была напиться.

— Люси — единственная ныне живущая наследница Серии, — сказал Крюгер.

— Кого?

— Серия был последним первосвященником Храма царя Соломона до его разрушения вавилонянами в 586 году до н.э.

Вернон уставился перед собой. Первосвященники и Храм царя Соломона? Бред какой-то.

— В Книге Исход ясно сказано, что Ковчег Завета работает должным образом только в присутствии первосвященника, — заявил Крюгер. — Первосвященники всегда происходили из определённой родословной — потомков Аарона, брата Моисея. Когда умерла мать Люси, она осталась последней представительницей этой священной крови.

— Я понятия не имел об этом, и я уверен, что Люси тоже не знала.

— У неё не было причин знать. Подобные вещи погребаются под слоями веков. Некоторые тайны слишком опасны.

— Разве первосвященниками не всегда были мужчины?

— У Ватикана есть документальное свидетельство того, что Аарон говорил: первосвященником может быть мужчина или женщина — при условии принадлежности к его крови. Именно Моисей настаивал на преемстве только по мужской линии.

— Правильно ли я понимаю? Дезертиры из «Дельты» думают, что Люси может управлять для них Ковчегом Завета?

Крюгер кивнул. — И разблокировав силу Ковчега, они рассчитывают уничтожить планету.

— Она никогда им не поможет.

— Папа был того же мнения. Он был уверен, что Люси перевернёт ситуацию и обратит силу Ковчега во благо человечества — ознаменовав золотой век, новый Эдем.

— Разве нет более простого способа гарантировать, что дезертирам из «Дельты» никогда не удастся задуманное? — Вернону было отвратительно произносить эти слова, но выбора не было. — Почему ваша миссия — не убить Люси?

— Именно это она и есть.

— Что? Я думал...

Крюгер повернулся к картинам Люси. — Папа был убеждён, что катастрофа неизбежна, если мы совершим безнравственный поступок — даже если цель состоит в спасении планеты. Нельзя творить зло, чтобы из него вышло добро, — он всегда настаивал на этом. На него глубоко повлиял роман Достоевского «Братья Карамазовы». Достоевский задаёт вопрос: если одно существо должно страдать — особенно невинный ребёнок, — оправдано ли Творение? Папа был мучим этим вопросом. В конечном счёте он решил, что страдание — неизбежная составляющая человеческого опыта, но мы должны избегать бессмысленного страдания, намеренного причинения боли. Вот послание Христа. Вот о чём заповеди. И прежде всего — лишение жизни без необходимости никогда не оправдано. Наша миссия состояла в том, чтобы найти Люси и защитить её от иллюминатов. Если бы мы потерпели неудачу, её смерть перестала бы быть ненужной и стала бы необходимой.

— Но почему вы не забрали её прямо в Ватикан? Сейчас она была бы вне всей этой истории.

— Всё не так просто. Если, как мы считаем, у иллюминатов есть настоящий Ковчег Завета — непредсказуемо, что произойдёт, если они попытаются заставить его работать на себя. Библия полна ужасающих историй о том, что случалось, когда люди вмешивались в дела Ковчега.

— Но разве вы только что не сказали, что Ковчег бесполезен, если рядом нет человека с нужной кровью?

— Я не говорил, что он ничего не сделает. Я говорил, что он не будет работать должным образом. Если иллюминаты вмешаются в дела Ковчега, они могут спровоцировать именно ту катастрофу, которую мы пытаемся предотвратить. — Море яростно лупило в иллюминаторы, и Крюгер нервно покосился на них. — Папа был убеждён, что иллюминаты уже пытались вмешаться в дела Ковчега. По его словам, это не совпадение, что природные катастрофы начались по всему миру в течение нескольких минут после первых сообщений о том, что Ковчег, возможно, был найден и похищен. Эфиопский Ковчег — подделка, но это не значит, что настоящий не был обнаружен.

— Вы серьёзно считаете, что всё, что происходит с миром, вызвано Ковчегом?

— А что ещё могло бы вызвать такие потрясения?

— Глобальное потепление? Солнечная активность? Космическое излучение?

— Не дайте провести себя учёным-атеистам. Они понятия не имеют, что происходит. Всё это далеко выходит за пределы их крошечного мирка фактов и логики. Сейчас время веры.

— Люси — своего рода приманка? Именно поэтому вы не забрали её в Рим?

— Я бы не назвал это приманкой, но не отрицаю, что хотим использовать Люси. Если быть точным — мы хотим, чтобы она привела нас к Ковчегу. Если нам удастся его вернуть, с иллюминатами будет покончено навсегда.

— Мне нет дела до всего этого. Я просто хочу найти Люси и вытащить её отсюда.

— С вашей помощью мы сможем достичь обеих целей.

— Вы действительно во всё это верите, не так ли?

— Это Последняя Схватка, мистер Вернон, — битва, которой всегда суждено было наступить: католики и евреи против иллюминатов. Люси — католичка, но по крови она еврейка. Её мать и все её предки по материнской линии были евреями. Живи она в нацистской Германии, её отправили бы в газовые камеры. Должен признать, Папа был потрясён, когда узнал, что Люси может быть связана с еврейскими первосвященниками. Каиафа — первосвященник во времена Иисуса и инициатор смерти Христа — отрицал, что Иисус Мессия, отверг христианство и преследовал первых христиан. Папа был настолько потрясён возможной связью Люси с такими людьми, как Каиафа, что направил одного из нас в Израиль для проверки всех генеалогических записей первосвященников. Он молился, чтобы мы не нашли связи, — но нашли.

— Значит, записка, которую он получил незадолго до смерти, содержала это подтверждение?

Крюгер кивнул.

— Но это же логично, не правда ли? Ковчег всегда был связан с евреями, а не с католицизмом.

— Тем не менее я понимаю опасения Папы. Воля Бога в том, что христианство сменило иудаизм. Христиане — новый Богоизбранный народ. Зачем возвращаться к евреям, отвергшим Христа? И всё же мы там, где мы есть. Иллюминаты — наши смертные враги, а не евреи.

— Если эти иллюминаты настолько злобны, почему Бог не уничтожит их? Он ведь не колебался, уничтожая Содом и Гоморру. Он чуть не утопил всё человечество в Потопе.

— Это наше третье и последнее испытание, мистер Вернон.

— Не понимаю.

— Первое испытание было в Эдемском саду, когда Адаму и Еве было велено не есть запретный плод. Конечно, они поели — первородный грех. Затем человечество стало настолько развращённым, что Бог едва не уничтожил его, пощадив только Ноя с семьёй. Теперь вот это. Третий удар. Почему Бог не должен уничтожить человечество? Иллюминаты поклоняются Люциферу. Если они возьмут верх, зачем Богу сдерживать

руку? Он, несомненно, положит конец этому фарсу раз и навсегда. Бог пощадит нас лишь в том случае, если мы остановим иллюминатов. В противном случае мы все погибнем — и иллюминаты, и все остальные.

— Но вы сказали мне, что Люцифер уже здесь, на земле. Разве это не означает, что иллюминаты победили? — Вернон указал на фреску Рафаэля. — Всё очевидно. Эта картина говорит нам, что мир заканчивается через несколько дней и нам следует готовиться к раю или аду. Можно и сдаться прямо сейчас.

— Надежда всегда есть, — сказал Крюгер. — Возможно, мы стоим на пороге чего-то чудесного.

— Что вы имеете в виду?

— Подумайте об этом. Мы можем воспользоваться этой ситуацией, чтобы совершить нечто способное навсегда искупить человечество — окончательно стереть первородный грех.

— Не понимаю.

— Мы можем использовать Ковчег, чтобы убить Люцифера.

Глава 43

Люси подняла голову и обнаружила, что Гресник смотрит на неё сверху вниз. Она обернулась, чтобы проверить, чем заняты солдаты. Никто из них не обращал на неё никакого внимания.

— Можно? — спросил он.

Она пожала плечами, подвинулась и позволила Греснику сесть рядом на деревянную скамью. Руки у него по-прежнему были скованы за спиной.

— Я думала, что вы один из них, — сказала она. — Ну, вы же в форме и вы американец.

— Я говорил вам: я прилетел с Джеймсом.

Люси опустила голову. — Я видела его у обломков вертолёт. Не могла поверить своим глазам. Мы с Джеймсом...

— Он был ранен? Я не видел, что там произошло. Понятия не имею, кто выжил. Там был хаос.

— Я толком не разглядела. Было очень темно.

— Вы видели, что на нас напало? Нас подбили из РПГ? Всё вышло из-под контроля. Будто ночь ожила.

Люси беспокойно пошевелилась. — Тёмный силуэт окутал ваш вертолёт. Слышался какой-то странный трепещущий звук. Я уверена, что в вас не стреляли.

— Я так и думал. — Гресник постучал ногой по полу. — Не могу понять, что произошло.

— Что вы делали с Джеймсом?

— Наша задача состояла в том, чтобы найти вас и доставить обратно в Лондон. В безопасность.

Безопасность? Это понятие казалось теперь Люси таким странным. — Полагаю, сначала вы заехали в монастырь в Гластонбери.

— Да. — Гресник начал ёрзать. — Если не возражаете, что я скажу — вы куда разумнее, чем я ожидал.

Люси повернулась к нему лицом. Её удивило, насколько он красив, — и ещё больше удивило то, что она вообще об этом думает. Это было неуместно по всем параметрам. — Значит, вы думали, что я буду сумасшедшей? — Она почти улыбнулась. — После всего, что случилось за последние несколько часов, мне следовало бы сойти с ума больше

прежнего. Странность в том, что я ощущаю себя более собранной, чем когда-либо в жизни. Иногда мне не кажется, что я это я. Будто внутри меня кто-то другой — намного сильнее, чем я когда-либо была; кто-то, кто знает то, чего никогда не знала я.

Гресник поднял брови.

— Сумасшедшая, да? Звучит странно, я знаю, но это правда.

— Я не сомневаюсь в вас, Люси. Мы пришли вас найти, потому что слышали о вас — невероятные вещи. — Он понизил голос. — Вчера сержант Морсон находился у нас под стражей в Лондоне. Он сказал нам, что вы самый особенный человек в мире.

Внутри Люси всё опустилось. Со всех сторон она продолжала слышать одно и то же. Неужели Избранные должны сами в это верить? Если она не убеждена в своей исключительности, почему в неё должен верить кто-то другой? Она не собиралась садиться на осла и въезжать в Иерусалим. Никто не будет устилать ей путь пальмовыми ветвями. Что бы кто ни говорил, она не Мессия.

Кое-что в словах Гресника не сходилось. — Значит, вы привезли сержанта Морсона с собой из Лондона? Он сбежал с вашего вертолёта?

— Сержант Морсон вырвался из наших камер в Лондоне. Не могу объяснить, как он это сделал. С ним был коллега, страдавший от ужасающих радиационных ожогов. Тот тоже сбежал. С ним что-то странное происходило — какое-то преображение.

— Что вы имеете в виду?

— Честно говоря, не знаю. Что бы это ни было, это ненормально.

Люси кивнула. Это было справедливо практически в отношении всего, что происходило в последнее время.

— Послушайте, — сказал Гресник, — я уверен, что за последние несколько часов вы узнали много важного. Я тоже. Нам нужно сравнить заметки, попытаться составить общую картину. Нравится вам это или нет, вы — ключ ко всему, что происходит. Нам нужно понять, как и почему. От этого может зависеть всё.

— Каков был ваш приказ, если вы не смогли бы меня спасти?

Гресник не смог выдержать её взгляд. — Думаю, вам стоит кое-что знать, — сказал он после долгой паузы. — Джеймс Вернон сказал мне, что в случае необходимости был готов вас убить.

Глава 44

Убить Люцифера? Вернон покачал головой. Это было столь же абсурдно, как попытка убить Бога. — Я просто хочу найти Люси, и всё. — Он старался не звучать слишком скептически. Поднявшись с места, он прошёл к задней стене, чтобы взглянуть на картины Люси. — Вы уклонились от прямого ответа. Вы вовсе не собирались вывозить Люси из страны, не так ли?

— Так или иначе, всё решится здесь, в Англии, — ответил Крюгер. — Мой брат считал, что ключ — это Гластонбери, именно там Иосиф Аримафейский спрятал Святой Грааль. По его убеждению, не случайно Люси жила в монастыре в Гластонбери.

— Мы возвращаемся в Гластонбери?

— Корабль идёт в Бристоль. Мой брат всегда полагал, что нас могут преследовать. Его план состоял в том, чтобы совершить морской переход и застать врагов врасплох — это гарантировало бы, что за нами никто не последует. В Бристоле нас ждёт свежий транспорт, а оттуда до Гластонбери недалеко. Если у вас нет других идей — мы направляемся туда.

Вернон отвернулся. Я был таким тупым. Если Люси и вправду всё то, чем её считают, её жизнь неразрывно связана со Святым Граалем. Может, Гресник был прав, и

Святой Грааль действительно спрятан в монастыре Люси. Ему следовало сразу сообразить, что Люси оказалась в Гластонбери не случайно. Она была одержима этим местом и тащила его туда куда чаще, чем было разумно. Городок был красивым, но страдал тяжёлой болезнью — перегрузкой туристами.

Все последователи нью-эйдж были убеждены, что Гластонбери — легендарный остров Авалон, Яблочный остров, куда после последней битвы перевезли смертельно раненого короля Артура. Известно, что когда-то земли вокруг Гластонбери были затоплены водами Бристольского залива, а значит, возвышенность вполне могла стоять как остров посреди огромного озера в те далёкие времена.

Он обернулся и пригляделся к фреске Рафаэля. Что-то было не так.

— Мы не можем ехать в Гластонбери. Американцы везут Люси не туда. — Он подошёл к изображению и указал на панели с артуровскими сценами. — Смотрите: мы только что были в Тинтагеле, где был зачат король Артур. Следующая панель показывает битву при Камланне, где Мордред смертельно ранил Артура.

— Разве Люси не считала, что Камланн находился близ Тинтагеля? — спросил Крюгер. — Кажется, она писала об этом в книге.

— Нет, Слотер-Бридж был одним из возможных мест Камланна, но Люси была убеждена, что настоящее место — где-то ещё.

— Где?

Вернон указал на картину, но потом рука опустилась.

— Простите, не помню.

Глава 45

Люси встала. — Я хочу побыть одна. — Она отошла от Гресника, потрясённая его словами. Невозможно, чтобы Джеймс был готов её убить. На всём белом свете не было человека, менее способного причинить ей вред. Зачем Гресник солгал?

Она зашла в туалет и плеснула водой себе в лицо. Глядя на своё отражение в маленьком зеркале, она с трудом узнавала себя. В монастыре зеркал почти не было. Она ненавидела своё отражение. Видеть своё лицо — значит видеть, что жизнь с ней сделала.

Когда она вышла из туалета, у двери ждал сержант Морсон.

— Идёмте. — Он вывел её из часовни и провёл небольшой прогулкой к смотровой площадке на краю кургана. Оттуда открывался ясный вид на протекающую рядом реку Кам, окрашенную в красный цвет небом.

— Всё проходит, — сказал он. — Вы можете представить себе короля Артура, сражающегося там внизу на илистых берегах реки с Экскалибуром в руке? В тот день река, должно быть, текла красной от крови.

Пока Морсон говорил, начал падать снег. Люси представила Артура и его сияющих рыцарей, до последнего рубящих мечами в ослепительной метели, пока враги смыкались вокруг. Снежинки были поразительно белыми на фоне глубокого красного неба.

— Красиво, — заметил Морсон. — Никто не может упрекнуть Сатану в отсутствии эстетического чувства. Он величайший из художников — как вы думаете? Никто не умеет манипулировать красотой так, как Сатана. Его понимание человеческой природы непревзойдённо. Все наши слабости обнажены перед ним. Он знает, на какие кнопки нажимать. Вот почему он имеет над нами такую власть.

Люси вдруг поняла, с кем имеет дело. Люди, говорящие о Сатане в таком ключе, могут быть только одним. — Вы гностики, не так ли?

Морсон улыбнулся. — Вы тоже, Люси. Вы просто ещё не осознаёте этого.

— Я ни во что такое не верю. Я имею в виду: все остальные говорят, что Люцифер и Сатана — одно лицо, но для вас, гностиков, Люцифер — одна из самых почитаемых фигур, а Сатана — ваш злейший враг. Сатана — это Яхве, Создатель, Аллах, Бог, Rex Mundi, Демиург или как вы его ещё называете.

Морсон фыркнул. — Как Люцифер может быть Сатаной? Люцифер — Ангел Света, стоящий по правую руку Истинного Бога. Сатана — чудовище, попытавшееся узурпировать Истинного Бога. Его изгнали с небес, и в отместку он создал этот мир материи — сам ад. В Библии написано, что на сотворение ада ушло шесть дней, а на седьмой день Сатана отдыхал, довольный мерзостью, которую возвёл. Как кто-то может поклоняться этому чудовищу? Как можно спутать его с Люцифером? История человечества полна извращений, но это сравнение — самое чудовищное из всех.

— Вы собираетесь убить меня? Всё это ведёт к какому-то жертвоприношению, не так ли? Я — агнец, ведомый на заклание?

— Вы продолжаете путать нас с нашими врагами, Люси. Жертвоприношение — животное или человеческое — отвратительно нам, но не Сатане, которого вы называете Яхве. Ему всегда были нужны кровь и ужас. Все мы выучили историю Каина и Авеля наизусть, чтобы ни на мгновение не забывать о тошнотворной жестокости Яхве.

Морсон устремил взгляд на падающий снег и процитировал отрывок из Библии: «И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принёс от плодов земли дар Господу. И Абель также принёс от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его».

— Вы разве не понимаете? — сказал Морсон. — Каин был вегетарианцем, который принёс Создателю фрукты и овощи, выращенные собственным умом и трудом. Но Создателю было противно такое. Ему нужны были жертвенная кровь и мясо, которые принёс Абель. Именно в этом роковом предпочтении, даже самый слепой человек должен был бы разглядеть правду. Каин нежен, он земледелец, его мысли обращены к Истинному Богу. Абель — кровожадный дикарь, убийца-охотник, пожирающий плоть и упивающийся резнёй. Кто может сомневаться, что Бог, которому поклонялся Абель, — это Сатана?

— Но Каин убил Авеля.

— Это была самооборона. Когда Абель увидел, как презрительно относится к Каину Яхве, он воспринял это как знак, что ещё лучшей жертвой Яхве будет сам Каин. Он выслеживал Каина, как ежедневную добычу на охоте, и напал на него в небольшой роще. Каину удалось одолеть его и использовать против него его же оружие. Никакого убийства не было совершено. Единственным, у кого было убийство на уме, был Абель — возлюбленный Яхве.

Люси не знала, как реагировать. В истории была пугающая логика. Её всегда смущала история Каина и Авеля. Почему Бог презирал плоды земли? Почему предпочитал жертву животных? Это подавалось как простой факт, не требующий никаких объяснений. Но разве не ужасно, что Богу нужна была смерть, а не жизнь, чтобы его чтить? Во имя Бога на протяжении веков были преданы мечу сотни миллионов людей. Разве возвеличивание Богом Авеля и презрение к Каину не показывает, что именно это и было Богу угодно? Надменный, жестокий, кровожадный, гневный и мстительный Бог? Это очень похоже на описание Сатаны.

Когда мусульманские террористы устроили самую жестокую и изощрённую бойню тысяч американцев, был ли этот акт совершён во имя Бога любви и сострадания? Или «Аллах» тех угонщиков — это существо, упивающееся человеческими жертвами, купающееся в крови и торжествующее от умножения боли и горя? Не Аллах — Сатана.

Инквизиция, бесчисленные погромы евреев, крестовые походы, резня, учинённая мусульманами и индуистами в Индии, захват школы в Беслане, захват театра в Москве, распятия, мученичество, обезглавливания, сожжения ведьм, истребление еретиков — бесконечные смерти, освящение резни... — всё это совершалось во имя Бога или Сатаны?

— Вы понятия не имеете, насколько вы особенная, не правда ли? — сказал Морсон.
— Вы — последний человек в мире, кому мы причинили бы вред. Все мы поклялись защищать вас. Мы умрём за вас.

Вокруг Люси кружились снежинки. — Перестаньте. Это звучит безумно. Вы похитили меня — вот правда.

— Люси, не важно, что вы не осознаёте, насколько вы исключительны. Я даже рад этому. Представьте, каким невыносимым человеком вы бы стали, если бы считали себя Мессией. Уверяю вас — последнее, что нужно миру, это второй Иисус Христос.

— Скажите мне, зачем я вам нужна.

— Всему своё время, Люси. Вы считаете, что мы вас похитили. К тому моменту, когда всё закончится, вы поймёте, что вы — наш путеводный свет. Вы пока не видите чёткого пути, но увидите, и тогда осознаете, что мы взяли вас под стражу лишь ради вашей же защиты. Есть те, кто желает вам только зла. Они убьют вас без колебаний, если представится возможность. Те солдаты, с которыми вы были раньше, — они хотели убить вас. После небольшого давления ваш драгоценный кардинал Синклер рассказал нам, что это швейцарская гвардия и у них был приказ вас уничтожить. Не слишком-то добрые благодетели. Теперь мы ваша семья, Люси. Вы — одна из нас. Вы всегда были ею.

— Прекратите говорить загадками.

— Было бы неправильно обременять вас знанием того, что вам предстоит. Но, когда придёт время, я уверен, вы будете точно знать, что делать. Будущее человечества — в ваших руках.

Люси резко отвернулась от него, глубоко вдохнув. Тонкий слой снега теперь покрывал плато, но всё было окрашено красным — будто мир смотришь через кровавую призму. Даже её белый зимний комбинезон выглядел так, словно на него распылили тонкую плёнку крови.

— А вы никогда не задумывались о своём имени, Люси? Имена имеют решающее значение. Возьмём моё — Самюэль Морсон. Разумеется, Самюэль вряд ли моё настоящее имя. Что гностику делать с популярным еврейским именем? Но мы играли в эту игру, стараясь не привлекать излишнего внимания. Моё гностическое имя — Саммаэль, одно из имён Ангела Смерти. Что касается «Морсон» — это означает «сын Морса». Морс был римским богом смерти.

Люси взглянула на лицо Морсона — лицо бывшего солдата. Он, должно быть, многое повидал и смотрел смерти в глаза слишком часто. У него были глаза человека, взгляд которого, казалось, всегда устремлён вдаль.

— В вашем имени много смерти, не правда ли? — сказала она. — Странно для последователя Каина, учитывая всё, что вы сейчас говорили.

— Смерть в моём имени относится к совершенно иному роду смерти: к смерти славной, желанной — той, что освободит весь человеческий род.

— Не понимаю.

Морсон усмехнулся. — Что вы думаете о Иешуа бен Йосефе?

— Кто это?

— Разве не странно, что так мало людей знают настоящее имя Бога, которому якобы поклоняются? Иешуа бен Йосеф — настоящее имя Иисуса Христа. «Иисус» — просто греко-латинская версия еврейского имени Иешуа. Само Иешуа означает «Яхве — Спасение» — нет имени более отвратительного для гностика. А «бен Йосеф» означает

«сын Йосефа» — Иосифа. Таким образом, Иисус Христос — это просто «Иешуа, сын Иосифа». Иешуа для друзей. — Он ухмыльнулся и прочертил улыбку в снегу носком сапога.

— Как долго, по-вашему, просуществовало бы христианство, если бы каждого христианина обязали называть Иисуса его настоящим именем? Много ли христиан преклонили бы колени перед Иешуа бен Йосефом? В течение нескольких часов христианство рассыпалось бы в прах. Только придав еврею греко-латинское имя, язычники смогли поклоняться еврею. Целая религия, основанная на вымышленном имени. Почти смешно, не правда ли?

Люси вспомнила о часах, проведённых в церкви, о молитвах, исповедях, о поиске отпущения грехов. Всё — во имя Иешуа бен Йосефа? Морсон был прав. Это звучало странно, неправильно. Означало ли это, что она антисемитка? Может, в глубине души, как ни ужасала её эта мысль, именно такой она и была. Когда ей было плохо или страшно, она нередко говорила «Иисус». С именем «Иешуа» это не работало бы.

— Возьмём само слово «христианство», — продолжал Морсон. — Слово странное. «Христос» происходит от латинского Christus, что восходит к греческому Kristos — «помазанник». А это греческий перевод еврейского слова «машиах». От «машиах» мы получаем «Мессию». Значит, христианство — религия поклонников Помазанника, последователей Мессии. Но «Иешуа Христос» или «Иешуа Машиах» звучит не так, не правда ли? Это не то. Никто не захотел бы быть христианином такого рода. Может, люди предпочли бы поклоняться новому Мессии — вам, например?

Люси смотрела на реку Кам в красноватом свете, текущую на север. Может, ей следовало засмеяться над предположением Морсона, но она не засмеялась. — У меня тоже нет подходящего имени. В имени Люси Галаган нет ничего особенного.

— Вы и правда не догадываетесь, не так ли?

— Я в самом конце пищевой цепочки. Никто ничего мне не говорит.

— Лусу происходит от lux — латинского слова, означающего «свет». — Глаза Морсона блеснули. — Вас называли Люси не случайно. Лишь свет способен победить тьму. — Он притоптал снег. — Я люблю снег. Он обновляет мир, временно стирает уродство. Воздух становится свежее.

— Но снег превращается в слякоть, — сказала Люси. — Моё имя — просто случайность. Отцу оно нравилось, вот и всё.

— Случайностей не бывает. Вас никогда не удивляло, что ваша фамилия так похожа на имя одного из рыцарей, нашедших Грааль?

— Галахад?

— Он нашёл Святой Грааль — и вы его найдёте тоже.

— Говорю вам, это чистое совпадение — насчёт имени.

— В самом деле? Вашу мать звали Перивейл, верно? Перивейл — искажённое Парсифаль, ещё один из трёх рыцарей, нашедших Грааль.

Люси почувствовала, как кровь прилила к лицу. Ей никогда прежде это не приходило в голову. Перивейл и Галаган. Как эти имена могут быть случайными? Был ещё только один рыцарь, нашедший Грааль, — Борс, самый обычный из трёх. Может, Морсон был прав. Может, её судьба — стать своего рода женской версией Борса. Обычная женщина, которой суждено найти Грааль и которая носит имена двух самых знаменитых его искателей — Галахада и Парсифаля.

— Откуда вы так много знаете обо мне? — спросила она.

— В вашей жизни нет ничего случайного. Не случайно, кем были ваши родители и какими именами их звали. Мы следили за вашей жизнью с самого момента вашего рождения. Всё, что вы когда-либо делали, нам известно.

Голова Люси пульсировала. У неё было ощущение, что её жизнь крадут. Другие знают о ней больше, чем она сама. Если эти люди всё время наблюдали за ней, почему они не наблюдали, когда её отец прыгнул со скалы? Почему не помогли? Почему не остановили? Почему не заметили рак матери? Велика ценность такой слежки. Уж точно — никакой помощи.

— Лишь одно имя столь же особенное, как ваше, Люси. Имя моего бывшего капитана — Луций, мужской эквивалент Люси.

Люси начала дрожать. У неё возникло предчувствие. Они собираются поставить её рядом с этим Луцием, не так ли? Брак? В этой часовне? Самый нечестивый из всех союзов.

Глава 46

Вернон стоял на носовой палубе и смотрел в море. Крюгер посоветовал ему выйти подышать и попытаться привести мысли в порядок. Корабль был чем-то вроде прогулочного крейсера, выкрашенного в серый цвет. Крюгер в шутку называл его «флотом Ватикана».

Над Бристольским заливом опускался туман, и почти ничего не было видно. Корабль был вынужден резко сбросить скорость. Люди Крюгера все спали в одном из салонов, где некогда, должно быть, смеялись и переговаривались туристы, направлявшиеся к какой-нибудь живописной достопримечательности.

«Иди на звук орудий» — гласила старая военная максима. Здесь же они делали обратное — уходили всё дальше от Люси. Вернон считал это абсурдом. Он сунул руку в карман, вытащил мобильный телефон и уставился на экран. Сети нет. Вся сеть, вероятно, лежала. Инфраструктура страны к этому времени, должно быть, разваливалась. Кончается топливо, автострады забиты брошенными машинами, поезда стоят. Все прежние устои, все удобства цивилизации, всё то, что так долго принималось как должное, — всё кончено.

— У нас есть спутниковый телефон, — произнёс голос.

Вернон резко обернулся и увидел Крюгера — бледного и измотанного. В этом тусклом свете всё выглядело каким-то потрёпанным. Угасающий мир. Всё медленно, по кусочку, соскальзывает в небытие.

— Несколько минут назад я говорил с Ватиканом, — сказал Крюгер. — Конклав зашёл в тупик. Нового Папы не видно. Как он нужен нам в этот час. Для человечества сейчас почти полночь. — Он прижал руку ко лбу. — То, что происходит там снаружи... невозможно вынести.

— Что вы имеете в виду?

— Все вулканы вокруг Индонезии — так называемое Огненное кольцо — проснулись. Облака пепла раскались докрасна и слились в одну огромную огненную пепловую формацию площадью в тысячи квадратных миль. Никто под ней выжить не мог. Спасательные службы не могут приблизиться. — Он склонил голову. — Бедные люди.

По выражению лица Крюгера было ясно, что это ещё не всё.

— На этот раз Америку тоже не пощадили, — продолжал он. — Случилось то, чего они боялись больше всего. Двенадцать ураганов пятой категории слились в суперураган — мощнее всего, что когда-либо видела Земля. Он прошёлся по южным штатам США и по всей Центральной Америке. Всё, что оказалось на его пути, было уничтожено. Говорят о десятках миллионов погибших. На Канарских островах после извержения вулкана на острове Ла-Пальма в море обрушился огромный кусок суши, спровоцировав мегацунами. Оно породило волну высотой более пятидесяти метров, которая пересекла Атлантику и

опустошила Карибский бассейн и большую часть юго-восточного побережья Америки. По всему миру — голод, засухи и болезни. Будто Всадники Апокалипсиса явились лично.

Вернон не знал, что сказать. Слова стали бессмысленными.

— Провожу вас к спутниковому телефону, — устало сказал Крюгер и повёл его на мостик, где стояла специальная кабина со спутниковым телефоном и сопутствующей антенной. Крюгер развернулся и ушёл, ссутулившись.

Вернону было не по себе. Всё уже давно перешагнуло критическую черту. Что бы теперь ни произошло, мир никогда не будет прежним. Учитывая масштабы природных катастроф, вероятно, погибли сотни миллионов. Может, уже миллиарды. Те, кто выжил в отдалённых местах, не получают никакой помощи. Через несколько дней они тоже умрут. Долгая, мучительная смерть. Неудивительно, что небо кроваво-красное. Оно отражает масштаб человеческой агонии.

Он набрал номер командора Харрингтона, не рассчитывая на связь. Туман был плотнее, чем когда-либо, а атмосферные условия и так несколько дней были никудышными. Он был удивлён, когда сразу дозвонился по достаточно чистой линии. Голос Харрингтона звучал устало, без обычной чёткости.

Первые несколько минут Вернон объяснял положение дел в миссии: потеря вертолёта, Люси теперь в руках дезертиров из «Дельты». Харрингтон, казалось, почти не слушал. По его тону было понятно, что он считает всё это пустой тратой времени.

— У нас здесь плохо, — сказал Харрингтон. — Топливо не поступает. Ни один нефтяной танкер не добрался до Великобритании. Газопроводы с континента отрезаны. Мы стремительно расходуем аварийные резервы страны. Через два дня мы не сможем снабжать жилые дома электричеством и газом. Ожидаем хаоса. — В его голосе было столько усталости. — Дерьмо творится по всей планете. Везде. Число погибших продолжает расти. Учёные по-прежнему не могут согласовать никаких действий. Мир сейчас в отчаянии. Как бы то ни было, директор требует, чтобы вы продолжали.

Вернон потёр голову. «Хвататься за соломинку» — вот что приходило в голову. Сомнений не было — на этом задании происходят невероятно странные вещи. Но могут ли они быть связаны с опустошением по всему миру? Крюгер утверждал, что Люцифер ходит по земле. В Средние века никаких дополнительных объяснений не потребовалось бы. Сейчас, в эпоху науки, поверить в это было слишком сложно. Несмотря на свидетельства собственных глаз, разум Вернона не желал принимать это.

— У меня есть кое-какие сведения по делу, — сказал Харрингтон. — Не знаю, насколько они окажутся вам полезны, но вы должны знать всё, что есть у нас.

Вернон был потрясён тем, что Харрингтон сказал дальше. — Уточните, командор, — произнёс он. — Все эти парни из «Дельты» — дети из пробирки? Как это вообще понять?

Это открытие выбило его из колеи. Оно наводило на мысль о чём-то холодном, клиническом, почти нечеловеческом. Будто весь этот отряд «Дельты» был спланирован безумными учёными давным-давно.

— Мне сказали, что технологии экстракорпорального оплодотворения позволяют легко выбирать пол ребёнка, — сказал Харрингтон. — Полагаю, это объясняет, как их родители позаботились о том, чтобы не было дочерей.

— Но почему жёны соглашались? Почему не хотели иметь девочек?

— Мы не можем ставить себя на место таких людей.

Харрингтон передал новые данные разведывательного управления о членах пятого отдела. По всей видимости, каждый из них сколотил огромное состояние. Предположение состояло в том, что им удалось присвоить долю нацистских награбленных ценностей. Несколько из них стали крупными промышленниками с

особым интересом к горнодобывающим операциям. Один из объектов их работы находился на острове Оук-Айленд в Новой Шотландии. Горнодобывающие интересы были также вблизи часовни Росслин в Шотландии и в Таре в Ирландии, но главный интерес сосредотачивался в окрестностях Гластонбери. Во всех случаях у них была лицензия на разведку драгоценных металлов, особенно золота. В их штате состояли многие лучшие в мире ювелиры, но ни один из них не был готов сообщить разведывательному управлению, над чем работал. «Произведения искусства религиозного характера для состоятельных клиентов» — вот всё, что они соглашались сказать.

— Пока мы разбирали беспорядок в архивном отделе, — продолжал Харрингтон, — мы обнаружили дополнительные записи 1945 года о допросе штурмбаннфюрера СС Фридриха Фельдта, автора «Судьбы каинитов». На его допросе произошло куда больше, чем было записано в официальном отчёте. Фельдт держался вполне бодро — до тех пор, пока ему не сообщили о самоубийстве Гиммлера. Он потребовал узнать его последние слова. Ему сообщили, что Гиммлер нёс какой-то бред по-английски с акцентом: «Всё подделки», — сказал Гиммлер. — «Настоящие потеряны навсегда. Всё кончено».

— Что было поддельным? — спросил Вернон.

— Никто не знает. Но настроение Фельдта, по всей видимости, сразу изменилось. Он впал в глубокую депрессию. Попросив стакан воды, он осведомился о судьбе некоего своего коллеги — штурмбаннфюрера СС Ганса Лемана. Когда ему сообщили, что Леман мёртв, Фельдт пережил что-то вроде припадка. Он сказал что-то о том, что он последний из жрецов. Если он умрёт, «Тайная доктрина» будет утрачена навсегда.

— Мы выяснили, что он не покончил с собой. Напротив, он отчаянно хотел жить. Двое еврейских офицеров насильно вложили ему в рот капсулу с цианидом и убили его. Все уже видели жуткую кинохронику из концентрационных лагерей Дахау и Бельзен, поэтому еврейских офицеров никто не осудил. Всё было замято и подано как самоубийство.

— Управление обнаружило ещё кое-что. Человек, о котором спрашивал Фельдт, — штурмбаннфюрер СС Леман — был одним из нацистских чиновников, ответственных за хранение награбленного в Нюрнберге. Он вовсе не был мёртв. Выяснилось, что именно он был чаще всего допрашиваем людьми пятого отдела. Фактически они проводили с ним почти всё своё время. Он умер десять лет назад — в Великобритании. И вот что важно: незадолго до смерти он руководил переоборудованием монастыря в психиатрическую лечебницу: «Богоматерь Неустанной Помощи» в Гластонбери.

Глава 47

Вернувшись в часовню, Люси страдала от сильной головной боли. Она не хотела просить аспирина — проявлять слабость перед Морсоном. Зачем всё это ожидание? Иногда ей казалось, что она находится в тёмной комнате, ожидая, пока проявится фотография — фотография её собственной жизни.

Где же капитан, этот Луций, которого упомянул Морсон? Имя могло быть распространённым в римские времена, но она никогда в жизни не встречала ни одного Луция. Его они и ждут?

Полковника Гресника нигде не было видно. Кардинал Синклер не произнёс ни слова уже несколько часов. Он просто сидел, неотрывно глядя на алтарь — словно ожидал, что тот распахнётся и сонм ангелов Господних явится его спасти.

Морсон тронул Люси за плечо и провёл её в небольшую боковую комнату. В углу на пластиковом стуле сидел полковник Гресник. На одной из стен висела большая картина в раме — масло: Лонгин, пронзающий бок Иисуса Копьём Судьбы.

— Итак, Люси, полагаю, вас ещё толком не познакомили с полковником Гресником, — сказал Морсон. — Он работает на Разведывательное управление обороны США. Он приехал сюда, чтобы взаимодействовать с вашим бывшим возлюбленным из МИ-5. Они хотели понять, почему мы дезертировали из «Дельты». И прежде всего — почему нас так интересуете вы и Святой Грааль. Но вы знаете ответы, Люси, не так ли?

— Думаю, вы собираете все четыре Сокровища Грааля, — сказала Люси. — И намерены использовать их в особой церемонии.

Морсон улыбнулся. — Кто знает — может, вы в самую точку. — Он повернулся к Греснику. — Подумал, что полковнику будет интересно послушать наш маленький разговор. Кто знает — может, он поделится с нами частью своих знаний. Насколько я могу судить, мистер Гресник изучал мою организацию довольно долгое время.

— Что за организацию? — спросила Люси, но ответа не получила.

— Ну что ж, у нас немало времени до наступления ночи, — сказал Морсон. — Именно тогда всё начнётся. — Он взглянул на картину с изображением Лонгина. — Пока ждём, я хотел бы рассказать вам одну историю. — Найдя пластиковые стулья для Люси и для себя, он хрустнул пальцами и начал.

— В северных предгорьях Пиренеев, в Лангедоке, во Франции, есть особая гора — почти четыре тысячи футов в высоту, с которой открываются захватывающие виды. В прошлом году я поднялся на крепость на её вершине. Гора называется Монсегюр — «Надёжная гора», — но весной 1243 года она была чем угодно, только не надёжной. Именно здесь катары стояли насмерть против католических крестоносцев. Десять тысяч солдат осаждали твердыню, но, несмотря на то что защитников насчитывалось лишь несколько сотен, осада продолжалась десять месяцев — из-за неприступности местности. Крестоносцам было невозможно полностью окружить гору и отрезать катаров от снабжения. В рядах катаров было несколько опытных альпинистов, способных приходить и уходить из крепости, спускаясь по отвесной скальной стене с одной стороны замка и легко уклоняясь от осаждающих.

В конце осады произошли три странных случая. Когда защитники наконец осознали безнадежность своего положения, они вступили в переговоры с крестоносцами и получили необычайно выгодные условия. Все наёмники, нанятые катарами, должны были быть освобождены, а сами катары прощены при условии отречения от ереси. Любой еретик, отказавшийся, должен был понести обычное наказание — сожжение на костре. Защитники попросили две недели на обдумывание условий. Похоже, они пытались выиграть время, чтобы провести последнюю особую церемонию внутри Монсегюра — в ночь перед официальной капитуляцией. Некоторые утверждали, что особой датой было весеннее равноденствие — 14 марта 1244 года.

Записей о том, что произошло в ту ночь, какой была церемония, не существует. Известно лишь, что многие наёмники, которым на следующий день позволили бы уйти свободными, вместо этого приняли катаризм, зная, что их ожидает верная смерть.

На следующий день, 15 марта, более двухсот мужчин и женщин, отказавшихся отречься от катарской веры, были уведены вниз по горе к загону, сооружённому в поле. Их привязали к столбам и сожгли заживо всех вместе. Это место до сих пор известно как «Поле Сожжённых».

Но случай, лежащий в основе тайны катаров, связан с тем, что сделали четыре члена гарнизона сразу после окончания священной церемонии. Эти четверо были

лучшими скалолазами катаров. У них было особое задание — именно оно и окутало катаров тайной, не рассеявшейся по сей день.

У катаров предположительно было великое сокровище, которое они хотели любой ценой уберечь от рук крестоносцев. Это сокровище — каким бы оно ни было — было почему-то необходимо для церемонии весеннего равноденствия и должно было оставаться внутри крепости до этой даты — несмотря на риск попасть в руки врага. Когда церемония завершилась, элитные скалолазы-катары смогли вынести сокровище за несколько часов до официальной капитуляции. Крестоносцы не нашли никаких следов сокровища, и никто из гарнизона не проронил о нём ни слова даже под пытками.

По сей день существуют самые причудливые версии о том, что представляло собой таинственное сокровище. Одни утверждают, что это был чудодейственный эликсир, продлевающий жизнь и обладающий особыми целебными свойствами — нечто вроде философского камня, только в буквальном, а не метафорическом смысле. Но, будучи гностической сектой, катары ненавидели материальный мир, так что им вряд ли было нужно что-то, продлевающее их пребывание в этом аду. По той же причине они не стремились бы излечиться от смертельной болезни. Их стремление состояло в том, чтобы достичь Гнозиса и умереть как можно скорее, чтобы напрямую попасть в рай. Вот почему столь многие из них добровольно шли на костёр, хотя вполне могли бы жить.

Другие утверждали, что у катаров было в распоряжении тело Иисуса Христа — доказательство того, что он не умер на кресте и не воскрес. Якобы Католическая церковь настолько боялась разглашения этой тайны, что пошла на все тяжкие ради уничтожения катаров. Эта версия абсурдна по всем статьям. Как кто-то мог в те времена надеяться доказать, что скелет принадлежит Иисусу? Более того, одним из центральных убеждений катаров было то, что у Иисуса Христа не было физического тела — как же у них мог быть его скелет? Вот насколько легко ввести людей в заблуждение относительно катаров.

Многие говорили, что Сокровищем катаров был сам Святой Грааль, — но зачем антиматериалистам ценить материальный предмет? Это нелепо. Их сокровищем также не могли быть золото, драгоценные камни или иное материальное богатство.

— Так вы знаете, что это было? — спросил Гресник.

— Разумеется.

— Что же?

— 30 апреля вы увидите сами.

— Что заставило наёмников принять катаризм? — спросила Люси. — Я слышала эту историю раньше, и она всегда меня озадачивала. Тем самым они сами приговорили себя к смерти.

— Разве не очевидно? Им было дано неопровержимое доказательство истинности катаризма.

— Но обратились в веру лишь некоторые, — возразила Люси. — Другие — нет. Почему?

— Ответ тоже придётся подождать, но я гарантирую — скоро он у вас будет.

— Вы, кажется, давали понять, что насчёт даты церемонии катаров есть сомнения, — сказал Гресник.

— Весеннее равноденствие не было датой церемонии катаров, — сказал Морсон.

— Католическая церковь придумала это, надеясь уничтожить всякий след о подлинной дате — самой священной для катаров.

— Какова же настоящая дата?

— Тридцатое апреля.

— День самоубийства Гитлера, — сказал Гресник. — День предполагаемого конца света.

Морсон кивнул. — Как вы думаете, почему Гитлер заставил защитников Берлина сражаться так яростно и так долго против всех шансов? Точно так же, как катары в Монсегуре, — он пытался выиграть время для проведения особой церемонии.

— Почему все ваши люди белые? — спросил Гресник. — Это одно из условий участия в особой церемонии, о которой вы постоянно говорите? Что-то связанное с арийской расой?

— Скажем так: вам никогда не стать одним из нас, полковник.

— И не захочу.

— Многие так говорили. Наши деды говорили то же самое, когда нацисты, которых они допрашивали, рассказывали им то, что я только что рассказал вам.

— Что же изменило их мнение?

— 30 апреля 1945 года нацисты в Нюрнберге смогли воссоздать часть церемонии, которую проводили катары.

— Значит, вы говорите, что ваши деды не имели никаких нацистских симпатий до того, как допрашивали тех чиновников?

— Они ненавидели нацизм. Вот почему их и выбрали. Но когда ваш враг предоставляет вам неопровержимое доказательство вашей ошибки, что вы делаете? Продолжаете притворяться, что правы, когда точно знаете, что нет? Или делаете немыслимое и переходите на сторону врага?

— Вы подтверждаете, что нацисты были катарами нового времени?

— Нацисты были гностиками — и катары тоже. Корни нацизма уходят так далеко, как только можно представить.

— К Каину?

Морсон, казалось, на мгновение опешил, а потом улыбнулся. — Вы видели «Судьбу каинитов», не так ли? Но правильно интерпретировать её вам не под силу. Она бросила вызов всем — даже великому профессору Райнхардту Вайссу. Он посвятил жизнь попытке понять её. И так и не занялся серьёзной академической работой снова — впад во всё более причудливые домыслы о нацистах. Но правда — самое причудливое из всего.

— Профессор Вайсс был моим дедом, — сказал Гресник.

Морсон заметно побледнел. — Значит, вы и еврей, и темнокожий?

— Я баптист. Мой дед был евреем, но женился на нееврейке. Как вам известно, еврейство передаётся по материнской линии.

— Тем не менее в вас есть еврейская кровь. На вашем месте я бы начал читать Кадиш. Так ведь называется молитва по умершим у вашего народа?

— «У вашего народа»? Вы самый настоящий нацист, не так ли?

— Вы ничего не знаете о нацистах.

— Я знаю, что они были безумными, геноцидными психопатами.

— Они настолько выше вашего понимания, что вы даже близко не могли бы угадать их истинную природу. У вашего деда было много теорий, но все они были неверны. У него не было доказательств — и у вас их тоже нет.

— Вы боитесь правды, сержант? Боитесь того, что обнаружила моя семья?

— Вас я никогда не боялся, Гресник. Скажите, что, по-вашему, вам известно, — тогда я скажу, насколько вы ошибаетесь.

— Что ж, я знаю об оккультных корнях нацизма. Старшие нацисты считали Каина отцом арийской расы. Они верили, что Каин был голубоглазым блондином со светлой кожей, тогда как его брат Авель — классическим семитом: кареглазым, темноволосым, с желтоватой кожей.

— Руководство нацистов, по понятным причинам, открыто не признавало, что они гностики. Лишь высокопоставленные нацисты знали, что унаследовали мантию катаров

и тамплиеров. Они ненавидели евреев, потому что евреи были самопровозглашённым Богоизбранным народом Яхве — Сатаны, как видели его нацисты. Разобравшись с евреями, они обратили бы внимание на два других народа «Книги» — мусульман и христиан: поклонников Сатаны с нацистской точки зрения. Они вели не политическую войну — это была гностическая Священная война.

— Их конечной миссией было собрать все Сокровища Грааля и Ковчег Завета, ибо они верили, что с их помощью смогут каким-то образом исправить ошибку, совершённую их предполагаемыми предками — жителями Атлантиды, — когда те случайно уничтожили свой остров. Вот почему нацисты вели раскопки на местах религиозного значения по всему миру и почему их всегда интересовали редкие религиозные артефакты.

— Что пошло не так у нацистов? — спросила Люси.

— Мой дед считал, что нацисты потерпели неудачу, потому что не смогли распознать подлинные Сокровища Грааля и настоящий Ковчег Завета. Существовало множество высококачественных подделок, и нацистам было невозможно проверить, какие именно являлись подлинными. Их план строился на обладании настоящими предметами. Только они обладали истинной оккультной силой.

— Что они планировали с ними сделать? — спросила Люси.

— У Морсона все ответы, не так ли, сержант?

Морсон ухмыльнулся. — Что ж, полковник, вы на верном пути. И в течение тридцати шести часов вы будете точно знать наши планы.

— Я также знаю, кого нацисты считали настоящим отцом Каина, — сказал Гресник. По тону он, казалось, намеренно провоцировал.

Глаза Морсона дрогнули. — И кто же это?

Ответ Гресника не мог быть более шокирующим.

— Люцифер.

Глава 48

Вернон стоял на носу корабля, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь туман. Всё вокруг застыло в тишине. Только двигатели нарушали её. Ему казалось, что вся его жизнь растворяется в таком вот тумане — каком-то образом берущем начало от Люси. Судя по тому, что сказал Харрингтон, вся её жизнь была предопределена — даже её срыв. Но это значило, что и он сам — часть сценария: марионетка в шоу Люси. Нити обрываются одна за другой, и до его собственного падения — уже последний надрез.

Ничто из того, что происходило в последнее время, так и не отложилось по-настоящему. Как оно могло? Будто сам мир, сама реальность выворачивалась наизнанку. Отражения шагали из зеркал.

Прошло больше часа, прежде чем туман рассеялся — и открылся мир, залитый красным: вода впитывала цвет неба. Новое Красное море. Этот свет давил на глаза. Они не могли приспособиться к новому красному миру.

Судя по всему, они уже далеко зашли в Бристольский залив — наверное, глубоко в устье реки Северн. Крюгер говорил, что они пойдут мимо Бристольских доков, вверх по реке Эйвон и в самый центр Бристоля. Интересно, что их ждёт на реке. Спокойный город? Хаос? Если Бристоль похож на Лондон, к этому времени он, видимо, стал городом-призраком.

Его беспокоило, как стремительно Лондон превратился из процветающего, всемирно известного города в безлюдную оболочку. Куда делся знаменитый дух Блица?

Тогда люди продолжали жить. Теперь они забились в свои каморки с семьями, смотрят телевизор и ждут, что кто-нибудь придёт и всё исправит.

Крюгер присоединился к нему, пока они проходили мимо доков.

— Совершенно пусто, — сказал Крюгер. — Жутковато, не правда ли?

Красное небо теперь было почти алым. Вернон никогда не видел ничего более зловещего. Плачет ли Бог кровавыми слезами? Природа, Бог — как ни назови — была отвращена человечеством. Время положить всему конец?

— Вы готовы предстать перед своим Создателем? — спросил Крюгер, сложив руки перед собой, как в молитве. — В детстве, когда я слышал разговоры о Судном дне, я всегда пытался представить, что произойдёт. Все выстраиваются в очередь? Слышим ли мы грехи друг друга, слышим ли, как произносится приговор и назначается наказание? Стоят ли миллиарды людей в огромной толпе перед Богом — с гигантским эскалатором в рай справа и бездонным люком в ад слева?

— Или, может быть, ничего не происходит, — сказал Вернон.

Крюгер покачал головой. — Даже сейчас вы сомневаетесь. Разве вы не видите, что происходит? Всё вокруг нас. Все знаки.

Вернон смотрел вниз на воду, наблюдая, как корабль режет волны. У каждого своя роль в жизни. Его — быть Фомой Неверующим. Почему нет? Лучше, чем Иудой. Лучше, чем остальные апостолы — такие безликие, что он забыл большинство их имён. Какой куклой следует быть в кукольном спектакле конца света? Без лишних нитей.

На реке стояла мертвящая тишина. Он закрыл глаза и попытался вспомнить молитву, но все слова ускользнули. Только обрывки, разрозненные строки. Лоскутные молитвы, кое-как сшитые из клочков. «Отче наш, иже еси на небеси... Господь с тобою... Не введи нас во искушение... и благословен плод чрева Твоего, Иисус». Бессмысленные, случайные слова. Он не мог вспомнить, понимал ли когда-нибудь их смысл. Верил ли он? По-настоящему верил? Он почти не сомневался, что мир и вправду заканчивается, — и всё же не мог разобраться, во что верить. Какой Бог — Истинный Бог? Существует ли Бог вообще?

Когда он открыл глаза, его замутило. Сотни мёртвых уток, лебедей и гусей плыли по реке навстречу. Водяные крысы объедали их полусгнившие внутренности и глаза. От трупов исходил тошнотворный запах. Миазмы падали, испарения мертвецов. Сам воздух, казалось, гнил.

Они проплыли мимо красивой бухты, где совсем недавно, должно быть, жили на широкую ногу многие миллионеры, — но теперь все окна роскошных апартаментов были выбиты, всё, похоже, разграблено. Дорогие яхты затонули и лежали как после кораблекрушения. Корабли-призраки. Мир-призрак. Остались лишь отзвуки людей. Куда все ушли? Вернон вспомнил, что слышал: в Хиросиме, когда взорвалась атомная бомба, от одного человека осталась лишь его тень на стене. Может быть, это и есть судьба, ожидающая нас всех.

Без предупреждения тысячи ворон взорвались в небо — хлопанье крыльев породило оглушительный шелест. Они собирались на крыше соседнего офисного здания. Вернон невольно пригнулся. Он ненавидел ворон. Они покружили над кораблём несколько мгновений, а потом улетели в сторону центра Бристоля.

Корабль прошёл под несколькими мостами. На мостах не было ни машин, ни полиции, ни солдат. Никаких блокпостов. Похоже, армия не озаботилась патрулированием здесь. В Лондоне большая часть города была оцеплена. По улицам ползли танки, следом — длинные колонны военных грузовиков и бронетранспортёров. Здесь — ничего. Может, военные остались за городом, решив, что здесь уже нечего спасать. Насколько плохи дела в стране в целом? Истерия в Лондоне нарастала, становясь

почти осязаемой. Люди лишались рассудка, начиная осознавать: это и вправду может быть конец.

Как это наступит? Огромный взрыв? Ослепительная вспышка? Цунами? Или суперураган. Дым и пепел землетрясений, заслоняющие солнце? Внезапное оледенение? Ядерная зима? Огонь, полыхающий по земле и кипящий моря? Возможно всё. Комната 101 для каждого члена человеческого рода.

Вернон покосился на Крюгера, но тот не ответил взглядом.

Вороны, которых он видел раньше, выстроились вдоль ближнего берега. Он не мог сдерживать дрожь. Такие ли птицы по всему миру? — стражи конца света, у которых остались лишь чёрные глаза, чтобы видеть. Столько тлена, которым можно питаться. Мир пожирал сам себя, сжигая собственную плоть вулканами. Столбы извержений, уходящие на десять миль в небо. Газ, пепел и камень. Молнии, раскалывающие пурпурное небо. Магматические потоки. Перегретые газы, пирокластические потоки. Кипящие, бурлящие моря. Расплавленная лава. Мир, разрывающийся на части, — все тектонические разломы открылись разом. Ураганы, циклоны, торнадо — планета развевана по ветру. Цунами, водовороты и муссоны. Утонувший мир.

Все предвестники конца были бесспорно налицо.

Вернон вздрогнул от выстрелов. Армейский катер на большой скорости мчался вниз по реке. Он пронёсся мимо, развернулся и начал двигаться параллельно кораблю. Крюгер знаком дал своим людям команду не стрелять.

— Это запретная зона, — произнёс голос из мегафона. — Если вы не повернёте назад немедленно, мы откроем огонь.

Крюгер протянул Вернону мегафон. — Поговорите с ними.

— Я Джеймс Вернон из МИ-5, — сказал Вернон, стараясь звучать как можно авторитетнее. — Я выполняю особую миссию. Эти люди доставляют меня в Бристоль.

— У нас нет такой информации.

— Сверьтесь с Темз-хаус. Можете выйти напрямую на директора. Она лично санкционировала это.

— Кто ваш непосредственный начальник?

— Командор Чарльз Харрингтон.

Пока офицер связывался с МИ-5, Вернон разглядывал четырёх солдат на палубе патрульного катера — один из них стоял за крупнокалиберным пулемётом. Они держались разрозненно — одурманенные или пьяные. Совсем скоро, подумал он, они превратятся в людей с зудящим пальцем на курке. Апокалипсис сейчас. Катастрофа, которая только ждёт своего часа.

— Не могу дозвониться до Темз-хаус, — сказал офицер через пару минут, — но я вам доверяю и пропускаю вас. Должен предупредить: в центре Бристоля сейчас крайне опасно. Комендантский час с 22.00 до 10.00. Большинство жителей эвакуировано во временные лагеря за городом. Не знаю, что вам нужно в центре, но поверьте — там ничего уже нет. Всё разграблено.

— Рискну. — Вернон вяло помахал рукой вслед ускоряющемуся катеру. Значит, военное положение всё-таки объявили. Это было лишь вопросом времени.

Корабль продолжал идти вперёд — единственное видимое судно на реке.

На правом берегу выросли обветшавшие портовые склады: старые и готические, с тёмной — почти чёрной — кирпичной кладкой и выбитыми до единого стёклами. Они выглядели столетними — возможно, со времён, когда Бристоль был процветающим портом с оживлённой работоторговлей. Тёмные, нависающие, с бесконечными рядами маленьких арочных окон с решётками — они напоминали викторианскую тюрьму или, пожалуй, психиатрическую лечебницу. В голове у Вернона возник ещё один образ —

склады из того жуткого старого немого фильма «Носферату». Он не мог вспомнить, был ли тот фильм чёрно-белым или сепийным. Весь мир теперь казался сепийным, и даже сепия выцветала. Исчезнут ли в конце концов все краски жизни, оставив всё в чёрно-белом? Или планета станет просто серой. Вот лучший конец для мира: бесцветный, выбеленный, ничего кроме белых костей под солнцем?

Дальше показался старый круизный лайнер, увязший в иле. Вернон прекрасно помнил его — диско-корабль с вращающейся танцевальной площадкой, куда некогда стекались тысячи молодых тусовщиков. Больше нет. Музыка давно смолкла.

Корабль продолжал идти. К этому времени почти все солдаты Крюгера высыпали на палубу и смотрели на руины города. На склоне холма горели разноцветные голубятни. Запертые голуби жалобно верещали, пытаясь вырваться из клеток. То и дело один из них вырывался на свободу — с горящими крыльями. Он поднимался на несколько метров, а затем падал вниз в огненном штопоре; крошечный огненный шар во мраке.

Мимо корабля проплывали тысячи страниц, вырванных из журналов с жёсткой эротикой. Многие выбросило на илстые отмели, покрытые зелёной слизью.

— Прогулка по одной из рек ада, да? — пробормотал Вернон. — Цивилизация рухнула. Даже если мы выживем, как это всё можно восстановить?

— Хороших вариантов нет, — ответил Крюгер. — Всё изменится — так или иначе. — Он положил руку Вернону на плечо. — Пойдёмте на берег. Посмотрим, что тут за люди.

Вернон почувствовал укол беспокойства. — Стоит ли рисковать? Там ведь теперь только подонки.

— Хочу знать, каков этот дивный новый мир, — ответил Крюгер.

Они пристали к причалу, и шестеро из них сошли на деревянный пирс и осторожно двинулись к набережной. Первое здание, к которому они подошли, — старое викторианское строение, выкрашенное в белый глянец, — называлось «Мертвецкая».

— Говорящее название, — пробормотал Вернон. Он остановился прочитать табличку на двери. Там говорилось, что «Мертвецкая» принадлежит речной полиции и используется для хранения тел, найденных в Эйвоне, до их опознания.

Крюгер открыл дверь и шагнул внутрь, поводя пистолетом по дуге. Вышел быстро — бледным.

Любопытство взяло верх над Верноном, и он толкнул дверь и вошёл. Запах был ужасающим. В углу голой комнаты на столах лежали два трупа. Крысы ползали по ним, беззвучно объедая лица. Вернон быстро попятился, дав двери захлопнуться.

Пока он искал взглядом остальных, к нему рысью подбежали мужчина и женщина. Пискнув, они схватились друг за друга и вбежали в странное здание в форме Ноева ковчега.

На двери было написано: «Спасены будут лишь 144 000 избранных. Их имена записаны в Книге Спасения. Есть ли среди них ваше?»

Все религиозные фанатики повылезали, подумал Вернон, разглядывая странное здание. Он легко мог представить миллионы христианских фундаменталистов в Америке — они стоят на вершинах холмов с раскинутыми руками, ожидая Восхищения: волшебного момента, когда избранные исчезнут с земли, вознесённые Богом в рай.

Он толкнул дверь. Десятки мужчин и женщин стояли на коленях, бормоча и молясь, некоторые говорили на других языках. Другие взывали к Богу, воздев руки, с остекленевшими глазами.

На мгновение Вернону стало тошно. Кому молились эти люди? Своим иллюзиям, скудоумию, недостатку образования?

Никто из собравшихся не поднял на Вернона глаз. Все были слишком поглощены религиозным экстазом. Может, это и лучший способ встретить конец — вне себя,

передозировавшись ложными убеждениями, набив себя утешительной ложью и эмоциональными костылями. Вернон предпочёл бы хосписный вариант — большую дозу морфина. Он никогда в жизни не принимал тяжёлых наркотиков. В том, чтобы уйти во время первого настоящего наркотического трипа, было что-то притягательное.

Подавленный, он вышел наружу и вскоре оказался на площади роскошного комплекса под названием «Блю Анкор Корт». Когда он уже решил, что потерял остальных, они непринуждённо вошли в центр двора.

— Слышите? — сказал Крюгер, поднимая руку, останавливая солдат. — Что это?

Звук был безошибочным — фургон мороженщика, наигрывающий «Трёх слепых мышей». Это звучало так неуместно. Зачем фургон с мороженым здесь, в этом городе-призраке?

— Здесь не может быть никаких фургонов, — сказал Вернон. — Город закрыт.

Они пошли искать фургон и нашли его на соседней улице — у жилой башни. Едва увидев его, Вернон понял: что-то не так. Внутри никого, покупателей нет. Только эта мелодия. «Три слепые мыши» — снова и снова. Вернон ненавидел её. Остановись. Просто остановись, ради Бога.

Он подошёл отключить этот проклятый звук. Заглянув в окошко выдачи, он увидел, что всё мороженое в лотках растаяло. В лотке с растаявшей ванилью лежала отрубленная рука — чудовищная малиновая рябь.

Крюгер открыл переднюю дверцу и выключил джингл. — Внутри тело, — сказал он.

Вернон обошёл фургон взглянуть — и тут же прикрыл рот рукой. Мороженщик был изрублен мачете.

— Уходим, — сказал Крюгер.

На углу улицы они наткнулись на магазин электроники. В витрине среди битого стекла лежали плазменные телевизоры. Несколько телевизоров пропало — вероятно, разграблено. Остальные стояли в безупречном состоянии.

— Смотрите, — сказал Крюгер, указывая на крошечные красные огоньки на панелях телевизоров. — Индикаторы режима ожидания горят. Электричество ещё есть.

Он вошёл в магазин, и спустя мгновение все телевизоры включились. На половине из них шёл BBC News 24 — вероятно, единственный канал, продолжавший вещание. На остальных — одни помехи. Мёртвые каналы. Вернон смотрел на вспышки бессмысленного шума. Весь ли мир теперь такой? Пустые трансляции. Мёртвый эфир.

На экранах Би-би-си изможденный ведущий-мужчина угрюмо смотрел в камеру.

— Ничего не слышу! — крикнул Вернон Крюгеру.

Через мгновение звук включился, и картинка сменилась.

— Боже, — выдохнул Вернон. На экране появилась фреска Рафаэля.

— Сегодня Ватикан раскрыл существование неизвестного шедевра Рафаэля, — говорил ведущий с нескрываемым изумлением, читая с телесуфлёра. — Сообщается, что фреска указывает дату возможного конца света. Эта дата — 30/4/2012, менее чем через тридцать шесть часов. Официальные представители Ватикана заявили, что на фреске изображён ныне живущий человек, способный предотвратить гибель человечества. Они обратились ко всему миру с просьбой молиться за Люси Галаган. По имеющимся данным, Галаган — тридцатилетняя английская католичка, чьё нынешнее местонахождение неизвестно. Ватикан отказался комментировать утверждение о том, что Галаган является пациенткой психиатрической больницы. Бывший преподаватель Оксфордского университета, Галаган несколько лет назад написала спорный анализ легенд о Святом Граале, в котором утверждала, что за ними скрывается еретическая тайна.

На каждом экране вспыхнула фотография — гламурный снимок Люси с суперобложки её книги.

«Последняя надежда мира?» — гласила подпись под фотографией.

Глава 49

— В разрушенной берлинской библиотеке в конце 1945 года мой дед обнаружил древнюю рукопись гностической секты, известной как офиты, — сказал Гресник. — Своё название они получили от греческого слова «офис» — змея. Они были заклинателями змей и почти поклонялись им. Замечательной особенностью офитов была совершенно иная трактовка событий в Эдемском саду.

Люси считала некоторые идеи своей книги эксцентричными, но Гресник явно делал всё возможное, чтобы доказать, что они были весьма трезвыми.

— Вижу, что я завладел вашим вниманием. — Гресник пристально посмотрел на Морсона. — В этой версии истории в Эдем явился незнакомец с необычным родимым пятном — двойным змеем на лбу. Со временем миф запутался, и люди стали думать, что в Эдемском саду явился настоящий змей. Незнакомец проводил всё своё время с Евой, рассказывая ей удивительные вещи. Он говорил, что обладает тайным знанием об истинной природе вселенной. Это особое знание он называл «Гнозисом», а «Древо Познания» было его символическим способом изображения гностицизма. Добро и зло, сказал он, совершенно не то, чему учил Адама и Еву Яхве.

— Так возникла легенда о том, что змей соблазнил Еву вкусить запретный плод Дерева Познания Добра и Зла. На самом деле змей-незнакомец обучил её гностицизму. Никакого буквального Дерева Познания в Эдеме не было, и никакого запретного плода. В самом деле — зачем Яхве создавать Дерево, поместить его в центр Эдемского сада, а затем запрещать Адаму и Еве есть с него? Это лишено смысла — даже для Яхве. Поступи он так, сам Яхве оказался бы виновен в искушении Адама и Евы. Запрещено было лишь всякое знание, бросавшее вызов Яхве. Гностицизм и был «запретным знанием» — запретным, потому что это была первая ересь, первородный грех.

— Еве удалось убедить Адама прислушаться к гностическим идеям — отсюда миф о том, что Ева соблазнила Адама присоединиться к ней в поедании запретного яблока. Но она скрывала, что беременна, — и Адам был не отцом. Первым рождённым на земле человеком, согласно Ветхому Завету, был Каин — первый истинный человек. Вскоре за ним последовал Авель, и на этот раз Адам как раз и был отцом.

— Когда они выросли, разница во внешности Каина и Авеля была очевидна. Они поссорились из-за происхождения, и в день рождения Каина Авель попытался убить его — старым копьём, которое нашёл.

— Достаточно, — сказал Морсон. — Идите обратно в другую комнату.

— Нет, — сказала Люси, — я хочу это услышать. Она удивилась, когда Морсон пожал плечами и жестом предложил Греснику закончить историю.

Гресник позволил себе улыбнуться.

— Каин вырвал копьё у Авеля и убил его. Он понял, что больше не может жить с Адамом и Евой, и бежал на восток. Ветхий Завет говорит, что он был изгнан в Землю Нод, но такого места не существует. «Нод» просто означает «блуждание». Иными словами, он начал кочевой образ жизни. В итоге он осел в Ханаане — «Земле Каина» — той самой территории, которую Яхве впоследствии обещал смертельным врагам Каина: евреям, Богоизбранному народу Яхве.

— Ветхий Завет также говорит, что Каин был отмечен Богом. Это тоже неправда. Каин, как и его истинный отец, имел родимое пятно в виде двойного змея — так

называемое Каиново клеймо. По какой-то причине оно проступало отчётливо лишь раз в году: 30 апреля — в день рождения Каина и, после смерти Авеля, в годовщину первого убийства в истории человечества.

— СС, — сказала Люси.

— Простите?

— Разве вы не видите? Если нацисты связаны с Каином — вот почему СС избрали своим знаком две руны «Зиг». Буквы S представляли двух змеев.

— У них был ещё символ «Мёртвая голова» — как у тамплиеров, — сказал Гресник.

Люси почувствовала, как в голове всё оживает. Всё возвращалось — прежний академический азарт.

— И свастика, — сказала она. — Это был древний индуистский символ реинкарнации. Гностики называли реинкарнацию метемпсихозом — переселением душ. Любая душа, заключённая в человеческом теле и не достигшая Гнозиса, была обречена воплотиться в новом теле и снова прожить жизнь в материальном мире. Так что нацисты избрали свастику, чтобы выразить свою гностическую принадлежность и веру в реинкарнацию как наказание для тех, кто остаётся привязан к этому миру. Свастика — это просто две квадратные буквы S, сложенные под прямым углом, ещё одна форма Каинова клейма.

Гресник улыбнулся. — Каин и его люди прославились техническими достижениями и широко расселились из Ханаана, строя великие города везде, где оседали. Их самый знаменитый город был архитектурным и инженерным чудом, полным людей со всего света, говоривших на разных языках, — Вавилон.

— И он стал Вавилонией, — сказала Люси. — А спустя века после того, как Ханаан пал перед евреями и превратился в землю Израиля, вавилоняне вторглись, разграбили Храм Соломона в Иерусалиме и унесли все находившиеся там сокровища — в том числе, возможно, Ковчег Завета.

Гресник кивнул. — Часть вавилонян села на корабли и отправилась искать новые земли для заселения, и ходил слух, что они взяли Ковчег с собой. Они ушли далеко на север, в землю, о которой легенды говорили, что она лежит за северным ветром. По-гречески она называется Гиперборея. Латинское название — Ultima Thule, или просто Туле: земля на краю света.

Люси попыталась угадать реакцию Морсона, но его лицо было непроницаемым.

— Народ Туле совершил ещё один великий переход, — продолжал Гресник, — на самый знаменитый остров из всех... Атлантиду. По легенде, Атлантида была уничтожена более двух с половиной тысяч лет назад — ни в какой иной день, как 30 апреля, в результате апокалиптической религиозной церемонии. Говорили, что Ковчег Завета был центральным элементом этой церемонии.

— Немногие выжившие заговорили о поиске новой Атлантиды — цветущей земли, отмеченной особой звездой под названием «Мерика».

Люси чуть не захлопала в ладоши. — Америка!

— Именно. Америка была названа вовсе не в честь Америго Веспуччи. Своё название она получила потому, что те, кто открыл её, думали, что это мифическая гностическая земля, лежащая под сверкающей звездой «Мерика».

— Так кто же на самом деле открыл Америку?

— Рыцари-тамплиеры, Люси. Тамплиерский флот, отплывший в 1307 году, чтобы спастись от преследований Католической церкви, был вынужден найти новую землю — вне досягаемости папства. Открыв Америку, они хранили её в строжайшей тайне. Они следили, чтобы ни слова не просочилось в Европу, зная: если что-то выплывет наружу, Папа снарядит армаду, чтобы покорить их и захватить новую страну.

— Лишь в конце XV века они изменили стратегию. Они потеряли многих людей в войнах с коренными американцами, и рыцари были недовольны необходимостью брать в жёны индианок. Их поселения приходили в упадок. Им нужен был приток европейцев, чтобы сделать Америку жизнеспособной. Тамплиером, которого они выбрали для самой важной миссии, был один из самых знаменитых людей в истории — Христофор Колумб.

— Колумб точно знал, где находится Новый Свет, по той простой причине, что уже жил там. Вот почему никто точно не знает, был ли он итальянцем, испанцем, каталонцем или португальцем. На самом деле он был американцем. Разве это не величайшая ирония? Так называемый открыватель Америки с самого начала был американцем.

— Когда корабли «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» отплыли из Испании в 1492 году, едва скрывшись из виду, они сменили паруса и подняли новые — с красным крестом тамплиеров. Шотландский тамплиер сэр Джон Драммонд составил карты и морские схемы, использованные в плавании.

— История Америки — это в значительной мере история преследуемых религиозных меньшинств, и самыми первыми из них были тамплиеры. Америка — страна рыцарей-тамплиеров: гностическая страна, масонская. Это новая Атлантида, заветный дом иллюминатов, их оплот против власти Ватикана.

Люси никогда ещё не слышала ничего подобного. Это было невероятно.

Наконец вмешался Морсон. Его слова потрясли Люси.

— И именно оттуда я и мои коллеги родом. — У него была самая странная улыбка. — Если посмотреть на ночное небо, вы увидите, что «Мерика» сияет ярче, чем когда-либо.

Глава 50

Последняя надежда мира. Вернон уставился на ближайший плазменный экран. Это было невозможно, но слова были прямо там, транслируясь всем, у кого ещё работал телевизор. Люси действительно была особенной. Он предположил, что Ватикан решил придать ей огласку, чтобы дать людям надежду... сообщить, что ещё не всё потеряно. И всё же ему казалось, что это был шаг отчаяния.

Плазменные экраны показывали чередующиеся снимки со всего мира. На них были видны огромные экраны, установленные на площади Святого Петра, Таймс-сквер, Трафальгарской площади, в Париже, Берлине, Вене, Праге, Токио, Пекине, Москве, Иерусалиме, Каире — повсюду, откуда ещё можно было вести трансляцию. Где-то вокруг экранов толпились огромные массы людей; где-то стояло лишь несколько солдат; а где-то не было вообще никого. На каждом большом экране было одно и то же изображение: Люси.

В центре площади Святого Петра появился растерянный молодой репортёр — в это время сотни тысяч римлян опускались на колени в молитве.

— Я никогда не видел ничего подобного, — произнёс репортёр. — Я слышу, что на каждом телевизоре Земли одновременно транслируется фотография этой неизвестной женщины. Если Ватикан прав, жизнь каждого из нас в её руках. Великий художник Рафаэль, по всей видимости, предвидел этот момент пятьсот лет назад. Я действительно не знаю, что сказать. Неужели это правда? Уверен, каждый из нас отдал бы всё, чтобы поверить, что вопреки всему кто-то сможет спасти нас. Но — пациентка психиатрической больницы?

Вернон и Крюгер переглянулись.

— Зачем Ватикан это сделал? — спросил Вернон. — Это безумие — так раскрывать карты.

— Всем нужна надежда, — ответил Крюгер. — Люси — единственная надежда. — Он обернулся и подозвал своих людей.

Направляясь обратно к кораблю, они увидели орды крыс, снующих в заброшенных домах. В лестничном пролёте на спине лежала старомодная игрушка-автомат в костюме Арлекина, беспрестанно бьющая в тарелки и бессмысленно болтающая в воздухе крошечными ножками.

Вернон глядел на это безумное зрелище. Руки автомата двигались всё медленнее и медленнее — батарейки садились. Через несколько секунд всё остановилось: тарелки не сомкнулись в последний раз. Не так ли происходит со всем миром? Всё постепенно останавливается.

— Ладно, убираемся отсюда, — сказал Крюгер.

Вернувшись на судно, они как можно быстрее отплыли. Вдали над горизонтом поднимались густые чёрные столбы дыма — несколько кварталов Бристоля были охвачены огнём. Если не пойдёт дождь, город сгорит дотла.

Они вошли в центральную гавань и причалили. Вода была забита вздувшимися трупами — у многих были ножевые и огнестрельные ранения.

— Посмотри на тела, — сказал Крюгер. — У них вырваны глаза.

Вернон смотрел на массу мёртвой плоти. — Они, должно быть, сошли с ума, — проговорил он.

Они высадились на берег. В доке стояла впечатляющая яхта — такую мог бы купить миллиардер. Выкрашенная в глянцевый чёрный цвет, она украшала нос высоким золотым крестом. Яхта стояла под неловким углом, и Вернон понял, что ниже ватерлинии она пробита. Окажись она в глубокой воде — пошла бы ко дну.

— Осмотрим? — спросил он Крюгера.

Сержант кивнул. Он приказал своим солдатам и немногочисленным бойцам SAS оставаться на месте, а сам с Верноном поднялся на борт.

Едва ступив на судно, Вернон почувствовал недоброе. Корабль казался призрачным, словно он — сестра того самого судна Дракулы, выброшенного на берег с мёртвым экипажем.

С пистолетами в руках они спустились вниз. Похоже, здесь произошла ожесточённая перестрелка. Несколько мёртвых мужчин в матросской форме лежали вповалку. Глаз у них не было. На одной стене была нацарапана надпись: Покайтесь.

Когда они добрались до затопленного трюма, Вернон и Крюгер остановились. В воде покачивались сотни глаз. На дальней стене, по всей видимости написанное кровью, красовалось библейское изречение: Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его.

— Безумие, — пробормотал Вернон. Он как можно быстрее попятился назад, Крюгер следовал за ним. Люди превратились в дикарей, устраивающих массовые расправы под религиозным прикрытием. Если Бристоль дошёл до такого, что творится в Лондоне?

Крюгер поспешил к огороженному периметру на краю гавани. Он достал ключ, снял замок и толкнул ворота. Внутри находился большой склад. Сержант с трудом открыл дверь, Вернон вошёл следом.

— Помоги мне с этим. — Крюгер стоял рядом с несколькими машинами, накрытыми чёрными брезентовыми листами. Под ними оказались оливково-зелёные военные «Хамви» ООН: самое близкое к танку из того, что зовётся автомобилем.

— Откуда они у вас?

— Скажем так, Ватикану был кое-кто должен.

Крюгер приказал поместить раненых швейцарских гвардейцев в головной «Хамви» вместе с двумя ранеными бойцами SAS. — Мы высадим этих людей на армейской базе. Там им окажут нормальную медицинскую помощь.

— А куда едем все остальные? — спросил Вернон.

— Это зависит от тебя. Ты вспомнил, где произошла битва при Камлане?

Вернон покачал головой.

— В таком случае едем в Гластонбери.

Вернон злился на себя за забывчивость. Он смотрел в землю и заметил выброшенную обёртку от своей любимой шоколадки — Cadbury Whole Nut. Он засмеялся. — Всё в порядке, — сказал он. — Я знаю точно, где Люси.

Глава 51

Сержант Морсон и Гресник ушли из комнаты, оставив Люси одну. Она осмотрела скромную обстановку, затем взглянула на картину с изображением Лонгина и его знаменитого копья. Неужели это правда, что копьё обладает той силой, которую ему приписывают? На картине оно выглядело как самое обычное римское кавалерийское копьё, но, по утверждению некоторых, это было еврейское копьё, столь же древнее, как само человечество. Как копьё может хранить в себе мистическую силу? По одной из версий, в него был вплавлен один из гвоздей, которыми прибили Иисуса к кресту. Достаточно ли этого, чтобы превратить обычное копьё в волшебное?

Морсон вернулся и придвинул стул поближе к Люси.

— Мы — твои друзья, Люси. Тот кардинал-болван никогда бы тебе не помог. Что касается Гресника — он солдат. Он знает свой долг. Поверь мне, если ему представится случай, он убьёт тебя без малейших колебаний.

— Все говорят, что они мои друзья. По-моему, все хотят меня убить.

— Мы никогда не причиним вреда одной из наших. Где-то в глубине души ты знаешь, кто ты на самом деле. Я имею в виду — под поверхностью.

— О чём вы?

— Ты видишь вещи, не правда ли? Иногда тебя посещают странные ощущения. Может быть, порой ты чувствуешь, что тебя здесь вовсе нет. Твоё ощущение личности слабое: временами его практически не существует.

Люси поёжилась. Это была правда. Иногда она чувствовала, что живёт не в своей шкуре. Мир шёл вразнобой — или она сама шла вразнобой с ним.

— Жизнь порой вызывает у тебя отвращение, не так ли, Люси? Именно поэтому ты оказалась в психиатрической больнице. Ты знаешь, что этот мир неправильный.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Всё ты понимаешь. Просто не можешь с этим смириться. Для большинства из нас никогда не наступает момент, когда мы начинаем вспоминать. Только самые особенные среди нас способны прикоснуться к прошлому.

— Я не улавливаю вашей мысли.

— Мы допросили кардинала. Нам нужно было выяснить, чем именно ты так привлекла его внимание.

— Дело в росписи.

— Верно — в нашей росписи. Юлий II был Великим Магистром иллюминатов.

Значит, она была права. Люси почти улыбнулась. — А покойный Папа?

— Юлий IV был глупцом: добрым католиком до последнего вздоха. Он отказывался верить, что кто-то из его предшественников мог быть еретиком. Он слышал все слухи о Юлии II и решил, что лучший способ заглушить их — взять себе то же имя.

— А Рафаэль?

— Ему хорошо заплатили за создание росписи по очень конкретному замыслу. Он ни о чём не догадывался, хотя не понимал, почему ему велели оставить одну панель пустой.

Люси подняла взгляд. — Ту панель, которая выглядит как...

— Что ж, её явно написал не Рафаэль.

— А кто тогда? Уж точно не я.

— Но именно ты, Люси, именно ты.

Глава 52

Люси не могла это осмыслить. Морсон настаивал на том, что именно она написала финальную часть росписи Рафаэля, и говорил, что может это доказать. Он усадил её за маленький столик с бумагой и ручкой.

— Вы когда-нибудь слышали об автоматическом письме? — спросил он.

— Психиатры им пользуются. Это метод для высвобождения содержимого бессознательного.

— Именно, и именно это мы сейчас и сделаем. Я хочу, чтобы ты закрыла глаза и сосредоточилась на росписи. Думай о каждой панели по очереди, начиная с верхнего левого угла и двигаясь по часовой стрелке.

— И что потом?

— К каждой панели запиши всё, что приходит в голову.

— Но это будет бессмыслица.

— Скоро увидим. Начнём.

Люси закрыла глаза и подумала о росписи. Она была невероятно чёткой, почти как будто впавлена в её мозг. В голове мелькнула куда более безумная мысль: она живёт в ней с самого рождения. Как это возможно?

Каждая панель была такой ясной, что казалась почти живой. Вокруг каждой вились слова. Не итальянские или латинские слова шестнадцатого века. Не английские и не испанские — французские: старофранцузские. Она начала водить рукой, царапая строчку за строчкой. Слова вырывались из неё с огромной скоростью — слова, знакомые ей всю жизнь, но не имеющие для неё никакого смысла.

Меньше чем через минуту она закончила. Люси бросила ручку и открыла глаза. Она понятия не имела, что написала. Перед ней лежал аккуратный список комментариев на старофранцузском. Передавая Морсону бумагу, она ожидала разочарования с его стороны.

— Это не мой почерк, — заметила она. — И я не знаю современного французского, не говоря уж о старофранцузском. Я понимаю, что это написала я, но... этого не может быть.

— Тем не менее ты это написала. Даже я, ожидавший чего-то подобного, едва верю своим глазам. Слово в слово.

— Наверняка то, что я написала, — бессмыслица.

— Люси, разве Синклер не рассказывал вам о попытках папства разгадать смысл росписи Рафаэля?

— Он говорил, что они консультировались с несколькими людьми, в том числе с Нострадамусом.

Морсон улыбнулся. Он сунул руку во внутренний карман и достал два сложенных листа бумаги. Разложив их на столе и расправив, он отступил назад.

Люси изучила первый лист. — Но это то, что я написала. То есть это идентично.

— Я только что дал вам заметки Нострадамуса о росписи Рафаэля, которые он представил Ватикану. Ему было всего семнадцать лет, но его уникальные способности уже были очевидны и привлекали к нему внимание всех великих дворов Европы. На втором листе — наш перевод на английский.

Не веря своим глазам, Люси взяла листок и прочла переведённый список:

1. Семя разрушения. Свет из тьмы. Ползучее зло. Великая иллюзия. Частица Сатаны.

2. Бунт или революция? Вечная война или убийство. Смерть — единственный выход. Только один.

3. Они освобождены. Они порабощены. У них мир. У них война. Небо и Ад.

4. Искушение. Сопротивление. Дорога в рай. Труднейшая из дорог. Священный камень неба создан. У дерева нет коры, ни ветвей, ни плодов. Смотри на Камень Судьбы.

5. Сын свободы. Завладей их самым особым оружием. Изначальным. Прародителем всего оружия. Нанеси первый удар.

6. Знание искупает. Клеймо позора — священная отметина Искупителя. По этому знаку узнаешь друга от врага.

7. Во всей его славе. Назови его имя — и он обязан явиться на зов. Неизменный закон. Избавление возможно.

8. Мудрец. Святой. Безумец. Ловушка. Дом смерти.

9. Тот, кто больше, идёт следом. Спаситель. Пророк.

10. Предательство. Убийство. Заговор.

11. Двойная смерть. Смерть надежды. Обещание спасения.

12. Кто предан, а кто предал? Серебряный расчёт.

13. Они убили Бога. Они собрали его кровь. Они указали путь.

14. Гробница. Спуск в более глубокий ад. Победа над смертью. Обещание вечной жизни. Угроза возвращения.

15. Гора спасения. Гора проклятия. Сокровище небес. Священный камень.

16. Моё лицо. Лицо Искупителя. Лицо Аваддона. Один миг решит всё. В синеве. Точка принятия решения. Спасение. Проклятие. Выбери. Разрушитель или Мессия.

17. Зачатие Артура. Только избранный способен сделать то, что не под силу никому другому. Место страдания. Смертельное падение. Смерть одного — или смерть всех.

18. Берегись падальщиков. Надежда повержена. Убит копьём или мечом? Каким копьём? Истинным или ложным? Погибель Мордред.

19. Принеси мне его голову на блюде. Гнев Господень. Тяжкий путь в рай. Нужно уйти под землю, чтобы найти истину. Под водой, которая замерзает.

20. Восстановлено. Второй шанс. Исправь вечную ошибку. Твоя душа. Ложная чаша.

21. Вопрос. На вечность. Твоя душа.

22. Во всех обличьях. Послание распространяется. Выбери.

23. Судьба каинитов.

24. Посмотри в зеркало. Спасение или Проклятие. Страшный суд.

Поначалу загадочные комментарии казались Люси бессмысленными, почти случайными, но чем дольше она смотрела на них, тем яснее ощущала в них какой-то безумный смысл.

— Ты начинаешь верить, не правда ли? — Морсон навис над ней. — Должен сказать тебе ещё кое-что. 30 апреля 1520 года, на следующий день после похорон Рафаэля, именно Нострадамус написал финальную панель росписи.

Глава 53

Люси смотрела на Морсона, пытаясь осмыслить сказанное. Если он был прав, напрашивался лишь один вывод.

— Реинкарнация реальна, — произнёс Морсон. — Мы все рождались много раз, и до тех пор, пока не достигнем Гносиса, будем рождаться снова. До 30 апреля, во всяком случае.

— Вы не можете всерьёз утверждать, что я — это Нострадамус.

— Неужели это так сложно принять?

Сложно? Это было невозможно. Люси не знала, что сказать. Морсон принялся объяснять снова, но его слова проходили мимо неё.

— Причина, по которой вы знаете, что написал Нострадамус, в том, что это ваши собственные слова: те, что вы написали, когда жили как Нострадамус. В монастыре вы просто заново написали ту же картину, что и пятьсот лет назад. Психические проблемы, которые вас преследовали, возникли не из-за смерти родителей. Возможно, это был лишь толчок, но настоящей причиной было то, что ваша прошлая жизнь в образе Нострадамуса возвращалась к вам, пробиваясь в сознание. Это ощущалось как голоса в голове; как другая личность, обретающая форму внутри вас.

— Реинкарнация, — пробормотала Люси. — Такого не существует.

— Нет? Сотни миллионов индусов верят в неё. Древние греки тоже. Катары верили в неё. Каждая гностическая секта верила. Это древнейший из законов: любая душа, не достигшая Гносиса, вернётся — и будет возвращаться снова и снова.

— Вам нужно понять, Люси, что у каждого из нас есть не только родословная, но и линия души. Родословная — это список физических предков, генетически с нами связанных. Линия души не имеет ничего общего с генетикой. Каждый раз, когда наше тело умирает, душа должна найти нового хозяина. Большинство из нас забывают свои прежние воплощения — ради душевного равновесия. Лишь особо чуткие или те, кто пережил глубокую травму, получают доступ к прошлому своей души. Именно это происходило с вами последние месяцы. Нострадамус — самое сильное из ваших предыдущих воплощений. Весь его жизненный опыт хлынул в ваше подсознание, а затем и в сознание. Никакого расстройства множественной личности, никакого диссоциативного расстройства идентичности. Все ваши симптомы были связаны с памятью вашей души о времени, прожитом Нострадамусом.

— Я не могу этого принять.

— Многие влиятельные люди принимали это без труда. Более того — ликовали. Генерал Паттон был убеждён, что в прошлой жизни был Ганнибалом. Это мгновенно объясняло, почему он был таким блестящим военачальником. Забудьте о Вест-Пойнте — именно линия его души сделала Паттона военным гением.

— Генрих Гиммлер был уверен, что в прошлой жизни являлся Сеяном — жестокой правой рукой императора Тиберия; Томасом де Торквемадой, изгнавшим евреев из Испании; сэром Фрэнсисом Уолсингемом, шпионом Елизаветы I; Жозефом Фуше — начальником полиции Наполеона и основателем современного полицейского государства. Всегда он был вторым человеком при могущественном правителе. Такова роль, наиболее соответствующая его линии души.

— Адольф Гитлер был Навуходоносором — вавилонским разрушителем Храма Соломона в 586 году до н. э.; Иродом Великим, пытавшимся убить младенца Иисуса; Титом — полководцем и будущим римским императором, разрушившим Второй Храм в 70 году н. э.; императором Адрианом, изгнавшим евреев из Иудеи в 135 году н. э.; королём Эдуардом I, изгнавшим евреев из Англии в 1290 году н. э. Во всех своих воплощениях он был одержим уничтожением евреев.

— Почему Гитлер так ненавидел их?

— Всё просто. Он был реинкарнацией Каина.

Глава 54

Люси жевала хлеб с сыром, которые принёс ей Морсон. Она всё ещё находилась в маленькой боковой комнате, но теперь к ней присоединились Синклер и Гресник. Морсон дал им немного зачерствевшего хлеба, кусок чеддера и кувшин воды, затем запер их всех. Люси изо всех сил старалась сосредоточиться на еде и не думать о том, что Морсон рассказал ей о её прошлом как Нострадамуса.

Гресник стоял, прижав ухо к двери. — Там что-то происходит. Солдаты передвигаются.

— Как думаешь, что они делают? — спросил Синклер.

Это был первый раз за долгое время, когда Люси слышала голос кардинала. Она подумала, не стало ли это его самым страшным кошмаром: оказаться в окружении убеждённых еретиков, которые презирают его веру, и не иметь возможности ничего с этим поделать. В Риме он был человеком огромного влияния; здесь — ничем. С ним обращались как с шутком, слишком ничтожным, чтобы представлять какую-либо угрозу.

— Снаружи уже темно, — сказала Люси. — Разве Морсон не говорил, что всё начнётся с наступлением ночи?

— Какая-то церемония? — спросил Синклер.

Они принялись обсуждать имевшиеся у них сведения: знания Гресника о Судьбе каинитов, работу его деда и родителей, всё, что ему удалось собрать о похищениях святых реликвий и природных катастрофах по всему миру.

Синклер, в свою очередь, знал о росписи Рафаэля и о том, как Ватикан трактует последние события. Кроме того, как глава новейшей инкарнации Святой инквизиции, он был большим знатоком еретических учений множества гностических сект, расплодившихся в эпоху Иисуса.

У Люси были уникальные внутренние знания о росписи Рафаэля, сведения, полученные от Морсона, и весь багаж, накопленный за годы учёбы в Оксфорде. Не говоря уже о материалах её скандальной книги.

Вместе они были убеждены, что обладают ключами к пониманию происходящего. Они решили поделиться всем, что казалось им значимым. Начал Синклер — с введения в различные гностические ереси.

Существовало не менее восьмидесяти отдельных сект, сказал он, каждая из которых делала упор на каком-то своём аспекте гностицизма. Мандеи прославляли Иоанна Крестителя и поносили Иисуса, якобы искажившего послание Иоанна; присциллиане выступали против брака и деторождения как порождений Дьявола; борбориане в припадках сексуального разгула поедали нечистоты и пили менструальную кровь; офиты чтили змея в Эдемском саду за то, что он даровал людям тайное знание, которое Иегова стремился скрыть; сифиане полагали, что Ноев потоп был попыткой Иеговы уничтожить потомков Каина; каиниты превозносили Каина как величайшего борца с тиранией Иеговы; валентиниане верили, что после достижения Гносиса человек более не способен грешить — что открывало дорогу ко всему; монтанисты были безбрачными, осуждавшими брак и деторождение; василидиане считали, что Иегова злобно помогал евреям поработать другие народы и тем самым породил ту смуту, которая теперь терзает мир; карпократиане верили, что грех — это путь к спасению. И так далее — любые мыслимые нападки на Иегову и его почитателей.

— Думаю, мы можем согласиться, что сосредоточиться нужно на «Судьбе каинитов» и росписи Рафаэля, — сказал Гресник. — Ответ там, я в этом убеждён.

— Решение — в Грааль-реликвиях, — сказала Люси. — Они фигурируют в росписи, и они же упомянуты в «Судьбе каинитов».

— Согласен, — кивнул Гресник. — Мой дед был убеждён, что катары и тамплиеры когда-то владели всеми Грааль-реликвиями, но утратили их в ходе преследований со стороны католической церкви. Масоны искали их, а позже нацисты продолжили поиски. Дед подозревал, что если собрать все Грааль-реликвии в одном месте в одно время, они станут источником невероятной силы. Нацисты, по его убеждению, хотели использовать эту силу для уничтожения Земли.

Синклер кивнул. — Все гностические секты сходились в том, что материальный мир зол. Логически, конечной целью гностиков должно быть уничтожение мира. Если нацисты были потомками древней каинитской секты, «Судьба каинитов» обретает полный смысл.

— Хорошо, — сказал Гресник. — Нацисты искали Грааль-реликвии. Либо им не удалось собрать их все, либо одна или несколько были поддельными.

Синклер согласился. — Почти каждая религиозная реликвия была в своё время подделана. Средние века знали прибыльную торговлю священными реликвиями. Несколько чаш в Европе претендуют на звание Святого Грааля. Существует несколько предполагаемых Копий Судьбы. — Он взглянул на картину с Лонгином. — Подделки не действуют, — сказал он, — сколько бы искренне в них ни верили. Нужен настоящий артефакт. Я убеждён, что роспись Рафаэля раскрывает, где спрятаны подлинные реликвии, — но указать их место способен лишь один человек. — Он обернулся к Люси.

Гресник кивнул. — Всё это касается тебя, Люси. Именно поэтому Морсон назвал тебя самым важным человеком в мире. Без тебя им никогда не собрать настоящих Грааль-реликвий. А без них они обречены.

Глава 55

Сержант Морсон вошёл в комнату с Библией в руках. Рослый, крепкий мужчина с коротко стриженными светлыми волосами, он умел заполнять собой любое помещение. Люси казалось, что она физически уменьшается, когда он оказывается рядом.

— Задушевная беседа? — Он бросил Библию кардиналу Синклеру. — Правда вас тошнит? Вот почему вы цепляетесь за эту книгу лжи?

Синклер смерил его взглядом, но ничего не сказал.

— Священник, — произнёс Морсон, — это человек, который во имя одной лишь истины говорит одну лишь ложь. Чем больше ложь, тем яростнее она провозглашается как истина. Ложь окуривают ладаном и торжественно проносят перед одурманенными массами как незыблемые основы реальности — тогда как на деле она не может удержать даже сама себя.

— И вы считаете гностицизм ответом? — парировал Синклер. — «Религия», утверждающая, что мир зол.

— Ваши предшественники заседали в Трибунале Святой инквизиции, чтобы выносить приговоры моим предшественникам. Почему бы не воспользоваться этим случаем и не поставить народы Книги перед судом? Исследуем притязания евреев, христиан и мусульман? Как считаете, кардинал? Или вы чувствуете себя уютно лишь тогда, когда в вашем распоряжении есть камеры пыток?

— Говорите что угодно. Это ничего не изменит. Еретики взывали в пустыне на протяжении тысячелетий, и их голоса всегда угасали до полного молчания.

— Их голоса никуда не делись, кардинал. Совсем напротив. В нашем распоряжении есть Книга Моисея. В ней записано в точности то, что Иегова сказал Моисею, когда

еврейский пророк на сорок дней и ночей исчез на вершине горы Синай. Это самая жестокая книга, какую только можно вообразить. Иегова предстаёт в своём истинном обличье: Анти-Бог, Бог через тёмное стекло. Инверсия, перверсия, чёрная дыра, из которой никогда не выйдут свет, надежда и истина. Лучше было бы назвать Книгу Моисея Евангелием от Сатаны.

— Не верю, — сказал Гресник.

— Разумеется. Именно поэтому вы поклоняетесь ложным богам.

— Вы вырываете всё из контекста, всё искажаете.

— Вот как? Под Куполом Скалы на Храмовой горе лежит огромный необработанный кусок скалы. Вот в чём суть Храмовой горы, вот почему это самое священное место на Земле. Этот камень священен для евреев, мусульман и христиан, потому что все они верят: именно здесь началось Творение. Этот камень был первым материальным объектом, созданным во вселенной, которого непосредственно коснулась рука Бога.

— И именно отсюда, согласно преданию, Мухаммад вознёсся на небеса. Но здесь же Авраам — первый еврей и патриарх всех трёх религий — готовился принести в жертву своего сына Исаака. Можете ли вы представить, чтобы добрый Бог просил своего главного пророка пожертвовать собственным сыном? И можете ли вы представить, чтобы здравомыслящий пророк вообще рассматривал такую возможность? Только Сатана способен на подобную просьбу, и только сатанинский пророк был бы готов её выполнить. Конечно, апологеты этого Сатаны говорят, что он вовсе не собирался убивать Исаака. Тогда зачем вообще это предлагать?

— Никогда не забывайте: Иегова предпочёл кровавую жертву Авеля вегетарианскому приношению Каина. С самого начала он обнаруживал свою кровожадность. Сначала — жертвоприношение животных, потом — человеческое. Смертники-угонщики, кричащие «Аллах акбар», когда направляют самолёты с мирными пассажирами в небоскрёбы, — это воля Аллаха. Христианские лётчики, сбрасывающие атомные бомбы и уничтожающие десятки тысяч в мгновение ока, — убивающие женщин и детей и называющие это «сопутствующими потерями», — это воля Бога. Еврейские боевые вертолёты, уничтожающие палестинские семьи, отдыхающие на пляже, еврейские солдаты, застреливающие детей за бросание камней, давящие бульдозерами правозащитников — это воля Иеговы. Это не Бог, это Сатана: бог зла, человеческой бойни в промышленных масштабах. Это механизация массового убийства.

— И эти люди, поклоняющиеся Сатане, — евреи, христиане, мусульмане — имеют наглость говорить о необходимости терпимости и мультикультурализма. Как эти люди вообще решаются смотреть друг другу в глаза? Как они терпят соседство с тем, кто, по их убеждению, обречён на адские муки? Они кивают им по утрам и обмениваются лицемерными любезностями? Есть ли что-то более тошнотворное? Но вы при этом не согласны со мной, что именно Сатана создал эти религии.

— Хотя бы индуизм правильно понял реинкарнацию. Если у нас есть вечная душа, почему ей даётся лишь один шанс прожить праведную жизнь? Почему не два, не десять, не тысячу — столько, сколько нужно? Почему одна-единственная попытка, и ад в ожидании, если что-то пошло не так?

— А что насчёт гностиков? — сказал кардинал Синклер. — Что хорошего может выйти из утверждения, что мир зол? Это безумие.

— Безумие? Что ж, мы не верим в то, чтобы отправлять кого-либо в ад. Мы считаем, что ад уже здесь. Наша миссия — освободить всех. Мы хотим вернуть каждую заблудшую душу к Истинному Богу. Евреев, христиан, мусульман, индусов, буддистов, атеистов — всех — мы хотим спасти каждого, вернуть каждую заблудшую душу в рай. Даже всех тех,

кто ненавидел нас, преследовал нас, сражался с нами, противился нам — даже они будут спасены. Даже вы, кардинал. Вы хотите отправить меня в ад, а я хочу привести вас в рай — и при этом вы утверждаете, что ваша религия превосходит мою. Мусульмане хотят взорвать меня, а я хочу вести их к небесам. Евреи хотят проклясть меня навечно за то, что я говорю им: Иегова есть Сатана, — а я хочу, чтобы они присоединились ко мне в раю и купались в свете единого Истинного Бога. Гностицизм — единственная нравственная религия, единственная истинная религия любви, мира и прощения.

— А как насчёт Холокоста? — резко произнёс Гресник. — Разве он не опровергает всё, что вы говорите? Это было самое страшное злодеяние в истории, и приказали его совершить гностические вожди нацизма.

Морсон впервые выглядел смущённым.

— Соглашусь, — произнёс он после паузы. — Нам всегда будет стыдно за это. Мы отвергаем бессмысленное насилие, а Холокост был совершенно бессмысленным. Могу лишь сказать, что у него был особый контекст. Это не оправдание, но оно объясняет, почему всё произошло именно так.

— После того как Гитлер завоевал Францию, одним из первых мест, куда отправились солдаты СС, стал готический собор в Шартре: они начали копать в крипте в поисках Ковчега Завета. Шартр давно подозревали в том, что именно там хранится Ковчег, и для этого есть весомые основания. На северном портике собора — скульптуры, изображающие Ковчег Завета, а на одном из столпов — латинская надпись: *Hic Amicitur Archa Cederis*, что означает «Здесь сокрыт Ковчег Завета». СС обнаружили нечто, погребённое под криптой, и не сомневались, что это пропавший Ковчег.

— Гитлер ликовал. Затем до него дошли ещё более невероятные новости. Он всегда полагал, что два из Грааль-реликвий — блюдо и сам Святой Грааль — спрятаны в Англии и что ему придётся завоевать Англию, прежде чем заполучить их. Но раскопки СС в Лангедоке позволили обнаружить чашу и блюдо близ деревни Ренн-ле-Шато — и они казались подлинными. Гитлер был потрясён. Он решил, что у него теперь есть все четыре Грааль-реликвии: чаша, блюдо, Копьё Судьбы из Хофбургского дворца в Вене и меч оттуда же — так называемый Меч Святого Маврикия, — а также то, что он считал подлинным Ковчегом Завета. Иными словами, у него было всё необходимое для самого священного из обрядов.

— Какого именно? — спросил Гресник.

— Узнаете, когда наступит 30 апреля.

— Итак, что же произошло с Гитлером и его обрядом? — спросила Люси.

— 30 апреля 1941 года, в пору наивысшего расцвета нацизма, Гитлер и двенадцать старших офицеров СС отправились в Монсежюр. Французские крестьяне сообщали, что сотни немецких самолётов пролетели над крепостью странными строями. Один из строёв напоминал свастику, другой — крест тамплиеров. Из всех мужчин, присутствовавших на церемонии, к концу 1945 года в живых остался лишь один: штурмбанфюрер СС Ганс Леман. В течение тридцати шести часов мы проведём ту же церемонию — с некоторыми новыми элементами.

— Могу лишь сказать, что церемония Гитлера провалилась, и он был сокрушён. Некоторые говорят, что его рассудок надломился и он уже никогда не был прежним. Он объяснял свою неудачу еврейскими кознями и в тот же самый день разработал план окончательного решения. Это был поступок отчаявшегося человека, суждение которого было непоправимо искажено. В июне 1941 года он начал вторжение в Советский Союз — оплот того, что он считал еврейским большевизмом, — и начался долгий путь нацистов к поражению.

— Я не собираюсь защищать действия Гитлера. После 30 апреля 1941 года он был безумцем — по моему убеждению. Леман был того же мнения. Но преступления прошлого остались в прошлом. 30 апреля 2012 года ошибок не будет. Эпоха лжерелигий Демиурга, его царства террора, почти завершена.

— Католическая церковь видела тысячи подобных вам, — произнёс Синклер, поднимаясь. — Мы переживём вас надолго.

— Вот как? Позвольте сказать вам, каков общий посыл народов Книги: ненависть, резня, разделение и смерть. Вот во что верят дети Авраама. Два их главных тезиса таковы: если ты с нами не согласен — мы убьём тебя, и: если ты с нами не согласен — ты попадёшь в ад. И при этом они называют себя добрыми и достойными людьми.

— Ирония в том, что вопрос об аде уже решён. По убеждению христиан, каждый умерший еврей — в аду. Все жертвы Холокоста — прямиком в ад. То же самое в исламе. Великий Пророк ислама — в аду. Не как предположение, как факт. Прямо сейчас все те мусульмане, которые произносят «Мир ему», говорят о человеке, который в настоящий момент пребывает в аду и испытывает все его муки. Если Мухаммад не в аду прямо сейчас — значит, все христиане ошибаются, и ад наполнен папами и святыми. Разве это не поразительно? Игра давно закончена, но никто не знает счёта, хотя на кону — их вечная душа. В этой игре жизни, где рай — награда победителю, а ад — наказание проигравшему, правила известны во всех подробностях, однако творец игры отказывается сообщать результаты миллиардов партий, которые уже сыграны. Только когда наша жизнь подходит к концу и менять что-либо уже поздно, мы узнаём счёт.

— Если Мухаммад прямо сейчас в аду, почему Бог не сообщает об этом мусульманам, чтобы они могли исправить своё нечестие? Если папы и святые в аду, почему Аллах не избавляет христиан от их заблуждений? Если рай полон евреями, почему Иегова не говорит христианам и мусульманам, что они смертельно ошибаются? Ни одна игра не бывает смертоноснее этой. Какой разум способен придумать подобное? Только сатанинский.

— Какой здравомыслящий человек станет отрицать, что иудаизм, христианство и ислам — дело рук Сатаны? Они плывут по морю крови, среди крестов мёртвых, уходящих во все стороны до горизонта. Никакой любви — только ненависть; никакого мира — только война; никакого сострадания — только беспредельная жестокость. Величайшим благодетелем человечества стал бы тот, кто навсегда покончил бы с этими безумными, дьяволом внушёнными религиями.

— И вы думаете, она сидит вон там? — медленно произнёс Гресник.

Морсон кивнул. — Через несколько часов Люси освободит нас от ада.

Глава 56

Дверь отперли и медленно распахнули. Шаги удалились. Что происходит? Морсон ушёл от них час назад. Никто из троих не хотел в этом признаваться, но его тирада выбила их из колеи. Синклер заявил, что еретики часто звучат убедительно с первого раза, но при некотором размышлении нелепость их доводов становится очевидной. Звучало это неубедительно даже для него самого.

Гресник поднялся на ноги и осторожно подошёл к двери. — Здесь никого нет. Все ушли.

Изумлённые Люси и Синклер присоединились к нему в дверном проёме. Часовня была пуста.

Люси бросилась к главному входу. Когда она распахнула дверь, то невольно отступила назад. На подъездной дорожке стояла чёрная карета, запряжённая четырьмя

иссиня-чёрными лошадьми в шорах — катафалк. На козлах сидели двое мужчин в чёрных цилиндрах и длиннополых сюртуках.

У катафалка были стеклянные окна. Заглянув внутрь, Люси увидела чёрный гроб, покрытый венками из чёрных цветов.

Из-за боковых стен часовни появились другие мужчины в цилиндрах и фраках и торжественной процессией двинулись к задней части кареты. Они вынули гроб и взгромоздили его на плечи.

Люси показалось, что мужчины загримированы — набелены под покойников. Они выглядели призрачно, словно существа, шагнувшие сквозь портал из иного мира. Появилось ещё множество мужчин — все в том же странном облачении, с такими же белёными лицами.

Гресник и Синклер теперь стояли прямо за Люси.

— Что происходит? — спросил Гресник.

— Дьявольщина, — произнёс Синклер, выступая на снег. Один из скорбящих направил на него пистолет и жестом велел вернуться внутрь. Мужчина подошёл и надел наручники на Синклера и Гресника.

Воцарилась тишина. Ни звука. Ночь словно умерла. В гробу было что-то странное. Люси чувствовала, что он как-то связан с ней, — но не понимала как.

Восемь мужчин внесли гроб в часовню, остальные последовали за ними. Гробовщики прошли по центральному проходу и поставили гроб на чёрный катафалк. Все отдали честь. Один из них, в белых перчатках, снял крышку гроба.

Люси поняла, что от неё ждут: она должна подойти и заглянуть внутрь. Все расступились, освобождая ей путь. По мере того как она шла по проходу, ноги несли её всё медленнее — словно она брела по патоке. И всё же в гробу не было ничего, что могло бы её напугать. Её собственные призраки были далеко.

У изножья гроба она увидела фигуру, накрытую белым саваном, лицо скрыто под белой кисейной вуалью.

— Кто это? — шёпотом спросила она мужчину в белых перчатках, но тот не ответил.

Она двинулась вдоль гроба, пытаясь разглядеть лицо сквозь вуаль. Зачем солдаты затеяли всё это? Быть может, кто-то из их товарищей погиб в бою при Тинтагеле? Но она никак не могла отделаться от ощущения, что всё это устроено ради неё. Только зачем? Меньше всего на свете ей сейчас хотелось смотреть на труп.

Она вспомнила тот день, когда они с отцом пришли в похоронное бюро — взглянуть на маму, лежащую в гробу. Они шли туда, держась за руки, молясь о силах пережить это испытание. Отец бросил один-единственный взгляд на лицо жены, затем отвернулся, закрыв лицо руками, и начал плакать. Она никогда прежде не видела его слёз. Он сел и больше не поднял глаз.

Люси смотрела на лицо матери и осторожно коснулась пальцами её щеки. Кожа была восковой и ледяной. Уже не человеческой — жизненные силы давно ушли. Душа? Это, конечно, был главный вопрос. Если у людей нет души, то всё на этом. Она больше никогда не увидит лицо мамы — только на фотографиях. «Очарование лета длится недолго», — написала мать в последней записи своего дневника. Эти слова Люси поместила на венок из красных роз. Наклонившись, она поцеловала маму в губы и прошептала: «Прощай, мама».

Когда несколько месяцев спустя в том же похоронном бюро лежал отец, она отказалась смотреть. Второй раз она не могла через это пройти. Смотреть на мёртвых — значит впускать смерть в себя. Трупы — это зеркала. Они дают тебе предвкушение собственной смерти.

Сержант Морсон, одетый, как и все остальные, встал рядом с Люси.

— Зачем? — прошептала Люси.

— Тебе нужно знать, кто ты такая, Люси. Я хочу, чтобы ты убедилась: ты одна из нас, ты всегда была одной из нас. Сними вуаль и убедись сама. — Он сделал шаг назад.

Пока рука Люси нависала над лицом мужчины, она была почти уверена, что смотреть не следует. Это просто неправильно. Она оказалась в том же положении, что и турист, обнаруживший мёртвого отца в море у Тинтагеля. Но рука сама потянулась к гробу, и пальцы коснулись мягкой кисеи вуали. Она вгляделась, пытаясь разглядеть черты сквозь ткань. Мужчина, решила она. Немолодой — значит, не кто-то из солдат. Что, ради всего святого, Морсон ожидал от неё?

Медленно она потянула вуаль на себя. Глаза её становились всё шире по мере того, как открывалось всё больше и больше черт лица. Не дойдя и до половины, она резко остановилась, руки упали вдоль тела — словно от удара электрическим током.

О, Господи Иисусе, этого не может быть.

Она прикрыла рот рукой, подавляя тошноту. Она не могла дышать. Всё тело онемело. Шатаясь, она добрела до скамьи и рухнула на неё — как раз прежде, чем ноги подкосились. Она хотела кричать, но рот лишь беспомощно раскрылся.

Боже. Эти люди были монстрами.

Глава 57

Колонна «Хамви» добралась до замка Кэдбери лишь к ночи. Машины ехали по заснеженным полям, чтобы подобраться как можно ближе к холму, — шум двигателей заглушал сильный ветер.

Битва при Камлане, вспомнил теперь Вернон совершенно отчётливо, предположительно произошла на лугах между огромным курганом замка Кэдбери и берегами реки Кам — поля превратились в грязное болото, когда в тот день снег сменился проливным дождём. Люси, привезя его сюда три года назад, попыталась воссоздать перед ним ту картину. Король Артур находился внутри Камелота со своей небольшой армией. Через реку переправлялся племянник Артура — Мордред — со своим куда более многочисленным войском мятежников. По всей логике, Артуру следовало остаться в крепости и попытаться выдержать осаду. Вместо этого он и его немногие оставшиеся верными рыцари выехали навстречу врагу в своих лучших, сверкающих доспехах. Последняя атака рыцарства.

Вернон вышел из «Хамви», и его сапоги с хрустом погрузились в глубокий снег. В Лондоне снег выпадал редко и не задерживался надолго. Здесь он лежал на несколько дюймов. В свете фар «Хамви» снег поблёскивал и искрился, как хрустальное поле, — но Крюгер быстро приказал погасить огни.

Вокруг Вернона солдаты рассыпались в разные стороны — в том числе несколько уцелевших бойцов SAS. Никаких разговоров — лишь профессионалы, выполняющие свою работу.

— Чувствуешь? — прошептал Крюгер. — Там что-то есть.

Вернон кивнул. Он почувствовал это давно.

— Посмотри туда. — Крюгер указал на север.

Вернон прищурился и разглядел небольшую яркую точку — как звезда.

— Знак Сатаны. — Крюгер перекрестился. — Он здесь. Ты же знаешь, правда? Это его насмешка над Вифлеемской звездой.

Шерлок Холмс ошибался, подумал Вернон. Даже невозможное нельзя исключать. Он был убеждён: Люцифер действительно там. Не было смысла это отрицать, не было

смысла бороться с невозможностью случившегося. Этого не могло быть — но это было. — Что нам делать? — спросил он. Он вспомнил, что Крюгер говорил раньше о возможности убить Люцифера. Серебряные пули здесь не помогут. Распятая, святая вода, чеснок — всё бесполезно. Ковчега Завета у них, разумеется, тоже не было.

— Мы должны использовать любую возможность, чтобы вызволить Люси, — сказал Крюгер.

— Но как сражаться со сверхъестественным? У нас нет нужного оружия.

— У нас есть вера. А теперь — вперёд. — Крюгер повёл всех на крутой склон, ведущий к плато замка Кэдбери.

Подъём давался с трудом. Солдаты то и дело скользили, карабкаясь по заснеженному склону сквозь промёрзшие деревья, осыпавшие их звенящими ледяными кристаллами. Над курганом висела кроваво-красная луна, бросая такой же болезненно-красный свет, что и дневное солнце.

Миновав деревья, они добрались до края кургана. В дальнем углу плато мерцали огни.

Крюгер поднёс к глазам бинокль ночного видения. — Тамплиерская церковь, — сказал он. — Снаружи стоит катафалк.

— Катафалк? Ты не думаешь...

— Поверь мне, Люси жива.

Вернон чувствовал, как холод сочится сквозь форму и добирается до костей. Когда же закончится этот кошмар? Он был измотан — физически, морально, всеми мыслимыми способами. И всё же откуда-то изнутри он знал: настоящие испытания ещё даже не начались.

— Снаружи нет часовых, — сказал Крюгер. — Мы окружим церковь. В такую метель нас не ждут. Снегопад скроет наши следы. Идём прямо через поле и берём часовню в кольцо. Если есть задний вход — разделимся на две группы и одновременно ворвёмся спереди и сзади. Если нет — идём через фронтальный вход. Используем светошумовые гранаты для дезориентации. Эффект внезапности будет максимальным.

Все солдаты кивнули.

На словах звучит отлично, подумал Вернон. Но ведь там — то существо. Как одолеть Князя тьмы?

Глава 58

Люси обхватила голову руками. — Нет, — пробормотала она, — это не настоящее. Морсон сел рядом и взял её за руку.

— Я его похоронила, — сказала Люси. — Это не может быть он.

— Ты похоронила ящик с камнями, Люси. Мы забрали тело твоего отца и забальзамировали его. Мы имели на это право.

— Что вы имеете в виду? — Слова вырвались из уст Люси так тихо, что она не была уверена, услышал ли их Морсон. Её пальцы нащупали медальон — тот, что она нашла в Пещере Мерлина. Теперь он висел у неё на шее — самое дорогое, что у неё было. Она подняла его и поцеловала.

— Покажи мне его. — Морсон жестом попросил передать медальон.

— Я никогда его не отдам.

— Он не твой. Ты взяла его у отца, не так ли?

Люси прижала медальон к груди.

— У каждого из нас есть такой, — сказал Морсон. — На нём снаружи выгравированы буквы DA.

Люси вздрогнула. Эти две буквы всегда её занимали. Отец говорил, что они означают латинские слова, особенно дорогие ему, но так и не раскрыл, какие именно.

— Deus Absconditus, — произнёс Морсон. — По-латыни это значит Сокрытый Бог.

— Гностический бог?

— Истинный Бог, единственный Бог, — сказал Морсон. — Сокрытый от всех, кто в плену у Творца этого адского мира. — Он указал на медальон. — Откройте его.

— Я нашла его там, где он утонул. Внутри моя фотография.

— Под вашей фотографией вы найдёте один из наших священнейших символов — Мёртвую голову.

Люси сделала, что просил Морсон, — но лишь механически. Она уже знала, что он прав. Вынув маленькую фотографию, она смотрела на искусно выгравированную Мёртвую голову под ней.

— Я уже говорил, Люси: ты всегда была одной из нас. Твой отец был нашим Великим Магистром, нашим Верховным жрецом, человеком с самой прославленной родословной в мире. Он мог проследить свою линию до самого начала... до нашего земного владыки и повелителя.

— Вы говорите, что мой отец был прямым потомком Каина?

— Именно поэтому ты — Избранная, Люси.

— Но зачем он покончил с собой? Зачем оставил меня? Он никогда ничего мне не говорил об этом. Ни слова. Не могу поверить, что вы забрали его тело.

— В конце он был не в своём уме, Люси. Когда он поехал в Тинтагель, то пытался найти Меч Судьбы — тот самый, что нашли вы. Он хотел отдать его вам, объяснить всё, но не сумел обнаружить никаких следов.

— Вы хотите сказать, что он не покончил с собой в Тинтагеле? Он поскользнулся или что-то в этом роде?

Морсон покачал головой. — Нет, он определённо сам лишил себя жизни. Он был обязан. В конце концов, он совершил страшное преступление.

— Какое?

— Преступление против гностицизма, против убеждений, которым он следовал всю жизнь: преступление любви. Он любил свою жену и превыше всего — тебя.

Люси покачала головой. — Как можно называть любовь преступлением?

— Любовь была смертоноснейшим даром Сатаны человечеству. Когда Пандора открыла свой ящик, первым и величайшим злом, вырвавшимся наружу, была любовь.

— Я не понимаю.

— Любовь — это клей, удерживающий души привязанными к этому миру, застрявшими в этом аду. Она вгоняет нас в трясину страданий. Любовь сверкает и соблазняет. Никто не вынес бы ни мгновения этого ада, если бы испытывал одну лишь боль. Именно любовь позволяет людям терпеть его. Любовь ловит нас в ловушку, держит в гнёте материального мира — этого ложного мира ложного бога. Но вы, лучше кого-либо другого, знаете: обратная сторона любви — боль, самая страшная боль из всех.

Люси отвернулась. Морсон, при всём своём безумии, был прав. Любовь — яд. Прекрасный яд, но яд. Первый глоток может быть раем, но всё, что следует за ним, — ад.

— Что вы собираетесь сделать с телом?

— По нашей традиции Великому Магистру устраивают погребение по-викингски.

Люси не возражала. Когда несколько месяцев назад распорядитель похорон спросил, как она хочет похоронить отца, она чуть не выбрала кремацию. Как учёный, занимавшийся Римом, отец одобрил бы уйти из этого мира так же, как Юлий Цезарь — на погребальном костре.

— Кольцо, — сказала она. — Отец всегда носил кольцо. Оно у вас?

— Кольцо было передано преемнику вашего отца на посту Великого Магистра. Я разговаривал с ним по телефону, но никогда не встречался. Его личность — строго охраняемая тайна.

Шорох за спиной заставил Люси резко обернуться. В центре прохода стоял полковник Гресник. Наручников на нём не было, в руке он держал пистолет. Люси ахнула. Пистолет был направлен прямо ей в голову.

— Иди сюда, — отрывисто скомандовал он.

Люси взглянула на Морсона. Его лицо было странно непроницаемым.

— Не смотри на него, — крикнул Гресник. — Он не поможет тебе. Просто делай, что я говорю, и подойди сюда.

Люси встала. Он начинал ей нравиться, этот Гресник. У них было так много общего, так много причин быть на одной стороне. Теперь она понимала, что совсем его не знает. Он собирается её застрелить, не так ли? Морсон был прав с самого начала — только он и его люди действительно хотели её защитить. Сердце Люси колотилось, пока она шла к полковнику.

— Я уйду отсюда вместе с Люси, — крикнул Гресник, — поэтому всем отступить!

— Вы никуда не пойдёте. — Морсон поднялся. Он и его люди выхватили пистолеты.

Гресник схватил Люси, развернул её к себе спиной, обхватил рукой за горло и приставил ствол к её виску. — Клянусь, я выстрелю.

Все солдаты подняли пистолеты, нацелив их на Гресника.

— Не вынуждайте меня, — сказал Гресник. — Вы знаете, что я не буду медлить.

— Считаю до трёх, — произнёс Морсон. — Если вы не отпустите Люси, мы застрелим вас. Раз... Два...

Гресник бросил пистолет и ослабил хватку. Люси метнулась обратно к Морсону.

— Не понимаю, — сказал Гресник. — Вы были готовы позволить мне застрелить Люси. А ведь весь ваш план держится на ней.

Морсон усмехнулся. — Неудивительно, что управление не слишком преуспевает. Разведка бесполезна, если она оторвана от психологии.

— Что?

— У вас был пистолет, полковник, и у вас была Люси. Если бы вы намеревались убить её, вы бы сделали это немедленно. Вы слишком дорожите собственной жизнью — или, быть может, жизнью Люси так же, как мы.

Гресник уставился в пол.

— Посадить полковника и кардинала на одну из средних скамей, — приказал Морсон. — На этот раз — кандалы на ноги, помимо наручников. Я не хочу...

Он замолчал, и все его люди резко обернулись.

Снаружи застрочил пулемёт.

Глава 59

Вернон укрылся за невысокой каменной стеной, которую обнаружил в разгар хаоса. Сердце колотилось так, что казалось, он вот-вот потеряет сознание. Господи, что произошло? Словно эти твари заранее знали и ждали.

Они шли через плато к часовне. Падал снег. Ночь была странно прекрасна. Вернон всегда находил снег волшебным. Он преображал усталые, примелькавшиеся виды. Будто чудесный животворный порошок рассыпали над землёй.

И вдруг заснеженное поле попросту поднялось вверх. Вернон ахнул, когда тысячи воронов стряхнули с себя снег, под которым лежали. Птицы взмыли ввысь огромной

хлопающей массой, снег осыпался с их крыльев белым дождём. Это было одновременно ужасающим и захватывающим зрелищем. Лёд, сбитый воронами, звенел, падая обратно на землю, словно странные музыкальные колокольчики. Когда вороны устремились вверх, они слились с бурей. Ветер хлестал по плато — со снегом и льдом, — жалил глаза так, что Вернон едва видел. Всех его товарищей словно поглотила ночь. Он остался один, потерянный.

Каждый ворон кричал, создавая жуткий хаос звуков, — птицы кружили и хлопали крыльями в ночном небе. Затем они начали пикировать — как пикировщики Junkers Ju 87, прозвищем «Штука», с тем же наводящим ужас воем.

Вернон услышал дробь пулемётной очереди. Он бросился на снег и потянулся к пистолету-пулемёту «Узи», который раньше дал ему Крюгер. Сквозь снежную круговороть он различал смутные движущиеся силуэты. Боец SAS пронёсся мимо, поливая воздух очередями, — на него налетела клубящаяся туча воронов. Десятки птиц падали с неба, заливая снег кровью, — но и солдаты издавали страшные крики. Никто не мог выжить под этими воздушными атаками. Воронов было слишком много.

Тогда Вернон пополз к стене под прикрытием деревьев. Он сидел там, тяжело дыша, прижавшись спиной к камню. Вороны охраняют часовню, понял он. Господи Боже, словно у них был человеческий разум — или кто-то управлял ими.

Сквозь метель появилась огромная тёмная фигура. Поначалу она была высоко над воронами, но вскоре устремилась вниз, промелькнув перед налитой кровью луной. На мгновение луна мигнула — словно её свет втягивала чёрная дыра. Фигура, казалось, имела огромные бьющие крылья, искажающие воздух и порождающие чудовищные порывы ветра.

— Христос, спаси нас, — крикнул кто-то из солдат.

Вернон узнал голос Крюгера и попытался разглядеть, где он.

Тёмная фигура пронеслась низко над полем, хлопая крыльями.

Теперь Вернон видел немного чётче. Большинство солдат бросились на снег и вели огонь вверх из положения лёжа. Крюгер швырнул в небо гранату — прямо в фигуру. Пауза, почти тишина — и взрыв.

Пулемётная очередь застрочила снова, но звучала отчаянно.

Крюгер выбежал из хаоса и метнулся к стене, за которой прятался Вернон. — Нас уничтожают, — кричал он. — Нужно уходить.

— Мы не можем уйти, — выпалил Вернон. — Люси всё ещё в часовне.

— Мне нужно было убить её, пока была возможность.

— Что?

— Открой глаза, болван. Люси Галахан — дитя Дьявола. Если мы позволим ей жить, весь мир погибнет.

Вернон оттолкнул его и выбежал из-за укрытия. Тут же огромная тёмная фигура возникла над ним. Он попытался закричать, но звук застрял в горле. Существо хлопало крыльями всё ближе и ближе. Он прижал ладони к ушам, пытаясь заглушить оглушительный звук.

— Боже, помоги мне, — закричал он... но всё вокруг начало темнеть.

Глава 60

Люси была поражена тем, насколько невозмутим сержант Морсон в ответ на стрельбу.

— Никто не причинит тебе вреда, Люси. — Он широким шагом направился к двери, где его люди торопливо переодевались в камуфляжную форму. — Пять минут — и патруль готов, — рявкнул он. — Только разведка.

— Нам не следует объявить полную боевую готовность, сэр? — спросил один из солдат — как раз в тот момент, когда стрельба снаружи стихла. Теперь слышались лишь пронзительные крики воронов.

— Поверьте мне, снаружи теперь одни трупы.

Глядя на немногочисленных солдат, выходящих наружу, Люси была почти уверена: это Крюгер и его швейцарские гвардейцы пытались штурмовать часовню. Убить её или спасти? Всё было так запутано. Имеет ли вообще смысл говорить о хороших людях и плохих? У Морсона, Крюгера, Синклера и Гресника — у каждого была своя цель. Отец тоже оказался в это впутан. Она никак не ожидала.

Было невыносимо думать о швейцарских гвардейцах, лежащих там, на снегу, замёрзших, растерзанных воронами. Умереть так далеко от дома. Может, кому-то удалось спастись. Она надеялась, что Крюгер жив. Слишком жестоко, если погибнут оба брата. Кто-то должен будет сообщить их матери. Это разобьёт ей сердце. Два сильных, гордых сына бросили жизни на ветер. Ради чего?

Она сидела на своём обычном месте на передней скамье и смотрела на изящные витражи. Потребовалась минута, чтобы заметить нечто странное: на панели с Распятием все фигуры, кроме Иисуса, улыбались. Его смерть, похоже, была поводом для радости. Неудивительно, что сюда не приходил ни один священник.

Примерно через четверть часа входная дверь распахнулась, и патруль вернулся, неся раненого. Его уложили на одну из задних скамей, и Люси поспешила вперёд — посмотреть, чем может помочь.

— О господи — Джеймс! — Она потянулась к нему дрожащими руками. Без сознания — но живой. Он пережил крушение вертолёта, и теперь — это.

— Его трудно убить, — пробормотал Морсон.

Люси оглянулась на Гресника. Тот повернулся и смотрел на Джеймса. Правда ли то, что он говорил, — что Джеймс планировал убить её? Не считая родителей, она никому не доверяла так, как ему.

— Позвольте мне ухаживать за ним, — попросила она.

Морсон нахмурился. — Яблоко от яблони. Ради нас всех мне следовало бы убить его прямо сейчас.

— Прошу, не трогайте его.

Морсон смотрел на алтарь. — Я решу насчёт него позже. А сейчас, Люси, пришло время. В этой часовне находится одна из Грааль-реликвий. Найди её для нас.

Глава 61

Все остановились и уставились на неё. Синклер и Гресник хмурились. Люси не хотела уходить от Джеймса, но понимала: нельзя раздражать Морсона. Она заставила себя медленно обойти часовню, по очереди останавливаясь у каждой Остановки Крестного пути. «Иешуа бен Йосеф», — прошептала она про себя. Как и говорил Морсон, это звучало не так. Имена важны. Определяют ли они судьбу? Люси Галахан. Стоит ли она сейчас в этой часовне лишь потому, что носит это имя? Если бы она звалась Дженни Браун, была бы она дома с мужем и детьми, моля премьер-министра спасти страну?

Она отвернулась от витражных окон и прошла вдоль каждого ряда скамей, пытаясь что-то почувствовать, — но ничего. Зачем вообще помогать Морсону? Когда он сказал ей, что её отец был их вождем, она как-то само собой решила, что помогать ему и

его людям — правильно. Но она так и не поняла, в чём их конечный план. Они соберут Грааль-реликвии и проведут некий обряд — а что дальше? Уж не прав ли Гресник, что Грааль-реликвии — это нечто вроде сверхоружия?

Морсон был человеком без любви в глазах — совсем как Крюгер. Правильно ли союзничать с теми, кто не способен любить? Она соглашалась с ним, что любовь может быть страшнейшим злом — сама думала об этом не раз, — но мир без любви: есть ли в нём место для людей? Не стал бы он худшим из всех адов?

Она взглянула на Джеймса, вытянувшегося на задней скамье. Рядом склонился солдат с нюхательной солью. Серьёзных ранений, кажется, не было.

Ей разбивало сердце, когда пришлось разорвать их отношения, — но выбора не было. Любовь парализовала её. Зная, что всё непременно кончится, она не могла ни думать, ни расслабиться. Тревожиться о конце любви, понимала она, — это и есть её конец.

Как ни хотела она быть рядом с Джеймсом, его присутствие её тяготило. Трудно было осознавать, что за спиной у неё — бывший возлюбленный, а впереди — мёртвый отец. Любовь и смерть. Они были неразрывно связаны.

Она прошла по правому боковому проходу и обогнула алтарь сзади, подойдя с противоположной стороны от гроба отца. Ей было не по себе от того, что приходится смотреть на этот чёрный ящик. Чуть раньше она настояла на том, чтобы крышку закрыли.

Когда она остановилась перед алтарём, пальцы закололо. С самого начала она знала: если в часовне что-то спрятано, ключ — в алтаре. Это было единственное оригинальное сооружение в часовне.

Она подсунула руки под алтарь и стала водить ими по холодному мрамору. Возле края жжение в пальцах усилилось — то же самое ощущение, что и когда она касалась меча в Пещере Мерлина.

Она отступила на несколько шагов и опустила голову — почти стыдясь того, что делает. — Он внутри алтаря, — тихо произнесла она. — В скрытом отсеке.

Морсон кивнул одному из своих людей, и солдат вернулся через несколько секунд с кувалдой. Он подошёл к месту, указанному Люси, и начал разбивать алтарь. Вскоре мрамор треснул, обнажив полость, которую предсказала Люси. Солдат быстро выбил остатки мрамора и вытащил спрятанное внутри копьё.

Люси ожидала от Морсона бурной радости. Вместо этого его лицо побледнело. Солдат передал ему копьё и отступил.

— Разве не этого вы хотели? — спросила Люси, озадаченная реакцией Морсона.

— Я боялся этого момента, потому что не понимаю, что он означает.

— Не понимаю.

— Мы всегда были совершенно уверены, что настоящее Копьё Судьбы уже в нашем распоряжении. Сам Гитлер держал его в руках в Хофбургском дворце в Вене в 1938 году. Сомнений не было — то самое. Оно светилось в его руках, именно как гласит легенда. После войны генерал Паттон распорядился переправить его в Америку, а в Хофбург вернуть подделку.

— Генерал Паттон был одним из вас?

— Вы слышали о Секции 5? — спросил Морсон.

Люси кивнула. Гресник настойчиво подчёркивал значение Секции 5 в их недавнем разговоре. Она нашла это невероятно интригующим.

— Паттон стал убеждённым сторонником, когда у Секции 5 появилась возможность поговорить с ним и изложить факты, — сказал Морсон. — Всё, что ему

сообщили, было в полном согласии с его собственными убеждениями о реинкарнации — о том, что он был Ганнибалом, и так далее.

— Но копьё Гитлера тоже должно было быть поддельным, — сказала Люси. — Вот настоящее. Я уверена.

— Не могу в это поверить. Хотя я знаю: всегда существовали два копья, претендовавших на звание подлинного Копья Лонгина. У нас — то, что некогда входило в Имперские регалии Священной Римской империи. Что касается другого — быть может, это оно.

— Вы имеете в виду Копьё Антиохийское, не правда ли? — Люси была знакома с историей соперничающего копья. Во время Первого крестового похода Антиохия была осаждена многочисленным мусульманским войском и готова была вот-вот пасть. Один христианский монах заявил, что имел видение от святого Андрея: Священное копьё якобы зарыто в соборе Святого Петра в Антиохии. Копьё было найдено, и на следующий день христианское войско вышло в бой, неся его перед собой, — и одержало знаменитую победу.

Морсон кивнул. — Даже в те времена многие были убеждены, что Антиохийское копьё не подлинное. Мы никогда не принимали его всерьёз. И всё же вы — Избранная, и вы нашли для нас это копьё. Не исключено, что это действительно Копьё Антиохийское, привезённое в Англию из крестовых походов и в конце концов спрятанное здесь.

— Грааль-реликвий всего четыре, — заявила Люси. — Все они уникальны и неповторимы. Двух копий быть не может.

— Подделки всегда были нашей главной проблемой, — устало произнёс Морсон. — Фальшивые Грааль-чаши, фальшивые копья, фальшивые мечи, фальшивые блюда. Мы не одни страдаем от подделок. Взгляните на католическую церковь. Фальшивые щепки Истинного Креста, фальшивые мощи святых. Туринская плащаница — подделка. На ней на самом деле изображено тело Жака де Моле, последнего Великого Магистра тамплиеров. Поскольку де Моле отверг Иисуса, инквизиция устроила над ним издевательское распятие и мнимое погребение в плащанице. После он был сожжён на столбе на маленьком острове посреди Сены в центре Парижа. Так что Туринская плащаница — такая же фальшивка, как и всё прочее. Фальшивые чудеса. Фальшивые видения. Фальшивые исцеления. Но никогда не стоит недооценивать силу ложных убеждений, не правда ли? За иллюзии погибло куда больше людей, чем за истину. Нам нужна только истина. Мы должны иметь подлинные Грааль-реликвии.

— Я не понимаю кое-чего, — сказала Люси. — Если вы считали, что генерал Паттон забрал настоящее Копьё Судьбы в Америку и вернул австрийцам подделку, зачем вы устроили налёт на Хофбургский дворец? Полковник Гресник говорил мне о нападениях на семь разных объектов. Если вы используете меня для поиска Грааль-реликвий, зачем понадобились эти налёты?

— Мы здесь ни при чём, — ответил Морсон.

Глава 62

Люси была поражена. Гресник так настаивал на значимости этих налётов. Теперь оказывалось, что они были грандиозной ложной уликой. Как такое возможно? Разве Гресник не говорил, что по всем признакам провести эти операции могло только подразделение специального назначения?

— Когда мы узнали об этих инцидентах, мы были взбешены, — сказал Морсон. — Они привлекли внимание к тому, что мы хотели сохранить в тайне.

— Так кто же за этим стоит?

— Понятия не имею.

Люси не могла взять в толк. — Копьё, которое вы держите, подлинное, — повторила она. — Клянусь.

— Вот что меня и беспокоит. Что может быть лучшим способом погубить нас, чем подослать ложного Мессию?

Люси опешила. Как Морсон может считать её самозванкой, если она ни разу ни на что не претендовала?

— Мы стали заложниками прошлого, — произнёс Морсон. — Мы постоянно искали всё более надёжные способы сохранить наши тайны, всё лучшие средства запутать врагов и скрыть от них наши истинные намерения. Но с годами мы потеряли многие записи. Не раз случалось, что самые важные братья погибали, не успев передать свои знания. Теперь установить истину практически невозможно.

— Было лишь одно место, где хранилась неискажённая правда: история гностицизма — от Эдемского сада до осады Монсегюра. Это была Катарская Библия — одно из двух великих сокровищ, тайно вывезенных из Монсегюра до его падения под ударами католических крестоносцев. Сокровища зарыли в разных местах. Библию спрятали в пещере где-то в горах Сабарте. Крестоносцы схватили рыцаря, который её укрывал, раньше, чем он успел сообщить место другим катарам. Его привели перед инквизицией и пытали, но он так ничего и не сказал. Его сожгли на столбе.

— Значит, она была потеряна навсегда?

— Как оказалось, нет. Два века назад она объявилась в Каркассоне. Сейчас она хранится в отделе редких книг Йельского университета.

— В таком случае в чём проблема?

— Её называют самой загадочной рукописью в мире. Она стала своего рода Святым Граалем сама по себе. Взломщики кодов и криптографы со всего мира почитают её превыше других книг, не подозревая, что она принадлежала катарам. Они называют её рукописью Войнич — в честь человека, привлёкшего к ней общественное внимание. По словам экспертов, ничего подобного не существует. Она написана неизвестным письмом и содержит многочисленные необъяснимые иллюстрации. Никто и близко не подошёл к её расшифровке.

— Откуда же вы знаете, что это Библия катаров?

— У нас есть другие катарские документы. Они написаны тем же письмом и содержат схожие иллюстрации. Беда в том, что язык знала лишь элитная братия, возглавлявшая катаров, — а все они были убиты, большинство в Монсегюре.

— Тамплиеры продолжили дело катаров. Они создали новое братство и смогли восстановить многое из утраченного, но не всё. Простой факт: в наших знаниях есть пробелы. Мы стараемся заполнить их как можем, но это никогда не бывает легко. Сами тамплиеры в значительной мере были уничтожены, и снова важнейшие части головоломки оказались потеряны. В конечном счёте именно поэтому Гитлер и потерпел поражение. Он действовал на основе ложной информации. Использовал поддельные Грааль-реликвии. Но в подлинности Копья Судьбы он не сомневался ни секунды.

— Почему вы думаете, что справитесь лучше Гитлера?

— Потому что один из членов нашей организации заново открыл одно из наших ценнейших сокровищ — роспись Рафаэля. Роспись была попыткой Юлия II сохранить наши убеждения, но на столетия выпала из поля нашего зрения — слишком труднодоступная. Разумеется, роспись привела нас к вам.

— Но вы сами говорили, что я могу вас обманывать, что я — ложный Мессия. — Люси пришло в голову кое-что ещё. Если всё, что Морсон говорил о реинкарнации, правда, то может существовать механизм для восстановления утраченной истории. Если

удастся настроиться на воспоминания своих прошлых душ, прошлое откроется как книга. Возможно, знание Катарской Библии не утеряно навсегда. Возможно, кто-то с нужной линией души способен его восстановить.

Быть может, у некоторых душ куда более выраженная способность помнить свои прошлые жизни. Быть может, они настолько сонастроены с линиями своих душ, настолько способны черпать из них знания и прозрения, что могут казаться обладателями магических сил. Возможно, Нострадамус не столько видел будущее, сколько предсказывал, как скорее всего будут вести себя души в будущем? Если душа — например, душа императора Тита — питала смертоносную ненависть к евреям, разве не логично было бы предположить, что та же душа в будущем будет преследовать евреев с той же страстью, но с куда большими ресурсами? Это стало бы предсказанием прихода Гитлера и создания лагерей смерти... но дело было бы не в прозрении будущего, а в проецировании прошлого на будущее.

— Обратного пути нет, — сказал Морсон. — Тем более что вы уже принесли нам Меч Судьбы.

— Это просто меч, — возразила Люси. — Вы не знаете, особый он или нет.

— Знаю. Большинство людей, подделывая Меч Судьбы, взяли бы какой-нибудь средневековый меч, якобы связанный с королём Артуром. Они не понимали бы, что Меч Судьбы не имеет отношения к Артуру. Это был меч, которым отрубили голову Иоанну Крестителю. Древний меч эпохи римского владычества в Иудее — именно такой вы нам и принесли. Я не сомневаюсь в его подлинности.

— Какой меч Гитлер считал Грааль-реликвией?

— Я упоминал о нём: Меч Святого Маврикия. Он хранился среди Имперских регалий Священной Римской империи в паре с Копьём Судьбы, которое иногда называли также Копьём Святого Маврикия. Маврикий, или Маурикий по-римски, командовал Фиванским легионом. Он и его воины были христианами. В 285 году н. э. император Диоклетиан, ненавидевший христианство, приказал уничтожить каждого десятого в легионе, если они не отрекутся от своей веры. Маврикий отказался выполнить приказ — как и его люди. Весь легион был казнён. Церковь признала Маврикия святым за его высшую жертву.

— Говорили, что во время командования Фиванским легионом Маврикий владел Копьём Судьбы — отсюда возникла теория, что и его меч может быть священным. Будучи древнеримским мечом, он был схож с тем, что нашли вы. В этом-то и проблема. Так трудно отличить подлинник от двойников и подделок. Копьё Святого Маврикия было подлинным, а вот Меч Святого Маврикия — самый обычный солдатский меч.

Люси поражало, насколько всё запутано. Есть ли хоть какой-то реальный шанс собрать подлинные Грааль-реликвии? Казалось, это невозможно. Быть может, это и не плохо — но её интеллектуальное любопытство разгоралось. Что произойдёт, если подлинные реликвии действительно будут собраны? Окажется ли это высшим моментом судьбы? Она почти надеялась, что это случится.

Но всё, связанное с Грааль-реликвиями, было зашифровано. Это, пожалуй, самый изощённый код за всю историю человечества. Иначе и быть не могло, ведь враги гностиков были беспощадны. Катары и тамплиеры были почти полностью уничтожены католической церковью. Десятки тысяч погибли. Чтобы тайны пережили инквизицию, они должны были быть столь совершенно скрыты, что хранители едва ли осознавали, что именно скрывают. Самая надёжная тайна — та, о которой никто не знает, что это тайна. Предания о Граале достигли именно такого положения.

В каждой части истории были ловушки. Многие считали, что меч, который Артур извлёк из камня, чтобы подтвердить своё право на власть, и был Экскалибуром. На самом

деле меч в камне и Экскалибур — совершенно разные вещи. Владычица Озера подарила Экскалибур Артуру. Меч в камне давал законную власть, Экскалибур — мистическую силу. Меч в камне воплощал реальный, физический меч, тогда как Экскалибур был символическим, духовным. Почти всё в Романах о Граале существовало одновременно на буквальном и символическом уровнях.

Владычица Озера была символическим воплощением Софии — гностической персонификации мудрости. Озеро — это водоём мистического знания, Гносиса. Экскалибур символизировал меч гностической истины, прорубающий ложь других религий и ведущий достойных к Гносису. Если человек умирал, не достигнув Гносиса, ему надлежало вернуть меч. Именно поэтому последним деянием Артура была просьба к сэру Бедиверу бросить Экскалибур обратно в озеро. Он не сумел достичь Гносиса из-за одержимости Гиневрой — и потерпел личную неудачу.

Большинство упустили бы скрытый смысл этой истории. Они приняли бы легенду о Граале за романтическую сказку — и только. Но даже когда казалось, что суть наконец ухвачена, обнаруживался ещё один, более глубокий пласт. Это было подобно бесконечной матрёшке. Есть ли хоть кто-то живой, кто знает, какова самая маленькая кукла внутри?

Люси смотрела на Морсона. Она что-то упустила, не правда ли?

— Вы сказали, из Монсегюра вывезли два сокровища. Вы упомянули только Катарскую Библию. Что было вторым?

Морсон провёл ладонью по коротко стриженным волосам. — Братство нашло его в конце девятнадцатого века во французской деревне Ренн-ле-Шато. Сейчас оно в надёжном месте.

— Что это?

— Нечто настолько удивительное, что превосходит человеческое воображение. — Его лицо стало жёстким. — И это раз и навсегда докажет, истинный вы Мессия или ложный.

Глава 63

Люси дали циновку, чтобы лечь. Она была совершенно измотана, но не могла уснуть. Стоило закрыть глаза, как они тут же открывались снова. Взгляд снова и снова возвращался к фонарю, который Морсон поставил на полуразрушенный алтарь, — единственному источнику света в часовне. Он приказал всем поспать несколько часов перед рассветным отъездом к следующему месту назначения, никак не обозначив, куда именно.

Люси смотрела на свет, отражающийся от крышки отцовского гроба. Она не могла решить, ужасает её или успокаивает то, что тело отца так близко. Насчёт Джеймса она тоже была в таком же смятении. Часть её ликовала, другая — паниковала. Ворошить прежние чувства было последним, чего она хотела. Она не знала бы, что сказать ему. Слова бы иссякли, пока она пыталась объяснить, как много он ей по-прежнему значит, — и одновременно сопротивлялась бы тяге снова быть втянутой в ужасы любви.

Как вообще можно нормально спать в такие времена? Сколько часов жизни ещё осталось? Она всё думала о втором катарском сокровище. Что это могло быть? Некоторые говорили — сам Святой Грааль, но катары ненавидели все материальные предметы. Библия как первое сокровище допустима — у неё ценность нематериальная. Может, второе тоже является источником знания? Некая сокрушительная тайна? Морсон сказал, что это нечто способное доказать, истинный она Мессия или ложный. Как она может быть

ложной, если никогда не претендовала на роль Мессии? Морсон явно имел в виду угрозу. Что он намерен сделать, если она провалит его испытание?

Солдат стоял над Люси, зажав ей рот рукой, чтобы она не закричала. Он ничего не говорил — лишь указал жестом на одну из небольших боковых комнат. Она поняла, что успела задремать. Теперь мгновенно пришла в полную боевую готовность.

В тусклом свете она увидела Гресника, Синклера и Джеймса, стоявших в дверях. Остальные солдаты спали. Что происходит?

Она на цыпочках перешла в другую комнату. Разбудивший её солдат последовал за ней, осторожно прикрыв дверь.

— Я единственный часовой на вахте, — прошептал он. — Ударь меня со всей силы, — сказал он Греснику, — потом свяжи. Я открыл боковую дверь. Выйдете через неё. До того как обнаружат побег, у вас будет, наверное, полчаса. Возьми мой фонарик.

Не колеблясь, Гресник шагнул вперёд и ударил солдата в челюсть. Тот осел на землю. Гресник быстро связал его. — Уходим.

Они выскользнули через боковую дверь в промёрзшую ночь. Снег по-прежнему лежал на земле. Люси почувствовала дурноту. Там было что-то — то же присутствие, что она ощущала в Тинтагеле. Она была уверена: нечто не из этого мира, — и мысль об этом пугала её. Она попыталась отгородиться от осознания этого.

Катафалк стоял на месте, лошади привязаны к забору и дрожали на холоде.

— Садитесь в карету. — Гресник осветил фонариком катафалк. — Я умею управлять такими.

Кардинал Синклер взобрался на козлы, пока Гресник отвязывал лошадей, поглаживая их, чтобы они не шумели.

Люси неловко забралась в карету вместе с Джеймсом. Было жутко находиться там, где прежде стоял гроб отца. Ещё жутче — быть рядом с Джеймсом. Она понятия не имела, что ему сказать, и он был таким же скованным. Ему было трудно даже смотреть на неё. Поразительно, что он вообще был в состоянии здесь оказаться. Когда она видела его в последний раз — среди обломков вертолёта в Тинтагеле, — она была убеждена, что он умирает.

Карета тронулась — звук приглушён снегом. Темнота стояла такая, что почти невозможно было разглядеть что-либо впереди. На северном небе выделялась крошечная яркая звёздочка. Люси вздрогнула. Не это ли Мерица Морсона?

Джеймс лежал к ней спиной, тяжело дыша. Она думала — может, потянуться к нему, положить руку на плечо? Каково было бы снова прикоснуться к нему? Но нет, она не могла — не после того, как так обошлась с ним. Извиниться? Сказать, что всё было ошибкой? Она не знала, что делать, и отвернулась.

Карету бросало из стороны в сторону — они нашли грунтовую дорогу через лес и съехали по крутому склону замка Кэдбери.

Ей хотелось понять, кто им помог бежать. Какой-то двойной агент? Скорее всего, тот же человек, что раньше той ночью снял с Гресника наручники. Может, у солдата возникли сомнения в планах Морсона. Пришла ещё одна мысль: а так ли хорошо, что они бежали? Религиозные взгляды Морсона были отвратительны — но и трудно опровержимы. Понять, что думать, было мучительно трудно. Добро и зло сливались воедино.

— Тот солдат, — произнёс наконец Гресник. — Пару лет назад он работал на Разведывательное управление. Сказал, что узнал меня. Больше не мог идти заодно с остальными. Говорит, что они заходят «слишком далеко, безумно далеко». Недавно он познакомился с девушкой дома. Это изменило его взгляды.

Люси нахмурилась. Всё до боли предсказуемо. Любовь — ось, вокруг которой всё вращается. Она не думала, что у солдата большое будущее. Морсон наверняка его раскроет.

Она думала, куда они держат путь. На ближайшую военную базу? В ближайший город? Гластонбери был недалеко. Возможно, она снова окажется в монастыре. Куда бы они ни ехали, добраться будет нелегко: уличного освещения нет, снег кружится на ветру.

Через несколько минут карета остановилась. Гресник направил фонарик на указатель у кольцевой развязки.

— Можно ехать или в Гластонбери, или в Чеддер, — крикнул он. — В какую сторону, Люси?

На секунду она лишилась дара речи. Почему Гресник спрашивает её? Совсем недавно он приставлял ей пистолет к голове. — Ты уверен, что хочешь, чтобы решала я?

— Всё это связано с тобой, Люси. Я верю, что ты поступишь правильно.

Поступишь правильно? Люси понятия не имела, что это значит. Она действовала теперь на чистом инстинкте. Вернуться в Гластонбери — значит вернуться в свою келью, закрыть дверь и ждать конца. Ещё несколько часов назад это был бы её предпочтительный выбор. Сейчас она хотела другого. Завершённости. Понять, кто она такая, разгадать роспись Рафаэля, разобраться с той ролью, которую Морсон отводил ей.

— В Чеддер, — сказала она. — Там есть знаменитое ущелье, я ездила туда в детстве. — Она посмотрела на яркую звезду в небе. — И там есть пещера под названием Храм Царя Соломона.

Глава 64

Они были в пути уже больше часа. Никаких признаков погони. Люси ожидала увидеть сигнальные ракеты в небе и услышать шум грузовиков Морсона, — но ничего. Снег не прекращался. Значит, следы не отследить. Она думала: знает ли Морсон, что нужно ехать в Чеддерское ущелье, или ожидал, что она изберёт Гластонбери как следующий логичный шаг.

В темноте и сильном снегопаде они продвигались медленно. К счастью, Гресник сумел зажечь пару боковых фонарей катафалка — достаточно света, чтобы видеть дорогу впереди, — но главная дорога скрылась под снегом. Гресник не был уверен, правильно ли держит направление.

Люси прикинула, что они отделились от часовни на четыре-пять миль — достаточно, чтобы Морсон вряд ли нашёл их, по крайней мере до утра. Здесь были в основном поля и леса, так что она не удивилась, когда они начали пробираться через край лесного массива.

Она сидела, свернувшись клубком, обхватив колени руками и глядя вперёд. Всё время она чувствовала присутствие Джеймса. Он лежал на боку, спал. Она не предвкушала момента, когда им придётся говорить. С их историей каждое слово было бы нагружено невысказанными смыслами. Давно она не разгадывала язык вот так — когда слова почти ничего не значили на поверхности, а весь смысл был в подтексте.

По мере того, как карета двигалась сквозь деревья, дорога становилась всё уже. Они, наверное, съехали с главной дороги на просёлочную тропу. Возможно, ехали не туда. Как знать? Может, придётся остановиться и дожидаться утра, чтобы сориентироваться.

Чем глубже они углублялись в лес, тем сильнее Люси сжималась. Она была уверена: за ними наблюдают из деревьев. Со всех сторон раздавались странные звуки. Ей казалось, что лесная подстилка ожила и миллионы насекомых ползут к ним.

Тропа исчезла, густая стена деревьев преградила путь. Карета остановилась.

— Дальше этой ночью не проедем, — сказал Гресник.

— Мы замёрзнем, — возразил кардинал Синклер. — Нужно развести огонь, найти нормальное укрытие.

Гресник кивнул. — Пойду на разведку, посмотрю, нет ли места получше.

Люси вылезла из кареты и стояла, дрожа в темноте. Деревья качались на ветру. Ветки издавали странные поскрипывающие звуки. Она никогда не бывала в месте, которое казалось бы настолько жутким.

Синклер подошёл, потирая руки. — Есть хотите? Я нашёл под сиденьем кучера упакованный ланч: пара бутербродов, несколько шоколадных батончиков, пакетики с арахисом и пакет апельсинового сока.

— Не сейчас, — сказала Люси.

— Как вы держитесь? Вы уже давно без лекарств. Вам не кажется странным?

— Я в порядке.

— А Джеймс?

— Спит.

— Пусть отдыхает.

— Кардинал, у меня не было возможности как следует поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня в Тинтагеле. Вы спасли мне жизнь.

— Это было ради нас всех, Люси. Есть лишь одно, в чём мы с Морсоном согласны: вы — дитя судьбы.

Люси не смогла удержаться от улыбки. В подростковом возрасте она слушала девичью группу с таким названием. Они с подружками разучивали все их танцевальные движения и терроризировали мальчиков на школьных дискотеках.

— Как вы думаете, что будет дальше? — спросила она.

— Теперь мы все в руках Божьих.

— Вы верите, что Бог уничтожит мир, лишь бы остановить Морсона?

— Бог однажды уже топил мир, Люси. Спасся лишь Ной с ковчегом. Почему Он должен пощадить кого-то на этот раз? Если Он и помилует нас — это будет благодаря вам.

— Но я понятия не имею, что от меня требуется.

— Просто будьте собой. Большого никто не вправе от вас ожидать.

Гресник вышел из леса, луч его фонарика пронзал темноту. — Я кое-что нашёл. Похоже на руины аббатства. Там есть комната с камином. Можно переночевать там и двинуться на рассвете.

Они нашли укрытое место и привязали лошадей.

— Давайте, мистер Вернон, — сказал Гресник, будя Джеймса, — нужно идти.

Люси смотрела, как Джеймс неловко выбирается из кареты с растерянным видом. Он бросил на неё беглый взгляд и тут же отвернулся.

Привязав лошадей, Гресник повёл всех через деревья, его сапоги проваливались в рыхлый снег.

— Господи, помилуй. — Синклер резко остановился.

— Что такое? — Гресник обернулся. — Вы что-то увидели?

— В лесу волки. Они повсюду, смотрят на нас. Ярко-жёлтые глаза.

Все остановились. Люси вгляделась в темноту. Синклер был прав. Жёлтые глаза со всех сторон. Но это было безумием: в Англии не было никаких волков. Их истребили много веков назад.

— Почему они такие тихие? — прошептал Гресник. — Ни один не шевелится.

Синклер тербил распытие на шее. — Словно ждут, когда кто-то — что-то — отдаст им приказ.

— Идём, — сказал Гресник.

Руины аббатства оказались в нескольких метрах — на поляне у ручья. Свет фонарика Гресника отражался в тёмной воде. Капли снега падали на поверхность и таяли. Это напомнило Люси белое конфетти, сыплющееся на свежеположенный асфальт.

Перед аббатством стояло кладбище с надгробиями, покрытыми снегом. Им пришлось пройти сквозь него к входу в комнату, о которой говорил Гресник. Сложенная из песчаника, с дырой в одном углу потолка, комната имела большой камин; перед ним были сложены колотые дрова. Задняя дверь вела в другие помещения аббатства. Гресник осмотрел их с фонариком.

— Всё в порядке, — сказал он. — Все такие же: дыры в потолке и кое-где щели в стенах, но волки внутрь не пролезут. Есть даже туалет — ну, комната с дырой в полу.

— Нужно забаррикадироваться, — сказал Синклер. — Тогда можно развести огонь и устроиться на ночь.

Гресник и Джеймс нашли несколько ящиков и подпёрли ими дверной проём. Люси воспользовалась случаем и сходила в туалет. Всё было именно так уныло, как намекал Гресник.

Гресник зажигалкой поджёг дрова. Костёр разгорелся быстро. Потрескивание дров завораживало Люси. Она стояла рядом, протянув руки к огню. Казалось чудом — найти это место в лесу, убежище от всего безумия.

— Вы слышали историю про Кафку и его друга Макса Брода? — спросила она Гресника. — Они говорили о надежде, а точнее — о том, что у Кафки её нет.

— Нет, что они сказали?

— Я часто об этом думаю. Брод спросил, есть ли место надежде в мрачном мире Кафки. Кафка ответил: «О, надежды предостаточно, бесконечно много надежды — но только не для нас.» Эти слова не выходят у меня из головы.

Гресник кивнул. — Понятно почему. — Он наклонился к ней. — А ты сама — думаешь, есть надежда? — Он мягко взял её за плечи и на мгновение удержал.

Она посмотрела на него и не знала, как ответить. Снова она почувствовала, как он ей нравится, — и как это неправильно. Ей хотелось, чтобы он обнял её по-настоящему, защитил. Её передёрнуло. Как она может так думать о Джеймсе? — Я устала, — сказала она, отступая.

Гресник взял её за руку. — Подожди, мне нужно тебе кое-что сказать.

Люси посмотрела на него. — Что?

— Я солгал тебе, — произнёс он. — Джеймс никогда ничего не говорил о том, чтобы убить тебя. Я... не знаю, почему я это сказал. — Он уставился в пол. — Мне стыдно.

Люси была потрясена. — Как вы могли?

Гресник неловко переступил с ноги на ногу. — Когда я встретил тебя, я не ожидал... — Он не мог смотреть Люси в глаза. После неловкой паузы сказал: — Наверное, я ревновал к Джеймсу.

— Не могу этого слушать. — Люси вырвалась из рук Гресника и быстро улеглась перед огнём.

Ворочаясь на твёрдом каменном полу и никак не находя удобного положения, она не могла унять поток образов — Гресник, Джеймс, снова Гресник. Она была в полном смятении. Где-то в глубине она не была так уж возмущена признанием Гресника — не настолько, как следовало бы. Он хотел сказать, что она ему нравится, не правда ли? Мысль об этом не была ей неприятна.

Она едва успела закрыть глаза, как начался шум: вой волков — первобытный звук, словно земля возвращалась в прошлое. Их вой был таким громким, что, казалось, разносился на мили. Она молилась, чтобы Морсон и его люди не услышали.

Джеймс поднялся на ноги. — Нужно кому-то стоять на часах. Необходимо убедиться, что волки не подходят ближе. Я возьму первую смену.

— Ты уверен? — спросил Гресник.

— Да. — Джеймс взглянул на Люси. — К тому же мне нужно проветрить голову.

Глава 65

Джеймс взял фонарик Гресника и шагнул в соседнюю комнату. Худшие его опасения сбывались. Люси держалась с Гресником слишком тепло — он не сомневался: несколько минут назад, когда она позволила Гренику положить руки ей на плечи, на её лице промелькнуло недвусмысленное выражение желания, почти любви. И в том, как смотрел на неё Гресник, не было никакой двусмысленности.

Он раздражённо повёл фонариком по руинам аббатства. Разрушенная любовь. В конечном счёте всё рассыпается в прах. Вместо радости от встречи с Люси он испытывал нечто другое — новое и совершенно неожиданное. Ненависть. Ненависть за то, что она отвергла его, за то, что так владела им, за то, что была такой совершенной. Больше всего он ненавидел её за то, что она была способна любить других. Неужели она уже влюблялась в Гресника — с его голливудской внешностью и знанием тех же малоизвестных предметов, которые увлекали её? Во многих отношениях они были идеальной парой — и это было... невыносимо.

Он направил луч фонаря в угол комнаты. Крыса уставилась на него в ответ. Он поднял камень и бросил в неё — зверёк юркнул прочь. Камень ударился обо что-то металлическое, и Джеймс подошёл посмотреть. Это оказался перочинный нож в хорошем состоянии. Он раскрыл лезвие и потрогал его. На секунду провёл пальцем по лезвию — и резко воткнул его в ладонь. Выступила кровь. Господи, что я делаю? Он подумал: может, в авиакатастрофе что-то случилось с его мозгом, какая-то незаметная травма, меняющая его поведение? Он чувствовал в себе ярость, которой прежде не знал. Это пугало его.

Здесь, вдали от огня, было очень холодно. Внутри него росли острые ледяные осколки, впивавшиеся в сердце. Почему мы любим только тех, кто ушёл? Они обладают магическим блеском, который время не в силах погасить, — в отличие от тех, кто остался с нами слишком долго и потускнел. Кожа, некогда казавшаяся такой золотой и нетленной, слишком быстро покрывается ржавчиной — подержанный товар без остаточной ценности. Какую цену мы не заплатили бы, чтобы вернуть тех, кто ушёл прежде, чем мы заметили первые пятна ржавчины?

Люси была прекраснее, чем когда-либо, даже в белом военном комбинезоне. В часовне в Кэдбери она выглядела так непохоже на всех остальных. Все были в камуфляже, а она казалась призрачной — или, пожалуй, более подходящее слово — святой: чистой и непорочной среди закалённых воинов. Он чувствовал, как неловко ей было с ним в карете. Она не произнесла ни слова — если честно, он тоже не мог говорить — и потому притворился спящим. Каждая секунда давила на грудь, как каменные плиты.

Долго ждать не пришлось — в этом готическом аббатстве к нему вернулись строки готической поэмы Китса, преследовавшей его в школьные годы. *La Belle Dame Sans Merci* — «Безжалостная красавица» — идеальное описание Люси.

О, рыцарь бледный, так уныл,

Зачем бредёшь ты стороной?

Камыш у озера застыл,

И птиц не слышен хор живой.

Это вполне могло быть о нём самом. Никто никогда не вспоминал о многочисленных рыцарях, искавших Святой Грааль, — и не нашедших. Он был одним из

них: тех, кто не дошёл; тех, кого убили, потеряли, свели с ума; проигравших и неудачников, о которых никто не говорит, чьих имён никто не помнит. Люси была его Граалем — и теперь она была дальше, чем когда-либо. Невозможно было поверить, что когда-то он держал её в объятиях, любил её, проводил с ней столько времени, сколько хотел. Прошлое оказалось миражом. Он хотел бы сжечь свои воспоминания.

Он подошёл к дальней стене и посмотрел в пролом, где когда-то, должно быть, был витраж. Волков не видно. Если они ещё там, то не издают ни звука. Тишина, лишь едва слышное потрескивание дров в камине соседней комнаты.

Он повторил строку из поэмы Китса — ту, что казалась ему самой пронзительной: И птиц не слышен хор живой. Как давно он в последний раз слышал птичье пение. Он отдал бы всё, чтобы услышать хотя бы несколько секунд птичьего щебета: знак того, что жизнь нормальна, что кошмар может закончиться.

Что случилось с Крюгером? Все те люди, погибшие там, — убитые Люцифером. Казалось абсурдным признавать, что Вельзевул действительно существует и находится на земле. Может, это существо теперь в лесу? Властелин волков, хозяин тёмных мест. Можно ли его победить? Быть может, это под силу только ангелу вроде Люси.

Ещё раз обведя фонарём пространство вокруг, он вообразил, что тени плетут заговор против него и что нужно убивать их, протыкая лучом. Столько странных форм. Это аббатство было похоже на одни из тех жутких руин, которые любят занимать вампиры. Легко было вообразить их гробы в склепе.

В своё время аббатство должно было быть поразительным зрелищем — прекрасное каменное здание у журчащего ручья посреди леса. Не найти места живописнее. Монахи, жившие здесь, должны были считать его вдохновляющим. Они могли общаться с природой, иметь столько уединения, сколько желали. Но и этот идиллический уголок рассыпался в прах: стены обвалились, остался лишь остов с парой уцелевших комнат.

Он тихо вернулся к другой комнате, заметив пляшущие тени от огня — отражение беспокойства в собственном сердце. Удастся ли ему когда-нибудь нормально поговорить с Люси? Или она теперь слишком занята Гресником? Невероятно, что она так тепло относилась к человеку, который недвусмысленно давал понять, что готов её убить. Сказать ли ей, что Гресник обещал застрелить её при необходимости? Гресник был хладнокровен. Как Люси могла клеветать на его игру? Этакая смехотворно безупречная улыбка. Такая фальшь...

Заглянув сквозь красное стекло разбитого окна, Джеймс увидел нечто, от чего его сердце как будто сдавила ледяная рука.

Люси лежала на спине у огня. Гресник склонился над ней, нежно поглаживая её руку. Угол обзора был не самым удобным, но Джеймс готов был поклясться: Гресник целовал её. Рука американца не была отстранена Люси. Физическую близость между ними отрицать было невозможно.

Как Люси могла так предать его? Все эти годы самоистязаний — ради чего? Ладно, он женат — но только потому, что Люси отвергла его. Она была женщиной, с которой он хотел прожить жизнь. Это не изменилось ни разу. Женщины не способны любить так, как мужчины. Им недостаёт этого пылающего качества, огня в душе. Их цель — унижать мужчин, оскотить их, как собак.

Теперь он понимал, почему деды и отцы дезертиров из «Дельта Форс» предпочитали иметь только сыновей. Кто вообще может доверять женщинам? Это само по себе противоречие. Непостоянные, переменчивые, они выскользнут из любой сети. Они сами не знают, что они такое, — и им всё равно. И весь этот вопрос с детьми из пробирки тоже стал ясен. Большинство гностиков ненавидели секс, считая его злейшим

орудием Сатаны, механизмом, доставляющим новые души в этот ад. Так что метод пробирики избавлял их от необходимости совершать ненавистное им действие.

Джеймс отвернулся, его мутило. Ответила ли Люси на поцелуй Гресника? Она любит американца, не правда ли? Он не мог позволить этому уродливому цветку любви распуститься. Нужно остановить это. Его пробрала дрожь, когда он понял: нет ничего, чего он не сделал бы, лишь бы помешать Гресику. Чтобы Люси не полюбила другого. Только тогда птицы, быть может, снова запоют.

Глава 66

Когда Люси проснулась, ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где она находится. Огонь ещё горел, Гресник и Синклер спали, вытянувшись перед камином. Рассвет нового образца отбрасывал в комнату привычный красноватый свет. Люси не думала, что когда-нибудь привыкнет к нему.

Она почувствовала покалывание на затылке и резко обернулась — нет ли кого-то позади. На мгновение ей показалось, что сквозь разбитое стекло на неё смотрит какая-то фигура.

— Джеймс?

Ответа не было. Она встала и перешла в соседнюю комнату. Пятна красного света падали на пол через дыры в крыше. В углу была открыта дверь. Джеймс стоял там спиной к ней.

Ей стало не по себе. Может, вернуться и разбудить остальных? Она по-прежнему не могла придумать, что сказать Джеймсу. Никакие слова не казались подходящими. Им не хватало тех смыслов, которые она хотела передать. Ей хотелось обнять его — и в то же время сама мысль о физическом контакте с ним заставляла её съёживаться. Она похоронила свою любовь к нему как можно глубже, но она всегда была там, всегда спрашивая: почему ты от неё отвернулась? Причина была вполне очевидна. Любовь — это форма смерти. В конце концов, любовь умирает или умирает любимый, — так зачем себя мучить? Вопреки своей воле она обнаружила, что идёт к дверному проёму. Остановилась прямо за спиной Джеймса. Он не обернулся.

— В этом свете есть что-то прекрасное, — произнёс Джеймс через мгновение, затем шагнул в небольшой заросший садик сбоку от аббатства. Люси последовала за ним — её дыхание клубилось в холодном воздухе. Трава и цветы были покрыты снегом. Старый фонтан — каким-то чудом полностью работающий — выбрасывал струю воды в воздух, и капли поблёскивали в красноватом свете солнца. Джеймс побрёл к дальней стороне. Люси осталась там, где стояла. Она всё ещё любила его, но сердце казалось таким же замёрзшим, как этот сад. Слова, которые она хотела сказать, были заперты внутри, цепляясь за то небольшое тепло, что ещё оставалось.

— Солдат, который освободил нас прошлой ночью, — ты не согласишься, что он рассказал мне, — сказал Джеймс. — Он сказал, что прирождённый предатель. Что в прошлых жизнях был Брутом, Бенедиктом Арнольдом и даже самим Иудой. Он не может с собой совладать. В каждой группе должен быть предатель. Он — марионетка, обречённая предавать своих. Как вообще можно верить в такое о себе? Никто из нас не предназначен судьбой ни к чему. Ты же знаешь это, Люси, правда?

Люси не ответила. Версия Гресника о том, что говорил солдат, была куда правдоподобнее. Почему солдат рассказал Джеймсу иначе? Хотя — а почему нет? Если он реинкарнация Иуды, у него мог найтись целый арсенал лживых историй. Впрочем, по словам Морсона, она сама была ещё большей марионеткой, чем тот солдат.

— Что случилось с сержантом Крюгером? — спросила она.

— Когда я уходил, он был ещё жив. Ради тебя я надеюсь, что он мёртв.

— Зачем вы говорите такое ужасное?

— Потому что он поклялся убить тебя. Если жив — найдёт тебя.

Люси отвернулась и побрела вглубь сада, остановившись перед колючим кустом. Сквозь тонкий снежный покров пробивалась одна-единственная нелепая красная роза. Она наклонилась, чтобы понюхать её, и позволила аромату захлестнуть её. Она держала лепесток между пальцами. Его ощущение, его текстура были восхитительны. На секунду можно было забыть.

В глубине сада находилось маленькое кладбище, которое они случайно обнаружили накануне вечером. В кладбищах под снегом было что-то особенно щемящее. Всё становилось острее, более созвучным смерти. Шагая между надгробиями монахов, когда-то живших и работавших здесь, Люси думала об отце. Успел ли Морсон осуществить свой план и сжечь тело на открытом костре на вершине замка Кэдбери? Это было бы захватывающее зрелище. Лучший способ почтить память отца.

Вернувшись к фонтану, она опустила руку в воду и мгновенно отдёрнула её. Заглянув вниз, почувствовала тошноту: вода была полна мёртвых золотых рыбок, плавающих на поверхности.

— Странно, правда? — сказал Джеймс. Он стоял прямо напротив неё, его фигура скрывалась за украшавшим центр фонтана мраморным ангелом. — То есть холодно, но вода в фонтане не замёрзла. Как этот фонтан вообще работает? Держу пари, он не функционировал уже несколько веков.

— Мёртвые рыбки, — пробормотала Люси, указывая на них.

— Всё умирает. — Голос Джеймса звучал так напряжённо.

Люси намеренно держала голову за ангелом.

— Я думал, может, ты встретила кого-то, — сказал Джеймс.

— Что?

— Когда ты написала в письме, что не хочешь меня видеть.

Люси опустила голову.

— Но никого другого не было, правда?

Люси вспомнила один из разговоров с Гресником. Он говорил, что видел разведывательный отчёт о ней — охватывавший всё, что с ней произошло за последний год. Джеймс, должно быть, тоже его видел. Тонкое дело. С ней не было ничего, кроме нервного срыва.

— А у тебя? — спросила она. — Есть кто-то особенный? — Она не была уверена, какого ответа хочет. Решительное «да» — и одновременно столь же решительное «нет». Тогда она могла бы оставаться замёрзшей. Последние полгода она жила в стеклянном мире, где ничего не менялось. Это успокаивало её. Ничто не становилось хуже; самые страшные кошмары держались на расстоянии.

Пауза затянулась. Слишком долгая? Достаточно долгая?

— Никого особенного.

Джеймса тянуло вырвать прямо в фонтан. Люси превратила его в лжеца — заставила отречься от жены и прекрасного малыша. Каким-то образом он оказался внутри поэмы Китса — жил ею, дышал ею. Он вспомнил одну строку в особенности: Прекрасна, как дитя богов. Это была Люси? И, конечно, строка, преследовавшая его больше всего: И птиц не слышен хор живой. Люси и была той, кто заставил их умолкнуть.

Несмотря ни на что, он не мог найти в себе силы разлюбить её. Он вспомнил слова одного приятеля, сказанные ему однажды вечером, когда он слишком много ныл за пьяным застольем: «Единственный дом с привидениями, в который ты когда-либо

войдёшь, Джеймс, — это твоё собственное прошлое. Все призраки — личные, и никто никогда не уходит».

Всё было на паузе — пока он не разберётся с Люси, так или иначе. Его собственная жизнь отделилась от него. Он чувствовал себя так, будто получает новости из далёкой страны — о ком-то незнакомом. Не было ничего страшнее того, что человек, бывший твоим лучшим другом, родственной душой, мог стать тебе чужим в мгновение ока. Несколькими словами он мог убить твоё счастье.

Древние греки говорили: не пожирай собственное сердце. Он никогда не понимал, что это значит, — не понимал до тех пор, пока Люси не ушла: если всё держать в себе, не доверяться никому, в конце концов пожрёшь самого себя.

— Волков не видно, — сказал он. — Нам нужно двигаться дальше. — Он указал в небо. — Видишь вон ту яркую звезду? Я впервые заметил её прошлой ночью.

Люси кивнула. — Я тоже. Она напомнила мне о Вифлеемской звезде. Может, где-то в Англии родился особенный ребёнок.

Джеймс всмотрелся. — Клянусь, она становится больше.

Глава 67

Полчаса спустя они снова были в дороге. Все волки исчезли, как и говорил Джеймс. Люси опасалась, что ночью звери могли напасть на лошадей, но те стояли ровно там, где их оставили, — продрогшие, но невредимые. Она и Синклер забрались в карету, Джеймс с Гресником сели спереди. Быть в стороне от Джеймса было облегчением. Атмосфера между ними напоминала китайскую водяную пытку: каждая капля причиняла боль. Она мечтала вернуться в то время, когда могла взять его за руку, не задумываясь, когда они часами сидели молча и не испытывали ни малейшей неловкости.

Они нашли путь через лес и вскоре увидели указатель на Чеддерское ущелье — пятнадцать миль. Пока Гресник гнал лошадей вперёд, Люси смотрела назад, на лес. В бледно-красном утреннем свете, со снегом на верхушках деревьев и выглядывающими руинами аббатства, это было совершенно волшебное зрелище.

Никто не говорил, пока карета медленно ползла вперёд. Часы тянулись в неспешном движении к цели. Они нашли старый сарай с тюками сена — смогли накормить лошадей и дать им передышку от холода. Там была проточная вода, и все напились. Через пятнадцать минут снова тронулись в путь.

Люси всё ждала звука грузовиков Морсона, но он так и не донёсся. Изредка лошади фыркали и тяжело дышали — это были единственные звуки, нарушавшие тишину. Чуть дальше Гресник сказал, что видел вспышку света — будто солнце отразилось в зеркале или в линзе чего-то... бинокля, может быть.

— Морсон? — спросил Синклер. — Должно быть, он заметил нас.

— Не знаю, — сказал Гресник. — Может, ничего.

Люси была беспокойна. Некоторое время у неё было ощущение, что за ними следят. Не Морсон и ничто сверхъестественное. Она ничего не сказала, но боялась, что это брат Крюгера.

К середине дня впереди открылся странный пейзаж. Слева простиралась пустыня чёрного песка — без снега, голая и суровая. Впереди поднимались покрытые галькой и огромными валунами горные склоны с заснеженными вершинами. Справа — непроходимый лес чёрных деревьев: с одной стороны под снегом, с другой — без единого его следа. Почему снег лежал в одних местах, но не в других? Люси не подозревала, что в Англии есть такие пейзажи. Но холмы были ей знакомы — Мендипс, через который прорезало себе путь Чеддерское ущелье.

Карета остановилась на оборудованной для туристов пикниковой площадке. Все вышли размяться, мужчины удалились по нужде. Люси — обезвоженная и голодная — не чувствовала такой необходимости. Она стояла и смотрела на унылый пейзаж.

Когда мужчины вернулись, они стали обсуждать дальнейший путь. Оказалось, что оползень перекрыл главную дорогу через Мендипс. Джеймс подошёл к информационному стенду с большой картой местности и подтвердил: основная дорога на карте как раз там, где произошёл оползень. Нужно было искать объезд.

— Через холмы есть тропа, — сказал Джеймс. — Она выведет прямо к Чеддерскому ущелью.

Люси смотрела на холмы впереди. Вид не вдохновлял.

— Нет другой дороги? — спросил Гресник. — В объезд?

— Есть ещё две возможные дороги. Одна примерно в миле отсюда, другая — ещё в десяти милях.

— Десять миль отмечаем, — сказал Гресник. — Другая звучит хорошо.

— А если там тоже оползень? — возразил Джеймс. — Может, лучше идти пешком. По этой карте до центра ущелья всего пара миль.

— Я не собираюсь ходить по холмам, — сказал Синклер. — Попробуем другую дорогу.

Джеймс покачал головой. — Почему вы думаете, что она окажется лучше той, что впереди?

Их пререкания вызвали у Люси головную боль. Она отвернулась и подошла к одному из пикниковых столиков. Плюхнувшись на деревянную скамью, она вздохнула, затем оглянулась на Джеймса. Когда они встречались, они никогда не ссорились.

Остальные в конце концов подошли к ней.

— Мы договорились встретиться здесь через час, — сказал Джеймс. — Я пойду по тропе на холм — посмотрю, есть ли проход. Остальные поедут на карете проверить следующую дорогу. — Он протянул руку. — Можешь пойти со мной, если хочешь, Люси.

Она видела, как сильно ему хотелось услышать «да». Такое простое слово — и всё же порой самое трудное. — Я устала, — произнесла она вяло. — Думаю, поеду в карете. — Увидев, как помрачнело лицо Джеймса, она опустила голову и уставилась в столешницу, словно это был самый интересный предмет в мире.

— Чёрт! — крикнул Гресник.

Люси подняла взгляд. Далеко на севере тот самый яркий свет стал значительно больше — почти второе солнце.

— Это летит прямо на нас! — прокричал Синклер.

Свет в небе превратился в огромный огненный шар, мчавшийся по кривой траектории с невероятной скоростью сквозь атмосферу и оставлявший за собой пылающий след. Не было никаких сомнений: он летел на столкновение с Землёй.

Без всякого предупреждения горизонт вспыхнул, и воздух исказился в огромном дрожащем мареве. На миг показалось, что небо раскалывается надвое. Секунды спустя раздался оглушительный грохот, а вместе с ним — обжигающий, яростный ветер такой силы, что всех сбilo с ног. Повсюду посыпался мелкий щебень.

Когда худшее миновало, они медленно поднялись на ноги. Вдали был виден огромный столб дыма. Огненного шара больше не было.

— Боже, что это было? — голос Синклера дрожал.

— Думаю, астероид, — сказал Джеймс. — Я помню, читал об этом. Век назад астероид взорвался в воздухе над Сибирью. Очевидцы говорили о ослепительной вспышке, а затем — оглушительном громе. Их сбilo с ног ветром. По оценкам, деревья

были повалены на площади в восемьсот квадратных миль. Случись это над крупным городом — было бы как тысяча атомных бомб.

Все переглянулись. Бирмингем с пригородами и населением в несколько миллионов человек был не так далеко.

— Едем, — сказал Гресник. — Думаю, времени у нас почти не осталось.

Глава 68

Люси втиснулась на одно сиденье с кардиналом Синклером — и они снова тронулись в путь. Она обернулась, чтобы взглянуть на Джеймса, шагавшего в гору. Вид у него был такой одинокий.

— То копьё, которое вы нашли в Кэдбери, — сказал Синклер. — Нам нужно понять, какое оно имеет значение. Почему Гитлер так интересовался Копьём Судьбы? Как соотносится копьё, которое он взял из Вены, с вашим копьём?

— Мой дед был помешан на опере Вагнера «Парсифаль», — перебил Гресник. — Копьё Судьбы играет в ней центральную роль. Дед считал, что это доказывает: Вагнер был Великим Магистром гностической секты.

— Мой отец тоже любил слушать Вагнера, — сказала Люси.

— Вагнер никогда не был по моему вкусу, — поморщился кардинал Синклер. — Полагаю, «Парсифаль» — о Парсифале, рыцаре, нашедшем Святой Грааль. Причём здесь Копьё Судьбы?

Лошади почти встали, и Гресник пустил их в ход хлыстом. — Опера Вагнера основана на книге Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль», — продолжил он, когда они снова двинулись. — Действие происходит в средневековой Европе. Горный замок Монсальват возвышается над лесом и прекрасным озером в труднодоступных местах. Монсальват — замок Грааля, почти наверняка списанный с катарской крепости Монсегюр. Король Грааля зовётся Амфортасом, ему служат Рыцари Грааля — люди, поклявшиеся защищать Грааль ценой жизни.

— Их главный враг — Клингзор, чёрный маг высочайшего уровня, некогда пытавшийся вступить в орден Рыцарей Грааля, но отвергнутый из-за неукротимой похоти. В безумии Клингзор кастрирует себя, пытаясь избавиться от недуга, — но рыцари всё равно отказывают ему. И тогда Клингзор становится их заклятым врагом, поклявшимся уничтожить их.

— Рыцари Грааля охраняют реликвии Грааля, включая Копьё Судьбы, но Клингзору удаётся похитить Копьё — и позднее он наносит им удар Амфортасу в пах. Это рана духовная не меньше, чем физическая, и никакие лекарства не в силах её исцелить.

— Из своего тёмного замка Клингзор, черпая силу из Копья, подчиняет себе все окрестные земли. Тем временем Амфортас лежит в муках в замке Грааля, терзаемый неизлечимой раной, бессильный перед Клингзором и молящий о возвращении утраченного Копья.

— Пророчество гласит, что невинный простак найдёт Копьё и исцелит Амфортаса. Парсифаль случайно набредает на замок Грааля и получает дозволение стать свидетелем священной церемонии. В великом зале замка Амфортас и Рыцари Грааля готовятся совершить обряд в память Тайной вечери, пока Парсифаль наблюдает. Когда Амфортас пытается снять покрывало с Грааля, боль от раны становится сильнее, чем когда-либо.

— Когда чаша открыта, она начинает светиться. Парсифаль наблюдает за странной церемонией, но не принимает в ней участия и не задаёт Амфортасу никаких вопросов о его ране. Затем Парсифалью велят покинуть замок и никогда не возвращаться.

— Клингзор, знающий о пророчестве, догадывается, что Парсифаль и есть тот рыцарь, и заманивает его в свой великолепный замок. В волшебном саду замка чудесные девы-цветы умоляют Парсифаля о любви — он отвергает всех. Тогда Клингзор подсылает к нему прекрасную волшебницу, чтобы соблазнить его. Это Кундри — еврейская ведьма, присутствовавшая при распятии Иисуса и насмехавшаяся над ним, пока он висел на кресте. Проклятая жить вечно за свой грех, она одновременно ничтожна и трагична. Именно она с обещаниями извращённой любви совратила Амфортаса — что и привело к ранению Короля Грааля Клингзором.

— Когда Кундри целует Парсифаля, молодой рыцарь отпрядывает — но в тот же миг его охватывает глубокое прозрение. Он понимает, как был искушён Амфортас, он чувствует томление и страдание Короля Грааля. Мир, осознаёт он, — бесконечный круг боли и отчаяния. Только через сострадание и отречение от плотских удовольствий этот круг можно разорвать. Он преисполнен раскаяния за то, что проявил так мало участия на церемонии в замке Грааля. Почему он был так бесчувственен к Королю Грааля? Теперь он знает, что должен сделать, чтобы помочь Амфортасу.

— Клингзор, потерпев поражение, приходит в неистовую ярость и мечет Копьё Судьбы в Парсифаля — но оно чудесным образом замирает в воздухе. Парсифаль тянется вверх и хватает его. Как только это происходит, замок чар Клингзора исчезает.

— Долгие годы Парсифаль тщетно ищет замок Грааля — тот, кажется, исчез из реального мира. После многих испытаний ему даётся второй шанс войти в священный замок. В замке царит мрак, рыцари погружены в отчаяние — годами лишённые духовной поддержки от присутствия Копья. Когда Парсифаль приближает Копьё к Амфортасу, его острие начинает кровоточить, и он касается им раны Короля. Рана мгновенно исчезает.

— Что ваш дед считал скрытым смыслом? — спросил Синклер.

— Парсифаля принято считать символом христианства, а Клингзора — язычества, — сказал Гресник, — и история о том, как чистота и сострадание христианства торжествуют над первобытными страстями язычества.

— Но нацист по имени Герман Раушнинг утверждал, что Гитлер истолковывал «Парсифаля» совершенно иначе. Раушнинг говорил, что нашёл заметки, которые Гитлер нацарапал на своей программке, когда впервые увидел оперу. По словам Раушнинга, Гитлер считал её историей о чистоте крови — расовой гигиене. Неизлечимая болезнь Амфортаса была вызвана его извращённой связью с еврейкой. Его кровь смешалась с её кровью и была вечно осквернена. Священная миссия Рыцарей Грааля — защита чистоты арийской крови. Незапятнанная кровь была тайной жизни — истинным Святым Граалем. Нечистая кровь, расовое смешение — напротив, катастрофа, порождающая зверские породы, ведомые первобытными, дегенеративными инстинктами.

— Замок чар Клингзора был миром соблазна, где чистой арийской крови грозило заражение от неарийцев. Парсифаль был великим героем, потому что его кровь никогда не была осквернена. Ему удалось устоять перед посулами Клингзора и домогательствами Кундри. Возвращение Копья — это восстановление арийской чистоты. Амфортас согрешил, вступив в связь с еврейкой. Его детородные органы стали источником его гибели. Когда священное Копьё коснулось его чресел, его кровь чудесным образом очистилась — и он исцелился. Замок Грааля — идеальный арийский мир. Владения Клингзора угрожали этой чистоте, и долг каждого арийца — принять роль Рыцарей Грааля и противостоять осквернению арийской крови.

— Но вы сами не принимаете ни того, ни другого толкования, не правда ли? — сказал Синклер.

Гресник улыбнулся и покачал головой. — Мой дед считал Вагнера видным членом немецкого тайного общества, известного как Орден Новых Тамплиеров. Строго

гностический, Орден Новых Тамплиеров верил, что Рыцари Грааля — это сами тамплиеры. Амфортас символизировал гностицизм, Клингзор — христианство. Замок Грааля — чистый мир света Истинного Бога, а Замок чудес — материальный мир Демиурга. Неизлечимая рана Амфортаса — это утрата столь многих душ из рая в злой мир материи. Исцелить его может лишь возвращение всех душ на небо. Урок «Парсифаля» в том, что совершить это способен лишь невинный простак — с помощью Копья Судьбы. Копьё — ключ, а не Грааль. И ещё одно: необходимо пролить кровь.

— Вы думаете, что я — тот самый невинный простак, не правда ли? — Люси с трудом смотрела Греснику в глаза.

— Приятная, чуткая католическая девушка, извлечённая из психиатрической лечебницы? Боюсь, вы подходите идеально.

— И вы думаете, я пролью кровь — убью кого-то Копьём?

— Да.

— Но Парсифаль никого не убил.

— Будем надеяться, что здесь выйдет так же — но я сомневаюсь.

Гресник повернулся к Синклеру. — Что если Гитлер каким-то образом ошибся, и Венское копьё — подделка?

— Что ж, если так — то благодаря усилиям Люси в Кэдбери у них теперь есть подлинное Священное копьё Лонгина.

Гресник почесал голову. — Мы что-то упускаем, не так ли? Всё время мы сосредотачивались на Грааль-реликвиях и почти не обращали внимания на нечто не менее — если не более — мощное.

— Ковчег Завета, — сказала Люси. — Но разве вы не говорили, что его взорвали перед Белым домом?

— Я не думаю, что это был настоящий Ковчег. Никто, верящий в его силу, не стал бы его взрывать — а никто, не верящий в его силу, не стал бы так трудиться, чтобы его похитить. И если всё, что о нём говорят, — правда, сомневаюсь, что его вообще можно было уничтожить. Кроме того, разве у вас не создалось впечатление, что Морсон точно знает, где он находится?

Синклер кивнул. — Тем не менее я не понимаю, как он вписывается в общую картину. Грааль-реликвии связаны с христианством, тогда как Ковчег — чисто иудейский. Его никогда не упоминали в одном ряду с реликвиями.

— Это верно, — согласился Гресник. — Ковчег исчез из еврейской истории задолго до времён Иисуса. Иисус никогда его не видел.

— Как вы сами понимаете Ковчег? — спросила Люси Синклера. — Вы считаете его просто богато украшенным сундуком?

— В Библии Ковчег — золотой ларец, содержащий не только Десять заповедей, но и сами тайны Творения. Он хранит ответы на все наши вопросы: откуда пришло человечество и куда идёт. Это также буквально Божий трон на земле. Некоторые идут дальше и говорят, что Ковчег — переносной дом Бога: Он на самом деле живёт внутри него. Моисей, указывают они, обращался к Ковчегу напрямую и говорил что-то вроде: «Восстань, Господи, и да рассеются враги Твои, и да бегут от лица Твоего ненавидящие Тебя». В каком-то смысле Ковчег есть Бог. Примерно так евреи и относились к нему. Вот почему они были им одержимы — и почему он преследует их до сих пор. Они так и не оправились от его утраты.

— Поймите, — сказал Гресник. — Вы говорите, что найти Ковчег — значит найти Бога?

— Согласно евреям — да.

Гресник снова потёр голову. — И Ковчег, и Копьё Судьбы, как говорят, обладают огромной, невообразимой силой — силой самого Бога. Может быть, всё именно об этом? Гностики собираются что-то сделать с Копьём и Ковчегом, чтобы высвободить силу Творения.

— Похоже на то, не правда ли? — сказал Синклер. — Может, эти гностики замышляют нечто настолько кощунственное, что это навлечёт на нас последний гнев Бога.

— Что за кощунство? — спросила Люси.

— Это нам и нужно выяснить. Но не обольщайтесь, Люси. Морсон полон решимости сделать вас частью этого. Вы должны помешать ему. Если потерпите неудачу — мир закончится в считанные часы.

Глава 69

Джеймс брёл по каменистой тропе. Он не мог поверить, что Люси отказалась идти с ним. Она намеренно мучит его? Он всегда был поддерживающим, понимающим, любящим — и всё, что получал взамен, это вот такое обращение. Добравшись до вершины, он обернулся. Перед ним простирался замёрзший пейзаж. Он выглядел как страна мёртвых. Джеймс мог вообразить миллионы мужских призраков — таких же несчастных, как он, — бредущих по этой скованной снегом земле, с дрожащими от горя руками, игрушек фейских детей вроде Люси. У всех была одна история — та, что Китс рассказал с такой пронзительностью:

*Я видел принцев, королей,
Их лица были бледней смерти.
Кричали все: «Ты раб страстей,
Что держат душу взаперти!»*

*Их жаждающие рты во мгле
В ужасном зияли провале.
Проснувшись, я себя нашёл
На склоне, в холоде, в печали.*

*И вот зачем я здесь один
Брожу, как тень, в глухой низине,
Хоть камыши у вод сухи,
И птицы не поют в помине.*

Именно так всё и было — он на холодном склоне холма, где не поют птицы: мир Люси. В его голову вошло невозможное слово, и на секунду перехватило дыхание — настолько абсурдным, настолько чудовищным оно казалось; слово, которое он никак не мог связать с Люси. И всё же слово не уходило, и он понял: что-то в нём изменилось самым тревожным образом. Щелчок переключателя — необратимого переключателя. Слово стояло в его сознании так отчётливо, что, казалось, его могли прочесть на небе все желающие.

«Зло».

Крюгер был прав — Люси была Избранной Люцифера.

С мыслями, уходящими всё глубже в темноту, он продолжил путь и нашёл небольшой верёвочный мост, перекинутый через пропасть, — далеко внизу текла река.

Рядом с мостом стоял один из тех старых телескопов, что он помнил с детства по морским прогулкам: опусти монету — и смотри на проходящие корабли пару минут, пока не опустится шторка и всё не почернеет.

В летний день вид отсюда, должно быть, был бы великолепен. На секунду он остро захотел снова стать ребёнком — блаженно не зная о таких существах, как Люси. Он приткнулся к окуляру и с удивлением обнаружил, что телескоп работает исправно. Кто-то, должно быть, заклинил механизм.

Он повернул телескоп в сторону, куда уехала Люси с остальными. Карету удалось найти быстро. Когда же он посмотрел на местность прямо перед ними, у него отвисла челюсть.

Господи, что это такое?

Глава 70

— Смотрите, как они пугаются. — Гресник с трудом удерживал лошадей, рвавшихся повернуть назад.

— Что это такое? — Синклер не мог скрыть тревоги.

Перед ними раскинулось огромное поле, усеянное странными вертикальными заострёнными структурами, похожими на цветочные бутоны или семенные коробочки. Каждая была ярко-зелёной и выше баскетболиста. Это напоминало сцену из «Вторжения похитителей тел».

— Я видела одно такое в Кью-Гарденс пару лет назад, — сказала Люси. — Они родом из тропических лесов Суматры.

— Что, чёрт возьми, они делают в Англии? — Гресник всё ещё пытался успокоить лошадей.

— Не помню правильного названия, — сказала Люси, — но прозвище у них — трупные цветы. Когда они цветут, от них исходит ужасающая вонь — запах гниющей плоти. Такому растению может понадобиться до шести лет, чтобы зацвести, а цветение длится всего пару дней. Именно поэтому они так завораживают людей. Почти в каждом ботаническом саду мира есть хотя бы один.

— Смотрите, снег вокруг цветов тает, — сказал Гресник. — Как вдруг стало так жарко?

Люси пыталась вспомнить всё, что знала об этих причудливых растениях. Они способны ускоренно расщеплять сахара, чтобы усилить испарение и быстрее распространять своё зловоние. Выделяемое ими тепло позволяло поддерживать температуру на несколько градусов выше температуры воздуха.

Лошади наотрез отказывались приближаться к цветам. Они фыркали, шарахались в сторону, пытаясь вернуться назад.

— Что-то рядом, — сказала Люси. — Я уже чувствовала это раньше. Что-то страшное.

— Я тоже чувствую. — Синклер сжал распытие на шее.

Люси ожидала увидеть, как из-за цветов поднимается мрак прошлого и будущего — сама тьма.

На их глазах структуры начали раскрываться. Они были похожи на причудливые органические трубы, выдыхающие в воздух горячее зловоние — испарения, способные привлечь насекомых-падальщиков. Через секунды земля вокруг цветов ожила. Тошнотворный запах созвал насекомых со всей округи.

— Слушайте, — крикнул Гресник.

Раздалось невероятное жужжание — будто воздух пронизало электрическим током. Небо потемнело: над цветами появилось облако мух. Весь этот участок теперь смердел гниющей плотью. Сотни тысяч мух, миллионы, может быть, слетались со всех сторон к цветам — огромным, зловонным маякам ада.

Запах стал невыносимым — будто воздух превращался в яд. Люси прикрыла рот и нос рукой. Лошади встали на дыбы.

— Прыгайте! — крикнул Гресник. — Я больше не удержу их.

Люси и Синклер оба спрыгнули. Гресник был вынужден броситься в сторону, когда лошади понесли.

— Чёрт! — выругался полковник. — Кажется, мы потеряли их насовсем.

Пока он и Синклер смотрели вслед удаляющейся карете, Люси пошла вперёд — к ближайшему трупному цветку. Чёрные жуки роились у неё под ногами, но она едва замечала это. Она смотрела, заворожённая, на удивительную структуру с бархатистым тёмно-бордовым нутром. Протянув руку, она коснулась мясистого жёлтого вертикального стебля. Без всякого предупреждения он рухнул — словно собственный непомерный вес внезапно стал для него невыносим. По всему полю другие трупные цветы повторили то же самое — поникли и умерли.

Гресник подошёл и взял Люси за руку. — Уходите отсюда. Это место опасно.

Пока он говорил, Люси слышала шорох. Из рухнувших внутренностей трупных цветов хлынули десятки тысяч тараканов и устремились к ней. С неба обрушился чёрный дождь — вероятно, последствие взрыва астероида.

— Бегите! — прокричал Синклер.

Они бросились прочь от кишащей массы насекомых и не останавливались, пока не отбежали на несколько сотен метров от трупных цветов.

Синклер выбился из сил. Его вырвало прямо в сугроб у обочины. Люси тоже согнулась пополам, упершись руками в колени.

Гресник помог ей выпрямиться. — Ты в порядке?

Она кивнула. Запах трупных цветов пропитал её насквозь.

— Больше никогда не уходи вот так. — Гресник обнял её. — Ты самое драгоценное, что есть в этом мире.

Люси прижалась к нему и поцеловала его.

Глава 71

Джеймс отвернулся от телескопа, дрожа. Теперь сомнений нет. Люси издевалась над его любовью к ней. Она наложила новое заклятие, нашла новую жертву. Ему вспомнилось библейское изречение: «Ворожеи не оставляй в живых.»

Ум работал быстро. Чтобы добраться до Чеддерского ущелья, остальным придётся идти по этой тропе. Скоро он спустится им навстречу и приведёт сюда.

Глядя на верёвочный мост, он знал, что нужно сделать. Сжимая перочинный нож, найденный в аббатстве, он подошёл к мосту. Он осторожно надрезал нижние стороны главных несущих канатов, стараясь рассчитать так, чтобы мост рухнул, когда кто-то окажется на середине. Первой он отправит на мост Люси. И это положит всему конец.

На закате опустился сильный мороз. Всё вокруг было скользким. К тому моменту, когда они будут готовы перейти, стемнеет — и никто не заметит повреждений на канатах. Он смотрел на узкую извивающуюся реку далеко внизу. Люси упадёт туда — дитя Дьявола, летящее в пропасть. Это правильный — библейский — конец. И тогда птицы снова запоют.

Стояла крошечная тьма, температура стремительно падала.

— Верёвочный мост? Вы ничего не сказали об этом, когда описывали тропу. — Гресник недоверчиво смотрел на хлипкую конструкцию, вода фонарём от одного конца к другому. — Не похоже, что это безопасно.

— У нас нет выбора, — сказал Джеймс. — Это единственный путь к ущелью. Туристическая тропа, так что должно быть нормально.

— Или здесь, или идти километры в поисках брода или нормального моста через реку, — сказал Синклер.

— Времени нет. — Люси потеряла терпение к бесконечным разговорам. Она смотрела вниз, в пропасть. Шум бурлящей воды отдавался гулом от крутых скал. Мысль о переходе по этому узкому мосту её пугала.

Полная луна — кричаще красная — бросала странный свет на воду. Показалась вереница прекрасных белых лебедей, плывущих вверх по реке. Даже в красноватом лунном свете они казались ослепительно белыми — существами из другой реальности. Такими безмятежными, равнодушными к хаосу мира. Даже река успокоилась.

— Перейдём, — сказала Люси.

— Иди первой, — сказал Джеймс.

— Нет, я проверю. — Гресник взглянул на Джеймса. — Вы плохо выглядите, Вернон. Вам нехорошо?

— Всё в порядке. — Но руки у Джеймса тряслись так, что он не мог их унять.

— Рисковать не стоит, — сказал Гресник. — По одному на мосту, договорились? — Он осторожно перебрался по пятиметровому верёвочному мосту на другую сторону.

Люси молилась, чтобы всё прошло хорошо. Джеймс следил за мостом не менее пристально, чем она. Она смотрела на него и думала: как вообще она могла поцеловать Гресника? Что с ней такое? Она была в таком смятении. Признаться? Но Джеймс её возненавидит. Ей хотелось перейти, держась с ним за руку. Когда они встречались, ей нравилось, что он никогда не отнимал руку, когда она хотела его держать. Так мало мужчин понимают, как много это значит для женщин.

— Чёрт, это было совсем не надёжно. — Гресник стоял на другой стороне, тревожно оглядываясь. — Вы следующий, Вернон.

— Нет, первой Люси. Нам нужно переправить её на ту сторону.

Люси пожала плечами. — Ладно. — Она осторожно ступила на мост и двинулась вперёд, глядя прямо перед собой и крепко держась за боковые канаты. Не смотри вниз. Мост начал раскачиваться под ногами.

— Господи, он рушится! — крикнул Синклер.

— Руку, быстро! — Гресник отчаянно тянулся к Люси.

Она попыталась схватить его руку, но в этот момент одна сторона моста полностью обвалилась.

Она закричала, думая, что летит в пустоту. Лишь через мгновение поняла: она висит, а не падает — Гресник поймал её.

— Держись, Люси. Я тебя вытащу.

Она закрыла глаза и начала молиться. Из глубины взываю...

Когда она открыла глаза, то лежала на спине, а Гресник склонился над ней. — Ты в порядке?

Она слабо взмахнула рукой в воздухе, затем перевернулась на живот. Она посмотрела через пропасть — Джеймс смотрел на неё, лицо бледнее мела.

— Господи, вы целы? — спросил Синклер.

— Всё хорошо. — Голос Люси был едва слышен.

— Я знал, что безумие использовать этот мост. — Гресник сверлил взглядом Джеймса. Он направил фонарь на надрезанные канаты и прищурился.

— Что такое? — спросил Синклер.

— Думаю, с этими канатами кто-то поработал. — Гресник смотрел прямо на Джеймса. — Ты скотина.

— Не говорите глупостей, — сказал Синклер. — Джеймс сам должен был идти следующим.

— Но он же медлил, правда? Знал прекрасно, насколько это опасно.

— Люси, ты же не веришь, что я мог причинить тебе вред. — Джеймс повернулся к Синклеру. — Это старый мост... он... — Голос его звучал отчаянно.

Люси не понимала, зачем Греснику выдвигать такое чудовищное обвинение. Джеймс явно говорил правду. — Это был несчастный случай, — сказала она.

Гресник отвернулся.

— Что будем делать? — спросил Синклер.

— Найдём другой путь. — Джеймс посмотрел на Люси. — Встретимся у вершины Лестницы Иакова. Помнишь?

— Помню.

— Какой ещё лестницы? — проворчал Гресник.

— Длинный пролёт ступеней, ведущих вниз в ущелье, — объяснила Люси. — Мы с Джеймсом были там несколько лет назад.

— Просто идите по тропе, — сказал Джеймс. — Недалеко. В миле ниже по тропе с этой стороны есть ещё один мост. Встретимся как можно скорее.

— Там было опасно. — Синклер и Джеймс пробирались по участкам чёрного льда, делавшего и без того трудную тропу ещё более ненадёжной.

Джеймс кивнул. Он старался выглядеть спокойным, но внутри всё рушилось. Когда Люси несколько секунд висела над пропастью, он одновременно желал её падения — и молился, чтобы этого не случилось.

Когда после она посмотрела на него — с потрясением в глазах, — он почувствовал тошнотворное чувство вины. И при этом его бесило, что Гресник разыгрывает роль героя. Американец открыто заявлял о готовности убить Люси. А теперь, похоже, был готов не только рисковать жизнью ради неё, но и сделать её своей возлюбленной. Эффект Люси — все в конце концов ей поддавались. Дочь Дьявола.

— Странно, что мост обвалился, — заметил Синклер.

Джеймс был рад, что темнота не позволяла кардиналу видеть его лицо. Глаза выдадут его, он был в этом уверен. Синклер — Ватиканский Инквизитор, глава организации, некогда называвшейся Инквизицией. Он непременно прочтёт его грехи, светящиеся неоновым светом. В этом и было предназначение Инквизиции: вытащить твои тайны одну за другой. Ничего скрытого, правда вырвана наружу — хочешь ты того или нет. Нужно сменить тему, занять мысли кардинала чем-нибудь другим.

— Кардинал, я слышал утверждения, что тамплиеры обнаружили в Иерусалиме нечто — неопровержимые доказательства того, что Иисус был женат на Марии Магдалине и имел ребёнка, — и использовали эти свидетельства для шантажа католической церкви, вымогая деньги в обмен на молчание.

Синклер засмеялся. — Удивительно, сколько доверия оказывают самым безумным теориям.

— В чём же правда?

— Правда куда страннее любой выдумки, и ничто не удивительнее истории возникновения тамплиеров. В 1118 году Гуго де Пейн и восемь других французских

дворян появились в Иерусалиме. Король Балдуин I встретил их радушно и — что поразительно — позволил им обосноваться в превосходном месте на Храмовой горе. В течение девяти лет рыцари не завербовали ни одного человека для борьбы с мусульманами. Фактически они никогда не покидали свою штаб-квартиру. Почти никаких свидетельств того, чем они в действительности занимались эти годы, не сохранилось. Всё было окутано тайной, но, судя по всему, они провели всё время за раскопками в фундаменте Храма Соломона, который находился прямо под их штаб-квартирой. Всегда ходили слухи, что Соломон построил потайные ходы, в которых спрятал свои несметные сокровища.

— Было очевидно, что этих рыцарей интересовала археология и охота за сокровищами куда больше, чем защита паломников. Что они искали? Нечто, о чём знали заранее, что оно спрятано в тайных ходах Соломона? Ковчег Завета, может быть? Не забывайте: единственной целью Храма было хранить Ковчег. Ковчег исчез из истории более двух с половиной тысяч лет назад, и никакого достоверного следа его так и не было обнаружено — хотя слухов предостаточно.

— Что они нашли? — спросил Джеймс. — Тамплиеры ведь были знамениты своим богатством. Они нашли сокровища Соломона?

Синклер снова засмеялся. — Богатство тамплиеров — никакая не тайна. Каждый новый член ордена был обязан пожертвовать ему всё своё имущество, а многие из них были очень состоятельными людьми. Дворяне со всей Европы делали огромные пожертвования деньгами, имуществом и землёй. Не забывайте, тамплиеры были знаменитостями христианского мира — «звёздами», если использовать современный жаргон, — прославленными тем, что никогда не отступали и сражались до последнего. К ним стекались все покровители, все спонсоры, все деньги. Кроме того, они были международными финансистами — изобретателями современной банковской системы.

— Тамплиеры не только не угрожали раскрыть папе шокирующие откровения об Иисусе и брать деньги за молчание — они не проронили ни слова о том, что обнаружили в Иерусалиме. Они признали, что искали Ковчег, но утверждали, что ничего не нашли.

— Конечно, они лгали — как в конечном счёте и установила Инквизиция. Они признались, что в действительности искали набор древних гностических пергаментов. Те пропагандировали Иоаннитскую ересь: согласно ей, истинным Мессией был Иоанн Креститель, а не Иисус. Выяснилось, что все девять первых тамплиеров состояли в родстве с катарскими семьями — и, по всей видимости, были посланы катарами в экспедицию с целью обнаружить утраченные документы, проливающие свет на различные катарские тайны.

— Вы хотите сказать, что никакого шантажа папы не было?

— Разумеется нет. Мысль о том, что они нашли доказательства якобы состоявшегося брака Иисуса с Марией Магдалиной, — смехотворна. Что могло бы служить доказательством? Пыльный документ? Ватикан полон пыльных рукописей, изъятых у еретиков, продвигавших всевозможные невообразимые ереси. Картина, где Иисус целует Марию? Нарисовать может каждый. Кости? Ну и что? Мир ими полон. Никто и ничто не могло бы доказать, что Иисус был женат. Даже если бы это было написано жирным красным шрифтом в документе под названием Евангелие от Иисуса, это всё равно не имело бы доказательной силы. Еретики всегда фабриковали свидетельства для распространения своей лжи.

— Если бы девять рыцарей явились к папе с заявлением, что Иисус был женатым человеком с ребёнком, они бы не покинули Ватикан с грудой сокровищ в обмен на молчание... они бы вообще не покинули Ватикан. Прямоком на костёр.

К тому же, если бы у них было хоть что-то отдалённо напоминающее доказательства этих безумных утверждений, разве они не предали бы их огласке сразу, как Ватикан приказал их арестовать? В тот момент не было бы никаких причин молчать. Однако ни единой крупницы доказательств не появилось — что окончательно доказывает: их попросту не было.

Нет, игра тамплиеров состояла в том, чтобы притворяться образцовыми и преданнейшими католиками — и тайно распространять свою гнусную ересь. Вместо того чтобы утверждать, что Иисус был женат, они первыми осудили бы такую мысль — тем самым демонстрируя свою ортодоксальность. Но католическая церковь всегда бдительна, и в конце концов мы проникли в их тайный мир и разоблачили их еретические убеждения — практически неотличимые от катарских.

— Но разве я не читал, что церковь фактически сняла с тамплиеров обвинения в ереси? — спросил Джеймс.

Синклер саркастически улыбнулся. — Церковь была заражена друзьями и союзниками тамплиеров. Их влияние проникло повсюду, вплоть до высших эшелонов Ватикана. Но папа разглядел провагнерскую пропаганду тамплиеров, отменил этот ложный приговор и справедливо осудил их.

Джеймс почувствовал неприятное сходство с тамплиерами. Он прекрасно знал, каково это — вести двойную жизнь. Когда скрываешь тайны, они начинают выжигать душу изнутри. Рано или поздно они прожгут насквозь и вырвутся наружу — на всеобщее обозрение.

Глава 72

Люси, напрягая зрение в темноте, смотрела вниз по склону холма. Когда ей было десять лет, родители привезли её сюда, в Чеддерское ущелье, и папа пообещал купить мороженое, если она доберётся до вершины Лестницы Иакова меньше чем за пятнадцать минут. Она пару раз поскользнулась, но уложилась в двенадцать минут с небольшим и получила в награду роскошный «Кникербокер Глори».

Она всегда считала бегом вверх по двумстам семидесяти четырём узким ступенькам Лестницы Иакова большим достижением — сейчас это было явно ей не под силу. Даже спуск выглядел изнурительным.

Здесь, в ясный день, туристы любовались потрясающим видом на холмы Мендипс и трёхсотакровый природный заповедник на вершинах скал. С деревянной смотровой башни вид был ещё лучше. В летний день можно было разглядеть сапанов, гнездившихся высоко в скалах. Она думала: остались ли они здесь или улетели вслед за людьми?

Вдали можно было различить Гластонбери-Топ. В каком-то странном смысле её жизнь всегда вращалась вокруг Гластонбери. Мама всегда охотно рассказывала ей о великих мифах и легендах Гластонбери. В детстве они казались ей чудесными. Именно тогда у неё зародился интерес к эзотерике, не угасавший всю жизнь.

В тот летний день, когда семья приехала сюда, они сидели на траве и устроили пикник. Мама рассказала ей историю о первой Лестнице Иакова. Иаков — патриарх, чьи двенадцать сыновей стали основателями двенадцати колен Израилевых, — ночевал под открытым небом во время долгого путешествия. Он положил голову на камень и попытался уснуть. И ему приснился сон, в котором он увидел лестницу от земли до неба — по ней поднимались и спускались ангелы.

Люси мечтала увидеть этих ангелов. Что касается самого Иакова, он ей не понравился, когда она узнала, что он купил право первородства у своего брата Исава «за

чечевичную похлёбку». В детском воображении она находила странным, что в Библии фигурирует столь неаппетитное блюдо, как каша. К тому же казалось нехорошим красть право первородства у брата. Ещё хуже — он притворился братом, чтобы получить благословение слепого отца. Поступок труса, готового на всё ради своих целей: мошенника, лжеца, человека без капли нравственности. Само имя Иаков означало обманщик.

— Гностики ненавидели Иакова, — заметил Гресник.

Люси на секунду взглянула на него. После случая на мосту они почти не говорили. Она не могла поверить, насколько низко он поступил, обвинив Джеймса. Теперь она была рада вернуться к какому-то подобию нормального разговора.

— Я не знала этого. — Но неудивительно. Она сама не была поклонницей Иакова.

— Израиль был назван в честь Иакова.

— Что вы имеете в виду?

— Вы помните библейскую историю об Иакове и ангеле?

— Конечно. Иаков боролся с ангелом всю ночь. Ни один не мог одолеть другого.

— Верно. Но что произошло потом?

Люси пожала плечами.

— За то, что Иаков так хорошо сражался, ангел дал ему имя Израиль, что означает «Богоборец» — буквально «тот, кто борется с Богом». Ирония, не правда ли? Как же так: израильтяне — Богоизбранный народ — оказываются теми, кто борется с Богом?

— Гностики пришли к тому, что им казалось очевидным выводом. Израильтяне — Богоизбранный народ Ложного Бога, и именно с Истинным Богом они ведут борьбу. Само название их народа провозглашает правду.

— Как гностики толковали историю о лестнице Иакова?

— По их мнению, нисходящие ангелы — это души, которых Сатана заманивает на землю. Восходящие же ангелы — это души, достигшие Гносиса и наконец способные вернуться на небо.

— По преданию, Иаков видел свой знаменитый сон в месте, называемом Бетель. Камень, на котором он лежал, был известен как Камень Бетеля. Легенда гласит, что со временем Камень Бетеля оказался в Ирландии, а затем в Шотландии, где стал известен как Камень Судьбы. Короли Шотландии короновались на этом священном камне. Английский король Эдуард I захватил его во время войны с шотландцами и перевёз в Вестминстерское аббатство, где камень стали использовать при коронации английских монархов. Шотландцы же верили, что Эдуарду подсунили подделку, а настоящий камень никогда не покидал шотландской земли. Пророчество гласило: если истинный Камень Судьбы когда-либо покинет Шотландию — наступит конец света.

— Странно слышать, как в этом контексте упоминаются Ирландия и Шотландия.

— Не так уж странно. Для начала: скоты, давшие своё имя Шотландии, — на самом деле ирландское племя. По всей видимости, древние египтяне и израильтяне, оказавшиеся в опасности на родине, нередко бежали в Ирландию. Это была радушная страна, вдали от досягаемости их врагов. А из Ирландии до Шотландии рукой подать.

— Предположительно, скоты получили своё название от дочери фараона по имени Скота, покинувшей Египет во время исхода евреев.

— Откуда вы знаете эту историю?

— Из древней рукописи, известной как Скотихроникон. Я слышал, что причина, по которой о годах Иисуса между отрочеством и последними тремя годами его служения известно так мало, — в том, что его вовсе не было на Святой Земле. Он находился где-то на Британских островах — в Гластонбери, может быть, или в Таре в Ирландии. В заливе Данвеган у острова Скай в Шотландии есть небольшой островок под названием Эйлин-

Иса, что значит «Остров Иисуса», — считается, что Иисус провёл там какое-то время. На Внешних Гебридах в Шотландии существует множество местных преданий о том, что Иисус, его мать и дядя бывали там.

— И это ещё не всё. Мой дед нашёл гностические документы, утверждающие, что многие выжившие атланты добрались до Шотландии и она стала Нулевой точкой гностицизма — эпицентром, из которого гностические убеждения распространились по всему миру.

Люси улыбнулась. Шотландцы, с которыми ей доводилось встречаться в жизни, не производили впечатления великого утраченного народа Атлантиды. Они, пожалуй, были слишком равнодушны к «воде жизни».

— У вас прекрасная улыбка, — сказал Гресник.

— Что?

— Вы понятия не имеете, насколько вы красивы, правда?

Люси почувствовала, как краска заливает щёки. — Не надо этого говорить.

— Почему? Это правда. Я не могу не говорить этого.

— Но... Джеймс.

— Бросьте. Джеймс — женатый человек с ребёнком.

— Джеймс женат?

Глава 73

— Вон они. — Гресник направил фонарь на Синклера и Джеймса, бредущих по тропе к смотровой башне.

— Дай мне. — Люси выхватила фонарь у Гресника и пошла вперёд, вниз по крутым ступенькам Лестницы Иакова. Женат! Она всё повторяла это слово, пока оно почти не утратило смысл. Всё время, пока они были вместе, Джеймс ни разу не солгал ей. Как можно отречься от собственной жены и ребёнка? Но было и другое чувство — ревность. Она должна была быть женой Джеймса. Лишь теперь она поняла, насколько одинока. По собственной глупости она оттолкнула единственного человека, который всё ещё что-то для неё значил.

Что касается Гресника — что он думал, говоря всё это? Как он мог считать, что она питает к нему глубокие чувства? Он ей нравился, она находила его красивым — и только. На то, чтобы пережить Джеймса, у неё уйдёт вся оставшаяся жизнь.

— Шесть часов вечера, — сказал Гресник. — Вы понимаете, что это означает.

Шесть часов, подумала Люси, до 30 апреля 2012 года — самого судьбоносного дня в истории человечества. Можно ли за шесть часов исправить все ошибки целой жизни? Что сейчас делают люди по всему миру — молятся, любят, кричат? Имеет ли это значение? Плакать — вот что казалось ей уместным. Шесть миллиардов пар глаз в последнюю полночь человечества.

Никто не говорил, пока они спускались и ступили на дно великого ущелья. Они шли вдоль подножия известняковых скал к входу в главную пещеру, которую природа терпеливо выточила из камня.

Не было никакого света, кроме луча фонарика Люси. Мир опускал последний занавес и гасил огни рамп. Не останется ничего, кроме пустоты. Есть ли у кого-то верные ответы на вопрос, в чём смысл жизни? У католиков, евреев, мусульман, буддистов, индуистов? У гностиков? Или у кого-то ещё из голосов, кричащих об абсолютной истине без тени доказательств. В полночь кто-то окажется прав — а может, никто. В каком-то смысле это казалось ей справедливым исходом. Человечество заблуждается до горького конца, лжёт себе, покидая сцену, которую так долго позорило. Поклонов не требуется.

Кассы Чеддерского ущелья были брошены, все двери распахнуты настежь. Дешёвые сувениры — путеводители, кристаллы, самоцветы, бусы, миниатюрные модели ущелья — были разбросаны повсюду.

Люси нашла щиток управления и щёлкнула выключателем. Вспыхнул свет.

— Хорошо, генератор ещё работает, — сказал Гресник, забирая у Люси фонарь.

Они подошли к входу в пещеру и приготовились войти.

— Это разумно? — спросил Синклер. — Можно застрять внутри. Если вход окажется заблокирован, пути назад не будет.

— Третья Грааль-реликвия внутри, — сказала Люси. — Я иду.

Синклер положил руку ей на плечо. — Но у нас нет остальных реликвий. Зачем продолжать?

— Я должна.

Проход перед Люси зиял, как дыра в земле — пасть преисподней, — но она решительно шагнула вперёд, остальные заспешили следом.

Оказавшись в унылом сером входном зале, она вспомнила, как была разочарована в детстве, увидев лишь обычные пещерные стены. «Там будут сталактиты и сталагмиты», — обещали ей родители. Она видела их на картинках в книгах и ожидала, что чудеса встретят её сразу. К счастью, они оказались за углом.

Она чувствовала, будто идёт по собственным следам двадцатилетней давности — нынешняя она преследует прежнюю, или наоборот. Повторять пройденное всегда было жутковато: призраки сталкиваются в темноте.

Они миновали огороженную яму, где в 1903 году был найден девятитысячелетний скелет человека, принесённого в ритуальную жертву. Трещина, уходящая глубоко в землю, была заполнена тёмной водой. В детстве Люси была убеждена, что в этой воде скрывается чудовище. Теперь это казалось куда более вероятным.

Справа располагалось скопление музыкальных сталактитов под названием «Колокольный звон» — если ударить по ним прутом, они издавали мелодичный перезвон. В прошлый раз они зачаровали Люси, теперь она едва взглянула в ту сторону.

Она повела группу вверх по ступенькам, затем через узкий тоннель. На выходе их встретил белый сталагмитовый каскад под названием «Замёрзший водопад». Отсюда они вышли в зал, прозванный Собором Святого Павла — потому что тот, кто его открыл, увидел сходство с лондонским Собором Святого Павла. При первом посещении он поразил Люси; и сейчас производил не меньшее впечатление.

Одну стену покрывали переливающиеся сталагмиты, поблёскивавшие в искусственном свете. Дальше шла «Пещера Аладдина» — нечто из страны фей: сталактиты волшебным образом отражались в искусственном водоёме. В детстве Люси мечтала забрать этот грот домой, чтобы каждый вечер забираться в него и впитывать его магию.

Она обернулась и увидела, что мужчины застыли с открытыми ртами, поражённые зрелищами зала. Но никакого ощущения близости третьей Грааль-реликвии — загадочного блюда — она не чувствовала.

Статус блюда был неопределённым. Для ряда учёных считали: именно золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями и использованное при поднесении головы Иоанна Крестителя Ироду, и было истинным Святым Граалем. Кретьен де Труа, первым упомянувший Грааль, однозначно описывал его как предмет, который несла прекрасная молодая девушка, держа обеими руками. Graal — само слово, использованное де Труа, — было старофранцузским словом, означавшим «блюдо». Как блюдо могло превратиться в чашу?

— Он в следующем зале, — произнесла Люси, и голос её разнёсся эхом, словно она говорила откуда-то издалека. — Зал называется Храм Царя Соломона. Думаю, это подходящее место для священного предмета.

Она повела группу по короткому коридору в зал. Они прошли мимо ещё одного великолепного сталагмитового каскада и трёх поразительных образований, известных как Столп Храма, Крыло Архангела и Органные трубы.

Они наткнулись на второй замёрзший водопад — куда больше предыдущего, носящий название Ниагарский. Рядом располагался объект под названием Замёрзшая река. Люси остановилась. Пальцы закололо — как в Тинтагеле и Кэдбери.

Она вспомнила загадочные слова Нострадамуса об этой панели росписи Рафаэля: «Принеси мне его голову на блюде. Гнев Господень. Тяжкий путь в рай. Нужно уйти под землю, чтобы найти истину. Под водой, которая замерзает».

Последние слова: «Под водой, которая замерзает».

Никакой загадки. Она перелезла через ограждение и взобралась на Замёрзшую реку, оказавшись на несколько футов выше уровня пола. Было невероятно скользко, и она была рада, что армейские ботинки давали хорошее сцепление.

— Осторожно, — сказал Синклер.

На секунду голос кардинала заставил Люси вздрогнуть. Почему именно он заговорил, а не Джеймс или Гресник?

Она двинулась вдоль странной белой застывшей реки, вытянув руки перед собой на случай, если понадобится за что-то схватиться, чтобы не упасть. Всё было покрыто тонкой плёнкой воды, искрившейся в электрическом свете. Добравшись до миниатюрного водопада в дальнем конце реки, она остановилась. Всё тело пронизывало электрическое покалывание. Ей казалось: выключи свет — и она будет светиться, как призрак. Не этим ли она стала? — потусторонним присутствием, анти-человеком. Она преследовала людей, делала их несчастными.

Присев, она просунула руку в пространство позади замёрзшего водопада. Пальцы вытянулись, ощупывая темноту, и вскоре коснулись холодного металла. Мгновенно в уме закружилась карусель образов. Столько боли. Кровь. Широкая алая дуга. Боль. Тьма. Смерть. Взывающие к ней сквозь время.

Она вытащила великолепное сверкающее золотое блюдо, усыпанное рубинами и изумрудами — подносом, достойным царского стола. Отрубленная голова Иоанна Крестителя, не сомневалась она, некогда покоилась здесь — волосы слиплись от пота и крови, глаза ещё открыты, покрытые коркой последних слёз. Она была поднесена Иродиаде, жене Ирода, в качестве самого извращённого из даров — после смертоноснейшего из танцев Саломеи.

Люси ощутила и другое предназначение блюда — тёмное и странное. Именно с него Иисус раздавал хлеб ученикам на Тайной вечере. Почему именно это блюдо? Как оно вообще оказалось у Иисуса? Иосиф Аримафейский купил его у Ирода, не так ли? Всё это было заговором Иисуса и его последователей против Иоанна Крестителя — так, во всяком случае, считали Иоаниты. Блюдо, по их мнению, было доказательством: насмешкой над смертью Иоанна, знаком торжества заговорщиков. Но и Иисуса это в конечном счёте не спасло. Иоаниты нанесли ответный удар и отомстили за своего вождя.

Люси обнаружила, что Синклер стоит прямо за ней.

— Оно говорит с вами? — спросил он.

— Что?

— Прошлые тянутся к вам, не правда ли? История шепчет вам. Вы так удачливы.

В тоне Синклера было что-то странное. И взгляд, которым он смотрел на блюдо...

— Я могу взять это у вас, если хотите. — Синклер кивнул на блюдо.

Люси покачала головой. — Нет, я сама.

Они с Синклером вернулись к остальным. Джеймс и Гресник стояли именно там, где она их оставила, — с какими-то странно пустыми лицами.

— Что теперь? — спросил Гресник.

Люси не знала, что сказать. Осталась лишь одна Грааль-реликвия — сам Святой Грааль. Или, точнее, предмет, который Робер де Борон назвал Граалем. Где его искать, она не имела понятия. На панели Рафаэля был изображён замок на лесистой горе над озером. Ничего похожего поблизости не было.

— Ну, для начала выберемся отсюда, — сказал Синклер.

Люси посмотрела на Джеймса. В его глазах было такое мученическое выражение.

— Как думаешь, Джеймс?

— Это твоё представление.

Моё представление? Меньше всего это было так. Она была марионеткой, не видящей нитей.

Она направилась к выходу. Они вошли в большой коридор, где с одной стороны были нагромождены валуны. Она помнила с детства, что в этом зале есть странная пещера в форме чёрной кошки. Тогда она её пугала. Жутковатость никуда не делась.

Идя быстрым шагом, она вела группу вниз по длинному пролёту ступенек, выходявших в значительно более широкий коридор — недалеко от входа.

— Стоп! — прошипел Гресник.

Люси удивлённо посмотрела на него. Он приложил палец к губам. Она напрягла слух, пытаясь понять, что его встревожило. И тогда услышала: урчание мотора на холостом ходу.

— Морсон нашёл нас, — сказал Гресник.

Глава 74

Все огни погасли. Люси покачала головой в отчаянии. Неужели всё должно закончиться вот так?

— Что они делают? — прошептал Синклер, пока Гресник включал фонарь. Никаких шагов, никаких признаков преследования. — Просто ждут снаружи?

— Здесь есть другой выход, — сказала Люси. — Ниже есть ещё уровни. Их не открывали для посетителей, потому что они периодически затапливаются, но выход из них ведёт выше по ущелью. Может, пройдем.

— У нас нет выбора, — сказал Гресник. — Идем.

Люси взяла фонарь у Гресника и осветила коридор. За верёвочным ограждением виднелась табличка «Вход воспрещён» — вход на нижние уровни.

— Мы не спелеологи, — сказал Джеймс. — Можем застрять.

— Или Морсон, — сказал Синклер. — Я готов рискнуть.

— Теряем время. — Люси двинулась вперёд, отодвинув верёвку в сторону.

Пригибаясь под несколькими низкими арками, она вошла в огромную пещеру. Продвигаясь дальше, она слышала странный шорох и причудливое эхо. Она обвела фонарём пространство — ничего, кроме влажных пещерных стен. Кое-где по ним стекала зелёная слизь.

Пройдя ещё несколько шагов, она почувствовала, что идти становится всё труднее. Пол пещеры был покрыт чем-то липким.

— Что это такое? — недовольно проворчал Гресник.

— Помёт, — сказал Джеймс. — Здесь колония летучих мышей.

Люси направила фонарь на свод пещеры и чуть не выронила его. На нём висела масса летучих мышей, подёргиваясь.

— Господи, они везде, — выдохнул Гресник. — Их тысячи, наверное.

Люси стояла, не в силах пошевелиться. Она представила, как они разом срываются вниз — плотное удушающее облако, летящее прямо на неё. Наверное, это летучие мыши-вампиры. Они выпьют из неё всю кровь до последней капли.

— Нужно продолжать, — сказал Синклер. — Они ничего не делают. Может, повезёт.

Люси не была уверена, что сможет сделать хоть шаг. Она выключила фонарь — боялась привлечь мышей. Тьма поглотила её. Она думала только о мышах, о том страшном звуке, который они издадут, если нападут. Лишь вопрос времени. Она почувствовала кое-что ещё — невыразимый ужас. Он был в Тинтагеле, в Кэдбери — и вот достиг её здесь. За ней следовало нечто зловещее — тьма, сама тьма.

— Вы не чувствуете? — спросила она.

— Идём, — отрезал Гресник.

— Чувствую, — сказал Джеймс. — Оно нашло нас.

— О чём вы? — огрызнулся Гресник.

— Нет времени.

Люси с трудом шла вперёд, но теперь слышала новые звуки — шуршание, суетивное движение, будто стены и пол оживали.

В панике она снова включила фонарь. Сотни тысяч, а может, и миллионы пауков, жуков, сороконожек, муравьёв и маленьких чёрных змей покрывали пол пещеры, суеясь у её ног.

Она не смогла сдержаться и её вырвало прямо на ближайших существ. Казалось, внутренности растворяются.

Гресник схватил её за руку и потащил прочь. Они двигались как можно быстрее — под ещё одной низкой аркой и в новую пещеру. Затем остановились. Новая пещера светилась желтовато-зелёным: пол, стены, свод — всё.

— Светлячки, — сказал Джеймс. — Взрослые и личинки.

Личинок светлячков, знала Люси, называют светящимися червями. В древнем Китае их собирали и помещали в прозрачные сосуды, делая примитивные фонари. Она всегда мечтала их увидеть. Больше не мечтала. Они были пугающими — как крошечные огни ада.

— Люциферин, — сказал Джеймс.

— Что?

— Светоизлучающее химическое вещество. Вот почему они светятся.

Люциферин — свет Люцифера. Свечение ада. Вот что это было. Вот почему море у Тинтагеля светилось — и вот почему светится эта пещера. Все тёмные твари светятся, когда их хозяин рядом.

Страх захлестнул каждую клетку тела Люси. Желтовато-зелёное свечение пещеры медленно переходило в аквамарин, и она знала: скоро оно станет чистым синим — каким-то образом мир сговорился стать её худшим кошмаром. Лоб был мокрый от пота. Она чувствовала, что начинается жар — горячие и холодные волны пробежали по телу.

— Мы заблудились, не правда ли? — сказал Гресник.

Люси покачала головой. — Обещаю, выход есть. Я теперь вспомнила, что говорил экскурсовод, когда я была здесь ребёнком. Он сказал, что за одним из водопадов есть коридор. Именно там первооткрыватели пещер первый раз вошли в неё.

— Значит, возвращаемся?

Она кивнула, устыдившись своей ошибки.

— Здесь есть лужи смолы, — сказал Джеймс. — Вы не чувствуете запаха?

— И что?

— Если будет искра — всё полыхнёт.

— Идём, выбираемся отсюда! — крикнул Гресник.

Прежде чем они успели двинуться с места, пещера взорвалась.

— Господи, спаси нас! — вскрикнул Синклер.

Все светлячки взлетели разом. К ним присоединилась подавляющая, жужжащая, клубящаяся масса ос, пчёл и шершней. Затем из соседней пещеры ворвались летучие мыши, заполнив весь зал хлопанием крыльев и пронзительным писком. По полу снова кишели насекомые — и крысы, тысячи крыс.

Люси закричала и прижала ладони к ушам, пытаясь заглушить грохот. Врата ада были распахнуты настежь, и твари преисподней кружились и метались вокруг неё вихрем — но ни одна не касалась её.

Когда фонарик бессильно выхватывал из бурлящей массы отдельных существ, она заметила: спереди на комбинезоне, в области паха, расплывалось красное пятно.

Господи Боже. Кровь? Месячные? Но время было неподходящее. Казалось, внутренности выворачивались наружу, тело пыталось вывернуться наизнанку. Она опустила на колени, пытаясь закричать — и не находя голоса. Изувечена. Разрезана. Она думала о Рыбаке — неизлечимо раненном, пронзённом в пах чёрным магом. Теперь вся нижняя половина комбинезона была красной. Кровь расползалась повсюду. Она провела по себе руками в ужасе — руки тоже стали кровавыми.

Вот как это заканчивается? Окружённая худшими из своих страхов, всеми кошмарами сразу.

Летучие мыши носились вокруг головы Люси, крысы ползали по ботинкам. Все защитные барьеры в её сознании рухнули. Не осталось ничего, кроме синевы, всегда её преследовавшей. Последний круг ада — чистейший синий.

Взметнулись языки пламени. Твари начали истошно вопить.

Вот как она умрёт? Заперта в видении ада. Апокалипсис сейчас. Как предсказывала роспись Рафаэля.

Среди хаоса — вихря крыльев, клыков, глаз, криков, водоворота движения, светящегося трепещущего омута, пытающегося всосать её, кипящей ямы жизни и смерти — она услышала один твёрдый, решительный голос: Гресника.

Я поджёл смолу. Нужно уходить прямо сейчас, Люси... Господи, ты ранена.

Ранена? Люси покачала головой. Физические объяснения. Прямые линии. Причина и следствие. Вещи, которые имеют смысл. Но здесь, в этих тенях, логика утратила силу. Только отсутствие разума существовало здесь.

Она почувствовала давление на руки — странно успокаивающее. Её держали, поддерживали: Гресник с одной стороны, Джеймс с другой. Два её рыцаря. Они выведут её в безопасность, она была в этом уверена. Дым и пламя убьют всех остальных тварей в пещерах.

Им удалось вернуться тем же путём. Голова Люси всё время падала назад, и каждые несколько секунд она тихо стонала. Её пырнули в живот? Она запаниковала, обнаружив, что потеряла блюдо, — но тут увидела его в руках Синклера. Должно быть, он схватил его в суматохе.

Через несколько минут они снова оказались у Замёрзшего водопада.

Лёгкие Люси были забиты дымом, говорить не получалось. Она отчаянно указала на небольшую щель в твёрдой скале. Гресник вошёл первым.

— Здесь узкий коридор. Вижу старую дверь. Кажется, Люси права — отсюда можно выйти. — Дверь управлялась ржавым колёсным механизмом. Гресник взялся за него обеими руками и повернул. — Поддаётся, — сказал он. — Мы выберемся.

Люси ощутила странный прилив воодушевления — будто впервые с момента выхода из монастыря она управляла собственной судьбой. Ещё жива. Ещё борется. Она забрала блюдо у Синклера.

Все протиснулись через дверной проём и вышли на улицу. Впереди была главная дорога, за спиной — отвесные скалы. Прежде чем они успели прийти в себя, раздался взрыв. Небо вспыхнуло ярко-розовым.

— Сигнальная ракета, — сказал Гресник.

Слева и справа появились фигуры — солдаты с автоматами наперевес. В центре группы стоял Морсон с пистолетом. — Блюдо. — Он поманил Люси свободной рукой.

Она не двинулась с места.

— С вами что-то случилось? — спросил он. Он подошёл и забрал у неё блюдо. — Что ж, ваш путь почти завершён. Через несколько часов всё кончится. А сейчас мы везём вас в одно из наших особых мест: в Карбонек.

— Что там? — спросил Гресник.

— Святой Грааль, — сказала Люси.

Глава 75

Морсон то и дело поглядывал на часы. Он усадил Люси рядом с собой в кабине водителя, поклявшись больше не выпускать её из виду. По его словам, они направлялись в частное поместье, расположенное в долине близ Гластонбери.

Люси не отрывала взгляда от дороги. Снова падал снег. Мир пытается скрыть свои изъяны, подумала она. В животе давило — такое ощущение, будто внутренности вот-вот выльются наружу. Она не осмеливалась смотреть вниз, боясь увидеть, как сильно запачкана кровью нижняя часть её формы. Взглянув в зеркало заднего вида, она поймала собственное отражение. На неё смотрело какое-то существо — будто убийца: лицо в крови, спутанные грязные волосы, запавшие глаза.

Лучше закрыть глаза, чтобы не видеть того, что впереди. В голове замелькали образы. Она стояла в лесу, где каждое дерево было сделано из зеркал, а трава — из зеркальных нитей.

Мчась сквозь зеркальный лес в запятнанной кровью форме, Люси понимала, что за ней кто-то гонится. Время? Любовь? Ненависть? Ветер гнал по лесу зеркальные листья, и в каждом из них отражалось её лицо. Повсюду её окружало собственное отражение — миллионы зеркальных бабочек с её образом, заточённым в их крыльях.

Она пыталась бежать быстрее, прочь от своей жизни. Но вместо этого видела прошлое, вспыхивающее на зеркальных деревьях: её личная история превращалась в отражения, дрожащие на ветках.

Нужно обогнать отражения, вырваться из леса. Но когда она выбежала из-за деревьев, то оказалась на зеркальном озере. Она стояла в самом его центре, на блестящей поверхности. Её жизнь в зеркале. Перевернутая жизнь. И тут зеркало треснуло. Она провалилась вниз, увлекая за собой каскад осколков.

Глаза резко открылись.

Два военных грузовика остановились во внешнем дворе каменного замка на гребне крутой долины. Карбонек. Так называли в легендах Замок Грааля.

— Выходите, — приказал Морсон.

Люси выбралась наружу, чувствуя головокружение. Подняв голову к небу, она изумилась открывшемуся зрелищу. Тысячи падающих звёзд всех цветов сыпались над юго-западной Англией. Ноги подгибались, пока она делала несколько шагов по засыпанной снегом брусчатке.

— Это воссоздание Монсегюра в момент его падения под ударами католических крестоносцев, — произнёс Морсон.

Люси никогда не знала о существовании этого места, хотя оно располагалось совсем рядом с Гластонбери. Это должно было быть знаменитой достопримечательностью, однако она не встречала ни единого упоминания о нём. Значит, владельцы контролировали все окрестные земли, все дороги; могли не допустить, чтобы газеты и телеканалы сообщали об этом месте. Это должны быть люди с огромным влиянием и богатством. Кукловоды, стоящие в тени.

Она обернулась в поисках Джеймса. Он шёл рядом с Синклером, опустив голову.

Скоро наступит 30 апреля — шестьдесят семь лет со дня, когда Адольф Гитлер застрелился в своём бункере. Люди думали, что он выбрал этот день, потому что советские войска были уже в нескольких сотнях метров от бункера и могли прорваться в любую минуту. Теперь Люси знала: 30 апреля было для гностиков самым сакральным днём — днём, когда, по их убеждению, власти Яхве, Демиурга, должен прийти конец. Гитлер верил, что этот день наступит при его жизни, что именно ему суждено совершить последний акт. Вместо этого 30 апреля он положил конец своему собственному миру. Неужели то, о чём мечтал Гитлер, теперь всё-таки сбудется? По-прежнему было невозможно представить, что сердцебиение мира может угаснуть через несколько часов.

— Все внутрь, — рявкнул Морсон.

Люси вместе с остальными прошла через ворота замка во второй двор, уже внутри стен. В дальней его части возвышался высокий прямоугольный донжон, озарённый синими прожекторами. Призрачный замок.

В центре внутреннего двора стояла чёрная деревянная башня со множеством уступов, на каждом из которых сидели вороны. Люси вздрогнула, глядя на чёрных птиц. Все они смотрели на неё, провожая взглядами каждое её движение.

Морсон с усилием отворил железную дверь и жестом пистолета велел всем войти в донжон. Они оказались в прихожей, увешанной знакомыми знамёнами: Циркуль и Угольник масонов, Восходящее Солнце гностиков, Птица Души алхимиков, чёрно-белый флаг тамплиеров, крест тамплиеров, Череп и Кости тамплиеров, голубая свастика катаров на белом фоне, нацистская свастика и руны молнии СС. И наконец — самое большое полотнище из всех: два переплетённых змея — Знак Каина.

Люси нашла всё это отвратительным. Так трудно было принять, что все эти группы — лишь разные грани единой древней религии, единственной целью которой было уничтожение мира Яхве. Никто и никогда не догадывался о такой связи, однако всё складывалось. Все эти группы фигурировали в широко известных теориях заговора. Быть может, правда состояла в том, что на свете существовал лишь один заговор, протянувшийся сквозь историю с самой зари человечества.

Морсон отворил вторую дверь в дальнем конце прихожей и провёл их в парадный зал с большим камином, в котором весело потрескивали дрова.

В центре зала стоял круглый стол с нарисованной посередине нацистской свастикой. Люси была потрясена. Этот символ всегда вызывал у неё омерзение: знамя крематориев. И вот он красуется здесь как некий рыцарский знак, эмблема доблестного двора короля Артура. Как шаловство рыцарей Круглого стола могло быть связано с ужасами Биркенау? Этого просто не могло быть правдой.

Солдаты Морсона заняли позиции по всему залу, оставив Люси наедине с Гресником, Джеймсом, Синклером и Морсоном. Один из солдат направился к паре чёрных бархатных занавесей, закрывавших одну из стен. Когда он раздвинул их, Люси ахнула.

Перед ней находилась точная копия фрески Рафаэля. Слева от фрески — лысый орёл с лицевой стороны Большой Печати Соединённых Штатов и оборотной стороны

доллара. Справа — пирамида с глазом, изображённые на оборотной стороне Большой Печати. Над фреской красовались слова официального девиза Америки: «In God We Trust» («Мы верим в Бога»), а под ней — «Novus Ordo Seclorum» («Новый порядок веков»).

Сержант Морсон посмотрел на Люси. — Теперь вы понимаете? — сказал он. — Всё, что мир считает разрозненным, на самом деле взаимосвязано. Кто бы мог подумать, что существует прямая связь между нацистами и отцами-основателями Соединённых Штатов Америки, что Америка — Земля обетованная для потомков Каина, что американский народ — новые тамплиеры, новые катары, люди, в которых сила Алхимии достигла наивысшего расцвета. Не случайно завершить эту миссию выпало самым элитным солдатам Америки — «Дельте». Самая долгая, самая сложная миссия в истории всегда была нашей.

Краем глаза Люси заметила, как кардинал Синклер шагнул вперёд. Морсон резко обернулся.

— Кто позволил вам двигаться, святой дурак?

По какой-то причине Синклер казался значительно прямее, чем прежде, — выше ростом. Он протянул правую руку, и в свете блеснуло золотое кольцо на его указательном пальце.

У Люси перехватило дыхание. Кольцо её отца.

Морсон застыл как автомат. Он опустил на колено, склонив голову. Взяв протянутую руку Синклера, он поцеловал кольцо.

— Я не подозревал, Великий Магистр, — произнёс он. Люси ахнула.

— А кем ещё я мог быть? — ответил Синклер. — Какая ирония: глава Святой Инквизиции оказался главным еретиком — находился в самом сердце вражеской крепости, нашёптывая на ухо их лидеру. Искать верховного еретика в последнюю очередь стали бы именно на вершине ведомства, занимающегося охотой на еретиков.

— Разумеется. Теперь это кажется очевидным.

— Теперь я соберу остальных. — Синклер удалился, и было очевидно, что замок этот ему хорошо знаком. Это был его дом.

Люси не удержалась и подошла поближе изучить копию фрески Рафаэля. Даже сейчас её потрясало видеть собственную работу, вписанную в одно из величайших произведений искусства в мире — созданную ею в прошлой жизни. Если линии душ и впрямь существуют, значит, мы все неразрывно связаны с прошлым. Воспоминания о прожитых жизнях погребены внутри нас, составляют часть нашего бессознательного, которое время от времени всплывает на поверхность — непонятное и пугающее. Мы преследуемы самими собой, тем, что делали в прошлых жизнях, тем, что другие делали с нами. Одна-единственная жизнь — вот эта — и та полна трудностей. Прибавить к ней сотни других — значит умножить страдание. Это верный рецепт ада внутри нашей головы.

Она переводила взгляд с одной панели на другую, следя, как они разворачивают свою странную историю — похожую и непохожую на традиционную христианскую историю мира. Лишь блестяще задуманное изображение ереси могло быть протасовано под носом у Ватикана. Это напоминало ей историю Иеронима Босха. Некоторые считали, что голландский художник был верховным жрецом ереси — и всё же ультраортодоксальный испанский король Филипп II обожал его картины. Мы видим то, что хотим видеть, не правда ли? Прочитать код способен лишь тот, кто его знает.

Люси услышала странный лязгающий звук и обернулась. В зал вошли тринадцать рыцарей в чёрных мантиях с алым крестом тамплиеров. На груди у каждого красовался серебряный Череп и Кости. Люди источали устрашающую ауру, словно принесли с собой

жестокость средневекового мира. Даже Морсон выглядел неловко. Один из рыцарей нёс чёрный ящик.

Когда Люси попятилась, тринадцать рыцарей выстроились в шеренгу перед фреской Рафаэля. Тот, что стоял в центре, шагнул вперёд — это был Синклер.

— Мы — Невидимая Коллегия, — произнёс он, — правящий орган иллюминатов. Мы — Сияющие, Священный Свет. В прошлом организацией под названием Коллегия управляли иллюминаты, однако было создано теневое руководство — на случай, если Коллегия будет уничтожена или захвачена. В 1930-х годах Коллегия деградировала и состояла исключительно из членов нацистской партии. К концу мая 1945 года все они погибли, включая Великого Магистра Адольфа Гитлера, искажившего истинную суть гностицизма. Единственный выживший передал власть Невидимой Коллегии — все её члены были британцами. Теперь мы все шотландцы, носящие наиболее прославленные имена в шотландской истории: Брюс, Уоллес, Дуглас, Рэндольф, Кит, Мюррей, Макдональд, Флеминг, Бёрнс, Стюарт, Максвелл, Юм и Синклер.

— Многие из этих имён звучали на поле битвы при Баннокберне — величайшей военной победы в истории Шотландии. Сражение состоялось в один из самых сакральных дней гностицизма — 24 июня, в день праздника Иоанна Крестителя. Шотландцы победили, несмотря на огромное численное превосходство противника и тысячи английских тяжёлых всадников — средневековый аналог танков.

— Символично, что именно шотландцы управляют миром в конце времён. Ведь Америку открыл шотландец. Флот тамплиеров, вышедший из Франции в 1307 году, возглавлял один из моих предков — адмирал Уильям Синклер, истинный первооткрыватель Америки. Между Америкой и Шотландией был проложен тайный морской путь, находившийся под управлением моей семьи. Одним из главных перевалочных пунктов на этом маршруте была Новая Шотландия — Nova Scotia. Другой мой предок, Генри Синклер, основал там базу тамплиеров.

— Шотландцы всегда оказывались в центре мировых событий, и история самой Шотландии отражает борьбу гностицизма. Когда шотландский король Роберт Брюс скрывался в пещере от врагов, он наблюдал за пауком, упорно пытавшимся сплести паутину, и постиг гностический урок: нужно пробовать снова и снова. Миссия гностиков — освободить человечество из ада, вернуть каждую заблудшую душу в объятия Истинного Бога. Америка была дитём Шотландии — сверхдержавой, которую мы создали, чтобы помочь нам исполнить нашу судьбу. Пятьдесят миллионов американцев имеют шотландские корни. Декларация независимости основана на Арбротской декларации 1320 года, утверждавшей независимость и свободу шотландского народа и его право создавать и свергать своих правителей.

Он подал знак, и рыцарь с чёрным ящиком подошёл к круглому столу, поставил ящик на край и открыл его.

Люси почувствовала отвращение, когда рыцарь извлёк забальзамированную голову и положил её поверх скрещённых костей на подушке из алого бархата.

— Это *caput mortuum*, — произнёс Синклер, — мёртвая голова самого таинственного человека в истории. Это его бедренные кости. Именно отсюда берёт начало символ Черепа и Костей.

— Чья это голова? — спросил Гресник.

Синклер улыбнулся. — Дело всей жизни вашего деда — понять «Судьбу Каинитов». Он передал эту задачу дочери, та — вам. Здесь, в Карбонеке, вы найдёте все ответы.

— Вопреки тому, во что верит сержант Морсон, мы расшифровали манускрипт Войнича. Человек, который хранит его в Йельском университете, работает на нас. Несколько лет назад он совершил прорыв, о котором скрыл от научного сообщества. В

отпуске в Каркассоне во Франции антикварный торговец предложил ему оригинальный манускрипт книги Кретьена де Труа «Perceval, ou le Conte du Graal» — источника первой истории о Граале — вместе со вторым, неизвестным манускриптом. Основной текст был написан на старофранцузском, второй же являлся полнейшей тарабарщиной с точки зрения книготорговца. Чего тот не знал: это была та самая «тарабарщина», что встречалась в манускрипте Войнича. Наш человек внутри был уверен, что второй манускрипт — тот же «Conte du Graal», но записанный на тайном языке катаров. Сравнивая два манускрипта строка за строкой, ему в конечном счёте удалось расшифровать язык манускрипта Войнича и дать полный перевод.

Люси взглянула на Гресника. Несмотря ни на что, глаза его горели. Он ловил каждое слово Синклера.

— Манускрипт Войнича гласит: после катастрофы Атлантиды религия Каина была почти уничтожена. Все верховные жрецы погибли, и религия угасла — сохранилось лишь несколько разрозненных страниц «Книги Каина». Немногим выжившим удалось добраться до Шотландии. Оттуда некоторые вернулись на Ближний Восток, чтобы заново обрести свою религию.

— Первым, кто взялся за эту задачу всерьёз, стал Иоанн Креститель. Он использовал крещение как символ приобщения к гностицизму. Погружение в воду, говорил он, означает готовность окунуться в море истинного знания. Но Иоанн всегда настаивал: после него придёт второй, более великий человек. Он произнёс знаменитые слова: «Идёт за мною тот, кто сильнее меня, которого я недостойн, наклоняюсь, развязать ремень обуви Его».

— Это же об Иисусе, не так ли? — сказал Джеймс.

— Не говорите глупостей. — Лицо Синклера мгновенно потемнело. — Иоанн Креститель презирал Иисуса. Он называл его лжецом, обманщиком, оккультистом и колдуном, сбившим с пути его последователей. Один из самых известных отзывов Иоанна об Иисусе: «Он искажил слова света и обратил их во тьму, и совратил моих последователей, и ниспроверг все культы». В другом случае он говорил: «Не верьте ему, ибо он практикует чародейство и обман». — Синклер указал на забальзамированную голову. — Вот кого Иоанн считал Мессией.

— Это Симон Маг, не правда ли? — сказал Гресник.

— Отлично, полковник. Симон Маг — самая недооценённая фигура в истории, потерянный принц человечества, человек настолько блестящий, настолько знающий, настолько способный на невероятные подвиги, что люди принимали его за волшебника. Симониане — гностическая секта, особо чтившая его, — утверждали, что он был Богом, воплотившимся на земле, — так же как христиане говорили об Иисусе. Ириней, один из ранних лидеров христианской церкви, назвал Симона Мага «отцом всех еретиков». Евсевий в своей «Церковной истории» объявил Симона «первым творцом ереси». Его обвиняли в основании гностицизма.

— Некоторые эксперты считают, что верования катаров и тамплиеров восходят к иоаннитской гностической секте. На самом деле влияние иоаннитов было лишь незначительным. Симониане и каиниты были подлинными предшественниками. Оба движения вдохновлялись Симоном и зиждились на утраченной религии Атлантиды, которую Симон восстановил.

— Говорили, что тамплиеры поклонялись голове по имени Бафомет. Голова прямо перед вами — это тот самый объект. Они не поклонялись ей: они никогда не стали бы поклоняться никакому материальному предмету, — но считали, что она приближает их к Истинному Богу. Если применить к слову «Бафомет» дешифровальный метод Атбаш, получится древнегреческое слово «София» — «мудрость». Таким и был Симон — Отец

Мудрости, человек, восстановивший утраченное знание Атлантиды и вернувший Каину его высокое место среди людей.

— Симон был реинкарнацией Каина — так же как Гитлер. Иисус Христос был реинкарнацией Авеля — как и Сталин. Когда Каин и Абель воплощаются одновременно, мир неизменно погружается в страшные потрясения.

— Если бы всё сложилось иначе в противостоянии Симона и Иисуса, симонианство стало бы ныне официальной религией большей части мира, а христианство — забытой сектой. Но Иисус, увы, победил.

— «Многим симонианам и иоаннитам было велено притворяться христианами, и им говорили: Когда Иисус будет угнетать вас, скажите: мы принадлежим тебе. Но не исповедуйте его в своих сердцах и не отрекайтесь от голоса вашего Господа, Высшего Царя Света, ибо лжецу-Мессии скрытое не открывается».

— Что стало с Симоном Магом? — спросил Гресник.

— Когда Иоанн Креститель был казнён по заговору Иисуса, Симон понял: следующим будет он. Он бежал — в Шотландию. Затем Иисус провозгласил себя Мессией, бесстыдно объявив себя тем, кого предсказывал Иоанн Креститель. Симон нанёс ответный удар, используя двух своих тайных приверженцев — Каиафу, первосвященника Храма, и Понтия Пилата, римского прокуратора. Иисус был распят на горе Голгофа, Лобном месте, однако после смерти его тело исчезло. Либо его унесли последователи, либо Яхве-Демииург заставил его исчезнуть. Как бы то ни было, история захватила воображение мира, и мерзость христианства пустила корни. Симон, вернувшийся в Иудею после смерти Иисуса, не смог остановить его распространение и в конечном счёте был убит христианскими убийцами тем же мечом, что срубил голову Крестителя. Отрубленная голова была выставлена на том же блюде, на котором некогда лежала голова Иоанна. Голова, меч и блюдо сохранялись как священные реликвии — единственные предметы, чтимые гностиками. Голова — вон там, а меч и блюдо нашла Люси.

— Но это не то, как погиб Симон Маг, — возразил Гресник. — Он столкнулся с Симоном Петром на римском Форуме перед императором Нероном. Симон Маг воспарил в воздух, демонстрируя свои магические способности, и тогда Симон Пётр молитвой призвал Бога низвергнуть его. Симон Маг упал и умер у ног императора.

— Эта история выдумана, — сказал Синклер. — Она символизировала борьбу между христианством и гностицизмом за звание официальной религии Римской империи.

— Есть кое-что, чего я не понимаю, — сказала Люси. — Как меч и блюдо оказались в Англии?

— Каиафа спрятал их в подземных ходах Храма. Девять первых рыцарей-тамплиеров откопали их, и в итоге было решено, что Англия — самое безопасное место для их хранения. Их укрыли в местах, связанных с легендами об Артуре. Тинтагель — место, где, по преданию, был зачат Артур; главная пещера в Чеддерском ущелье — это якобы то место, где спят Артур и его призрачная армия, готовые выступить, чтобы воздвигнуть новый Камелот.

— Но почему катары и тамплиеры так увлеклись артурианскими романами? — спросил Гресник. — Почему они начали связывать библейские события с кельтскими сказаниями?

— Некоторые истории архетипичны. В них есть паттерн, повторяющийся снова и снова в разные времена и в разных культурах. Самая архетипичная история из всех — Поиск Святого Грааля. Она почти в точности отражает то, что происходило в Иудее в первом веке нашей эры.

— В своей книге Люси отождествила Иуду с Мордредом, Иисуса — с Артуром, Иоанна Крестителя — с Мерлином, двенадцать апостолов — с Рыцарями Круглого стола, полными благих намерений, но ограниченными своей человеческой природой. Насчёт Гвинеvры она не была уверена. Мария Магдалина, предположила она.

— На самом деле Иисус — это Мордред, а Симон Маг — Артур. Рыцари Круглого стола — это изначальное жречество Каина. Саломея — волшебница Моргана. Гвинеvра — Елена, возлюбленная Симона Мага. Симон Пётр, будущий первый папа, — Ланселот. Некогда он был правой рукой Симона Мага, прежде чем перейти на другую сторону. У него и Елены был роман.

— Камелот — это рай Истинного Бога. Силы, грозящие его уничтожить, — это искушения, которые Сатана предлагает, чтобы сбить души с пути света. Пустошь — это духовное запустение материального мира. Катастрофическая связь Ланселота и Гвинеvры показывает, как похоть способна разрушить совершенное царство, как души увлекаются на гибель через секс. Артур мрачно размышляет об измене Гвинеvры, и Камелот распадается, парализованный духовной немощью. Вспыхивает гражданская война, и единственное, что способно восстановить Камелот, — достойный рыцарь, способный найти Святой Грааль. Поиск Грааля — это трудный путь к восстановлению утраченной чистоты, возвращению к Истинному Богу.

— Мы и есть одновременно Замок Грааля, и святые Рыцари, охраняющие его. На протяжении веков нам приходилось жить в тени, скрываясь от врагов, поэтому Замок Грааля превратился в мистическое, неуловимое место. Путь к нему долог и труден, ибо для этого нужно достичь Гнозиса. Именно его достигли Галахад, Парсифаль и Борс — вот почему им было позволено найти Святой Грааль. Снаружи — Пустошь, ад, которым правит Сатана.

Люси не переставала изумляться, слушая Синклера. В мыслях она исправляла все ошибки своей книги. В начале книги она цитировала Юнга, которого Грааль занимал на протяжении всей жизни: «Истории о Граале имели для меня огромное значение с тех пор, как я впервые прочёл их в пятнадцать лет. Я чувствовал, что за этими историями скрывается великая тайна». Люси верила, что открыла эту тайну. Теперь же она понимала: она едва начала разбираться в происходящем.

— Был ли настоящий король Артур? — спросила она.

— Артур был вождём-воителем на территории нынешней Шотландии и сражался с захватчиками-англами и саксами. Он победил, и север Британии сохранил свою кельтскую идентичность. Артур ушёл далеко на север, в Горную Шотландию, и основал там Камелот. Замок был построен на небольшом острове у слияния трёх озёр — на месте, где ныне стоит замок Эйлен-Донан. Острову Авалон соответствовал соседний остров Скай. Битва при Камлане произошла у Кайл-оф-Локалш — полоски материка напротив Скай. Мерлин был кельтским друидом. Вся история была присвоена англичанами и перенесена на юго-запад Англии. У валлийцев и французов тоже есть свои версии.

Синклер взглянул на часы. — Времени осталось совсем мало. Теперь нам нужно раз и навсегда убедиться, что вам можно доверять, Люси.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, сколько мест за Круглым столом?

— Тринадцать. Двенадцать рыцарей и король Артур.

— Именно. Круглый стол — аналог стола Тайной вечери: тринадцать мест — двенадцать апостолов и Иисус. Один из апостолов — предатель: Иуда. В гностической версии Симон Маг занимает место Иисуса, а Иисус — место Иуды. Но место предателя всегда остаётся.

— Опасное сиденье, — произнесла Люси.

— Верно: Siege Perilous, опасное сиденье, сиденье Иуды. Когда Круглый стол собирался, один из рыцарей должен был стоять, ибо лишь чистейший из рыцарей мог занять сиденье Иуды. Единственным подходящим рыцарем оказался Галахад — чистейший из всех. — Синклер указал на свою версию Круглого стола. — У нас тоже есть своё Сиденье Иуды — или, вернее, Сиденье Иисуса. Все кресла чёрные, кроме одного — красного. Любой, кто сядет на него с нечистыми помыслами, погибнет. Мы не знаем, как это работает, — но это так. Предатели, лжецы, не признавшие во лжи, те, кто предаёт других, — все они умрут, сев туда. В «Божественной комедии» Данте самые нижние круги, ближайшие к Сатане, отведены предателям. В последнем, девятом круге — Иуда, Кассий и Брут, три величайших предателя. Только Иуды там быть не должно. На его месте должен быть Иисус.

— Итак, каждый из нас по очереди займёт это место, чтобы доказать, что мы те, за кого себя выдаём, что наши сердца чисты.

Синклер сел на красное кресло без каких-либо последствий, затем по очереди — каждый из его двенадцати спутников. Настала очередь Морсона, затем — каждого из его солдат.

Наблюдая за происходящим, Люси задалась вопросом: что будет с солдатом, который помог им бежать из часовни в Кэдбери? Она видела его в конце очереди. По мере того как он приближался, он всё больше напоминал загнанного в ловушку зверя. В последний момент он повалился на пол, схватившись за живот.

— Вот предатель, — прокричал Синклер. — Тащите его в кресло.

Трое солдат схватили человека и затолкали в кресло. Едва они отпустили его, кресло провалилось вниз — пол разверзся прямо под ним. Из провала вырвалось яркое пламя. Когда крики стихли, по залу разнёсся запах горелой плоти. Кресло появилось вновь — безупречное.

— Теперь вы, — произнёс Синклер, обращаясь к Люси.

— Я не стану этого делать.

— Нам прежде всего необходимо быть в вас уверены. Если сердце ваше всегда было чистым, вам ничего не грозит.

Люси не двинулась с места. Она не хотела даже приближаться к этому креслу.

Синклер подал знак Морсону. Сержант направил пистолет на Люси.

— Я говорил вам, что мы выясним, не являетесь ли вы Лжемессией. Вы знаете: я не колеблясь выстрелю, если вы не докажете свою чистоту.

— Садитесь, Люси, — уговаривал Гресник. — Всё будет хорошо.

Хорошо? Это кресло стояло на шаг от преисподней. Люси смотрела на Морсона. Лицо жёсткое, взгляд немигающий. Он выглядел в точности как капитан Крюгер в монастыре. Он определённо нажмёт на курок.

Она села. Ничего не произошло. Совсем ничего. Она встала и отошла.

— Слава Богу, — произнёс Синклер, а затем повернулся к Джеймсу. — А что насчёт человека, который, по его словам, любит вас? Чисто ли ваше сердце, мистер Вернон? Достойны ли вы любви Люси? Или вы предатель?

У Люси сложилось впечатление, что Джеймс из последних сил старается не смотреть на неё. Он сделал несколько шагов в сторону кресла и остановился.

— Я не могу.

— Я так и знал, — крикнул Гресник. — Он повредил верёвочный мост. Он пытался убить тебя, Люси.

Джеймс стоял, раскрыв рот, не в силах ответить.

Люси была сражена. Есть вещи, на которые ставишь жизнь, — например, безусловная любовь родителей. Это основы твоей жизни. Всё остальное может рухнуть,

только не они. Джеймс стал для неё такой же основой, как родители. Теперь они все рухнули.

— Вы внушаете мне отвращение, — резко произнёс Морсон, обращаясь к Джеймсу, — но пока умирать вам не суждено. У нас есть для вас другие планы.

— Тебя следовало бы заставить сесть, ублюдок, — прорычал Гресник. Он бросился на Джеймса, но его оттащили.

— Довольно, — сказал Морсон. — Мы узнали всё, что нам было нужно.

— Истинный Бог даровал нам этот дар для испытания душ и даровал нам вас, Люси, — произнёс Синклер. — Вы нашли три из Священных Реликвий Грааля. Теперь вам предстоит найти последнюю — сам Святой Грааль.

Глава 76

Люси старалась не смотреть на то, что было перед ней. Она обернулась и посмотрела вверх по долине — на замок Карбонек на гребне холма, над которым висела красная луна. Долина, укрытая снегом, была освещена бледно-голубыми прожекторами, спрятанными в лесах по склонам.

Синклер привёл её к украшенному каменному мосту, перекинутому через круглое озеро у подножия долины, однако не позволил ей переодеться из запятнанной кровью формы. По его словам, её душа, чувствуя близость свободы, отделялась от своей телесной темницы, отчего все функции организма давали сбой. Люси в это не верила. Она чувствовала себя отвратительно.

Они стояли вдвоём в центре моста, пока остальные собрались на обоих его концах. Она молилась, чтобы последняя из Священных Реликвий Грааля — самая знаменитая — была спрятана где-то в каменной кладке этого моста.

— Где мне искать? — Голос её едва был слышен.

Синклер смотрел на неё. — Вы знаете где, Люси. В синеве, Люси. В синеве. — Он ткнул пальцем в сторону озера.

— До того как был возведён этот мост, один из моих предшественников приказал осушить озеро и провести тщательный обыск. Его люди обследовали каждый дюйм, пытаясь найти Святой Грааль. Им это не удалось. Только вы на это способны. Вы — преемница Галахада. Вы знаете, какой символ был на его белой мантии?

Люси покачала головой; лицо её пылало от ночного холода.

— Красный крест — такой же, как на моей мантии. Галахад был одним из нас — тамплиером.

— Но вы в чёрном.

— Мы носим чёрное, потому что так делало жречество Каина; по той же причине чёрное носило СС Гитлера. Они, как и мы, изображали Мёртвую голову. Сегодня этот символ — для нас самый священный из всех.

— Почему?

— Потому что нынешняя ночь — канун Апокалипсиса. Через несколько часов мир погибнет. — Он подал знак, и вокруг круглого озера один за другим вспыхнули синие прожекторы, окрасив озеро в насыщенный синий цвет.

Люси смотрела на озеро, на отражения в водной глади — её ужасы обретали форму: синие тени и шёпоты, все её синие кошмары, становившиеся явью.

— Вы слышали легенду о том, что Иосиф Аримафейский спрятал Святой Грааль в колодце у подножия Гластонбери-Тора. Это не легенда. В конце двенадцатого века рыцари-тамплиеры обыскали колодец и нашли Грааль. Они доставили его сюда. Святой

Грааль лежит на дне этого озера. Вы можете найти его для нас, Люси. В вас всё достигает своего воплощения. Вы — первая и последняя, начало и конец, альфа и омега.

— Не говорите так.

— Это правда.

— Как это может быть правдой? Я в ужасе. Я не могу войти в ту воду.

— Так должно быть, Люси. Сейчас наступают самые судьбоносные часы в истории человечества. Ничего великого нельзя достичь без жертвы. Вы должны победить самого сложного противника — себя.

Люси судорожно подбирала слова. Что угодно, лишь бы не идти в воду... в синеву.

— Полковник Гресник рассказал мне, что по всему миру были совершены налёты на религиозные объекты, — сказала она, — на места, связанные со Священными Реликвиями Грааля и Ковчегом Завета. Он думал, что ответственность несёт Морсон, но Морсон отрицал какую-либо осведомлённость об этом.

Синклер улыбнулся. — Я отдал приказ о налётах.

— Что?

— Это был намеренный обман. Мы уже знали, что ни на одном из объектов нет ничего, что нас интересует, однако наши враги об этом не подозревали. Мы хотели посеять смятение, выдвинуть религию на первый план как причину мировых катастроф. Член моего Круглого стола командовал элитным шотландским спецназом, якобы находившимся на секретных учениях в Арктике. Налёты совершали именно они, а не американцы. Морсон даже не знал о нашем существовании до сегодняшнего дня. Он лишь знал, что в Британии есть влиятельные люди, способные содействовать его миссии.

— Зачем вообще использовать Морсона? У вас уже были свои силовые структуры.

— Нас интересовал капитан Морсона.

— Капитан? Зачем?

— Потому что без него ваша задача невыполнима.

— Я не понимаю.

— Скоро у вас будут все ответы, Люси. А сейчас вам нужно достать Святой Грааль.

Люси вспомнила, что Морсон говорил о каком-то значимом имени у своего капитана. Луций — кажется, так. Аналог Люси. Но какова фамилия капитана? Говорил ли ей Морсон? Она не могла вспомнить. Глядя на светящуюся воду, она заплакала. — Я не могу этого сделать.

— Вы сделаете это ради древнейшего из грехов — любви. Если вы не нырнёте за Святым Граалем, мы убьём Джеймса Вернона.

Морсон стоял рядом с Джеймсом, держа его за руку. В мыслях Люси прозвучал голос Гресника: «Пусть умирает. Он пытался убить тебя. Не помогай этим людям».

Синклер кивнул Морсону, и сержант приставил пистолет к виску Джеймса. Тот закрыл глаза и сжался.

Люси отвернулась и смотрела, как прожекторы отражаются в водной глади. Она никогда не видела воды такого синего цвета — цвета страдания, меры боли. Что бы ни сделал Джеймс, она не могла наблюдать, как его убивают. Это было невыносимо. — Завяжите мне глаза, — сказала она.

— Но тогда вы ничего не увидите под водой.

— Мне это не нужно.

Синклер достал из-под мантии чёрный платок с серебряным Черепом и Костями. — Я собирался завернуть в него Святой Грааль. — Он завязал Люси глаза, затем помог ей взобраться на парапет моста.

Она на мгновение замерла, покачиваясь на ветру. Вода, она знала, будет ледяной. На ней тяжёлая армейская форма, и она не видит ровным счётом ничего. Это будет самый

трудный прыжок в её жизни. «Боже, помоги мне», — беззвучно произнесла она, прежде чем броситься в воду.

Сначала она не почувствовала ничего, кроме оглушительного, всепоглощающего холода ледяной воды. Озеро оказалось значительно глубже, чем она ожидала, и форма тянула её ко дну. Коснувшись дна, она пережила нечто удивительное: к ней начала возвращаться прежняя сила, сноровка, рождённая тысячами прыжков.

Перевернувшись, она направилась к поверхности. Даже с завязанными глазами она видела синее свечение. Она оказалась внутри синего цвета, в его сердцевине, поглощённая им. Он был в её сердце, её мыслях, каждой клетке. Цвет её души. Тело начало дрожать. Её захлестнули волны искажённых звуков. Она поняла: это человеческие голоса; сначала едва различимые шёпоты, но стремительно нараставшие. Их были сотни: мужчины, женщины, дети и даже младенцы. Они говорили с ней, рассказывали ей что-то. Голоса в голове. Они вернулись, хуже, чем когда-либо в монастыре. Потеря рассудка. Всё её выздоровление, вся её реабилитация — были иллюзией.

Она задыхалась. Нужно было вернуться на поверхность. Воздух. Оттолкнувшись ото дна, она устремилась вверх. Она поднималась быстро, вода словно расступалась перед ней. Вынырнув на поверхность, она вдохнула так глубоко, как только могла, пытаясь унять жжение в лёгких.

— Что-нибудь есть? — крикнул Синклер.

Она не ответила — просто перевернулась и нырнула снова. Голоса по-прежнему атаковали её. Она воображала сотни призраков-пловцов, разных оттенков синего, прозрачных, окруживших её. Как ангелы. Наконец она поняла. Это была её линия душ, её прошлые жизни. Все говорили с ней одновременно. Все вместе. Она снова стала целой — все её прошлые существования воссоединились. Всё, чем она была, есть и когда-либо могла быть. Связанные сквозь время и пространство. Соединённые навеки. Она рассекала воду без усилий — так же, как в прежние дни, когда мама и папа были ещё живы.

Нащупывая что-то среди водорослей на дне озера, она воображала, как руки отца ведут её. Когда она была ещё младенцем, он посвятил её в какой-то странный обряд. В окружении людей в чёрных мантиях с Черепом и Костями на серебряных кольцах он погрузил её в реку. Он произносил слова на незнакомом ей языке. На арамейском? Всё это было ради вот этого момента, не правда ли? Это и было её судьбой. Дитя воды, рождённое найти Святой Грааль в синеве.

Она мысленно представила местонахождение Грааля. Другие искали его и не находили ничего. Почему? Закопан или спрятан. В песке и гравии под водорослями? Сосредоточиться. Сильнее.

Её пальцы коснулись валуна среди водорослей. Мгновенно в сознании мелькнул образ. В нём было специально выдолблено углубление, не так ли? Грааль спрятан внутри этого камня. Отверстие замуровали гравием, и валун поместили в центре зарослей тростника.

Она обследовала валун вокруг и нашла гравий в замуровке — разгребла его насколько могла. Просунув руку внутрь, она нащупала что-то правильной формы, холодное и металлическое. Через неё прошёл ток — более мощный, чем что-либо, что она когда-либо переживала, воспламенив каждую клетку тела.

Все души вокруг — все её прошлые жизни — были видны. Несмотря на повязку на глазах, она видела их отчётливо: такие же живые, как она сама, улыбающиеся ей. И среди них — прежде всего — Нострадамус. Всё озеро осветилось: каждая молекула воды светилась, образуя водоём из призрачного света. Она представила, как это свечение расширяется — на мост, занесённую снегом долину, тёмные леса по обе стороны, замок на гребне холма. Повсюду.

Она оттолкнулась от дна и всплыла на поверхность, сжимая Грааль. Выбравшись из озера, она слышала, как все кинулись к ней.

— Боже мой, она нашла его, — крикнул Синклер.

Она встала и сорвала повязку. В руке у неё была серебряная чаша, излучавшая свет и делавшая её кожу прозрачной. Ничего прекраснее она в жизни не видела. Вскоре все остальные присоединились к Синклеру. Они смотрели на неё, стоящую у края озера в снегу, в призрачном свете Грааля. И не отрывали взгляда.

Это было невозможно — и всё же это было правдой: она держала в руках Святой Грааль.

Глава 77

— Дайте мне его. — Синклер не отрывал взгляда от Грааля ни на секунду.

Люси передала его — и почувствовала странное облегчение. Мир отчаянно искал этот предмет на протяжении веков. Теперь она нашла его — и именно из-за этого мир может погибнуть. Она не хотела иметь с ним ничего общего.

Синклер поднял Грааль и медленно повернул его, разглядывая со всех сторон. — Не правда ли, странно? Столько людей искало это, верило в это, поклонялось этому. Они думали, что всё станет на свои места. И всё же это — ложный грааль, намеренный обман, наша величайшая уловка.

— Что вы имеете в виду? — изумилась Люси.

Синклер отвернулся и повёл всех к замку Карбонек.

Люси поспешила за ним. — Но это же настоящий Грааль.

Синклер усмехнулся. — Со времён катаров гностики верили, что путь для людей вырваться из колеса страдания — разгадать тайну Грааля. Для нас знание — это всё. Вера и добрые дела ничего не стоят. Жизнь — это интеллектуальный процесс. Спасение — для умных людей, а не для тех, кому нечего предложить, кроме слепой веры. Те, кто достиг Гнозиса, точно знают, что представляет собой Вопрос Грааля.

— Но Вопрос Грааля — о сострадании к страждущим, — возразила Люси. — Только и всего.

— Вы ошибаетесь. Вопрос Грааля — самый глубокий из всех вопросов. Он существует в двух формах. Ищущий Грааль должен спросить раненого Короля Грааля: «Что тебя гнетёт?» Для христианина это звучит как простое выражение сострадания — именно так, как вы и сказали. Но для гностика это означает совсем иное. Гностик спрашивает, осознаёте ли вы, что с этим миром что-то в корне не так. Нас всех гнетёт то, что мы — заточённые души на тюремной планете.

— Вторая форма вопроса, главная версия — та, которую Парсифаль так и не задал Королю Грааля, когда впервые увидел шествие Священных Реликвий Грааля: «Кому служит Грааль?» Для христианина ответ прост: Грааль служит Королю Грааля. Для гностиков же вопрос означает: «Веруете ли вы в Истинного Бога или в Сатану?» Грааль и Копьё — христианские символы. Меч и Блюдо — гностические символы, связанные с Иоанном Крестителем и Симоном Магом. Христос, сын Творца, — порождение Сатаны, тогда как Иоанн и Симон — слуги Истинного Бога.

— Шествие Священных Реликвий Грааля, в котором соперничающие символы несут бок о бок, означает, что вам предоставляется выбор между двумя принципиально различными религиями. В конце церемонии вы должны сделать свой выбор. Ответ на Вопрос Грааля определяет вашу судьбу. Гностик отвечает, что Грааль и Копьё служат Сатане, а Меч и Блюдо — Истинному Богу. Если вы не дадите этого ответа или вообще не зададите вопроса, вы никогда больше не будете допущены в Замок Грааля.

Люси осмысляла слова Синклера. Её поражало, насколько один из самых священных предметов в мире мог быть так неверно понят. Грааль был не тем, чего хочется найти — не венцом духовного пути через жизнь, — а чем-то, чего следует избегать. Подлинная идея, заложенная в него, когда Кретьен де Труа, Робер де Борон и Вольфрам фон Эшенбах впервые написали о нём все эти века назад, состояла в том, что к нему нужно подходить с крайней осторожностью: он обладает обманчивым, соблазнительным, постоянно меняющимся качеством. И главное послание — избегать его любой ценой.

Каждый из писателей намеренно называл его по-разному — блюдом, чашей Христа или камнем с небес, — чтобы люди ощущали потребность разгадать его тайну и в итоге, возможно, найти путь в Замок Грааля — мир гностицизма, где им наконец откроется истина.

Но три гностических писателя потерпели неудачу. В попытках скрыть свои истинные намерения от пытливого oka Инквизиции они добавили слишком много уровней кода и символики. Тайна стала почти непроницаемой. Даже многие гностики не понимали её. Это был секрет, ключ к которому имела лишь элита, — и та едва не утратила его.

Когда они вернулись в Карбонек, Люси позволили принять душ и сменить грязную форму на чистую. Вернувшись в Большой зал, она обнаружила там проходящую церемонию.

Забальзамированная голова и кости Симона Мага были помещены на золотой стол. Синклер и его двенадцать рыцарей стояли на коленях с воздетыми руками. Морсон и его солдаты расположились в глубине зала, тогда как Гресник и Джеймс стояли как можно дальше друг от друга. Джеймс выглядел больным — как призрак.

— Мы чтим Бафомета, Отца Мудрости, — нараспев произносили Синклер и его люди. — Он — наш путеводный свет, наше вдохновение. Он указал нам путь к истине, к царству Истинного Бога.

Они встали, и Люси заметила, что на полу перед Бафометом они установили большое золотое распятие.

— Мы поносим этот мерзкий крест, — провозгласили рыцари. — Мы плюём на него, топчем его, оскверняем его. Мы отрекаемся от Иисуса Христа, мы отвергаем Иисуса Христа. Иисус Христос — лжепророк, главный предатель, отродье Сатаны, справедливо убитый верным слугой Бафомета Лонгином.

По обе стороны от Бафомета, чуть отодвинутые, стояли ещё два золотых стола. На одном лежало копьё, которого Люси прежде не видела, а рядом с ним — только что обрётённый Святой Грааль; на другом — меч и блюдо, извлечённые Люси из Тинтагеля и Чеддера.

— А теперь — время церемонии Священных Реликвий Грааля, — объявил Синклер.

Были принесены два трона — такие, на каких мог бы воссесть сам король Артур, — и Люси было велено занять один из них. Синклер сел на другой. Свет в зале приглушили так, что единственным источником освещения оставались два канделябра, каждый примерно с двадцатью свечами.

Четверо рыцарей Синклера взяли Реликвии Грааля и пронесли их в торжественном шествии по кругу — сначала вокруг забальзамированной головы, затем вокруг каждого трона. Все четыре предмета светились потусторонним аквамариновым светом, словно принадлежали не этому миру, а какому-то высшему плану бытия.

Люси с трудом верила, что участвует в этом: в церемонии возрастом не менее восьмисот лет, открывающей древние верования катаров и рыцарей-тамплиеров. История оживала на её глазах.

Рыцарь, несущий копьё, остановился перед Синклером. Внезапно в зале ощутилось осязаемое напряжение. Что, чёрт возьми, происходит? Остальные три рыцаря наблюдали.

— Делайте, — выкрикнул Синклер и видимо сжался.

Рыцарь шагнул вперёд и вонзил копьё Синклеру во внутреннюю поверхность бедра.

Боже мой. Люси не верила собственным глазам. Из ноги Синклера хлынула кровь. Казалось, одна из главных артерий была рассечена. Четверо рыцарей не обратили на него никакого внимания: они вернулись к золотым столам и уложили на них Реликвии.

— Произнесите слова, — резко сказал Синклер Люси.

Она смотрела, как его кровь капает на пол, и хотела бежать. Зачем он это сделал? Он может умереть через несколько минут. Почему никто не вмешивается? Она начала было вставать, собираясь помочь ему, но он сердито покачал головой.

— Говорите, — повторил он. — Ради Бога.

— Я не знаю, что вы хотите услышать.

— Конечно, знаете.

Люси была в ужасе. Все смотрели на неё. И тут она вспомнила их предыдущий разговор. Он подсказывает ей задать Вопрос Грааля, не правда ли? — Что тебя гнетёт? — спросила она нерешительно; слова эхом отозвались в парадном зале.

— Меня гнетёт этот лживый мир, этот ад, — ответил Синклер. — Этот мир был создан Отцом Лжи, Князем Тьмы. — Он сжал зубы. Кровь всё сильнее струилась по его ноге.

Два Вопросы Грааля — Синклер говорил об этом, не правда ли? — Кому служит Грааль? — спросила Люси, и на мгновение она почти по-настоящему ощутила себя Парсифалем, невинным простаком.

— Ложному Граалю служит Сатана. Истинному Граалю служит Бог.

Люси встала. Она почему-то была уверена, что существует третий вопрос — тот, что никогда не был явлен, ибо являлся ключом к этой тайной церемонии. — Который из них — истинный Грааль? — спросила она.

— Вы должны выбрать сами.

Люси отвернулась от Синклера и посмотрела на два золотых стола. Если она выберет копьё и чашу, она выберет христианство в противовес гностицизму; если меч и блюдо — наоборот.

Но суть гностицизма — в сокровенном знании. Даже в самой священной церемонии истина будет каким-то образом скрыта. Что-то здесь не так. Она была убеждена в этом. Должно быть что-то мистическое, трансцендентное. Не может ли оказаться, что истинный Грааль — не среди этих предметов? Это была бы окончательная ирония: Священные Реликвии Грааля вовсе не содержат в себе Грааля. Едва эта мысль возникла, она поняла: так оно и есть. Вот последний секрет. Грааль — предмет из иного мира. Он находится по ту сторону.

Медленно идя вперёд, ощущая на себе отчаянный взгляд Синклера, она подошла к копии фрески Рафаэля. Она всматривалась в неё. Где-то в этой картине был Грааль. Истинный Грааль.

Прикоснувшись пальцами к нижним панелям картины, она провела ими по отдельным фрагментам. Когда она дошла до своей панели в центре нижнего ряда, что-то показалось ей не так. По бокам панели шли тонкие надрезы. Когда она надавила пальцами, панель подалась. В ней был намеренно вырезан откидной клапан. Осторожно

она подняла его. За ним оказалась небольшая ниша — размером с крупный кирпич, — в которой была втиснута резная деревянная шкатулка. Она открыла дверцу шкатулки и заглянула внутрь. Там лежал прекрасный изумрудный шар — размером с пресс-папье. Взяв его, она повернулась к остальным.

— Вот это и есть Грааль. — Теперь она точно понимала, чего от неё ожидают. Она подошла к Синклеру и, не колеблясь, прижала изумрудный шар к его открытой ране.

Бедро Синклера засветилось. Все его вены и артерии стали видны сквозь мантию и кольчугу — они светились. Она почти видела, как кровеносные сосуды восстанавливаются, вбирая обратно потерянную кровь. Через несколько секунд смертельная рана была исцелена.

Синклер встал, улыбаясь. — Лишь однажды прежде церемония была успешно завершена: Галахадом. И вот теперь — Люси Галахан, новым Галахадом.

Люси не находила слов. Она была потрясена.

— Истинный Святой Грааль никогда не имел никакого отношения к Христу, — произнёс Синклер. — Это не чаша, и она никогда не использовалась на Тайной вечере. Никакой крови в ней никогда не было. Эту историю мы придумали, чтобы обмануть христиан. Слухи о том, что у катаров в Монсегюре хранился Грааль, были правдой. Его тайно вынесли из замка в ночь накануне сдачи Крестоносцам. И теперь я назову Святой Грааль его истинным именем — Камень Люцифера.

Люси была потрясена.

Синклер рассказал, что этот камень уникален: он единственный материальный предмет во вселенной, созданный не Сатаной. Его сотворил Люцифер — ярчайший ангел Истинного Бога — с целью принять человеческий облик в этом материальном мире. Люцифер бросил камень с небес в Эдемский сад и с его помощью материализовался перед Евой. Когда Вольфрам фон Эшенбах говорил о *lapsit exillas* — брошенном камне, камне с небес, — он имел в виду именно это.

Камень был неразрушим. Его перевезли в Атлантиду, где он пережил гибель острова, однако на тысячелетия исчез из истории — до тех пор, пока тамплиеры не обнаружили при раскопках Храма Соломона документ, в котором говорилось, что камень находится в Шотландии — на том самом месте, где впоследствии была построена часовня Росслин.

Тамплиеры извлекли его и доставили на свою главную базу на юге Франции. Там они передали его своим братьям-катарам, чтобы вдохновить их на борьбу с католическими Крестоносцами. После тайного вывоза из Монсегюра камень был спрятан в фундаменте небольшой часовни неподалёку, в маленькой деревушке на вершине холма — Ренн-ле-Шато. Спустя века, в 1891 году, его обнаружил католический приходской священник, занимавшийся реставрацией своей часовни. Священника звали Беранже Соньер. Когда предшественники Синклера узнали об этом, они пришли к священнику и заплатили ему целое состояние за камень. Они не раскрыли ни кто они такие, ни зачем им нужен камень. За одну ночь Соньер из бедного безвестного человека превратился в весьма состоятельного, и родилась великая загадка.

После этого он стал одержим желанием понять, что именно ему пошло. Всю оставшуюся жизнь он пытался разгадать эту тайну и узнал всё, что только мог, о катарах и тамплиерах. Он перестроил часовню в значительно более пышном стиле, однако добавил несколько нетрадиционных элементов, за что был осуждён местным епископом. Над входом он поместил латинскую надпись: *Terribilis est locus iste* — «Ужасно это место». На арке над воротами кладбища он установил каменное изображение Мёртвой головы в стиле тамплиеров. Внутри часовни воздвиг реалистично раскрашенную статую фигуры — то ли Дьявола, то ли демона Асмодея. Согласно иудейским преданиям, Асмодей был

строителем Храма Соломона и хранителем величайшей тайны человечества. Нет сомнений, что Соньер начинал осознавать всю огромность того, что нашёл, и тяжесть своего преступления перед католицизмом — продажи реликвии врагам своей веры.

Синклер рассказал, что затем Гитлер завладел камнем, когда стал Великим Магистром Коллегии. Он хранился в Нюрнберге вместе с другими священными сокровищами, которые нацисты захватили по всей Европе.

Синклер замолчал — напольные часы в дальнем конце зала начали бить полночь. — Наступило 30 апреля, — произнёс он. — Последний день мира.

Глава 78

По всему телу Люси выступили мурашки. — Что должно произойти? — спросила она.

— Посмотрите на камень, — приказал Синклер.

Сначала ничего не происходило, но затем внутри шара, казалось, начали клубиться странные молочные облака. Сквозь них Люси заметила крошечный огонёк, стремительно разгоравшийся. Это было ни на что не похоже: прекрасное, спокойное, успокаивающее свечение. Оно наполнило её ощущением благополучия, которого она никогда в жизни не испытывала. Исчез страх, одиночество, вся боль её жизни. Она почувствовала себя любимой — безусловно, всепоглощающе, — будто собственные родители жили внутри этого света. Затем свет начал писать огненными буквами. Люси ахнула, увидев, что складывается: её собственное имя. Едва оно было написано, оно исчезло вместе со светом.

— Что вы видели? — спросил Синклер.

— Моё имя — и затем оно пропало.

— Этот камень создан не из обычного материала. Сам Люцифер сотворил его. В нём содержится мимолётный отблеск рая, и он называет имена тех, кто готов отправиться в путь к Эдему.

Синклер улыбнулся. — Я отвечу на вопрос, который всегда вас озадачивал: почему некоторые наёмники, сражавшиеся на стороне катаров в Монсегюре, за несколько часов до сдачи замка Крестоносцам согласились принять катаризм, зная, что погибнут на костре. Это произошло потому, что они участвовали в священной церемонии, которую катары провели в ранние часы 30 апреля. Во время этой церемонии они увидели свои имена, написанные на Камне Люцифера, — точно так же, как вы. Они подписали себе смертный приговор, зная, что напрямую отправятся в рай.

— Когда в Нюрнберге 30 апреля 1945 года Пятый отдел допрашивал нацистских чиновников, произошло то же самое. Нацисты показали Камень Люцифера американским офицерам. Половина ничего не увидела, а другая половина увидела свои имена, написанные на нём. Они приняли гностицизм и убили своих агностических коллег, чтобы те не раскрыли гностический заговор.

— Они увезли Камень Люцифера с собой в Штаты. Невидимая Коллегия вышла на связь с ними и дала им наставления, как действовать дальше. На протяжении последних шестидесяти семи лет мы скрупулёзно планировали эту операцию. Именно поэтому Морсон и его люди сейчас здесь.

— А вы? Почему здесь вы?

— Моя фамилия — искажённое французское имя «Saint Clair». Мои предки были норманнами, осевшими в Шотландии. Saint Clair происходит от латинских слов Sanctus Clarus — «священный» и «ясный». Назначение моей семьи, её вечное назначение — расчищать путь в мир священного. Ни одна другая семья не была так глубоко вовлечена

в долгую миссию по исправлению древних несправедливостей. Мы — первопроходцы, предназначенные судьбой искатели Грааля.

Он устремил взгляд на фреску Рафаэля. — Пришло время в точности объяснить вам, почему вы здесь, Люси. Как бы хорошо я ни подготовил вас, я понятия не имею, как вы отреагируете, услышав, что именно вам предстоит сделать.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что если и существует нечто немыслимое, невообразимое — то это оно.

Глава 79

Синклер подвёл Люси к фреске. — Это показывает, что наша миссия началась ещё до того, как человеческий род вообще появился на свет. Не правда ли, невероятно?

— Как такое возможно?

— Доверьтесь своей интуиции, Люси. Вы знаете эту фреску лучше кого бы то ни было.

Люси закрыла глаза. На каком-то уровне она понимала её совершенно. Никакой сложности — всё было просто. Это история Бога и двух его главных ангелов: Люцифера и Сатанаэля — последний впоследствии стал известен как Сатана. Как ни странно, Люцифера и Сатану стали считать одним существом, тогда как они были полными противоположностями. Люцифер, Ангел Света, был самым преданным ангелом Бога, его любимцем. Сатанаэль, ангел, стоявший по левую руку от Бога, завидовал Люциферу и — превыше всего — самому Богу. Сатанаэль был одарён умом. Он был неистово, дьявольски умен. Настолько умен, что счёл возможным бросить вызов Богу.

Фреска рассказывала историю о том, как Сатанаэль попытался свергнуть Бога, но потерпел поражение в катаклизмической войне света, в ходе которой вся вселенная вспыхнула всеми цветами радуги — самое грандиозное и ослепительное световое шоу в истории. Желая отомстить за своё поражение, Сатанаэль создал Землю и объявил себя её богом. Земля была вовсе не примитивным адом, где демоны пытаются и мучают грешников, — она была лабораторией, где против её населения велась тончайшая и искуснейшая психологическая война. Удовольствие и надежда щедро раздавались наравне с болью и отчаянием. Худший ад, понял Сатанаэль, — это почти рай: ложный рай, дразнящий мимолётными проблесками блаженства. Сегодня ты влюблён и думаешь, что лучше не бывает; завтра возлюбленный тебя бросает — и жизнь в одно мгновение становится невыносимой. Когда любовь и ненависть, наслаждение и боль — ближайшие соседи, страдание достигает наибольшей силы, мучение — своего апогея.

Бог возложил на Люцифера миссию — спуститься на Землю и победить Сатанаэля. Но в своём собственном царстве Сатанаэль был куда могущественнее, и Люциферу пришлось искать помощи у обитателей мира Сатанаэля. Прежде всего нужно было заставить людей осознать своё положение — и Люцифер научил их Гнозису, истинному знанию. Каин первым в полной мере восстал против тирании Сатанаэля. Его народ вступил в борьбу, и с тех пор война не утихает. Фреска Рафаэля показывала в закодированном виде эту борьбу и то, чем она закончится — так или иначе.

Люси открыла глаза. — Но как всё это может быть правдой? Наука отвергает подобное как бессмыслицу.

— Нет, — ответил Синклер. — Вы слышали о частице Бога?

Люси покачала головой.

— Её техническое название — бозон Хиггса. В 1960-х годах шотландский физик по имени Питер Хиггс предсказал существование этой элементарной частицы. Он

утверждал, что поле — поле Хиггса — пронизывает всё пространство. Любые частицы, движущиеся в пространстве, встречают это поле на своём пути. Многие из них, но не все, взаимодействуя с ним, приобретают массу.

— Квантовая теория гласит, что полям всегда соответствуют частицы. Для электромагнитного поля это фотон. Для поля Хиггса — бозон Хиггса. Его ещё никто не обнаружил, но если это произойдёт, существование поля Хиггса будет доказано, а вопрос о происхождении массы — решён.

— Какое отношение это имеет к гностицизму?

— Гностицизм утверждает, что существуют две вселенные: одна из света, другая из материи. Истинный Бог правит первой, Ложный Бог — второй. Первая — рай, вторая — ад.

— Понимаю, — сказала Люси. — Вы хотите сказать, что поле Хиггса и бозоны Хиггса создал Сатана. Без них во вселенной не было бы массы.

— Именно. Бозон Хиггса надо называть не частицей Бога, а частицей Сатаны. Весь материальный мир — сам по себе ад — обязан своим существованием этой частице. Без неё не было бы ни гравитации, ни теории относительности, ни корпускулярно-волнового дуализма, ни принципа неопределённости Гейзенберга, ни теоремы Белла, ни квантовой неопределённости.

— Когда Сатана создал массу, он создал и время. Время во вселенной света лишено смысла. Чистый свет не распадается. Он вечен. Уберите частицу Сатаны — и ничто не состарится. Не было бы ни смерти, ни болезней, ни страданий, ни боли.

— Но разве мы не потеряли бы всё, что делает нас людьми?

— Нет. Во вселенной Истинного Бога, где частица Сатаны не властвует, все наши радости умножаются в триллион раз. Это вечный, бессмертный рай. Души, населяющие тот мир, не подчиняются гравитации. Они могут летать — подниматься так высоко, как пожелают, и опускаться так глубоко, как захотят. Ограничения, налагаемые материальной вселенной, сняты.

— Для человечества невозможно представить себе вселенную без массы. Вся наука зиждется на существовании массы. Без неё всё меняется. Законы науки преобразуются.

— Почему Истинный Бог не уничтожает материальную вселенную?

— Он не может.

— Что вы имеете в виду?

— Бог — это совершенный свет. Он не способен взаимодействовать с материальной вселенной. Любое такое взаимодействие сделало бы его несовершенным — а это невозможно.

— Но другие существа могут взаимодействовать с материальным миром.

— В этом и состоит парадокс. Когда Бог что-то создаёт, в этом творении по логике вещей должно быть несовершенство. Если бы его не было, творение тоже было бы совершенным — а значит, неотличимым от Бога. Но это невозможно: Бог может быть лишь один. Поэтому все творения Бога несовершенны, и именно поэтому они подвержены притяжению материальной вселенной, именно поэтому способны взаимодействовать с полем Хиггса. Бог — чистый свет, но во всех его творениях в той или иной мере присутствует тьма.

— Сатана с помощью своих тёмных искусств сделал свой мир привлекательным для всех, в чьей душе есть хоть тень тьмы. Невосприимчивы к нему были лишь двое: сам Бог и Люцифер, Ангел Света.

— Но почему Бог создал Сатану?

— Свет нуждается в тьме, чтобы существовать. Если бы был только свет, мы все были бы слепы. Контраст позволяет нам видеть. Сатана был Ангелом Тьмы, противовесом Люцифера.

— Люцифер и Сатана были двумя великими врагами: свет и тьма, правая рука Бога и левая, праведное против нечестивого. В мире Истинного Бога Люцифер сияет ярче любого другого сотворённого существа, тогда как Сатана — всепоглощающая тьма. В материальном мире Сатаны всё наоборот: теперь Сатана — ярчайший свет, а Люцифер — бесконечная тьма. Именно поэтому Сатана имеет право называть Люцифера Князем Тьмы.

Люси указала на верхние панели фрески. Одна деталь выделялась, словно нарисованная особым светящимся пигментом: казалось, она превращается в физический объект, выступающий из фрески.

— Сатана создал Копьё Судьбы, не правда ли? — сказала она. — Вот в чём ключ ко всему этому.

— Сатана умел делать с обычным светом то, что было невозможно для Бога: он мог разрушать его, делать тяжёлым, тленным. Он мог заставить его свернуться внутрь себя, распасться. Он верил, что если постараться достаточно сильно, свет можно сделать твёрдым. Он провёл бесчисленные эпохи в экспериментах, пытаясь создать массу. Бесконечные попытки терпели неудачу. Наконец он разгадал загадку и создал первый материальный объект — оружие. Это и было само Копьё Судьбы, и его назначение было невозможным: позволить Сатане убить Бога.

— Если бы Сатане это удалось, это было бы первым убийством в истории вселенной и величайшим преступлением из всех. Вселенная мгновенно прекратила бы существование или погрузилась в леденящую тьму навсегда, а Сатана воцарился бы в бесконечном терроре.

— Но когда Сатана метнул копье, пока Бог обращался к воинству ангелов, оно прошло сквозь Бога насквозь. Сатана не понял, что Бог не способен взаимодействовать с материальными предметами. Копьё полетело дальше и ударило Люцифера в плечо, ранив его.

— На небесах разразилась война между светлыми ангелами, верными Богу и Люциферу, и тёмными ангелами, последовавшими за Сатаной. Силы Люцифера, черпавшие могущество у Бога, победили. Сатана и его мятежные ангелы были низвергнуты в бездну, и его копье упало вместе с ним.

— В бездне Сатана долго и упорно трудился, создавая материальную вселенную, которой он один будет управлять. Бог не имел над ней власти. Теперь вселенная разделилась надвое: добро и зло, свет и тьма, дух и материя. Бог не мог причинить вред Сатане, и Сатана не мог причинить вред Богу. Так родилась манихейская дуалистическая вселенная. Тайна того, почему Истинный Бог, казалось, терпит существование зла, на самом деле вовсе не тайна. Как существо из чистейшего, трансцендентного света — такого, какого никто на земле не может даже вообразить, — Бог просто не способен иметь никакого отношения к материи и потому не может уничтожить её.

— Зло создал не Бог, а Сатана. Бог не мог создать зло. Зло — свойство тьмы, а не света. Каждая душа создана Богом и несёт в себе божественный свет, однако в каждой душе присутствует и тьма, и потому она способна существовать в материальном мире. Дилемма, стоящая перед каждой душой, — противостоять соблазнам материального мира и устремиться к свету Бога.

— Сатана сделал Землю центром своей материальной вселенной. Земля — владение тёмного властителя, сам ад. Сатана поместил Копьё Судьбы в центр Эдемского сада, зная, что оно станет источником войны и насилия.

— Так и вышло. Авель нашёл Копьё и попытался убить им Каина, но Каин вырвал его и убил Авеля. Каин, сын Люцифера и Евы, был врагом Сатаны на Земле. Сатана мог убить Каина в любой момент, но теперь увидел идеальный способ сеять раздор и конфликты вечно. Человечество никогда не освободится от распрей и страданий. Кровные потомки Сатаны — те, что происходят от Адама и Евы, — будут вести вечную войну против кровных потомков Люцифера — тех, что происходят от Люцифера и Евы. Поскольку мать у них общая, два рода будут иметь много общего — вот почему их так трудно отличить друг от друга.

— Каин и все его потомки были отмечены Сатаной Печатью Каина, однако она проявлялась лишь раз в году — в годовщину гибели Авеля от руки Каина. И появлялась она только на лбу того потомка Каина, кто держал в руках оружие, которым Каин убил Авеля, — Копьё Судьбы.

— Есть ещё кое-что, о чём я вам ещё не рассказывал, — самое важное. Это копьё не может убить Истинного Бога, но способно убить кого угодно во вселенной — любого человека, любого ангела.

— А может ли оно убить своего Создателя? — спросила Люси и задрожала. Теперь было пугающе ясно, о чём просит её Синклер.

В уголке губ Синклера появился лёгкий намёк на улыбку.

— Вы просите меня убить Бога, не правда ли? — Люси едва верила собственным словам. — Вот в чём суть всего этого. Вот что изображает фреска. Вот в чём ваша миссия. Вот почему мир, возможно, стоит на пороге конца. Всё зависит от меня. Копьё Судьбы — единственное оружие, способное это сделать.

— Вам нужно убить не Бога, — хрипло произнёс Синклер. — Вам нужно убить Сатану. Мы просим вас убить величайшего чудовища, которое когда-либо существовало.

— Я не гностик. Меня воспитали католичкой.

— Каждый, кто не гностик, — поклонник Дьявола. Всё так просто. Вы лучше любого другого знаете, какой юдолью страдания является этот мир. Вы можете положить конец этому аду на земле, вы можете исцелить разделённую вселенную. Одним ударом вы можете покончить со злом, страданием и болью. Каждая душа, заточённая в этом мире, будет освобождена. Мы все вернёмся к истинному свету, все воссоединимся под властью единого Истинного Бога. Это самая великая задача в истории, Люси, самая священная задача, когда-либо возложенная на человека. Хотите вы того или нет — вы Избранная.

— Но вы говорите об убийстве Создателя. Это невозможно.

— Вы что, ничего не поняли? Убить Бога невозможно, но убить Сатану — нет. Он сам является сотворённым существом, а всё, что было сотворено, может быть уничтожено.

— Но как это сделать? Я имею в виду сам процесс.

— Ответ у вас перед глазами. Фреска показывает все составляющие, всё, что должно быть на своём месте, прежде чем свершится этот поступок.

Люси снова посмотрела на неё. — Всё, что создано для того, чтобы сразить Бога, в конечном счёте должно поразить своего создателя.

— Именно, — сказал Синклер. — Это справедливость, завершение круга, единственный способ, которым всё это могло закончиться. Сатана должен умереть от своего собственного оружия. Первое оружие должно стать последним. Вечный конфликт завершится, когда собственное зло Рекс Мунди обратится против него. — Он схватил Люси за плечи. — Как вас можно простить, если вы этого не сделаете? Вы станете величайшим преступником в истории, вечным преступником, которого будут презирать до скончания времён.

Люси стояла, почти парализованная.

— Я понимаю, что вы говорите, — произнесла она нерешительно, — и всё же в то же самое время — не понимаю. Вы не представляете, о чём просите.

— Я прошу вас положить конец ужасу. Я прошу вас исполнить пророчество. Вы пришли в этот мир именно для этого: для этого одного момента в истории, этого единственного поступка. Это ваше предназначение, ваша судьба. Вы не можете отказаться.

— Но убивая Яхве, я убиваю и его Творение. Мир прекратит существование. Все умрут. Шесть миллиардов людей. Я не могу этого сделать, просто не могу.

— Умрёт только Сатана и его материальный мир. Тьма будет единственным, что останется в память об их злосчастном существовании. Что касается всех нас — да, наши физические тела погибнут, но наши вечные души мгновенно вернутся в рай. Всё закончится в одной вспышке. Никто не будет страдать. От смертности к бессмертию, из ада в рай — за то время, что потребуется копьём, чтобы пронзить сердце Сатаны.

— Откуда мне знать, что вы правы?

— Вы всегда это знали. Ваша книга называется «Нечестивый Грааль: тайная ересь». Вы с самого начала знали, что существуют две соперничающие религии. Эта борьба идёт с зари времён. Вы понимали. Не точные детали, но суть картины вы интуитивно чувствовали. Основная идея вашей книги совершенно верна: два соперничающих бога, один из которых истинный, другой — ложный. Легенда о Святом Граале всегда была лишь одним: зашифрованным указанием на поиск истинного Бога. Все, кто преуспел в этом поиске, присоединяются к Богу в раю; все, кто потерпел неудачу, обречены на ад — на бесконечную череду жизней, полных отчаяния. Нескончаемое колесо людского горя. До сего дня.

Люси продолжала смотреть на изображения Копья Судьбы во фреске. Они мерцали и светились ярко-синим цветом. Казалось, она могла почти дотянуться до них рукой.

— Как и каждый искатель Грааля, вы всегда искали истину, Люси. Вверьтесь Истинному Богу. Пусть его божественный свет ведёт вас.

— Но я не первая оказываюсь в таком положении, не правда ли? Другие были здесь до меня.

— Не совсем в таком, но это правда: жречество Каина собиралось подобным образом четыре раза. Первый — в древней Атлантиде. Их попытка исполнить священную миссию обернулась катастрофой, и Атлантида была стёрта с лица земли.

— Во второй раз — когда великие катарские роды Франции объединились, чтобы основать рыцарей-тамплиеров. Они отправились в Иерусалим, чтобы обрести древние сокровища и тайны Храма Соломона, которые позволили бы исполнить судьбу Каина. Инквизиция остановила их прежде, чем они успели завершить свою работу.

— В третий раз — когда масоны объединились, чтобы создать Соединённые Штаты Америки: легендарную Mericas тамплиеров, новую Атлантиду. Но слишком многие тайны были утрачены, и они не смогли обнаружить местонахождение Священных Реликвий Грааля.

— В четвёртый раз — когда нацисты решили, что собрали все Священные Реликвии Грааля. Они провели церемонию в руинах Монсегюра, но ничего не произошло. Они потерпели неудачу, потому что три из их Реликвий Грааля и Ковчег Завета были поддельными.

Синклер объяснил, что нацистам было совершенно неизвестно о скрытой фреске Рафаэля. Всё изменилось лишь тогда, когда он сам занял высокое положение в Ватикане. Поползли слухи, что Папа часто навещается к гробнице Папы Юлия II. Синклер

сблизился с самым доверенным помощником Папы и после многолетних усилий сумел обратить его в дело гностицизма.

— Вы убили Папу, не правда ли? — сказала Люси.

Синклер кивнул. — Помощник Папы в специальных перчатках вручил Папе записку, пропитанную неотслеживаемым ядом. Нам нужен был Ватикан в состоянии кризиса. По той же причине мы убили американского президента. Без этих двух символов светской и духовной власти мир остался бы без руля в момент величайшей опасности.

— Вы предусмотрели всё, не правда ли?

— Не может быть места для ошибки. Если мы не сделаем всё правильно на этот раз, другого шанса не будет.

— Вы не сказали мне самого главного.

— Что вы имеете в виду?

— Вы объяснили, что является оружием, способным убить Яхве, но не сказали, как вы заставите Яхве явиться. Копьё Судьбы бесполезно, если вы не можете этого добиться.

— Яхве уже у нас. — Синклер усмехнулся. — В ящике.

— О чём вы говорите?

— Яхве в миле отсюда, в нашем конечном пункте.

— Я не понимаю.

Синклер указал на фреску Рафаэля. — Ковчег Завета, Люси. Вот где обитает Яхве. Ковчег ждёт вас — в Гластонбери.

Глава 80

— Пора заканчивать. — Синклер приказал своим рыцарям собрать Священные Реликвии Грааля, голову и кости Бафомета и отнести их к грузовикам, припаркованным снаружи. Каждого из рыцарей сопровождало несколько солдат. Гресника и Джеймса подтолкнули вперёд под дулом пистолета.

— Сожгите замок, — сказал Синклер Морсону. — Мы сюда не вернёмся.

Пока Морсон извлекал из подсобного помещения канистры с бензином и поливал зал, Люси задавалась вопросом: откуда такая уверенность у Синклера? Говорить, что он держит Бога в ящике, было нелепо — будто Создатель сидел в клетке, словно какое-то животное. Яхве мог делать всё, что пожелает. Это был его мир. Синклер сам это признавал.

— Почему Яхве не убил вас? — спросила она. — Почему позволил вам зайти так далеко? Если бы он был так могущественен, как вы говорите, он не позволил бы вам сделать к нему ни шагу. Вы никогда не смогли бы поймать его в ловушку.

— Люси, всё в этом мире является частью Яхве. Закон сохранения массы-энергии — первое начало термодинамики — гласит, что масса-энергия не может быть ни создана, ни уничтожена. Когда Яхве создавал материальную вселенную, ему пришлось использовать огромное количество своей личной энергии. Вся материя, тёмная материя и тёмная энергия, которые изучают физики, рождены из Яхве и пронизаны его злой сущностью. Значительная часть энергии была также вложена в Копьё Судьбы. В итоге Яхве ныне слаб и располагает ничтожной долей той мощи, которой от него ждут. Трясти планету грубыми злобными землетрясениями — вот всё, на что он способен.

— То, что Библия скрывает, — это то, что Копьё Судьбы всегда шло в паре с Ковчегом Завета. Первосвященник Храма Соломона использовал копьё, чтобы направлять энергию Яхве. Без него оставшаяся мощь Яхве не могла быть сосредоточена. Вот почему он теперь бьёт вслепую, с такой дикой и бессмысленной силой, вызывая

катастрофы по всему миру. Но без копья он слеп. Он не видит нас, не может нацелить на нас свою мощь. Пока копье у нас, мы неуязвимы.

Объяснение Синклера имело какой-то странный смысл, и всё же Люси оставалась в сомнении. Она даже не была уверена, что Синклер знает, которое копье настоящее. Для неё настоящим было то, что она нашла в часовне Кэдбери, а не то, что Гитлер вывез из Вены.

— Уходим, — сказал Синклер, когда Морсон поднёс свечу и поджёт бензин.

Пламя мгновенно охватило три стены замка. Они поспешили к главному входу, преследуемые огнём.

Синклер сжимал Камень Люцифера. Это был удивительный предмет, но Люси всё ещё с трудом верила, что он является настоящим Святым Граалем. Как ни странно, это делало его идеальным кандидатом: неожиданный, неуловимый, загадочный. И главное — если Синклер был прав — это был предмет не из этого мира. Что могло быть более подходящим в качестве Святого Грааля?

— А что с капитаном Морсона? — спросила она, когда они вышли во внешний двор. — Вы говорили, что в нём есть что-то особенное.

— Особенное? — Синклер, казалось, был почти доволен. — Если моё имя особенное, то имя капитана уникально.

— Люций что-то там, — сказала Люси. — У него мужская версия моего имени.

— Его имя — Люций Феррис, Люси. Когда он смотрел в камень, тот не показал ему его имени. Для него эффект от прикосновения к камню оказался совершенно иным.

Люций Феррис. В этом имени было что-то знакомое. Люси почувствовала ледяной холод — несмотря на свирепый жар пылающего замка.

— Почему вы блокируете это? — спросил Синклер. — Вы уже знаете значение имени капитана.

Люси покачала головой, но имя пульсировало в сознании как стробоскоп, погружаясь в подсознание. Люций Феррис. Боже мой, это было так очевидно. Это было одно из древнейших имён — имя, существовавшее прежде времён. Когда капитан держал камень, тот не показывал его имени по одной простой причине: камень был его. Люций Феррис — Lucifer.

Камень был создан для того, чтобы Люцифер мог принять человеческий облик. Но он мог делать и обратное — превращать подходящего человека в Люцифера. Он превратил капитана в ангела — тёмного ангела, самого знаменитого ангела из всех. С самого начала именно это присутствие она чувствовала: сначала в Тинтагеле, затем в Кэдбери и наконец в Чеддерском ущелье. Люцифер ходил по земле.

— Он ждёт нас в нашем конечном пункте, — сказал Синклер. — Он на холме Гластонбери-Тор вместе с Ковчегом Завета.

Люцифер в Гластонбери? Это казалось безумием. Ранний христианский мыслитель Тертуллиан был знаменит изречением: «Это достоверно, ибо невозможно». Люси всегда считала это высказывание сумасшедшим. Теперь оно казалось краеугольным камнем логики.

Два грузовика стояли в дальнем конце двора. На их бортах теперь красовались огромные Черепа и Кости: белые на красном фоне — знак «Пощады не будет». Пиратские грузовики, подумала Люси, совершающие путешествие к концу света.

Когда они забирались в машины, Люси поймала взгляд Джеймса, но он отвернулся и забрался в другой грузовик. Гресник опустил голову и тоже направился к другому грузовику. Казалось, никто не хотел смотреть на неё: ни Синклер, ни Морсон, ни солдаты, ни рыцари. Никто.

Заняв место в дальнем углу кузова, она почувствовала себя клеймёной неприкасаемой. Может, они были правы, сторонясь её. То, что предлагал Синклер, было за пределами понимания. Насколько она могла судить — Синклер тщательно избегал прямых формулировок, — от неё ожидали, что она вонзит Копьё Судьбы в Ковчег Завета. Так же как оно убило Иисуса Христа, копьё каким-то образом убьёт Бога — или, по крайней мере, того, кого большинство людей называет Богом. Для гностиков бог внутри Ковчега был Сатаной, но Люси не могла стряхнуть с себя убеждения, в которых выросла. Для неё её просили убить Бога — единственного, единого, Создателя. Это казалось невыносимым деянием, однако Синклер был уверен, что это возможно.

Его уверенности она не разделяла. Она подозревала, что всё завершится очередной неудачей — как все предыдущие попытки, как её собственная жизнь. Как любовь. Единственным человеком на земле, который никогда её не предаст, был Джеймс — однако он предал. Невыносимое, невыразимое — и всё же это произошло. Такова правда жизни. Святой Грааль человечества никогда не был ничем иным, кроме нечестивого Грааля.

Она не могла принять решение. Мысль о том, что мир погибнет от её рук, казалась абсурдной. Даже если бы она могла это сделать — не стала бы. Мгновение спустя она не могла представить ничего лучшего, чем положить конец этой выставке злодеяний раз и навсегда. Рембо сказал: «Жизнь — это фарс, который каждый вынужден разыгрывать». Не её ли роль — опустить финальный занавес над великим фарсом?

Когда в Чеддерском ущелье кровь потекла по её ногам, это было как будто собственное тело взбунтовалось против неё. Понимало ли оно, о чём её просят? Материальный мир полон страданий. Взгляни на всю эту нищету и боль, на ложь, жестокость и насилие, на бесконечные войны и безумие. Он заслуживает конца. Его величайшим благодетелем стал бы тот, кто положит конец его мучениям. Неужели именно одному человеку предстоит покончить с ним? Ей? Была ли она подобна одному из лидеров эпохи холодной войны с ядерными кодами апокалипсиса в чемоданчике, с пальцем, замершим над красной кнопкой, готовым запустить финальное уничтожение?

Те старые политики были готовы нажать её. Почему не она? Но тогда она убьёт миллиарды. Она станет величайшим убийцей-маньяком в истории, абсолютным изгоем. Кто захочет, чтобы это стало его эпитафией — даже если уже никого не останется, кому это будет безразлично?

Грузовики медленно ехали по занесённым снегом дорогам в направлении Гластонбери. Люси пыталась не думать о том, что ждало её впереди. Синклер, сидевший поначалу у борта грузовика, пробрался в дальний угол, чтобы сесть рядом с ней.

— Я понимаю, как трудно вам со всем этим примириться, — сказал он. — Правда в том, что в вас сталкиваются все силы истории.

Люси была изумлена тем, что Синклер рассказал ей дальше. Её мать была еврейкой, которая, по его словам, могла проследить свою родословную вплоть до Сераии — последнего первосвященника Храма Соломона. Это означало, что она происходила от Аарона, брата Моисея. Принадлежать к этому роду было необходимо, поскольку Ковчег не мог действовать должным образом в отсутствие потомка Аарона. Попытка гностиков в Атлантиде окончилась катастрофой именно потому, что такого человека там не оказалось. Нацисты тоже потерпели неудачу — и одной из причин было то, что они отказывались иметь в своих рядах еврея. На этот раз Невидимая Коллегия позаботилась о том, чтобы всё было сделано должным образом.

— Вы хотите сказать, что мой отец женился на маме не по любви? Это был сговор?

— Как оказалось, ваш отец полюбил вашу мать, хотя это не входило в его планы. От него требовалось лишь иметь с ней ребёнка. Ваш отец может проследить свою линию

до Каина. У нас есть непрерывные записи, восходящие к десяти тысячам лет назад, где первым значится имя Каина. Ваше происхождение не могло бы быть более выдающимся: Каин по отцовской линии и Аарон, патриарх левитского священства, по материнской. Вас воспитали католичкой, чтобы скрыть ваше истинное наследие.

Люси покачала головой. Неудивительно, что она была в постоянном разладе с собой. В её крови шла настоящая война. Католичка, еврейка и гностик — всё в одном. Если легенда о том, что Люцифер был настоящим отцом Каина, правдива, в её крови текло нечто сверхъестественное: врождённая ненависть к Яхве — и одновременно кровь Аарона, одного из самых почитаемых людей из Богоизбранного народа Яхве. И она была католичкой — религии, которая исторически была врагом как евреев, так и гностиков.

— Последняя боковая панель фрески Рафаэля — это итог этой древней борьбы, — сказал Синклер.

Люси мгновенно представила её: ту, где Рим изображён в зеркале с Ватиканом, перевёрнутым в форме песочных часов.

— Настоящее название Рима — Roma, — сказал Синклер. — Roma в зеркале читается как Amog. Amog — это слово катаров, означающее любовь. Катары считали Roma символом светской власти, царства Сатаны. Amog был противоядием — противоположностью всего, что олицетворяла Roma. Amog — это духовная сила, царство света. Roma против Amog — вечная война.

— Amog можно разложить на «а тог» — «без смерти» на языке катаров. Вот какую награду предлагает Amog: бессмертие, отсутствие смерти, окончательное освобождение от ада Сатаны. Каждый из нас должен решить, на чьей он стороне: Roma или Amog.

Грузовик остановился. — Мы прибыли, — сказал Синклер. — Пришло время, Люси.

Остальные вышли из грузовика, оставив Синклера наедине с Люси. На мгновение он прижал руку к её щеке, и она вздрогнула. Её отец делал так же.

Он выбрался из грузовика, затем помог ей спуститься, не сводя с неё глаз. Не представлял ли он себе, что бы сделал на её месте? Но он не стал бы колебаться, не правда ли?

Они остановились у знаменитых садов Гластонберийского Колодца Чаши. Люси едва верила, что оказалась здесь — в нескольких сотнях метров от своего монастыря. Начала и концы — всегда одно и то же. Учёные говорят, что вселенная началась с Большого взрыва. Неужели так же она и закончится? Она пронзит Ковчег Завета Копьём Судьбы — и это вызовет второй Большой взрыв, который обратит первый вспять. В этом апокалиптическом взрыве ад прекратит своё существование навсегда.

Да будет свет. Быть может, именно эти слова прозвучали перед первоначальным Большим взрывом. Произнёс ли их Сатана? Яхве? Аллах? Бог? Христос? Означают ли эти имена теперь хоть что-нибудь? В ослепительном взрыве родился материальный мир. В равном ему взрыве он погибнет. Вечная симметрия. Совершенный круг. Устремляясь вперёд, ты просто быстрее возвращаешься туда, откуда начал.

Морсон толкнул кованые ворота садов, и все вошли внутрь. Хотя весь остальной Гластонбери был занесён снегом, в садах не было ни единой снежинки. Как и в Карбонеке, всё освещали синие прожекторы.

Они шли по мощёной каменной дорожке под живой аркой из плюща, переплетённого с мощными дубовыми балками, мимо двух огромных тисов — деревьев, священных для друидов, вспомнила Люси, — затем мимо летнего домика и пары скамеек под надзором скульптуры ангела.

Они подошли к одной из наиболее часто посещаемых достопримечательностей Гластонбери — дереву «Священный Терновник». Автоматически Люси вспомнила легенду. Говорят, что Иосиф Аримафейский воткнул свой посох в землю в Гластонбери —

и тот чудесным образом пустил корни и расцвёл в дерево «Священный Терновник». Растущее здесь дерево — прямой потомок того священного первоначального и знаменито тем, что цветёт дважды в год: на Рождество и на Пасху. Совершенное христианское дерево.

Вскоре они подошли к Колодцу Чаши. Люси всегда находила его поразительно прекрасным. Она могла часами стоять здесь и смотреть на него — вписанного в небольшой заглублённый каменный круг, особенно на закате, когда он был окутан золотисто-коричневым свечением.

Отверстие колодца было закрыто дубовой крышкой с затейливым узором, изображающим «vesica piscis» — священный геометрический символ, в котором окружность одного круга проходит через центр второго идентичного круга, — с «истекающим кровью копьём», пронизывающим оба круга посередине. Казалось, это символизировало задачу, стоящую перед Люси. Ей предстоит взять копьё и уничтожить два совпадающих круга: начало и конец.

Она пристально смотрела на колодец, пытаясь сохранить самообладание. Именно здесь, по преданию, Иосиф первоначально спрятал Святой Грааль — ту самую чашу, которую она только что извлекла из Карбонека.

Синклер оттащил её прочь, и Морсон повёл группу через выход, через дорогу и на снежную тропу, ведущую к холму Гластонбери-Тор. Они достигли круга деревьев сакуры — странным образом пышно расцветших и неправдоподобно розовых — у подножия Тора.

Люси стояла в центре. Деревья были покрыты нетронутым снегом. Небо снова менялось, порождая невероятное зрелище стремительно движущихся разноцветных лент: длинные нити света в темноте.

— Северное сияние, — сказал Синклер. — Магнитные поля Земли переориентируются.

Ночное небо начало мерцать: огромные полотнища радужных огней, ритм которых становился всё быстрее и быстрее, достигая головокружительной частоты.

— Конец близится, — сказал Синклер.

Все заспешили сквозь сакуру к Тору. Люси задумалась: не яблони ли когда-то росли здесь вместо них? Гластонбери считался Авалоном — Островом Яблок, вратами в Иной мир, куда умирающего Артура перенесли после битвы при Камлане.

Сам Гластонбери-Тор представлял собой огромный пятисотфутовый холм в форме слезинки. Всё было покрыто снегом: жуткий белый холм, окружённый равниной. На его вершине — башня Святого Михаила, остаток старинной церкви без кровли.

Куда намеревался вести Синклер? На вершину Тора? Может, Ковчег Завета находится внутри башни Святого Михаила? Там ли ждёт Люцифер?

— Мы идём внутрь, — произнёс Синклер, отвернув один из прожекторов от рощи сакуры и направив его на основание Тора. Он достал небольшой пульт управления и нажал кнопку. На мгновение ничего не произошло. Затем раздался скрежет. Часть склона начала сдвигаться в сторону.

Господи всемогущий.

Открылся небольшой каменный проход с бронзовой дверью в дальнем конце, украшенной свастиками. И вдруг Люси осознала правду: организация Синклера проложила тайный ход в холм.

— Входите, — сказал Синклер. — Здесь вы найдёте все ответы.

Глава 81

Синклер вошёл первым, чтобы открыть бронзовую дверь, затем поманил Люси внутрь. Продвигаясь по узкому каменному коридору, она воображала, что впереди — ад. Над входом — вратами ада — была укреплена медная полоса с двумя строками из «Божественной комедии» Данте:

*Меня создало Могущество Божие,
Высшая Мудрость и Первая Любовь.*

Люси могла принять, что ад был создан во имя справедливости, однако её ставило в тупик утверждение о том, что в этом участвовала вечная любовь. Как место бесконечного наказания могло быть создано как акт любви? Разве мыслимо, чтобы бог любви и прощения, каким провозглашал себя Христос, мог создать место безграничной боли, освящённого страдания? Это было внутреннее противоречие, логическая ошибка.

Разве не было бы актом вечной справедливости — уничтожить ад? Этого ли требует любовь? Быть может, единственным истинным милосердием было бы завершить всё одной вспышкой света — шесть миллиардов душ, вырванных из лап Сатаны одним ударом.

Внутри Люси что-то нарастало. Искушение? Они попросят её вонзить копьё в ящик — и этим простым действием, как они обещали, всему придёт конец. Они говорили, что звёзды на небесах двигались миллиарды лет, пока не выстроились в такое положение, при котором именно она окажется здесь в этот момент, чтобы совершить этот поступок. Имела ли она право действовать иначе, чем предопределено?

Чем больше она думала о страданиях мира, о своих собственных, тем сильнее идея покончить с этим всем казалась ей неотразимой. Разрушения — вот чего она жаждала. Эвтаназия — лёгкая смерть — для всего человечества. Всё завершится в один катаклизматический, безболезненный миг. Никто не узнает, что произошло. Были — и нет. Если Синклер прав, она убьёт Сатану — уничтожит раз и навсегда виновника зла. Единственная возможность вырезать из вселенной это абсолютное злокачественное образование. Никакой несправедливости, жестокости, греха и распрей. Разве не было бы преступлением, тягчайшим смертным грехом из всех, — не сделать этого?

Она прошла через дверь и ахнула, когда поняла, что Тор был выдолблен изнутри. Глаза едва не вылезли у неё из орбит. Казалось, гностики Синклера использовали всё своё богатство — исчезнувшие сокровища царя Соломона, утраченные сокровища тамплиеров, награбленные нацистами ценности — чтобы создать идеальную обстановку для своего плана Судного дня.

В скале Тора был высечен безупречно гладкий грот. Каменный потолок был расписан под безоблачное голубое небо погожего дня с незащищённым солнцем, которое светило так реалистично, что зной был почти осязаем. Стены украшала панорама древнего Иерусалима — ни с каким другим городом не спутать. Пол был выложен плитами золотисто-коричневого песчаника. Но всё это было лишь обрамлением главной сцены, открывшейся перед Люси.

— Это точное воспроизведение Храма царя Соломона, — сказал Синклер. — Первые девять тамплиеров обнаружили точные планы строительства Храма в ходе раскопок на Храмовой горе.

Перед Люси стояло длинное белое прямоугольное здание с примыкающими по бокам камерами, придававшими ему ступенчатый вид. В парадном дворе Храма возвышались три захватывающих объекта. Синклер пояснил, что это такое. Первый — жертвенный алтарь, где животных закалывали и сжигали как ритуальное подношение Яхве. Второй — огромный медный водоём на подставке в виде двенадцати статуй быков. Там священники омывали руки и ноги. Вода в чаше символизировала Красное море, быки — двенадцать колен Израилевых.

Прямо перед Храмом стояли ещё медные водоёмы — по пять с каждой стороны, — укреплённые на колёсных подставках и украшенные резными изображениями львов и пальм. Здесь смывали остатки крови после жертвоприношений.

Вход в Храм охраняли два медных столба — символизирующих, по словам Синклера, царя Соломона и его отца царя Давида. Столбы именовались Боаз и Яхин и играли ключевую роль в масонских ритуалах. По преданию, оригиналы были полыми и содержали священные писания древних евреев.

— Кто всё это создал? — спросила Люси.

— Мы работали над этим с конца Второй мировой войны. Мы воспользовались своим влиянием, чтобы добиться от правительства согласия на тайное строительство сверхзащищённого ядерного командного бункера внутри Тора. Когда холодная война закончилась, военный комплекс был демонтирован, и мы выкупили объект полностью. То, что вы видите, было создано лучшими мастерами в мире. Всё основано на идее, которой более восьмисот лет. Ральф де Судли — человек, задумавший всё это.

— Кто?

Синклер грустно усмехнулся. — Не правда ли, странно, как мало известны стольких величайших фигур в истории? Ральф де Судли — человек, открывший настоящий Ковчег Завета.

Люси слушала, изумляясь, пока Синклер раскрывал удивительную историю английского тамплиера, обнаружившего скрытый Ковчег в 1188 году нашей эры. Ральф де Судли командовал небольшим тамплиерским гарнизоном в разрушенном пустынном городе Петра — охранял прибыльный торговый путь через горы Шара.

Люси всегда мечтала побывать в Петре — во многом благодаря одному из фильмов о «Похитителях утраченного ковчега». В нём Индиана Джонс обнаружил Святой Грааль в поразительном храме, известном как «Казна», — высеченном в отвесной скале. Символично: Грааль охранял призрак тамплиера. Теперь оказывалось, что фильм упустил главное. В тайных пещерах Петры хранился не Святой Грааль, а Ковчег Завета.

— В 1188 году Ральф де Судли был тамплиером без личного состояния, — рассказывал Синклер. — Когда год спустя он вернулся в Англию, он оказался одним из богатейших людей в мире. Он несколько раз пытался начать раскопки на Гластонбери-Торе, однако технологий, необходимых для задуманного, тогда не существовало — и он письменно изложил детальные планы своего проекта. Де Судли был французского происхождения и, как выяснилось, был знаком с Кретьеном де Труа. Именно де Труа помог ему разработать схему.

— С одобрения Гностической коллегии де Судли и де Труа разработали план захоронения Священных Реликвий Грааля в местах, связанных с артурианскими легендами на юго-западе Англии. Именно на основе этого плана спустя века папа Юлий II, Великий Магистр Коллегии, поручил Рафаэлю создать фреску — чтобы тайные местонахождения были навсегда сохранены в надёжном месте.

— Но что же с Ковчегом Завета? — спросила Люси.

— С 1189 года Ковчег хранится здесь, в Гластонбери, — ответил Синклер. — Де Судли не смог выдолбить Тор, но он вырыл небольшую подземную камеру, в которой Ковчег хранился, ожидая того дня, когда его план будет воплощён в жизнь.

— Я не понимаю, — сказала Люси. — Де Судли появился спустя десятилетия после первых тамплиеров. Разве не они нашли Ковчег в скрытых проходах Храма Соломона?

Синклер покачал головой. — Ковчег был вынесен из Храма Соломона еврейским пророком Иеремией в 597 году до нашей эры — до того, как Храм был разграблен вавилонскими захватчиками. В 586 году до нашей эры Храм и весь Иерусалим были

сровняны с землёй в наказание за еврейское восстание, однако Ковчег к тому времени был давно укрыт в безопасном месте.

— Во Второй книге Маккавейской говорится: «И отправился пророк, получив Божественное откровение, повелевавшее ему идти; он отправился на гору, взойшёл на неё и там нашёл пещеру и внёс туда скинию, и ковчег, и жертвенник кадильный, и заградил вход».

— Это означает, что Ковчег был спрятан либо на горе, где Моисею была показана Земля обетованная, либо на горе, где Моисей провёл сорок дней и ночей, общаясь с Яхве и получая откровение о будущем евреев, если они сохраняют священный Завет с Яхве. Де Судли решил, что второй вариант вероятнее.

— Значит, вы говорите, что Ральф де Судли считал, будто Иеремия отвёз Ковчег на гору Синай в 597 году до нашей эры, где тот пролежал следующие восемнадцать сотен лет?

— Именно. Он оставался скрытым все эти века — пока де Судли не обнаружил его: первый человек, видевший его со времён Иеремии. Причина, по которой никто не мог найти его, была, как ни удивительно, проста: никто не знал наверняка, где находится гора Синай. Её не было ни на каких картах, и только древние израильтяне называли её этим именем. Де Судли, в своей тамплиерской крепости, охранявшей горные перевалы в окрестностях Петры, был одержим желанием разгадать эту загадку. После долгого изучения книг Исхода, Левит, Чисел и Второзакония, описывавших странствия евреев после бегства из Египта, он пришёл к выводу, что гора Синай — это на самом деле Джебель-эль-Мадбах, Гора Жертвенника. Именно в этой горе была вырублена Казна в Петре. Ковчег и другие предметы, как он вскоре обнаружил, были сокрыты в тайной камере под Казной — именно там, где Иеремия оставил их за все эти века до него.

— Иеремия спрятал Ковчег там потому, что именно там он был создан изначально. Это была Святая гора Яхве, и именно отсюда Ковчег был перенесён в Иерусалим. Когда его пришлось вывезти из Храма в целях безопасности, самым логичным решением было вернуть его туда, откуда он явился. Он не был спрятан ни в каких подземных проходах под Храмом, его не увозили в Эфиопию, Вавилон, Рим, Южную Францию, Ирландию или куда-либо ещё. Он просто прошёл свой первоначальный путь в обратном направлении.

— Де Судли отправил Ковчег обратно в Англию — в Гластонбери, мифический Авалон. Это было самое священное место, какое он только мог придумать в Англии. Раз Ковчег был перевезён с горы Синай на Храмовую гору, де Судли счёл правильным перенести его на другую священную гору: Гластонбери-Тор. Воссоздать Храм Соломона на вершине Тора ему никто бы не позволил — и следующим очевидным шагом было поместить его под горой, а не на ней. Такой подход служил и второй цели: он демонстрировал, что Яхве — подземное существо, постыдная тварь, прячущаяся во тьме.

— Но зачем гностикам воссоздавать храм ненавистного им бога?

— Разве не очевидно? — Чтобы уничтожить его. Яхве появляется лишь в определённых условиях. Он дал Моисею точные указания по устройству Ковчега и сообщил Соломону подробные планы строительства Храма для его размещения. Если хоть одно из правил нарушено, он не явится. Именно поэтому предыдущие попытки убить Яхве потерпели неудачу. На этот раз ошибок не будет. Мы выстроили Иерусалим на зелёных холмах Англии — как говорится в стихотворении Уильяма Блейка. Яхве являлся перед первосвященниками в Храме Соломона в Иерусалиме — и теперь он явится перед вами, последним потомком последнего первосвященника, в этой точной копии Храма Соломона, в этом Новом Иерусалиме.

Люси отвернулась. План казался одновременно блестящим и безумным. Теперь она понимала: речь шла не просто о том, чтобы ткнуть копьём в ящик. Они действительно

намеревались вызвать Яхве. И тогда её задачей было пронзить его — так же, как Лонгин пронзил Христа.

Остальные рассредоточились по залу, благоговейно разглядывая всё вокруг. Гресник и Джеймс стояли по разные стороны медной чаши, смотря в переливающуюся воду.

Люси задумалась, о чём думает Джеймс. Между ними пролегла огромная пропасть, и это разрывало ей сердце. Прежде чем всё кончится, она хотела остаться с ним наедине — крепко обнять его, или хотя бы взять за руку, пусть лишь на мгновение. Как бы он ни предал её, она простит его.

Фигура, без предупреждения появившаяся боковым зрением, застала её врасплох. Никто другой не заметил его — он выкрался из ниши под жертвенным алтарём. В отличие от всех остальных, лицо этого человека было искажено ненавистью. Потребовалась секунда, чтобы понять: его форма выглядела одновременно знакомой и чужеродной. Это лицо... Брат Крюгера. Он, должно быть, следовал за ними от самого Кэдбери и прокрался следом, пока все были захвачены удивительным зрелищем.

— Вот Антихрист! — завопил он, уставившись на Люси. — Твоё имя — Абаддон, Азраэль, Аполлион!

В его руке было что-то. Он метнул это, и предмет покатился по песчанику к её ногам.

Ручная граната — без чеки.

Глава 82

Мгновение. Целая жизнь. Люси наблюдала, как граната катится к ней. С каждым оборотом она, казалось, двигалась всё медленнее. Мир перешёл в замедленную съёмку, двигался кадр за кадром. Она смотрела на окружающие лица — на каждом читалось понимание: как только граната взорвётся, они все погибнут. Большой взрыв, который они так тщательно планировали, сжался до маленького взрыва здесь и сейчас.

Синклер был смертельно бледен. Морсон открыл рот. Глаза Гресника широко распахнулись. Что касается Джеймса — он делал то, что не делал больше никто: бросался на гранату.

Люси успела поймать выражение его лица. В его глазах было столько сожаления, самоотвращения, скорби. Но там была и любовь — такая любовь, какой она никогда прежде не видела. Всепоглощающая, неразрушимая, щемящая.

Джеймсу удалось накрыть гранату телом. Слова пытались вырваться из уст Люси, но ничего не выходило — как будто они столкнулись и уничтожили друг друга, не успев слететь с губ: Не надо, Джеймс. Я люблю тебя. Я прощаю тебя. Я не могу жить без тебя.

Затем Джеймс словно засветился — его живот стал почти прозрачным от интенсивности исходявшего от него света. Он был похож на ангела, сиявшего куда ярче всех, кто был рядом. Но потом свет угас, и, казалось, он начал распадаться — крошечные звёздочки разлетались от него в стороны. Никакого звука. Ничего.

Время снова ускорилося — время сна уступало место реальному времени. Теперь пришёл звук: сокрушительный грохот, несущий столько разрушения. Трескающиеся кости, рвущаяся плоть, лопающиеся сосуды. Части тела Джеймса разлетелись по песчанику — под синим иудейским небом.

Люси почуяла запах горелой плоти. Клубки дыма поднимались от тела Джеймса. Повсюду — маленькие брызги красного; его кровь вытекала прочь. Люси попыталась двинуться, но ноги не слушались. Она хотела быть рядом с Джеймсом, поцеловать его —

последний поцелуй, поцелуй, перед которым все будущие поцелуи окажутся лишь тенями.

Джеймс повернулся, задыхаясь, — его верхняя часть тела была почти отделена от нижней. Там, где должен был быть живот, зияла огромная дыра. Слипшиеся разорванные внутренности. Обугленная кожа.

Люси наконец смогла пошевелиться и опустилась рядом с Джеймсом. Он что-то беззвучно шептал. Она прижалась ухом к его губам, молясь, чтобы он говорил «я люблю тебя», и боясь, что он может просить её о прощении. Этого она не вынесла бы. Что бы он ни сделал, она была виновата. Она — преступница, она нарушила любовь.

Едва слышным хрипом Джеймс прошептал: — Сколько красоты.

Люси смотрела на него, убитая горем. Жизнь покидала его. Она почти видела, как его воспоминания гаснут одно за другим. С каждой угасающей мыслью в ней тоже что-то умирало. Говорят, мы живём в памяти тех, кто нас знал, — но это значит, что мы умираем вместе с этой памятью.

Собрав последние силы, Джеймс потянулся вверх и схватил Люси за плечо; его губы потянулись к её губам. — Пусть птицы поют, Люси, — сказал он. — Пусть поют тебе о том, как сильно я любил тебя. — Он откинулся назад, и его глаза остекленело уставились с бледного лица в пустоту.

Люси хотела зарыдать, но звука не было. Справа от неё брат Крюгера был заколот одним из рыцарей и лежал на спине с вонзённым в грудь мечом; кровь растекалась вокруг по песчанику.

Слёзы текли по щекам Люси. Она не могла поверить, что Джеймс мёртв. Взяв его руку, она почувствовала, как тепло уходит из его тела. Вскоре он стал ледяным. В её мыслях — синий цвет. В синеве. И никогда больше не выбраться.

Глава 83

Звуки. Голоса. Лица смотрели на Люси сверху вниз. Она видела, как двигаются их губы, но не понимала ни слова.

Синклер схватил её за плечи и начал трясти. Она ощущала, как её туловище мотается вперёд и назад. Это движение почему-то успокаивало. Она могла вложить в него свою муку.

Голос Синклера начал пробиваться сквозь оцепенение. «Вы можете положить конец этой юдоли страданий, — говорил он. — Сейчас, как никогда, вы понимаете, почему этой боли нужно положить конец».

Но поверх слов Синклера она слышала угасающий голос Джеймса. «Столько красоты». Зачем он это сказал? Это не имело смысла. Он говорил, что хочет, чтобы птицы пели о его любви к ней. Почему он просто не сказал «я люблю тебя»?

— Вставайте, — крикнул Синклер.

Люси с трудом поднялась на ноги, стараясь не смотреть на Джеймса, уже пытаюсь забыть его. Если она этого не сделает, она не сможет сделать больше ни шагу. Она ляжет рядом с ним и просто угаснет. Синклер взял её за руку и потащил прочь. Она мельком увидела Гресника. В его глазах было что-то. Жалость? Сожаление? От этого ей стало нехорошо.

Они поднялись по нескольким мраморным ступеням, миновали Боаз и Яхин — два огромных медных столба — и вошли в притвор Храма. Пол был выложен узорным чёрно-белым мрамором. В воздухе разлилась странная прохлада. И ещё кое-что ощущалось совершенно явно — присутствие рядом чего-то невыразимо неземного.

Синклер продолжал говорить, и Люси изо всех сил старалась слушать. В небольших деталях, которые он описывал, было что-то успокаивающее. Они отвлекали её от мыслей о Джеймсе, от тьмы, растекавшейся по её сознанию, как чёрный дым.

Они прошли сквозь притвор и оказались в Хейхале — Святом месте. Стены были отделаны кедровым деревом с прекрасной резьбой в виде херувимов, пальм и цветов, покрытых позолотой. Пол, объяснил Синклер, был сделан из пихтового дерева, тоже покрытого золотом — оно поблёскивало и сияло почти сверхъестественным светом. В дальнем конце золотые цепи закрывали вход в следующий зал.

Они прошли мимо Столов с хлебами — по шесть с каждой стороны, символизирующих двенадцать колен Израилевых. Это были богато украшенные позолоченные столы с золотыми блюдами хлеба и кубками вина, символизировавшими плоть и кровь.

Синклер снял золотые цепи, и они поднялись по мраморной лестнице, остановившись перед позолоченными дверями из оливкового дерева — дверями Святого Святых, последнего этапа их пути.

Над дверями была латинская надпись *Et in Arcadia Ego*. Синклер указал на неё. — Это к Храму отношения не имеет, — сказал он. — Это один из священнейших афоризмов гностицизма, именно поэтому мы поместили его здесь. В переводе это означает: «И в Аркадии я». Это значит, что даже в мнимом раю — в стране Аркадии — присутствует Злой Дух. Кроме того, это анаграмма слов *I Tego Arcana Dei* — «Прочь! Я скрываю тайны Бога». Думаю, можно сказать, что нас забавляла ирония помещения этого послания над этой святыней Сатаны.

Обернувшись к остальным, Синклер произнёс: — Мы достигли финального акта, братья мои. Занавес вот-вот опустится, чтобы никогда не подняться вновь. Жаль, что мы не все можем увидеть последнее представление, но для всех места нет. Рыцари, Морсон и я будем сопровождать Люси в логово Дьявола. Полковник Гресник — тоже. Справедливо, что кто-то из них должен присутствовать при конце всего, во что они так долго и ошибочно верили. Пусть представляет миллиарды глупцов, которые выбрали жизнь в вере в ложь Сатаны.

— Остальным нужно оставаться на страже здесь. Если заметите что-нибудь подозрительное — не колеблясь, входите. В остальном — позвольте поблагодарить вас всех и пожелать вам Божьей удачи. Если на то будет воля Провидения, мы скоро встретимся снова в раю, в обществе Истинного Бога, когда все ужасы Сатаны останутся в прошлом, а зло будет навсегда изгнано из вселенной. Блаженны те, кто положил конец владычеству Дьявола ужаса. Эта земля была рождена во зле, из тьмы. Одной вспышкой праведного света Грех из грехов будет искуплён, все заточённые души освобождены, вечное преступление смыто.

Словаплыли мимо Люси, как призраки. Они звучали так величественно, так уверенно, — и всё же, быть может, всё это предприятие было колоссальной ошибкой, само по себе ставшей делом рук Сатаны. Она вспомнила слова философа Ницше: Не сомнение, а именно уверенность сводит людей с ума.

Разве в этом не был бы настоящий ответ на страдания человечества — чтобы все сомневались, признавали, что ни в чём не уверены? Может, Бог есть, может, нет. Может, Сатана существует, а может, нет. Может, ничто не является ни добром, ни злом. Может, все Заповеди спорны. В конце концов, евреи проповедовали «Не убий», однако верили в смертную казнь через побивание камнями, верили в массовые убийства, сопровождающие войну, верили в ритуальные жертвоприношения. Судя по их поступкам, они не проповедовали ничего, кроме убийств. Может, Иисус не был Мессией, может, Библия — не Слово Бога, может, совершенно неважно, соблюдаешь ли ты субботу. Может,

незачем уничтожать других за несогласие с тобой, незачем сжигать еретиков, рубить головы неверным, забивать грешников камнями, создавать лагеря смерти, легко осуждать бесчисленные миллиарды на вечные муки в аду только потому, что их убеждения отличаются от твоих. Может, людям просто надо пожать плечами и сказать: «Извините, я просто не знаю».

Прежде чем войти, Синклер открыл золотой шкаф и достал для всех специальные облачения. Это были прекрасные ризы из золота и пурпура, усыпанные двенадцатью драгоценными камнями разных цветов, на каждом из которых было начертано имя одного из двенадцати колен Израилевых. По всей видимости, это были те защитные одеяния, которые древние еврейские первосвященники должны были надевать всякий раз, приближаясь к Ковчегу. Синклер не оставил ничего на волю случая.

Когда все были готовы, он на мгновение остановился, а затем, не говоря ни слова, толкнул двери и шагнул внутрь Святого Святых, раздвигая голубые, фиолетовые, алые и золотые завесы.

Люси последовала за ним вместе с остальными. Сначала она не поднимала глаз, упрямо глядя на пол и панели — из кедра, покрытого золотом. Когда она всё же подняла взгляд, стены оказались такими же: кедр под золотом. На чеканных золотых листах были выгравированы отрывки из того, что, по предположению Люси, было Торой.

— Смотрите вверх, — сказал Синклер.

Люси выпрямилась. Она стояла в комнате формы идеального куба, каждая поверхность которого сверкала золотом. Окон не было. Весь свет в комнате исходил от семи пятиветвистых канделябров. Был ещё один семиветвистый — знаменитая Менора, символ иудаизма и эмблема государства Израиль. Люси не сомневалась, что перед ней подлинник — одна из священнейших реликвий древности.

По обе стороны от дверей стояли два огромных золотых херувима с распростёртыми крыльями, которые касались стен по обеим сторонам и сходились в центре комнаты.

В глубине зала висел удивительный мерцающий занавес из золотых листьев, перекрывавший комнату от стены до стены. В нескольких шагах перед ним, в самом центре Святого Святых, стоял золотой Ковчег Завета — такой же чудесный, каким его описывали легенды, сияющий как солнце. Она видела множество его изображений на картинах и в фильмах, но ни одно из них не могло передать его красоту. Он был просто божественным. Он покоился на поразительном хрустальном алтаре — прозрачном, но полном переливающихся радужных огней, словно внутри был заключён живой радужный свет.

Вокруг алтаря на полу была выгравирована серебряная пентаграмма.

— Мы поместили Ковчег внутрь самого мощного символа чёрной магии, — сказал Синклер. — По преданию, у Яхве на лбу — пентаграмма. Мы обращаем его собственное оружие против него самого.

Изучая пентаграмму, Люси вдруг осознала, что внутренние линии этого знаменитого символа образуют очень знакомую фигуру — пятиугольник. Её пробрал озноб. Неужели американские военные выбрали форму пятиугольника для своего знаменитейшего здания потому, что их лидеры были тайными гностиками? Это не было случайностью или совпадением, не правда ли? Всё это реально. Тысячи, десятки тысяч мужчин и женщин на протяжении десяти тысячелетий плели этот заговор — чтобы она оказалась здесь в этот момент и исполнила свой долг. Дитя судьбы.

Прямо под алтарём Ковчега лежал невзрачный валун, казавшийся неуместным среди такой красоты, — и всё же величественный и земной. Она задалась вопросом: что это и почему он здесь.

— Вот оно, — произнёс Синклер. — Жилище Создателя: Бога, Яхве, Иеговы. Или, чтобы называть его своими именами: Демиурга, Рекс Мунди, Повелителя мух, Князя Тьмы, Дьявола, Сатаны.

Люси не знала, что сказать. Она была захлестнута чувствами.

— Всё готово, — сказал Синклер. — Через несколько минут всё будет кончено.

— Я никогда не думала, что это будет так красиво, — сказала Люси. Слезы наполнили её глаза. Голос Джеймса не желал уходить из головы. Столько красоты. Было почти такое ощущение, что он видел это Святое Святых перед смертью — последнее видение, которое он взял с собой в последнее путешествие.

— Это превосходит красоту, не правда ли? — сказал Синклер. — Именно так действует Сатана. Он делает свой материальный мир соблазнительным сверх нашей способности сопротивляться. Вот сверкающая сеть, в которую попало столько из нас. Ничто не выглядит таким великолепным, таким соблазнительным, как мир Сатаны. Лишь когда сеть захлопывается вокруг нас, мы начинаем понимать, что сами себя осудили. Мы — самопроклятые, те, кто сам произнёс над собой Последний Суд. И только вы можете искупить нашу ошибку и спасти нас.

Люси указала на странный камень под Ковчегом. — Что это?

— Это камень Вефиль, на котором лежал головой Иаков — Камень Судьбы, на котором короновали шотландских королей. Мы привезли его сюда из его укрытия в дворце в Шотландии.

— Но какова его связь с Ковчегом Завета?

— В оригинальном Храме Соломона Ковчег покоился на большой плоской известняковой скале, которая существует на Храмовой горе по сей день. Эта скала известна как Эвен ха-Шетия. Говорят, что это самое значимое место на земле — точный центр мира. Это был краеугольный камень творения, первый кирпич материального мира. Стоя на этой скале, Сатана призвал к существованию всё остальное своё тёмное творение.

— Когда он закончил, он начертал своё тайное имя на нижней стороне камня, затем с торжеством отколол кусок скалы и бросил его в воздух. Он упал в Вефиле, и когда много позже Иаков положил на него голову, он увидел видение Храма Соломона и Ковчега на краеугольном камне. Что может быть уместнее для нашего воссоздания Храма Соломона, чем поместить Ковчег над куском Эвен ха-Шетия — чтобы отменить творение там, где всё началось.

Он подал знак рыцарям, и четверо из них — носители Священных Реликвий Грааля — вышли вперёд. Они положили чашу и копьё слева от Ковчега, а блюдо и меч — справа. Сам Синклер вышел вперёд и поместил Камень Люцифера, истинный Святой Грааль, на вершину Камня Судьбы — символизируя, по его словам, триумф Люцифера над Творением Сатаны.

— Есть ещё кое-что, о чём вам нужно знать, — произнёс Синклер. — Яхве — это два существа.

— Что вы имеете в виду?

— Существует нечто под названием Шехина. Одни называют это славой или сиянием Яхве; другие говорят, что это божественное проявление Яхве в материальном мире, подразумевая, что Яхве не входит полностью в материальное существование. Одни считают это женской стороной Яхве или чем-то близким к христианскому Святому Духу. Мы же говорим, что это маска, которую Яхве надевает, чтобы скрыть свою истинную, отталкивающую природу. Являясь в древности Моисею и первосвященникам Храма, он использовал Шехину, чтобы говорить от своего имени.

— Но даже лучшая маска иногда соскальзывает. Шехина исчезнет, и Яхве явится в своём истинном облике. Люцифер сказал, что именно в этот момент вы должны нанести удар. — Синклер указал на Реликвии Грааля. — Час судьбы настал. Возьмите Копьё Судьбы, Люси Галахан.

Люси вышла вперёд и взяла копьё. Когда она подняла его, почувствовала: что-то не так. Того пронизывающего ощущения, которое она испытала в Кэдберийском замке, не было — хотя наконечник копья светился, выглядя во всём как оружие сверхъестественного.

— Должно светиться всё копьё целиком, а не только наконечник, — крикнул Синклер, внезапно охваченный паникой. — Так не получится. — Он повернулся к остальным — все были одинаково потрясены. — Это копьё, которым сам Гитлер владел. Оно должно быть подлинным.

Люси стояла, оцепенев. Как что-то могло пойти настолько не так на этом этапе?

— Сделайте что-нибудь, Люси, — закричал Синклер. — Вы Избранная.

Люси закрыла глаза и мысленно представила копьё, пытаясь почувствовать его ауру, понять, что не в порядке. — Принесите мне другое копьё, — сказала она, — то, что я нашла в часовне Кэдбери. Антиохийское копьё.

— Что?

— Наконечник копья Гитлера подлинный, — сказала она, — и подлинно древко Антиохийского копья. С самого начала оба копья были подлинными — по меньшей мере, частично.

Синклер отдал приказ. Вскоре древко копья Гитлера было заменено на древко Антиохийского. Копьё немедленно засветилось всё целиком — и древко, и наконечник.

— Пора. — Синклер воздел руки; его облегчение было очевидным. — Всё... — Он остановился на полуслове, уставившись на Люси.

— Что такое? — Она почувствовала, будто у неё выросла новая голова.

Синклер сделал обратный знак креста левой рукой.

— Что такое? — повторила она.

— Ваш лоб, — произнёс Синклер. — У вас Печать Каина.

Глава 84

Люси держала Копьё Судьбы перед собой и смотрела на светящийся наконечник, на своё отражение в металлической поверхности — отражение с двумя змеями бок о бок на лбу.

Итак, всё было правдой: она — прямой потомок Каина. На мгновение два змея как будто задрожали и зашевелились — словно живые. Перед ней светился Камень Люцифера — яркий, мерцающий зелёный.

— Что за золотым занавесом? — спросила Люси, хотя вопрос был лишним. Она знала это с того мгновения, как переступила порог. Каждая частица её существа ощущала странное присутствие. Она чувствовала его уже несколько раз прежде, но сейчас оно было несравнимо сильнее.

— Вы знаете, — ответил Синклер.

— Я хочу видеть его.

— Это не его мир. Вы увидите нечто отвратительное.

— Он что-то делает, не правда ли? Со своим разумом.

— Вы должны понимать, Люси. Ковчег Завета прямо перед нами, и внутри него — сам Яхве, Создатель этого мира. Здесь же Копьё Судьбы — его особое оружие. И вдобавок ко всему — вы, потомок последнего первосвященника. Вы понимаете, что это значит?

Люси догадывалась, но не хотела говорить вслух.

— Это последний шанс Яхве спасти себя. Вся его сила направлена против вас — он пытается подчинить вас своей воле. Если ему удастся заставить вас обратить Копьё Судьбы против нас, он уничтожит всех нас.

— А Люцифер за тем занавесом пытается не дать Яхве залезть ко мне в голову — так это?

— Именно. Он расходует всю свою психическую энергию, чтобы защитить вас. Но он находится в мире своего врага, поэтому ему приходится тратить огромные силы, чтобы противостоять мощи Яхве и выстроить вокруг вас щит. Это оказывает на него разрушительное воздействие.

— Что мне нужно сделать? — Люси шагнула вперёд. — Как мы заставим Яхве выйти к нам? Когда он являлся Моисею и первосвященникам, всё было на его условиях. Он вызывал их, а не наоборот.

— Яхве считает себя богом, но он всего лишь демон — самый могущественный из всех, но демон. На него распространяются те же правила, что и на любого демона. Он должен явиться, если вы назовёте его истинным именем.

Синклер дал Люси кусочек обычного белого мела. — Напишите его имя внутри пентаграммы, — сказал он.

— Его истинное имя? Но я понятия не имею, какое оно.

— Знаете. Все знают. Это Тетраграмматон.

— Конечно. — Тетраграмматон — греческое слово, означающее «четыре буквы». Тетраграмматон — это еврейское имя Бога, состоящее из четырёх согласных: Y H W H. Отсюда происходит имя Яхве, а в его англоязычной версии — Иегова. Но была и другая сложность, которую она никогда до конца не понимала: в древнееврейском не было записанных гласных и, следовательно, никто не был вполне уверен, как произносить YHWH.

— Язык имеет значение? — спросила Люси. — То есть мне нужно писать это древнееврейскими буквами, а не латинскими?

— Демоны знают своё имя на всех языках. Если правильно указать имя на выбранном языке, демон обязан откликнуться.

Люси опустилась на колени внутри пентаграммы и написала буквы YHWH, затем быстро встала и отступила назад.

Ничего не произошло. Совсем ничего.

Люси посмотрела на Синклера.

— Этого не может быть, — сказал Синклер. — Дьявол обязан явиться к нам.

— Он не Дьявол, — рявкнул Гресник. — Он Бог, и он никогда не будет выполнять ваши приказы.

Синклер был бел как мел, его руки начали дрожать. Люси заметила, что кольцо её отца поблёскивает у него на пальце. В детстве отец говорил ей, что кольцо обладает особой силой, делающей своего носителя мудрым, как Соломон, и дающей ему власть над самим Богом.

— Я знаю, что нужно сделать, — сказала она Синклеру. — Дайте мне ваше кольцо.

Синклер снял кольцо и протянул ей. Она поднесла его к свету Камня Люцифера и внимательно рассмотрела.

— Не помогайте им, Люси, — крикнул Гресник. — Вы можете остановить это безумие прямо сейчас.

— Сотрите те буквы, — сказала Люси Синклеру.

Великий Магистр немедленно опустился на колени и краем мантии стёр надпись «YHWH».

Люси глубоко вздохнула. Она ощутила присутствие своей линии душ — всех прошлых жизней, пройденных в бесконечных циклах перевоплощений. Она почувствовала также древнюю кровь по материнской линии, уходящую к последнему первосвященнику, стоявшему в Святом Святых Храма Соломона перед его окончательным разрушением. И она ощутила, как кровь отца течёт в её жилах — кровь бесчисленных поколений, восходящих к самому Каину. Но ведь было и нечто за этим пределом? Матерью Каина была Ева, а его отцом — сам Ангел Света. Люси - потомок Люцифера. Её изначальный предок стоял за занавесом всего в нескольких шагах от неё — глава серафимов, высший из девяти чинов ангелов небесного воинства. «Серафим» происходит от слова «сарав» — древнего слова, означавшего змея. Серафимы были ангелами-змеями, — отсюда и змеи, выжженные сейчас на её лбу.

Она снова опустилась на колени с мелом. Теперь она тщательно начала выводить новые буквы — те, что были начертаны на кольце отца. Они образовывали слова Шем-ха-Мефораш. Это были магические слова, рассказывал ей отец, дававшие Соломону власть над демонами и духами; слова, позволившие ему призвать архидемона Асмодея, чтобы тот помог ему возвести Храм, и дававшие возможность создавать големов — подобия людей без душ. Именно эти слова произнёс Моисей, чтобы разверзлось Красное море. Произнеся эти слова силы, владелец кольца мог также заглянуть в будущее.

Отец Люси охотно рассказывал ей ещё об одном факте, связанном с Соломоном, — факте, который теперь казался поразительным: Соломон отвернулся от Яхве и стал вероотступником. Как такое возможно? Человек, ответственный за великий Храм, в итоге отверг Яхве и умер непримирённым, полным ненависти к Яхве. Сам Храм был отдан под поклонение врагам Яхве. И всё же все знали, что Соломон был мудрейшим из людей. Не привела ли его в конечном счёте эта мудрость к гностицизму?

Люси была на полпути, когда Синклер велел ей остановиться.

— Нет, — резко сказал он, — это не может быть правильно. Шем-ха-Мефораш означает «явное имя». Это эпитет истинного имени Сатаны, но не само имя.

Люси покачала головой. — Вы ошибаетесь. Это имя было начертано на нижней стороне краеугольного камня.

Синклер уставился на неё — на мгновение в его глазах мелькнул ужас, но затем он начал улыбаться. — Да, чего ещё ждать от Верховного Обманщика, как не обмана? Какой лучший способ скрыть своё истинное имя, чем за видимостью эпитета? Кто бы мог догадаться, что эпитет и есть настоящее имя? Это гениально.

Люси принялась писать снова, но слёзы застилали ей глаза — нахлынули ярко-живые воспоминания о детстве и об отце. Подняв рукав, она попыталась их смахнуть. Сзади послышался шум. Крики, потасовка. Она услышала голос Гресника.

— Не делайте этого, Люси. Нельзя допустить, чтобы всё так кончилось. Нельзя.

Она обернулась посмотреть, что происходит. Гресник выхватил меч у одного из рыцарей и бросился к Синклеру, держа клинок двумя руками. Морсон выхватил пистолет и выстрелил в Гресника. Две пули вошли в его ноги, и он рухнул вперёд, руки взмахнули, меч со звоном упал на пол.

— Убить его? — Морсон поднял пистолет и снова прицелился.

— Нет, я хочу, чтобы он это видел, — сказал Синклер, — пока не истечёт кровью.

Люси наблюдала, как кровь Гресника растекается по полу. Когда она добралась до её рук, она подняла их, глядя на кровь.

— Я не могу этого вынести, — произнесла она.

— Не уничтожайте нас, Люси. — Голос Гресника уже слабел. — Мы истекаем кровью, мы страдаем, но мы ещё и любим. Прошу вас, не убивайте любовь.

Люси ненавидела эти слова. Она так долго в последние месяцы старалась ничего не чувствовать. Теперь чувства со всех сторон теснились, сводя её с ума. Утраченная любовь, горе, покинутость, одиночество — всё, чего она так боялась.

Она думала об отце. Синклер сказал, что он совершил величайший грех — влюбился. Не в Истинного Бога, а в вещи этого мира. Это доказывало, что его душа всё ещё была соблазнена красотой мира. Он не был готов к небесам, его имя не было написано в Камне Люцифера. Она видела там своё имя — но хочет ли она этого? Разве она не такая же, как отец? Жизнь не раз вызывала у неё тошноту, и всё же она могла предложить захватывающие мгновения. Время от времени что-то поднималось выше убожества — как та одинокая красная роза на погосте в руинах аббатства. Её аромат, её фактура. Бесконечно прекрасная.

Неужели та роза была одной из западней Дьявола — одной из его уловок, удерживающих души в заточении в этом мире? Джеймс, умирая, говорил о красоте. Он отдал бы всё за ещё одну секунду, чтобы ощутить красоту, не правда ли? Способно ли одно мгновение экстаза искупить жизнь в отчаянии? Может, только художник способен так жить. Может ли красота существовать в раю, где ничто не меняется, ничто не умирает и не стареет, нет смены смерти и возрождения, нет времён года — роста и увядания? Как может быть красота, когда всё прекрасно? Может, красота — подлинная красота — существует лишь тогда, когда она хрупка, когда уже несёт в себе семена уродства.

— Я передумала, — пробормотала она. — Я не могу этого сделать, не могу.

— Вы не можете остановиться сейчас, — закричал Синклер.

— Я не буду убивать человечество, — выпалила она. — Никто не вправе взять на себя такую ответственность.

— Вы что, ничего не поняли? Вы спасёте нас, освободите миллиарды заточённых душ. Если вы этого не сделаете, вы станете худшим предателем из всех. Вы хотите быть человеком, который обрёк человечество на вечный ад?

Храм начало трясти. Огромные золотые херувимы закачались, на их ногах и крыльях появились длинные трещины. Люси взглянула вверх. Она не могла заставить ноги слушаться, чтобы встать и убраться с пути. Вибрация усилилась, херувимы качались всё сильнее.

— Уходите отсюда, Люси, — прохрипел Гресник. — Всё рухнет.

Люси оставалась неподвижной на коленях, силы оставили её. Она тупо смотрела на Ковчег, вибрирующий на алтаре. Вокруг неё падали осколки крыльев херувимов.

Наконец ей удалось подняться на ноги. Гресник тоже каким-то образом вставал — несмотря на кровь, струившуюся из ран на ногах. Закричав, он сделал шаг и оттолкнул её в сторону. Оба херувима опрокинулись. Голова одного из них отлетела и ударила Гресника, а тело упало точно на то место, где только что стояла Люси.

Люси опустилась над Гресником. Он, казалось, не дышал. Каждая клетка её тела, казалось, была охвачена огнём. Боль была невыносимой. Наклонившись, она поцеловала его в лоб — так же, как когда-то поцеловала отца в гробу. — Спасибо, — прошептала она.

Синклер и остальные окружили её.

— Боль никогда не прекратится, Люси, — сказал Синклер. — Неужели вы не видите? Все, кого вы любили и кто любил вас, — мертвы. Это юдоль слёз. Вы можете положить конец этому ужасу. Вы можете сделать это сейчас. У вас есть эта сила. Прошу вас, освободите нас из этой тюрьмы, этой вечной исправительной колонии. Одним ударом вы можете заставить ад исчезнуть. Вы можете остановить страдание навсегда. Никаких больше трагедий, никакой боли. — Он взял её за руку и поднял на ноги. — Покончите с этим, — увещевал он. — Покончите с адом.

Люси смотрела на Ковчег, ощущая тошноту.

— Вы знаете, что там, Люси, — сказал Синклер. — Яхве тянется к вам, манипулирует вашим разумом. Вы должны сопротивляться.

Люси медленно кивнула. Всё всегда должно было закончиться именно так, не правда ли? Синклер был прав. Боли слишком много. Недостаточно одного мгновения красоты, чтобы искупить жизнь, — достаточно одного мгновения страдания, чтобы её осудить. Чтобы кто-нибудь где-нибудь мучился — значит, мир того не стоит.

Она вернулась к пентаграмме, снова опустила на колени и дописала магическое слово Соломона — слово, способное призвать Яхве.

Весь Храм теперь дрожал: пол, потолок, стены. Конструкция могла обрушиться в любой момент.

— Смотрите! — крикнул Синклер. — Это происходит.

Люси уставилась на пространство прямо над маленькими крылатыми золотыми херувимами на крышке Ковчега — на так называемое Место Милости, где, по преданию, являлась Шехина. Появилось странное оранжевое свечение — сначала просто интенсивная точка света, но стремительно разраставшаяся до размеров теннисного мяча, затем футбольного, всё больше, начиная вытягиваться, и новые оттенки оранжевого закручивались в первоначальный цвет.

Глаза Синклера были прикованы к светящемуся огню, на лице — странная смесь ненависти и любопытства. Люси казалось, что она должна что-то сказать, но слова теперь казались бесполезными. Она стояла неподвижно с Копьём Судьбы в правой руке; его синее свечение становилось всё интенсивнее. Камень Люцифера сиял не менее ярко — как изумрудное солнце. Неужели это действительно происходит? Неужели она и вправду призвала Бога?

Золотой занавес за Ковчегом всколыхнулся, и из-за него пошатываясь вышло нечто. По мере того как свечение над Местом Милости становилось всё интенсивнее, Люси смотрела на то, что появилось: огромная уродливая фигура, бесконечно чёрная, с двенадцатью крыльями — вдвое больше, чем у обычного серафима. От неё, казалось, исходила тьма. Это была гротескная пародия на ангела, буквально разлагавшаяся при движении: плоть пузырилась и капала на золотой пол, перья многочисленных крыльев осыпались вокруг.

Люси никогда не видела ничего столь отвратительного, и уродство фигуры росло пропорционально интенсивности оранжевого света над Ковчегом.

Синклер схватил Люси. — Не позволяйте себя обмануть. В царстве Истинного Бога он — прекраснейший ангел из всех.

Она стряхнула его руку и подняла копьё над головой, нацелив его в сердце оранжевого свечения. Само копьё теперь излучало тот же светonosный свет, что и фигура, обретавшая форму над Ковчегом. Камень Люцифера тоже изменил цвет на оранжевый. Всё в комнате было залито одним и тем же свечением. Казалось, эфирный свет над Местом Милости поглощает всё вокруг, преобразует весь мир вокруг него.

— Ждите, пока Шехина полностью материализуется. — Голос Синклера был теперь спокоен и холоден. — Нанесите удар, когда она начнёт замещаться мерзостью, прячущейся за ней. Не позволяйте чудовищу полностью материализоваться, иначе оно уничтожит вас. Оно уязвимо только в момент перехода, когда впервые мерцает в своём земном теле. У вас будет лишь один шанс. Целитесь прямо в сердце. Таково наставление Люцифера.

Люси смотрела на чудесную фигуру, мерцавшую у неё на глазах. Им говорили, что Шехина — это прекрасное земное присутствие Создателя, но слова не передавали этого. Это было величественно — за пределами слов. Невозможная мечта, мерцающий, сияющий маяк бесконечной надежды, красота в каждой форме.

И вдруг она была здесь — полностью в этом мире. Шехина была не столько женской, сколько андрогинной, но поразительно, невероятно красивой. Оранжевый свет стал ярким ослепительным белым. Сияющая фигура открыла глаза — они были голубыми, как небо в совершенном мире. Если Бог существует, то это и был Бог.

Затем произошли две удивительные вещи одновременно. Шехина начала растворяться, замещаясь новым, неопишуемым светом — таким, какого Люси никогда в жизни не видела. И малиновка влетела в Святую Святых и опустилась на крышку Ковчега, прямо под Местом Милости. Птица начала щебетать, не обращая внимания на всё вокруг.

— Действуйте сейчас, — прокричал Синклер. — Бейте. Прямо в сердце.

Люси подняла копьё, но теперь оно казалось тяжёлым, невероятно тяжёлым — таким тяжёлым, что она думала: вот-вот выронит. Казалось, всё давит на неё сверху, как небо на плечи Атланта. Она взглянула на медальон отца у себя на шее, на его поблёскивающее кольцо, надетое на её палец.

Пение птицы проникало в её разум. Пусть птицы поют. Она слышала угасающий голос Джеймса. Пусть они поют тебе о том, как сильно я любил тебя. Малиновка снова взлетела и покружила у неё над головой.

— Сейчас! — взвизгнул Синклер. — Времени больше нет.

Люси точно знала, что сделал бы её отец, что сделал бы Джеймс, чего требует любовь — жизнь. Внезапно копьё стало невесомым. Оно знало в точности, что у неё на уме, куда она хочет его бросить.

Метнув его со всей силы, она почувствовала, как оно устремилось вперёд с невероятной скоростью и мгновенно поразило цель — прямо в сердце.

— Нет! — закричал Синклер. Он шатаясь шагнул вперёд, не веря своим глазам: копьё торчало из груди огромной чёрной фигуры за Ковчегом. Люцифер пошатнулся назад, его огромные крылья разлетались в стороны. Падая на пол, он сорвал золотой занавес, издав ужасающий хрип.

Люси зашла за Ковчег и наблюдала, как Люцифер ползёт вперёд, испуская жалобный свистящий звук. Ему удалось добраться до алтаря с Ковчегом и потянуться к Камню Люцифера, лежавшему на Камне Судьбы. Он перевернулся на спину и смотрел вверх, прижимая Камень Люцифера к груди. На мгновение его тело задрожало. Чернота сменилась светом такой яркости, что казалось, весь мир, вся вселенная вспыхнула.

Умиравшая фигура преобразилась в сверхъестественно лучезарного ангела с золотыми глазами — настолько прекрасного, что у Люси перехватило дыхание и закружилась голова. Он был создан из эфирной, мерцающей субстанции, с двенадцатью совершенными крыльями, сиявшими живым золотом. Затем он исчез, унеся с собой Камень Люцифера, — оставив после себя лишь кучку пепла и облако чёрной пыли за Ковчегом. Порыв холодного ветра развеял пепел.

— Что ты наделала? — завопил Синклер. — Люцифер, Сын Утра, Сияющий, Блистательный, Хелел бен Шахар, Ангел Утра, Сын Зари. Ты уничтожила его.

Обезумев от ярости, он выхватил меч и бросился к Ковчегу. Он замахнулся на новую фигуру, обретавшую форму над Ковчегом, но меч прошёл прямо сквозь неё.

Фигура, становившаяся с каждым мгновением менее расплывчатой, с каждой секундой обретавшая всё более чёткие черты, выпустила нити разноцветного света, которые подняли с пола Копьё Судьбы. Держа копьё в левой руке, она указала на Синклера правой, затем, повернув ладонь вверх, медленно подняла прозрачную руку. С криком Синклер был поднят с земли невидимой силой. Он висел в воздухе, иступлённо ругаясь. Фигура сжала кулак, затем разжала. Синклера швырнуло назад по воздуху, и он с размаху ударился о дальнюю стену. Удар был такой силы, что его голова разлетелась вдребезги. Кровь, мозги и осколки черепа стекали по стене.

Люси отвернулась, потрясённая. Она опустилась на колени, зажмурившись. Смотреть было невыносимо. Закрыв уши ладонями, она попыталась заглушить звуки, но крики остальных невозможно было перекрыть. Казалось, фигура один за другим обращалась к каждому из жречества Каина, уничтожая их огненными лучами из своих глаз и из острия Копья Судьбы. Она слышала, как Морсон кричит и стреляет из пистолета — каждый выстрел громыхал, как пушка. Затем раздался ужасающий вопль.

Храм трясся сильнее, чем когда-либо. Люси пыталась заглушить мысли, роившиеся в голове. Она не открывала глаза. Сейчас упаду в обморок. Она хотела ни о чём не знать, что происходит вокруг. Даже сквозь закрытые веки она видела яркий свет. Золотой занавес загорелся. Запах дыма был невыносим. В её мыслях вспыхнула фреска Рафаэля. Она горела. Всё горело. Её сердце, её душа. Весь мир был в огне. Гори, гори всё. Испепели всё Творение.

Глаза её резко открылись. Фигура над Ковчегом полностью материализовалась и смотрела прямо на неё. Люси осела вперёд, её вырвало, и она упала в собственную рвоту. Фигура смеялась — смех становился всё громче, пока Святая Святых не задрожало от этого звука.

В голове Люси была лишь одна мысль:

«Боже милосердный — что я наделала?»

Глава 85

(Месяц спустя)

Санитары помогли Греснику спуститься с борта машины скорой помощи. Ему позволили всего один час на визит. Доктор говорил, что ему вообще нельзя выписываться из больницы, но Гресник чувствовал: он обязан приехать сюда и узнать, чем всё закончилось.

Ему протянули трость, и он с трудом пошёл к входным дверям монастыря. Снова оказаться в Гластонбери было до странности тяжело. Лёжа в бристольской больнице, он думал только о той ночи в Гластонбери-Торе. Ему сказали, что он потерял сознание после удара одной из упавших статуй. Потеря крови от ран на ногах поставила его на грань жизни и смерти. Ещё час — и всё было бы кончено, сказал один из врачей.

По всей видимости, монахини в монастыре в ту роковую ночь видели, как весь Гластонбери-Тор светится изнутри, и решили, что стали свидетелями Второго пришествия. Как только рассвело — а день выдался самым прекрасным, какой они когда-либо видели, — монахини отправились к Гластонбери-Тору. Там они нашли Люси: та стояла в красивых облачениях в центре круга деревьев сакуры. Деревья осыпали весь свой прекрасный розовый цвет, но вместо того чтобы падать на землю, лепестки кружились вокруг Люси, складываясь в причудливые узоры — почти как огромные пальцы, ласкающие её. Одна монахиня сказала, что это было похоже на руку Бога, держащую её. Тысячи малиновок сидели на деревьях и пели ей. Белые бабочки порхали вокруг её головы, словно живой нимб. Над рощей изгибалась радуга самых ярких цветов.

Однако монахини говорили, что Люси была в самом тяжёлом состоянии шока, какое им доводилось видеть. Она выглядела, по их словам, так, будто только что вышла из ада. Снова и снова она повторяла одно: Простите меня.

Вскоре монахини обнаружили вход в скрытый Храм. Они вошли внутрь и увидели кошмарную картину. Все были мертвы, кроме Гресника, у которого едва прощупывался пульс. Они вынесли его и отвезли Люси и его в военный госпиталь в Бристоле. Люси быстро выписали обратно под опеку монахинь, поскольку подтвердилось, что физических травм у неё нет.

Гресник покачал головой. Никаких физических травм. Люси пострадала больше всех. Душевные раны уходят куда глубже.

Сильно прихрамывая, он попытался протиснуться сквозь входные двери монастыря. На помощь вышли две монахини: сёстры Мария и Бернадетт — те самые, что вынесли его из Храма. Он был им благодарен и в то же время испытывал какой-то стыд, видя их. Он снова рассыпался в благодарностях, но торопился уйти.

Командор Харрингтон, Гэри Колдуэлл и доктор Уэллс из МИ-5 договорились встретиться с ним здесь. Последнюю неделю они провели в окрестностях Гластонбери, пытаясь восстановить картину произошедшего, подготовить подробный отчёт для Директора и премьер-министра и ответить на вопросы религиозных лидеров. Гресник с нетерпением ждал: удалось ли командору придать хоть какой-то смысл тем последним часам в ранее утро 30 апреля.

Монахини проводили его в маленькую часовню, где Харрингтон и его сотрудники устроили свой офис.

— Рад вас видеть. — Харрингтон протянул руку и крепко пожал Греснику. — Слышал, ваши раны заживают удовлетворительно.

Это было одним из способов это выразить. Слишком медленно для Гресника. Харрингтон дважды навещал его в больнице, но он не помнил ни слова из того, о чём они говорили. Скорее всего, он бредил — из-за боли и лекарств. Колдуэлл тоже заходил, но Греснику запомнилось, что молодой агент не очень-то стремился услышать его историю. Может, это было понятно. После стольких катастроф люди были поглощены тем, чтобы наладить собственную жизнь.

— Присаживайтесь, полковник, — сказал Харрингтон. — Я введу вас в курс дел. Думаю, вам многое хочется знать. Давайте сначала выпьем кофе. Крепкий чёрный, верно?

Колдуэлл отправился за кофе и вскоре вернулся с подносом эспрессо. Они сидели и смотрели на алтарь, потягивая кофе. Гресник думал: а не сидела ли здесь когда-то и Люси, замороженная золотым распятием в центре алтаря.

— Знаете, — сказал Харрингтон, — учёные заявляют, что Земля сейчас более стабильна, чем когда-либо в истории. Теория катастрофического выравнивания — вот как они это называют. По их словам, планета достигает точки огромной нестабильности, когда всё начинает происходить одновременно: движение тектонических плит, колоссальные землетрясения, извержения вулканов, цунами, ураганы, магнитные бури — всё что угодно. Это похоже на то, как кто-то открыл клапан, выпуская давление, накопившееся за миллионы лет. Теперь давление ушло, и они говорят, что нас ждут тысяча лет беспрецедентно благоприятной погоды по всему земному шару. Земля сейчас сверкает — словно её вымыли и надраили. В ближайшее время они не ожидают никаких природных катастроф. Мы сможем восстанавливаться спокойно.

Несмотря на оптимистичные слова, он звучал устало. — Они подсчитали, что погибло около четырёх миллиардов человек — две трети населения Земли, — но если нам удастся восстановить прежний уклад жизни, для остальных должен наступить золотой век.

Гресник был озадачен. Мёртвых уже забывали. Цивилизация в Южной Америке, Африке и Азии практически прекратила существование. Большая часть Северной Америки тоже лежала в руинах. Бостон, где жили его родители, оказался единственным крупным американским городом, уцелевшим целиком. Огромные территории станут необитаемыми на века. Лишь Австралия и материковая Европа избежали худшего, однако в Англии миллионы погибли, когда астероид взорвался над центром страны, и сотни тысяч других погибли в разгар кризиса.

Тем не менее всё возвращалось к норме с удивительной быстротой. Лондонская фондовая биржа снова работала и даже уверенно росла — миллион новых инвестиционных возможностей. Капитализм, похоже, был непобедим.

Харрингтон сообщил, что избран новый Папа — первый в истории чернокожий Папа. Это было провозглашено чудесным знаком Бога, открывающим новую эпоху терпимости и расового согласия. Уже полным ходом шли переговоры между Ватиканом, Англиканской церковью и Восточной православной церковью об объединении главных ветвей христианства. Даже многие антикатолические протестантские лидеры начинали делать примирительные заявления. Некоторые оптимистично настроенные комментаторы утверждали, что открылся уникальный шанс объединить все религии и создать единую мировую веру.

Доктор Уэллс вошёл в часовню в элегантном льняном костюме, выглядя заметно более уверенно, чем когда Гресник последний раз видел его в Темз Хаусе. Как ни странно, он ел рыбу с жареной картошкой, завёрнутую в старую газету.

— Рад вас видеть, полковник, — сказал Уэллс. — Я был в восторге, когда узнал, что вы живы. Трагично, что Джеймс не выжил. Он был хорошим другом.

Гресник промолчал. Он не хотел думать о Верноне.

— Что это у вас? — спросил Харрингтон, кивая на обед Уэллса.

— Рыбная лавка на главной улице снова открылась. Вы не представляете, как я этого ждал. Там даже был коричневый соус. — Он протянул пакет Харрингтону. — Хотите картошки? Рыба — пикша. Трески нет. Первая партия рыбы прибыла сегодня утром. Настоящее чудо, если вспомнить, в каком состоянии были океаны несколько недель назад.

Харрингтон заглянул в пакет и покачал головой.

— Полковник? — Уэллс повернулся к Греснику. — Признайте — запах потрясающий.

Это было правдой. Запах уксуса от еды был почти головокружительным. Но Гресник был занят другим. — Газета, — сказал он, указывая на обёртку.

Уэллс взглянул на неё и смущённо пожал плечами.

— Извините, я не заметил.

— Дайте посмотреть.

Уэллс неохотно отдал старый лист газеты. — Это было напечатано в разгар кризиса, — пояснил он. — Тогда никто не понимал, что происходит. Учёные ещё не сформулировали Теорию катастрофического выравнивания.

Гресник с ужасом смотрел на цветную фотографию в газете.

Последняя надежда человечества? — гласил заголовок над снимком. Под фотографией стояло одно слово: Мессия.

— Боже всемогущий, — сказал Гресник. — Как фотография Люси попала в газету?

— Думаю, весь мир немного помешался, — сказал Уэллс. — Именно Ватикан призвал человечество молиться за Люси, заявив, что она — единственное, что стоит между родом человеческим и Армагеддоном. Все хотели в это верить.

— О чём вы? — Гресник не отрывал изумлённого взгляда от снимка. Всё то время, пока он был рядом с Люси, она была растрёпана, без следа макияжа — и всё же несмотря на это обладала огромной природной красотой. На фото её иссиня-чёрные волосы были аккуратно уложены, синие глаза сияли, лицо было искусно накрашено. Какой-то рекламный снимок. Она выглядела просто потрясающе.

— Психологи пришли к выводу, что во время недели катастроф вспыхнула массовая истерия, — сказал Уэллс. — Осознание того, что мир и вправду может кончиться, сломало всех. Вот почему большинство из нас было готово поверить в Мессию.

Мы поверили бы во что угодно, лишь бы думать, что ещё есть шанс. Но, в самом деле, как женщина из психиатрической клиники могла спасти мир? Один ведущий психиатр сказал, что канонизация умалишённой была симптомом того помешательства, которое охватило всех. Вот и всё.

Вот и всё? Гресник едва верил тому, что слышал. — Доктор, вы клялись, что один из наших заключённых превратился в ангела. Вы тоже были временно не в себе?

— Я собой не горжусь. Я не был застрахован от истерии. Признаю.

— Но вы были не единственным, кто видел ангела. Я тоже видел. И другие — но они все уже мертвы.

— Вы действительно видели ангела? — спросил Харрингтон. — Может, это была просто коллективная галлюцинация, как говорят психологи?

— Ангел был там в самом конце, в Храме. Это был не просто какой-то ангел. Это был сам Тёмный Властитель.

— Послушайте себя, полковник. Я знаю, что никогда не напишу рапорт о том, что в камерах допроса Темз Хауса находилось сверхъестественное существо. И уж тем более не стану утверждать, что к нам наведалься Дьявол. Если вам дорога карьера, вам тоже лучше молчать.

— Но я был в Храме. Я видел, что произошло. Кто-то должен свидетельствовать.

— Насколько нам известно, в конце вы были без сознания, — сказал Уэллс. — Вы были тяжело ранены и потеряли много крови. В таких состояниях разум играет всевозможные шутки. Может, вы бредили. Суть в том, что из всего, что произошло в Храме, выжили только два человека. Один — пациент этой психиатрической клиники, другой не мог ясно видеть происходящее. Разве не лучше на этом и остановиться? Что может дать дальнейшее расследование?

— Истина, — отрезал Гресник.

— Что есть истина? — спросил Харрингтон.

— Именно это сказал Понтий Пилат.

— Что ж, иногда лучше умыть руки от того, на что не можешь повлиять. Если вы хотите продолжить карьеру — а может, и получить повышение, — настоятельно советую сделать то же самое.

— А Храм?

— Инженеры-строители осмотрели его. По их словам, он может обрушиться в любой момент. После того как тела были вынесены, мы залили вход бетоном.

— Что?

— Полковник, погибли две трети населения Земли. Планету ждёт крупнейший восстановительный труд в её истории. Мы убеждены, что произошедшее в Храме никак не связано с мировыми событиями. Как оно вообще могло быть связано? У нас есть дела поважнее, чем гоняться за призраками. Место происшествия сохранено, так что, может, годы спустя мы сможем разобраться, что там произошло.

— Это безумие. — Гресник почти кричал. — В Храме находятся Ковчег Завета и Копьё Судьбы. Чёрт возьми — Святой Грааль.

— Так вы говорите, полковник. Мы не отрицаем, что там было несколько впечатляющих предметов, но мы не знаем, подлинные ли они — и, если честно, нас это сейчас не особенно волнует. Вы утверждаете, что столкнулись со сверхъестественным, но в Лондоне мы имели дело с обычной человеческой паникой. Ничего из того, что видели вы, мы не видели. Как я уже сказал, нам предстоит восстанавливать мир. Только в этой стране погибло пять миллионов человек. Вы думаете, выживших волнуют мифы и легенды? Они просто хотят вернуть свою прежнюю жизнь.

Гресник покачал головой. — Не могу поверить. Вы хороните правду. Вы пытаетесь вычеркнуть Люси из истории.

— Она умалишённая, полковник Гресник.

— Боже всемогущий, она спасла мир. Мне всё равно, что кто говорит — она спасла. Мы ей обязаны всем. В каждом городе должны стоять её статуи.

— Поверьте мне, полковник, — заявил Харрингтон, — Люси Галахан никогда не войдёт в учебники истории. Нет ни малейшего доказательства того, что она что-либо совершила. Она стала объектом истерии, своеобразной Жанной д'Арк наших дней. Она не первая и, уверен, не последняя.

— Истина находится внутри Гластонбери-Тора, командор. Люди должны знать, что произошло, что Люси сделала для нас.

— Как я уже сказал, содержимое Храма сейчас не является приоритетом. Думаю, пройдут годы, прежде чем кто-то займётся его изучением.

— Что с людьми Морсона?

— На полу были найдены их форменные одежды с горсткой чёрного порошка внутри. Кто знает, что с ними случилось? По всему миру люди гибли ужасающими и невероятными способами. Мы не можем расследовать каждую подозрительную смерть.

Гресник чувствовал оцепенение. Боже, они действительно собираются это сделать. Они готовы притворяться, что самого грандиозного события в истории человечества не было. Бог действительно явился на земле, а гностические фанатики под руководством Синклера и Морсона пытались убить его — и только героическое решение Люси метнуть Копьё Судьбы в Люцифера, а не в Бога спасло всё Творение от мгновенного уничтожения.

Невозможно было не сравнить религиозный фанатизм Синклера и прочих с бесстрастным секуляризмом Харрингтона и Уэллса. Если верить этим двоим, ничего сверхъестественного не произошло: Бог и Дьявол не сыграли никакой роли в событиях апреля.

— Мне нужен воздух, прежде чем я увижу Люси, — сказал Гресник.

— Конечно. Боковой выход — в конце коридора. Хотите, я составлю вам компанию?

— Нет, я хотел бы побыть один.

Гресник выбрался из часовни и побрёл по коридору. На душе было тошно. Люси заслуживала всего — а получала ничего. Она была неудобством для властей. Ватикан теперь утверждал, что именно молитвы добрых католиков по всему миру спасли мир. Люси, говорилось там, была неуравновешенной молодой женщиной, чья значимость была ошибочно преувеличена. Невероятно, но особый акцент они делали на том, что кардинал Синклер погиб смертью героя, отдав жизнь ради спасения Люси от рук зловещих антикатолических сил. Уже поговаривали о его канонизации. Теперь Гресник слышал и не такое.

Выйдя на парковку, он посмотрел на прекрасное оранжевое солнце и на небо, которое никогда не казалось ему таким синим. С 30 апреля по всему миру установилась идеальная погода. Все частицы пыли и грязи, выброшенные в небо во время кризиса и угрожавшие закрыть солнце и обречь Землю на смертоносную вечную зиму, чудесным образом исчезли. Учёные спокойно заявляли, что обнаружили в природе механизмы саморегуляции и самоочищения, которые, по их утверждению, быстро устранили последствия всех катастроф. А что они знают? Пустые домыслы. Это Бог исправил всё — исцелил раны, которые сам же нанёс миру в наказание за грехи людей.

Гресник невольно думал о ROMA AMOR. В этом новом мире всё было шиворот-навыворот. И начало у него было самое скверное из возможных — ложь в основании. Никто, казалось, не понимал, что причина нынешней стабильности Земли, нынешней мягкой и прекрасной погоды — в том, что Бог так устроил, чтобы вознаградить

человечество за отказ Люси выполнить безумный план гностиков. Люси, знал Гресник, никогда не смогла бы убить Бога — это было невозможно по определению, — но если бы она метнула Копьё Судьбы в Бога, это было бы окончательным доказательством того, что человечество безнадежно погибло. И тогда Бог немедленно уничтожил бы род человеческий раз и навсегда. Только Люси стояла между человечеством и уничтожением.

Он думал: что будет, когда Храм наконец откроют — через годы? Что сделают с Ковчегом и Священными Реликвиями Грааля? Стоит ли их уничтожить, чтобы подобное никогда не повторилось? Он боялся, что со временем их превратят в туристическую достопримечательность, и миллионы людей будут приходить смотреть на них, не понимая ровным счётом ничего об их истинном значении. Никому и в голову не придёт, что в этих древних реликвиях скрыта смертоноснейшая тайна из всех.

Гресник заметил ещё одну старую газету, пролетевшую мимо него в прохладном ветерке. Он остановил её тростью. Газета была датирована 10 мая, и на первой полосе снова была фотография Люси с заголовком: Помните её? — Лжемессия, а ниже: Смотрите на странице 5 ещё десять лжемессий.

Итак, медиа недолго раскачивались — и вернулись к старым повадкам, ничуть не изменившись. Мир ничему не научился. Человеческий род был всё таким же отвратительным.

Гресник почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Из всех людей на свете именно Люси меньше всего заслуживала этого. Она никогда ни о чём не просила. Ни разу не претендовала ни на что. Она всегда была скромной и кроткой. Он никогда не встречал человека такого мягкого и доброго, так переживавшего за других. И всё же мир хотел смеяться над ней. Если бы могли — посадили бы её на осла и провезли по улицам каждого города, чтобы люди бросали в неё гнилые фрукты. Она стала козлом отпущения для всего мира. Она идеально подходила для этой роли: она не могла защититься.

Правда состояла в том, что весь мир сошёл с ума от страха на целую неделю. Признать это было куда труднее, чем объявить Люси единственной сумасшедшей. Теперь, когда она надёжно заперта, она унесла с собой безумие всех остальных.

Мир стыдился того, как вёл себя в ту неделю ужаса, как рассыпался на части. Ему не нравилось то, что он видел в зеркале. Теперь люди просто хотели забыть. Люси, к несчастью, напоминала им обо всём, что они хотели похоронить.

Гресник не хотел себе в этом признаваться, но он влюбился в Люси. Причина, по которой он старался не думать об этом, была проста: он знал, что недостоем её. Никто не был достоин. Если кто и был истинным Мессией — то она. Она была слишком хороша, слишком переполнена сердечностью и добротой, слишком чувствительна, чтобы быть обычным представителем рода человеческого. В ней не было той жестокости, которой живёт большинство из нас.

Он захромал обратно внутрь. Внутри всё переворачивалось. Будущего в армии у него больше не было. И не только потому, что он больше не годился для активной службы. У него просто не было больше к этому душевных сил.

Теории его деда оказались верны почти в каждом отношении. Десятитысячелетний смертоносный заговор с целью убить Бога действительно существовал — уходя корнями к самому Каину. Гностики, катары, рыцари-тамплиеры, алхимики, масоны и нацисты — все были причастны. Теперь этому пришёл конец — благодаря Люси. Ушла ли опасность навсегда? Это другой вопрос. Где-то в мире появятся новые гностики, и они могут заново открыть тайны своих предшественников. Может, однажды они снова попытаются — и на этот раз не найдётся Люси, чтобы их остановить.

Вернувшись в монастырь, он застал доктора Уэллса, доедающего рыбу с картошкой. Гэри Колдуэлл сидел сгорбившись перед компьютером, а Харрингтон

смотрел на солнечный свет, падавший сквозь небольшие витражные окна и рассыпавший разноцветные плитки по холодному каменному полу часовни.

— Какая сейчас стоит чудесная погода, — сказал Харрингтон.

Гресник снова сел. Он смотрел на фигуру Христа на золотом кресте алтаря. На мгновение ему привиделась Люси на том кресте. Медиа распяли её — совершенно ни за что.

— Что вы хотите делать теперь? — спросил Харрингтон.

Гресник склонил голову. Понятия не имел, что сулит будущее. Может, на какое-то время вернётся к родителям.

— Я бы не стал писать мемуары, — сказал Харрингтон. — Думаю, в управлении это не оценят. К тому же никто вам не поверит. Мы, во всяком случае, не станем подтверждать ваши слова. По нашей версии, мир пережил серию непредвиденных природных катастроф — и всё. Никаких сверхъестественных сил. Как мы и предполагали с самого начала, кражи религиозных артефактов не были связаны с катастрофами. Ничего необычного не происходило. Никакие боги и дьяволы на землю не приходили.

Он улыбнулся так, что Гресника чуть не стошнило.

— Если вы хотите иметь светлое будущее — или вообще какое-нибудь будущее, — полковник, настоятельно советую придерживаться этой версии.

Гресник повернулся и посмотрел командору в глаза. — Забудьте об официальной версии. Что вы хотите на самом деле?

Харрингтон чуть улыбнулся. — Честно говоря, не знаю. Если вы спрашиваете, была ли Люси неким Избранным, спасшим мир, — я бы категорически это отверг. Посмотрите на неё сейчас: она невменяема. Снова рисует безумные картины. Ещё более тревожные, чем прежде.

— Я был там, командор. Вас не было.

— Мы уже говорили об этом. Скорее всего, вы были без сознания. Может, ударились головой. Может, галлюцинировали. Что именно вы видели? Когда я впервые говорил с вами в больнице, вы бредили. В какой-то момент сказали, что Бог материализовался над Ковчегом Завета. Но как кто-то может принять это всерьёз?

— Я знаю, что произошло. Знаю. Люси спасла нас всех — и вот как мы ей платим: снова запираем в этом сумасшедшем доме. Должно быть что-то, что мы можем сделать. Ей нужна помощь от человека, который понимает, что она пережила.

— От вас? Вы ведь любите её, не так ли?

— Я... — Голос Гресника осёкся. Он отвернулся в смущении.

— Боюсь, мне нужно упомянуть о некоторых странных вещах, которые происходят с ней в последнее время, — сказал Харрингтон.

— Странных вещах?

— Она стала полноценным стигматиком: у неё проявились все пять ран Иисуса. Раны на лодыжках и запястьях соответствуют тем, где Христос был прибит к кресту; рана на боку — в точности там, где Копьё Судьбы пронзило Иисуса. Она плотно перебинтована, потому что кровь не сворачивается. Раны остаются свежими, но не инфицируются, а кровь, по всей видимости, непрерывно восполняется сама собой — так что переливание ей не требуется. Её кровь источает странный цветочный запах. Она постоянно испытывает сильнейшую боль.

— Господи, я не знал.

— Надо было вам приехать несколько дней назад. На её спине появились кровотокающие рубцы, как от бичевания, а на лбу — сотни кровавых отметин, словно с её головы сорвали терновый венец. К счастью, те следы исчезли в течение двадцати четырёх часов, остались только стигматы. Медиа заявили, что раны

самоинфицированы. Врачи говорят, что её расстроенный разум порождает эти странные явления.

— А монахини? Что говорят они?

— О, они убеждены, что всё это подлинное. Они считают Люси святой. Начали называть её Святой Люси и Блаженной Люси. Никогда не выбрасывают её старые бинты. Всё хранится. Думаю, они собираются построить в её честь алтарь.

— Боже, это какой-то кошмар.

— Ладно, нет смысла откладывать. Я отведу вас к ней.

Впоследствии Гресник не мог вспомнить ничего о коротком пути по узким коридорам от часовни до маленькой комнаты Люси. Чем ближе он был к ней, тем сильнее его мучили мысли. Он не мог вынести мысли о страданиях, которые она переносила.

— Вот комната Люси, — сказал Харрингтон, когда они остановились у её крошечной кельи. На маленькой белой доске у двери было написано её имя, а под ним висел серебряный крест. — Она ушла куда-то в себя, — заметил Харрингтон, — и, думаю, уже не вернётся.

— Дайте мне увидеть её.

Харрингтон постучал в дверь, и та чуть приоткрылась. Выглянула монахиня.

— К Люси пришёл полковник Гресник, — сказал Харрингтон, и монахиня кивнула. Комната за ней была тёмной, освещённой только свечами. Медленно монахиня открыла дверь пошире и поманила Гресника внутрь.

Переступив порог, Гресник почувствовал, как желудок сжался. Все волосы на теле встали дыбом. Люси стояла в углу в чёрной пижаме спиной к нему и что-то бормотала себе под нос.

— Люси, — тихо сказал он.

Она не пошевелилась, но перестала бормотать.

Монахиня подошла к ней и легонько положила руку ей на плечо.

— Люси, к тебе пришёл друг. Американский солдат. Ты рада видеть полковника Гресника, правда?

Сначала Люси не реагировала, а потом мучительно медленно начала поворачиваться. В тусклом свете свечей постепенно проявлялись черты её лица.

Когда она повернулась полностью, Гресник пожалел, что вообще пришёл. Она выглядела ужасно — почти сверхъестественно бледная, волосы страшно растрёпаны, руки и ноги туго забинтованы, сквозь повязки проступала кровь.

Её взгляд на мгновение сфокусировался на нём. Тут же она разразилась слезами, схватила подушку с кровати и уткнулась в неё лицом.

Гресник резко отвернулся — но не из-за реакции Люси. Он зажал рот рукой, борясь с тошнотой. — Мне никто не сказал, — закричал он, протолкнувшись мимо монахини, чтобы выйти из комнаты.

Харрингтон стоял снаружи, засунув руки в карманы. — Может, теперь вы понимаете, полковник. Вот почему всему этому нужно положить здесь конец.

Гресник схватил его за лацканы. — Подонок, надо было предупредить.

— Вам нужно было увидеть это самому.

Гресник отвернулся, сердце колотилось. Такого не может быть. Это не могло произойти именно так. — Боже мой, — произнёс он. — Что мы наделали?

Образ в его памяти уже не сотрётся никогда. Когда Люси потянулась к подушке, он в первый раз отвёл взгляд от неё и посмотрел на остальную комнату. Стены были покрыты множеством картин — каждая изображала одну-единственную фигуру на синем фоне, совсем как те, что были в её келье, когда всё это только начиналось. Но

теперь фигура изменилась. Под каждой из них было нацарапано послание — полные отчаяния слова Кафки: «Надежды бесконечно много — но только не для нас».

Гресник пошёл прочь, почти вбивая трость в кафельный пол, чтобы идти быстрее. Ему хотелось бежать, но ноги не слушались. Сквозь них пронизывали нестерпимые боли. Взглянув вниз, он пошатнулся: свежая кровь пропитывала брюки.

— Гресник? — крикнул Харрингтон ему вслед. — Куда вы?

Ноги у Гресника разрывались от боли, но она не шла ни в какое сравнение с болью в голове. Господи Боже. Фигура на картинах Люси была уже не женщиной с тёмными волосами и безликим лицом. Теперь это была мужская фигура — с лицом, узнаваемым так же, как любое другое, самое привычное лицо. У фигуры были и другие черты — такие, каких нет ни у кого из людей. Чешуйчатая кожа, хвост. И главное — два рога: знакомые по миллионам пугающих средневековых изображений. Теперь он знал наверняка, что Люси видела в Храме Соломона. Не оставалось никаких сомнений: именно эта фигура парила над Ковчегом Завета. До конца жизни ему не избавиться от неё. Она будет преследовать каждый его шаг, мучить с каждым вздохом.

Бог, которого увидела Люси, был тем, с кем ни один добрый человек никогда бы не захотел встретиться. Одно имя звенело в голове Гресника — неотвязное имя. Оно жгло его, словно Печать Каина. Оно означало крушение всех его надежд, конец каждой мечты.

— Я знаю, что она видела, — закричал он в коридор — себе, Харрингтону, всем, кто мог услышать. Он надеялся — молился, — что кто-нибудь даст ему отпущение. Но прощения здесь не было. Его слова эхом отдавались в коридоре, становясь всё громче, отражаясь от каждой поверхности — словно стремясь преследовать его, мучить, терзать до конца жизни и в вечности в аду, который его теперь наверняка ждёт.

— Не Бог, не Бог, — кричал он. — Сатана.

— Не пугайтесь, полковник. — Монахиня последовала за ним и теперь смотрела на него сверху. — Люси встретила Дьявола, победила его и спасла нас всех. Совершенно естественно, что она рисует эти картины.

Гресник лежал в оцепенении, пытаясь собраться с силами, убедить себя, что не сошёл с ума. — Она когда-нибудь говорит? — С трудом справляясь с дрожью в голосе, он задал вопрос. Боли в ногах стали невыносимее, чем когда-либо.

— Ни слова с тех пор, как вернулась в свою комнату. Теперь она — проводник Бога. Всё своё общение она приберегает только для него.

Гресник отчаянно искал хоть что-нибудь, за что можно ухватиться, — крупицу надежды, единственный лучик утешения, способный не дать ему погрузиться туда же, куда погрузилась Люси. Должен быть шанс на искупление. Это просто не может так кончаться. Хоть что-то доброе должно выжить.

— Полковник, ваши ноги... вам нужно в наш медицинский пункт.

— Нет, — резко сказал он. — Я в порядке. — Он посмотрел в сторону комнаты Люси. — Можно мне побыть с ней наедине? — Он прикрыл лицо рукой, скрывая навернувшиеся слёзы. Если ничего спасти нельзя — незачем продолжать.

Монахиня взглянула на Харрингтона, и тот кивнул. — Ну, несколько минут.

Гресник с усилием поднялся на ноги. Волоча себя обратно к келье Люси, он не обращал внимания на Харрингтона. Вошёл и закрыл за собой дверь. Осторожно вытащил подушку, которую Люси всё ещё прижимала к лицу. — Ещё не всё кончено, — тихо сказал он. — Мы можем бороться, Люси.

Никакого ответа. Ни звука. Глаза остекленели, отказывались фокусироваться.

— Я боялся вам сказать это, — прошептал он, убирая пряди волос, упавшие ей на глаза. — Я люблю вас.

Люси не шелохнулась. Мёртвые глаза — весь её дух, вся энергия ушли.

Сдерживая слёзы, Гресник повернулся к картинам. Он ненавидел их больше всего на свете. Они украли у него Люси. В исступлении он начал срывать их одну за другой, разрывая в клочья с такой силой, какая у него только была.

— Мне всё равно, что вы видели, Люси. Мне не важно ничего из этого. Я просто хочу, чтобы мы были вместе. Мы нужны друг другу, чтобы пережить это. Мы можем помочь друг другу. Я буду заботиться о вас, пока вам не станет лучше. Вы снова выздоровеете, обещаю.

Он обнял её, но тело её было безвольным. Никакой реакции. Её не было здесь — и она не вернётся. Он отвернулся, убитый, задыхаясь.

Когда он уже был у двери, он услышал звук. Замер. Голос Люси?

— Что? — Он резко обернулся. Она смотрела на него в упор; глаза полны слёз. В мгновение ока он преодолел разделявшее их расстояние, обхватил её руками и прижал к себе изо всех сил, почти раздавив о свою грудь. — Скажи ещё что-нибудь, Люси, прошу тебя.

И это произошло. Её голос не поднимался выше еле слышного шёпота, но он расслышал каждое слово с кристальной ясностью. Почувствовав, как её рука сжимает его руку, он начал смеяться и плакать одновременно.

— Вот именно, Люси, вот именно, — сказал он, захлёстнутый радостью. — Надежды бесконечно много — бесконечно много надежды, сколько угодно надежды в мире. Даже для нас.

CONSUMMATUM EST